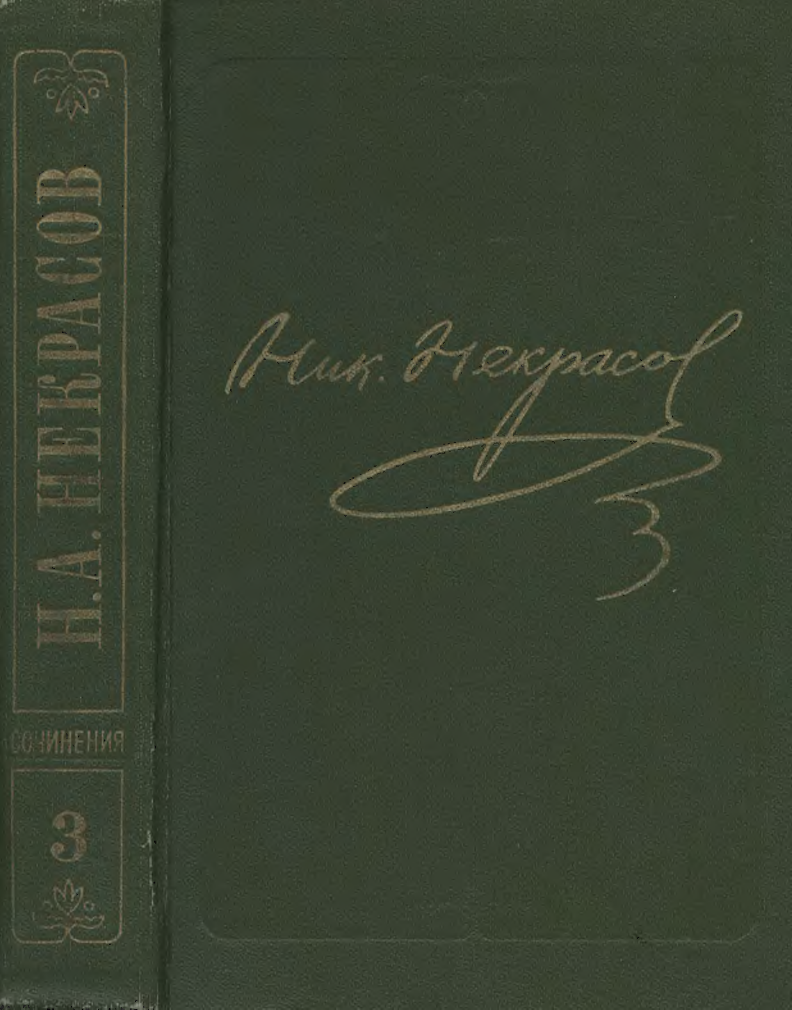
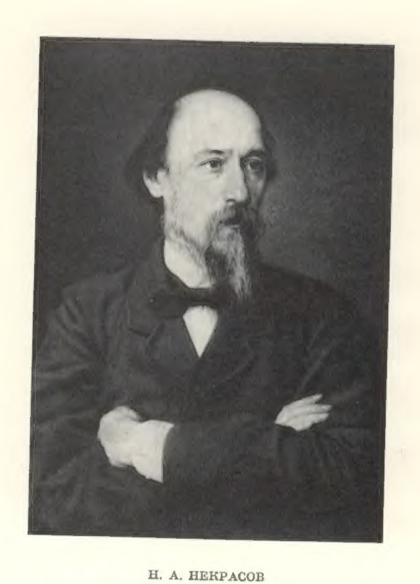

Н. А. НЕКРАСОВ
СОЧИНЕНИЯ
3
Ник. Некрасов



Н. А. НЕКРАСОВ

Копия М. Л. Щербатова с портрета И. Н. Крамского. 1877 г.

Государственный мемориальный музей Н. А. Некрасова (Ленинград)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМА 1—10

ЛЕНИНГРАД «НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1982

Н. А. НЕКРАСОВ

ТОМ ТРЕТИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
1866—1877 гг.

ЛЕНИНГРАД «НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1982

Н $\frac{4702010100-511}{042(02)-82}$ Подписное.

1866—1867

СЦЕНЫ ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ «МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена третья

Зимняя картина. Равнина, занесенная снегом, кое-где деревья, пни, кустарник; впереди сплошной лес. По направлению к лесу, без дороги, кто на лыжах, кто на четвереньках, кто барахтаясь по пояс в снегу, тянется вереница загонщиков, человек сто: мужики, отставные солдаты, бабы, девки, мальчики и девочки. Каждый и каждая с дубинкою; у некоторых мужиков ружья. За народом Савелий, окладчик, продавший медведя и распоряжающийся охотою. По дороге, протаптываемой народом, пробираются, часто спотыкаясь, господа охотники. Впереди князь Воехотский, старик лет 65-ти, сановник; за ним барон фон дер Гребен, нечто вроде посланника, важная, надменная фигура, лет 50. Он изредка переговаривается с Воехотским, но оба они более заняты трудным процессом ходьбы. За ними Миша, плотный, полнолицый господин, лет 45, действительный статский советник, служит; здоров до избытка, шутник и хохотун; рядом с ним Пальцов, господин лет 50-ти, не служил и не служит. Они горячо разговаривают.

Миша и Пальцов продолжают прежде начатый разговор.

Пальцов

...Что ты ни говори, претит душе моей
Тот круг, где мы с тобою бродим:
Двух-трех порядочных людей
На сотню франтов в нем находим.

А что такое русский франт?
Всё совершенствуется в свете,
А у него единственный талант,
Единственный прогресс — в жилете.
Вино, рысак, лоретка — тут он весь,

И с внутренним и с внешним миром.
Его тщеславие вращается доднесь
Между конюшней и трактиром.
Программа жалкая его —
Не делать ровно ничего,
Считая глупостью и ложью
Всё, кроме светской суеты;
Гнушаться чернью, быть на «ты»
Со всею именитой молодежью;
За недостатком гордости в душе,
Являть ее в своей осанке;
Дрожать для дела на гроше
И тысячи бросать какой-нибудь цыганке;
Знать наизусть Елен и Клеопатр,
Наехавших из Франции в Россию,
Ходить в Михайловский театр
И презирать — *Александрию*.
Французским jeunes premiers* в манерах подражать,
Искусно на коньках кататься,
На скачках призы получать
И каждый вечер напиваться
В трактирах и в других домах,
С отличной стороны известных,
Или в Милютиных рядах,
За лавками, в конурах тесных,
Где царствует обычай вековой
Не мыть полов, салфеток, стклянок,
Куда влекут они с собой
И чопорных, брезгливых парижанок,
Чтобы в разгаре кутежа,
В угоду пристающим спьяна,
Есть устрицы с железного ножа
И пить вино из грязного стакана!

В одном прогресс являет он —
Наш милый франт — что всё мельчает,
Лет в двадцать волосы теряет,
Тщедушен, ростом умален
И слабосилием наказан.

* Актерам, исполняющим роли первых любовников *(франц.)*.

Стаканом можно каждого споить
И каждого нетрудно удавить
На узкой ленточке, которой он повязан!

Миша

Ты метко франтов очертил.

Пальцов

Одно я только позабыл,
Коснувшись этой тли снаружи,
Что эти полумертвецы,
Развратом юности ослабленные души,
Невежды, если не глупцы,—
Со временем родному краю
Готовятся...

Миша

Я понимаю.
Но не одних же пустомель
Встречаем мы и в светском мире:
Есть люди — их понятья шире,
Доступна им живая цель.
Сбери-ка эти единицы,
Таланты, знания, умы,
С великорусской Костромы
До полурусской Ниццы,
Соедини-ка их в одно
Разумным, общерусским делом...

Пальцов

Соединить их — мудрено!
Занесся ты, в порыве смелом,
Бог весть куда, любезный друг!
Вернись-ка к фактам!

Миша

Факты трудны!
Не говорю, чтоб были скудны,
Но не припомнишь вдруг!

Я сам не слишком обольщаюсь,
Не ждал я и не жду чудес,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что с мели сдвинул нас прогресс.
Вот например: давно не очень
Жизнь на Руси груба была
И, как под музыку, текла
Под град ругательств и пощечин:
Тот звук, как древней драме хор,
Необходим был жизни нашей.
Ну, а теперь — гуманный спор,
Игривый спич за полной чашей!

Пальцов

Вот чудо!

Миша

Чуда, друг мой, нет,
Но всё же выигрыш в итоге.
Засевши на большой дороге
С дворовой челядью, мой дед
Был, говорят, грозою краю,
А я — его любезный внук —
Я друг народа, друг наук,
Я в комитетах заседаю!

Пальцов

Ты шутишь?

Миша

Нет, я не шучу!
Я этой резкостью сравненья
Одно сказать тебе хочу:
Держись на русской точке зренья —
И ты утешишься, друг мой!
Не слишком длинное пространство
Нас разделяет с стариной,
Но уж теперь не то дворянство,
В литературе дух иной,
Администраторы иные...

Пальцов

Да! люди тонко развитые!
О них судить не нашему уму,
Довольно с нас благоговеть, гордиться.
Ты эпитафию читал ли одному?
По-моему, десяткам пригодится!
«Систему полумер приняв за идеал,
Ни прогрессист, ни консерватор,
Добро ты портил, зла не улучшал,
Но честный был администратор...»
В администрацию попасть большая честь;
Но будь талант — пути открыты,
И надобно признаться, всё в ней есть,
Есть даже, кажется, спириты!

Миша

Давно ли чуждо было нам
Всё, кроме личного расчета?
Теперь к общественным делам
Явилась рьяная забота!

Пальцов

(смеется)

С тех пор, как родину прогресс
Поставил в новые условья,
О Русь! вселился новый бес
Почти во все твои сословья.
То бес «общественных забот».
Кто им не одержим? Но — чудо! —
Немного выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных!

Миша

Ну! зол ты стал, как погляжу!
Прослыть стараясь Вельзевулом,

Ты и себя ругнул огулом.
А я опять-таки скажу:
Часть общества по мере сил развита;
Не сплошь мы пошлости рабы:
Есть признаки осмысленного быта,
Есть элементы для борьбы.
У нас есть крепостник-плантатор,
Но есть и честный либерал;
Есть заскорузлый консерватор,
А рядом — сам ты замечал —
Великосветский радикал!

Пальцов

Двух слов без горечи не бросит,
Без грусти ни на чем не остановит глаз,
Он не идет, а, так сказать, проносит
Себя, как контрабанду, среди нас.
Шалит землевладелец крупный,
Морочит модной маской свет,
Иль точно тайной недоступной
Он полон — не велик секрет!

Миша

И то уж хорошо, что времена пришли
Брать эти — не другие роли...
Давно ли мы безгласно шли,
Куда погонят нас, давно ли?..
Теперь, куда ни посмотри,
Зачатки критики, стремленье...

Пальцов

(с гневом)

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мненье!
Его нельзя не презирать
Сильней невежества, распутства, тунеядства;
На нем предательства печать
И непонятного злорадства!
У русского особый взгляд,

Преданьям рабства страшно верен:
Всегда побитый виноват,
А битым — счет потерян!
Как будто с умыслом силки
Мы расставляем мысли смелой:
Сперва — сторонников полки,
Восторг почти России целой,
Потом — усталость; наконец,
Все настороже, все в тревоге,
И покидается боец
Почти один на полдороге...
Победа! мимо всех преград
Прошла и принялась идея:
«Ура!» — кричим мы не робея,
И тот, кто рад, и кто не рад...
Зато с каким зловещим тактом
Мы неудачу сторожим!
Заметив облачко над фактом,
Как стушеваться мы спешим!
Как мы вертим хвостом лукаво,
Как мы уходим величаво
В скорлупку пошлости своей!
Как негодуем, как клевещем,
Как ретроградам рукоплещем,
Как выдаем своих друзей!
Какие слышатся аккорды
В постыдной оргии тогда!
Какие выдвинутся морды
На первый план! Гроза, беда!
Облава — в полном смысле слова!..
Свалились в кучу — и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, блеянье
И жеребячье гоготанье —
Ату его! ату его!..

Не так ли множество идей
Погибло несомненно важных,
Помяв порядочных людей
И выдвинув вперед продажных?
Нам всё равно! Не дорожим
Мы шагом к прочному успеху.
Прогресс?.. его мы не хотим —

Нам дай новинку, дай потеху!
И вот новинке всякий рад
День, два; все полны грез и веры.
А завтра с радостью глядят,
Как «рановременные» меры
Теряют должные размеры
И с треском пятятся назад!..

Народ впереди остановился. Остановились и охотники. Савелий, объяснив что-то князю Воехотскому, причем таинственно указывал по направлению к лесу, подходит к Пальцову и Мише.

Савелий

На нумера извольте становиться.
Теперь нельзя курить
И громко говорить здесь не годится.

Миша

Что ж можно? Можно водку пить!

Хохочет и, наливая из фляжки, потчует Пальцова и пьет сам. Савелий, расставив охотников по цепи, в расстоянии шагов пятидесяти друг от друга, разделяет народ на две половины; одна молча и с предосторожностями отправляется по линии круга направо, другая налево.

Сцена четвертая

Барон фон дер Гребен и князь Воехотский

На № 5-м. Барон сидит на складном стуле; снег около него утоптан, под ногами ковер. Близ него прислонены к дереву три штуцера со взведенными курками. В нескольких шагах от него, сзади, мужик-охотник с рогатиной.

Кн. Воехотский

(подходя к барону с своего, соседнего нумера)

Теперь, барон, вы видели природу,
Вы видели народ наш?

Барон

И не мог
Не заключить, что этому народу
Пути к развитью заградил сам бог.

Кн. Воехотский

Да! да! непобедимые условья!
Но, к счастию, народ не выше их:
Невежество, бесчувственность воловья
Полезны при условиях таких.

Барон

Когда природа отвечать не может
Потребностям, которые родит
Развитие,— оно беды умножит
И только даром страсти распалит.

Кн. Воехотский

Вы угадали мысль мою: нелепо
В таких условьях просвещать народ.
На почве, где с трудом родится репа,
С развитием банан не расцветет.
Нам не указ Европа: там избыток
Во всех дарах, по милости судеб;
А здесь один суровый черный хлеб
Да из него же гибельный напиток!
И средства нет прибавить что-нибудь.
Болото, мох, песок — куда ни взглянешь!
Не проведешь сюда железный путь,
К путям железным весь народ не стянешь!
А здесь — вот, например, зимой —
Какие тут возможны улучшенья?..
Хоть лошадям убавьте-ка мученья,
Устройте экипаж другой!
Здесь мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба:
За крошку хлеба капля пота —
Вот в двух словах его судьба!

Его сама природа осудила
На грубый труд, неблагодарный бой
И от отчаянья разумно оградила
Невежества спасительной броней.
Его удел — безграмотство, беспутство,
Убожество и чувством, и умом,
Его узда — налоги, труд, рекрутство,
Его утеха — водка с дурманом!

Барон

So, so... *

Сцена пятая

Пальцов и Миша

На № 1-м. К Пальцову подходит с своего нумера Миша.

Миша

Еще не скоро выйдет зверь...
Покамест приведем-ка в ясность
То время, как слова «свобода», «гласность»,
Которыми набили мы теперь
Оскому, как незрелыми плодами,
Не слышались и в шутку между нами.
Когда считался зверем либерал,
Когда слова «общественное благо»
И произнесть нужна была отвага,
Которою никто не обладал!
Когда одни житейские условья
Сближали нас, а попросту расчет,
И лишь в одном сливались все сословья,
Что дружно налегали на народ...

Пальцов

Великий век, когда блистал
Среди безгласных поколений

* Так, так... *(нем)*.

Администратор-генерал
И откупщик — кабачный гений!

Миша

Ты, думаю, охоту на двуногих
Застал еще в ребячестве своем.
Слыхал ты вопли стариков убогих
И женщин, засекаемых кнутом?
Я думаю, ты был не полугода
И не забыл порядки тех времен,
Когда, в ответ стенаниям народа,
Мысль русская стонала в полутон?

Пальцов

Великий век — великих мер!
«Не рассуждать,— повиноваться!» —
Девиз был общий; сам Гомер
Не смел Омиром называться.

Миша

Припомни, как в то время золотое
Учили нас? Раздолье-то какое!
Сын барина, чиновника, князька
Настолько норовил образоваться,
Чтоб на чужие плечи забираться
Уметь,— а там дорога широка!
Три фазиса дворянское развитье
Прекрасные являло нам тогда:
В дни юности — кутеж и стеклобитье,
Наука жизни — в зрелые года
(Которую не в школах европейских —
Мы черпали в гостиных и лакейских),
И, наконец, заветная мечта —
Почетные, доходные места...

Припомнил ты то время золотое,
Которого исчадье мы прямое,
Припомнил? — Ну, так полюбуйся им!

Как яблоню качает проходящий,
Весь занятый минутой настоящей,
Желанием одним руководим —
Набрать плодов и дале в путь пуститься,
Не думая, что много их свалится,
Которых он не сможет захватить,
Которые напрасно будут гнить,—
Так русское общественное древо,
Кто только мог, направо и налево
Раскачивал, спеша набить карман,
Не думая о том, что будет дале...
Мы все тогда жирели, наживали,
Все, кроме, разумеется, крестьян...
Да в стороне стоял один, печален,
Тогдашний чистоплотный либерал;
Он рук в грязи житейской не марал,
Он для того был слишком идеален,
Но он зато не делал ничего...

П а л ь ц о в

О ком ты говоришь?

М и ш а

В литературе
Описан он достаточно: его
Прозвали «лишним». Честный по натуре,
Он был аристократ, гуляка и лентяй;
Избыточно снабженный всем житейским,
Следил он за движеньем европейским...

П а л ь ц о в

Да это — я!

М и ш а

Как хочешь понимай!
Тип был один, оттенков было много.
Судили их тогда довольно строго,

Но я недавно начал понимать,
Что мы добром должны их поминать...

Диалектик обаятельный,
Честен мыслью, сердцем чист!
Помню я твой взор мечтательный,
Либерал-идеалист!
Созерцающий, читающий,
С неотступною хандрой
По Европе разъезжающий,
Здесь и там — всему чужой,
Для действительности скованный,
Верхоглядом жил ты, зря,
Ты бродил разочарованный,
Красоту боготворя;
Всё с погибшими созданьями
Да с брошюрами возясь,
Наполняя ум свой знаньями,
Обходил ты жизни грязь;
Грозный деятель в теории,
Беспощадный радикал,
Ты па улице истории
С полицейским избегал;
Злых, надменных, угнетающих
Лишь презреньем ты карал,
Не спасал ты утопающих,
Но и в воду не толкал...
Ты, в котором чуть не гения
Долго видели друзья,
Рыцарь доброго стремления
И беспутного житья!
Хоть реального усилия
Ты не сделал никогда,
Чувству горького бессилия
Подчинившись навсегда,—
Всё же чту тебя и ныне я,
Я люблю припоминать
На челе твоем уныния
Беспредельного печать:
Ты стоял перед отчизною,
Честен мыслью, сердцем чист,
Воплощенной укоризною,
Либерал-идеалист!

Пальцов

Куда ж девались люди эти?

Миша

Бог весть! Я не встречаю их.
Их песня спета — что нам в них?
Герои слова, а на деле — дети!
Да! одного я встретил: глуп, речист
И стар, как возвращенный декабрист.
В них вообще теперь не много толку.
Мудрейшие достали втихомолку
Такого рода прочные места,
Где служба по возможности чиста,
И, средние оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живут себе под старость припевая;
За то теперь клеймит их иногда
Предателями племя молодое;
Но я ему сказал бы: не забудь,
Кто выдержал то время роковое,
Есть от чего тому и отдохнуть.
Бог на помочь! бросайся прямо в пламя
И погибай...
Но, кто твое держал когда-то знамя,
Тех не пятнай!
Не предали они — они устали
Свой крест нести,
Покинул их дух Гнева и Печали
На полпути...

Еще добром должны мы помянуть
Тогдашнюю литературу,
У ней была задача: как-нибудь
Намеком натолкнуть на честный путь
К развитию способную натуру...
Хорошая задача! Не забыл,
Я думаю, ты истинных светил,
Отметивших то время роковое:
Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь жил,

Еще найдется славных двое, трое —
У них тогда училось всё живое...

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как всё коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка!» —
Говаривал ты нам — и напролом
Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил об народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Недаром ты, мужая по часам,
На взгляд глупцов казался переменчив,
Но, пред врагом заносчив и упрям,
С друзьями был ты кроток и застенчив.

Не думал ты, что стоишь ты венца,
И разум твой горел не угасая,
Самим собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя,—

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя,—

То недовольство, что душе живой
Не даст восстать противу новой силы
За то, что заслоняет нас собой
И старцам говорит: «Пора в могилы!»

———

Грановского я тоже близко знал —
Я слушал лекции его три года.
Великий ум! счастливая природа!
Но говорил он лучше, чем писал.
Оно и хорошо — писать не время было:
Почти что ничего тогда не проходило!
Бывали случаи: весь век
Считался умным человек,
А в книге глупым очутился:
Пропал и ум, и слог, и жар,
Как будто с бедным приключился
Апоплексический удар!

Когда же в книгах будем мы блистать
Всей русской мыслью, речью, даром,
А не заиками хромыми выступать
С апоплексическим ударом?..

Перед рядами многих поколений
Прошел твой светлый образ; чистых впечатлений
И добрых знаний много сеял ты,
Друг Истины, Добра и Красоты!
Пытлив ты был: искусство и природа,
Наука, жизнь — ты всё познать желал,
И в новом творчестве ты силы почерпал,
И в гении угасшего народа...
И всем делиться с нами ты хотел!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умел
И брата узнавал в рабе иноплеменном,
От нас веками отдаленном!
Готовил родине ты честных сыновей,
Провидя луч зари за непроглядной далью.
Как ты любил ее! Как ты скорбел о ней!
Как рано умер ты, терзаемый печалью!
Когда над бедной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрел недуг, посеянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...

Да! славной смертью, смертью роковой
Грановский умер... кто не издевался
Над «беспредметною» тоской?
Но глупый смех к чему ни придирался!
«Гражданской скорбью» наши мудрецы
Прозвали настроение такое...
Над чем смеяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство силятся какое!
Поверхностной иронии печать
Мы очень часто налагаем
На то, что должно уважать,
Зато — достойное презренья уважаем!
Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон восторженностью странной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон тоскою постоянной;
Не понимаем мы глубоких мук,
Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно ложный звук
И в праздности невольной изнывая;
Не понимаем мы — и где же нам понять? —
Что белый свет кончается не нами,
Что можно личным горем не страдать
И плакать честными слезами.
Что туча каждая, грозящая бедой,
Нависшая над жизнию народной,
След оставляет роковой
В душе живой и благородной!

Да! были личности!.. Не пропадет народ,
Обретший их во времена крутые!
Мудреными путями бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!
Попробуй, усомнись в твоих богатырях
Доисторического века,
Когда и в наши дни выносят на плечах
Всё поколенье два-три человека!

Как ты меня, однако ж, взволновал!
Не шуточное вышло излиянье,
Я лучший перл со дна души достал,
Чистейшее мое воспоминанье!
Мне стало грустно... Надо попадать,
По мере сил, опять на тон шутливый...

. . . .

В лесу раздается сигнальный выстрел и вслед за тем крики, трещотки, хлопушки. Охотники поспешно расходятся на свои нумера и становятся настороже, со взведенными штуцерами...

ПЕСНЯ О ТРУДЕ

(Из «Медвежьей охоты»)

Кто хочет сделаться глупцом,
Тому мы предлагаем:
Пускай пренебрежет трудом
И жить начнет лентяем.

Хоть Геркулесом будь рожден
И умственным атлетом,
Всё ж будет слаб, как тряпка, он
И жалкий трус при этом.

Нет в жизни праздника тому,
Кто не трудится в будень.
Пока есть лишний мед в дому,
Терпим пчелами трутень;

Когда ж общественной нужды
Придет крутое время,
Лентяй, не годный никуды!
Ты всем двойное бремя.

Когда придут зараза, мор,
Ты первый кайся богу,—
Запрешь ворота на запор,
Но смерть найдет дорогу!..

Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздность боле.

Когда придет упадок сил,
Хандра подступит злая —
Верь, ни единый пес не выл
Тоскливее лентяя!

Итак — о славе не мечтай.
Не будь на деньги падок,
Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок.

Чтоб испустить последний вздох
Не в праздности — в работе,
Как старый пес мой, что издох
Над гаршнепом в болоте!..

ПЕСНЯ

(Из «Медвежьей охоты»)

Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!
Я не травка полевая,
Я взросла у моря.

Не рыбацкий парус малый,
Корабли мне снятся,
Скучно! в этой жизни вялой
Дни так долго длятся.

Здесь, как в клетке, заперта я,
Сон кругом глубокий,
Отпусти меня, родная,
На простор широкий,

Где сама ты грудью белой
Волны рассекала,
Где тебя я гордой, смелой,
Счастливой видала.

Ты не с песнею победной
К берегу пристала,
Но хоть час из жизни бедной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь от горя,
Не жалей ты дочку!
Коли вырастет у моря —
Не спастись цветочку,

Всё равно! сегодня счастье,
Завтра буря грянет,
Разыграется ненастье,
Ветер с моря встанет,

В день один песку нагонит
На прибрежный цветик
И навеки похоронит!..
Отпусти, мой светик!..

ЧЕЛОВЕК СОРОКОВЫХ ГОДОВ

...Пришел я к крайнему пределу...
Я добр, я честен; я служить
Не соглашусь дурному делу,
За добрым рад не есть, не пить,
Но иногда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкий
Перед влиятельным лицом —
Увы! вошло в мою натуру!..
Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов.
На всех, рожденных в двадцать пятом
Году, и около того,
Отяготел жестокий фатум:
Не выйти нам из-под него.
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убежденья
Я не могу... я не могу...

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Шляпа, перчатки, портфейль,
Форменный фрак со звездою,
Несколько впалая грудь,
Правый висок с сединою.

Не до одышки я толст,
Не до мизерности тонок,
Слог у меня деловой,
Голос приятен и звонок...

Только прибавить бы лба,
Но — никакими судьбами!
Волосы глупо торчат
Тотчас почти над бровями.

При несомненном уме,
Соображении быстром,
Мне далеко не пойти —
Быть не могу я министром.

Да, представительный лоб
Необходим в этом сане,
Вот Дикобразов Прокоп...
Счастье, подумаешь, дряни!

Случай вывозит слепой
Эту фигуру медвежью:
Лоб у него небольшой,
Но дополняется плешью...

. . . .

1867

СУД

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ

I

«Однажды зимним вечерком»
Я перепуган был звонком,
Внезапным, властным... Вот опять!
Зачем и кто — как угадать?
Как сладить с бедной головой,
Когда врывается толпой
В нее тревожных мыслей рой?

Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он! [1]

За много лет всю жизнь мою
Припомнил я в единый миг,
Припомнил каждую статью
И содержанье двух-трех книг,
Мной сочиненных. Вспоминал
Я также то, где я бывал,
О чем и с кем вступал я в спор;
А звон, неумолим и скор,
Меж тем на миг не умолкал,
Пока я брюки надевал...

О невидимая рука!
Не обрывай же мне звонка!
Тотчас я силы соберу,
Зажгу свечу — и отопру.

---

[1] Козлов.

Гляжу — чуть теплится камин.
Невинный «Модный магазин»
(Издательницы Софьи Мей),
И письма — память лучших дней —
Жены теперешней моей,
Когда, наивна и мила,
Она невестою была,
И начатой недавно труд,
И мемуары — весом с пуд,
И приглашенья двух вельмож,
В дома которых был я вхож,
До прейскуранта крымских вин —
Всё быстро бросил я в камин!
И если б истребленья дух
Насытить время я имел,
Камин бы долго не потух.
Но колокольчик мой звенел
Что миг — настойчивей и злей.
Пылай, камин! Гори скорей,
Записок толстая тетрадь!
Пора мне гостя принимать...

Ну, догорела! Выхожу
В гостиную — и нахожу
Жену... О, верная жена!
Ни слез, ни жалоб, лишь бледна.
Блажен, кому дана судьбой
Жена с геройскою душой,
Но тот блаженней, у кого
Нет близких ровно никого...
«Не бойся ничего! поверь,
Всё пустяки!» — шепчу жене,
Но голос изменяет мне.
Иду — и отворяю дверь...
Одно из славных русских лиц [1]
Со взором кротким без границ,
Полуопущенным к земле,
С печатью тайны на челе, [2]
Тогда предстал передо мной
Администратор молодой.

---

[1] Лермонтов.
[2] Веневитинов.

Не только этот грустный взор,
Формально всё — до звука шпор
Так деликатно было в нем,
Что с этим тактом и умом
Он даже больше был бы мил,
Когда бы меньше был уныл.
Кивнув угрюмо головой,
Я указал ему на стул,
Не сел он; стоя предо мной,
Он лист бумаги развернул
И подал мне. Я прочитал
И ожил — духом просиял!

Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!
Порой таких ужасных дум,
Что и действительность сама
Не помрачает так ума,
Напротив, возвращает ум!

«Судить назначено меня
При публике, при свете дня! —
Я крикнул весело жене.—
Прочти, мой друг! Поди ко мне!»
Жена поспешно подошла
И извещение прочла:
«Понеже в вашей книге есть
Такие дерзкие места,
Что оскорбилась чья-то честь
И помрачилась красота,
То вас за дерзость этих мест
Начальство отдало под суд,
А книгу взяло под арест».
И дальше чин и подпись тут.
Я сущность передал — но слог...
Я слога передать не мог!
Когда б я слог такой имел,
Когда б владел таким пером,
Я не дрожал бы, не бледнел
Перед нечаянным звонком...

Заметив радость, а не злость
В лице моем, почтенный гость

Любезно на меня взглянут.
Вновь указав ему на стул,
Я папиросу предложил,
Он сел и скромно закурил.
Тогда беседа началась
О том, как многое у нас
Несовершенно; как далек
Тот вожделенный идеал,
Какого всякий бы желал
Родному краю: нет дорог,
В торговле плутни и застой,
С финансами хоть волком вой,
Мужик не чувствует добра,
Et caetera, et caetera...*
Уж час в беседе пролетел,
А не коснулись между тем
Мы очень многих важных тем,
Но тут огарок догорел,
Дымясь,— и вдруг расстались мы
Среди зловония и тьмы.

II

Ну, суд так суд! В судебный зал
Сберется грозный трибунал,
Придут враги, придут друзья,
Предстану — обвиненный — я,
И этот труд, горячий труд
Анатомировать начнут!

Когда я отроком блуждал
По тихим волжским берегам,
«Суд в подземелье» я читал,
Жуковского поэму,— там,
Что стих, то ужас: темный свод,
Грозя обрушиться, гнетет;
Визжа, заржавленная дверь
Поет: «Не вырвешься теперь!» —
И ряд угрюмых клобуков
При бледном свете ночников,
Кивая, вторит ей в ответ:
«Преступнику спасенья нет!»

* И так далее, и так далее *(лат.)*.

Потом, я помню, целый год
Во сне я видел этот свод,
Монахов, стражей, палачей;
И живо так в душе моей
То впечатленье детских дней,
Что я и в зрелые года
Боюсь подземного суда.
Вот почему я ликовал,
Когда известье прочитал,
Что гласно буду я судим,
Хоть утверждают: гласность — дым.
Оно, конечно: гласный суд —
Всё ж суд. Притом же, говорят,
Там тоже спуску не дают:
Посмотрим, в чем я виноват.
(Сажусь читать, надев халат.)

Каких задач, каких трудов
Для человеческих голов
Враждебный рок не задавал?
Но, литератор прежних дней!
Ты никогда своих статей
С подобным чувством не читал,
Как я в ту роковую ночь.
Скажу вам прямо — скрытность прочь,—
Я с точки зрения судьи
Всю ночь читал мои статьи.
И нечто странное со мной
Происходило... Боже мой!
То, оправданья подобрав,
Я говорил себе: я прав!
То сам себя воображал
Таким злодеем, что дрожал
И в зеркало гляделся я...
Занятье скверное, друзья!

Примите добрый мой совет,
Писатели грядущих лет!
Когда постигнет вас беда,
Да будет чужд ваш бедный ум
Судебно-полицейских дум —
Оставьте дело до суда!

Нет пользы голову трудить
Над тем, что будут говорить
Те, коих дело обвинять,
Как наше — книги сочинять.
А если нервы не уснут
На милом слове «гласный суд»,
Подлей побольше рому в чай
И безмятежно засыпай!..

III

Заснул и я, но тяжек сон
Того, кто горем удручен.
Во сне я видел, что герой
Моей поэмы роковой
С полуобритой головой,
В одежде арестантских рот
Вдоль по Владимирке идет.
А дева, далеко отстав,
По плечам кудри разметав,
Бежит за милым, на бегу
Ныряя по груди в снегу,
Бежит, и плачет, и поет...

Дитя фантазии моей,
Не плачь! До снеговых степей,
Я знаю, дело не дойдет.
В твоей судьбе средины нет:
Или увидишь божий свет,
Или — преступной признана —
С позором будешь сожжена!
Итак, молись, моя краса,
Чтобы по милости твоей
Не стали наши небеса
Еще туманней и темней!

Потом другой я видел сон,
И был безмерно горек он:
Вхожу я в суд — и на скамьях
Друзей, родных встречает взор,
Но не участье в их чертах —
Негодованье и укор!

Они мне взглядом говорят:
«С тобой мы незнакомы, брат!»
— Что с вами, милые мои? —
Тогда невольно я спросил;
Но только я заговорил,
Толпа покинула скамьи,
И вдруг остался я один,
Как голый пень среди долин.[1]
Тогда, отчаяньем объят,
Я разревелся пред судом
И повинился даже в том,
В чем вовсе не был виноват!..

Проснувшись, долго помышлял
Я о моем жестоком сне,
Мужаться слово я давал,
Но страшно становилось мне:
Ну, как и точно разревусь,
От убеждений отрекусь?
Почем я знаю: хватит сил
Или не хватит — устоять?..
И начал я припоминать,
Как развивался я, как жил:
Родился я в большом дому,
Напоминающем тюрьму,
В котором грозный властелин
Свободно действовал один,
Держа под страхом всю семью
И челядь жалкую свою;
Рассказы няни о чертях
Вносили в душу тот же страх;
Потом я в корпус поступил
И там под тем же страхом жил.
Случайно начал я писать,
Тут некий образ посещать
Меня в часы работы стал:
С пером, со стклянкою чернил
Он над душой моей стоял,
Воображенье леденил,
У мысли крылья обрывал.
Но не довольно был он строг,

[1] Лермонтов.

2*

И я терпел еще за то,
Что он подчас мой труд берег
Или вычеркивал не то.
И так писал я двадцать лет,
И вышел я — такой поэт,
Каким я выйти мог... Да, да!
Грозит последняя беда...
Пошли вам бог побольше сил!
Меня же так он сотворил,
Что мимо будки городской
Иду с стесненною душой,
И, право, я не поручусь,
Что пред судом не разревусь...

IV

Не так счастливец молодой
Идет в таинственный покой,
Где, нетерпения полна,
Младая ждет его жена,
С каким я трепетом вступал
В тот роковой, священный зал,
Где жизнь и смерть и честь людей
В распоряжении судей.
Герой — а я теперь герой —
Быть должен весь перед тобой,
О публика! во всей красе...
Итак, любуйся: я плешив,
Я бледен, нервен, я чуть жив,
И таковы почти мы все.
Но ты не думай, что тебя
Хочу разжалобить: любя
Свой труд, я вовсе не ропщу,
Я сожалений не ищу;
«Коварный рок», «жестокий рок»
Не больше был ко мне жесток,
Как и к любому бедняку.
То правда: рос я не в шелку,
Под бурей долго я стоял,
Меня тиранила нужда,
Гнела любовь, гнела вражда;
Мне граф Орлов мораль читал,
И цензор слог мой исправлял,

Но не от этих общих бед
Я слаб и хрупок как скелет.
Ты знаешь, я — «любимец муз»,
А невозможно рассказать,
Во что обходится союз
С иною музой; благодать
Тому, чья муза не бойка:
Горит он редко и слегка.
Но горе, ежели она
Славолюбива и страстна.
С железной грудью надо быть,
Чтоб этим ласкам отвечать,
Объятья эти выносить,
Кипеть, гореть — и погасать,
И вновь гореть — и снова стыть.
Довольно! Разве досказать,
Удобный случай благо есть,
Что я, когда начну писать,
Перестаю и спать, и есть...

Не то чтоб ощутил я страх,
Когда уселись на местах
И судьи и народ честной,
Интересующийся мной,
И приготовился читать
Тот, чье призванье — обвинять;
Но живо вспомнил я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас!

Толпа затихла, начался
Доклад — и длился два часа...

Я в деле собственном моем,
Конечно, не судья; но в том,
Что обвинитель мой читал,
Своей статьи я не узнал.
Так пахарь был бы удивлен,
Когда бы рожь посеял он,
А уродилось бы зерно —
Ни рожь, ни греча, ни пшено,—

Ячмень колючий — и притом
Наполовину с дурманом!
О прокурор! ты не статью,
Ты душу вывернул мою!
Слагая образы мои,
Я только голосу любви
И строгой истины внимал,
А ты так ясно доказал,
Что я законы нарушал!

Но где ж не грозен прокурор?..
Смягченный властию судей,
Не так был грозен приговор:
Без поэтических затей,
Не на утесе вековом,
Где море пенится кругом
И бьется жадною волной
О стены башни крепостной,—
На гауптвахте городской,
Под вечным смрадом тютюна,
Я месяц высидел сполна...
Там было сыро; по углам
Белела плесень; по стенам
Клопы гуляли; в щели рам
Дул ветер, порошил снежок.
Сиди-посиживай, дружок!
Я спать здоров, но сон был плох
По милости проклятых блох.
Другая, горшая беда:
В мой скромный угол иногда
Являлся гость: дебош ночной
Свершив, гвардейский офицер,
Любезный, статный, молодой
И либеральный выше мер,
День-два беседовал со мной.
Уйдет один, другой придет
И те же басенки плетет...

Блоха — бессонница — тютюн —
Усатый офицер-болтун —
Тютюн — бессонница — блоха —
Всё это мелочь, чепуха!

Но веришь ли, читатель мой!
Так иногда с блохами бой
Был тошен; смрадом тютюна
Так жизнь была отравлена,
Так больно клоп меня кусал
И так жестоко донимал
Что день, то новый либерал,
Что я закаялся писать...
Бог весть, увидимся ль опять!..

ЭПИЛОГ

Зимой поэт молчал упорно,
Зимой писать охоты нет,
Но вот дохнула благотворно
Весна — не выдержал поэт!
Вновь пишет он, призванью верен.
Пиши, но будь благонамерен!
И не рискуй опять попасть
На гауптвахту или в часть!

*
*   *

(Посвящается неизвестному другу, присылавшему мне стихотворение «Не может быть»)

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О родина! оставлю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость — в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой Музой на пути?..
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;

Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов всё больше на пути —
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!..

Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет,
Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела,
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствея с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости!..

ЕЩЕ ТРОЙКА

1

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.
Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Всё лес кругом, угрюмый лес...
Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет.

2

Какое ты свершил деянье,
Кто ты, преступник молодой?
Быть может, ты имел свиданье
В глухую ночь с чужой женой?
Но подстерег супруг ревнивый
И длань занес — и оскорбил,
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?
Ответа нет. Бушует вьюга,
Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: «Стоять!»
Девятый шкалик выпивает...

Чу! тройка тронулась опять!
Гремит, звенит — и улетает
Куда Макар телят гоняет.

3

Иль погубил тебя презренный,
Но соблазнительный металл?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкал,
И в доме издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
И пойман был и уличен?
Ответа нет. Бушует вьюга;
Обняв преступника, как друга,
Жандарм напившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зевает,
Поет... А тройка всё гремит,
Гремит, звенит — и улетает
Куда Макар телят гоняет.

4

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?
Какое ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство
Или инспектора побить?
Ответа нет. Бушует вьюга,
Вся тройка в сторону с испуга
Шарахнулась. Озлясь, кнутом
Ямщик по всем по трем стегает;
Телега скрылась за холмом,
Мелькнула вновь — и улетает
Куда Макар телят гоняет!..

*

* *

Зачем меня на части рвете,
Клеймите именем раба?..
Я от костей твоих и плоти,
Остервенелая толпа!
Где логика? Отцы — злодеи,
Низкопоклонники, лакеи,
А в детях видя подлецов,
И негодуют и дивятся,
Как будто от таких отцов
Герои где-нибудь родятся?
Блажен, кто в юности слепой
Погорячится и с размаху
Положит голову на плаху...
Но кто, пощаженный судьбой,
Узнает жизнь, тому дороги
И к честной смерти не найти.
Стоять он будет на пути
В недоумении, тревоге
И думать: глупо умирать,
Чтоб им яснее доказать,
Что прочен только путь неправый;
Глупей трагедией кровавой
Без всякой пользы тешить их!
Когда являлся сумасшедший,
Навстречу смерти гордо шедший,
Что было в помыслах твоих,
О родина! Одну идею
Твоя вмещала голова:

«Посмотрим, как он сломит шею!»
Но жизнь не так же дешева!
Не оправданий я ищу,
Я только суд твой отвергаю.
Я жить в позоре не хочу,
Но умереть за что — не знаю.

ПРИТЧА О «КИСЕЛЕ»

Жил-был за тридевять земель,
В каком-то царстве тридесятом,
И просвещенном, и богатом,
Вельможа, именем — Кисель.
За книгой с детства, кроме скуки,
Он ничего не ощущал,
Китайской грамотой — науки,
Искусство — бреднями считал:
Зато в войне, на поле брани
Подобных не было ему:
Он нес с народов диких дани
Царю — владыке своему.
Сломив рога крамоле внешней
Пожаром, казнями, мечом,
Он действовал еще успешней
В борьбе со внутренним врагом:
Не только чуждые народы,
Свои дрожали перед ним!
Но изменили старцу годы —
Заботы, дальние походы,
Военной славы гром и дым
Израненному мужу в тягость:
Сложил он бранные дела,
И императорская благость
Гражданский пост ему дала.
Под солнцем севера и юга,
Устав от крови и побед,
Кисель любил в часы досуга
Театр, особенно балет.
Чего же лучше? Свеж он чувством,
Он только удручен войной —
Итак, да правит он искусством,
Вкушая в старости покой!

С обычной стойкостью и рвеньем
Кисель вступил на новый пост:
Присматривал за поведеньем,
Гонял говеть актеров в пост.
Высокомерным задал гонку,
Покорных, тихих отличил,
Остриг актеров под гребенку,
Актрисам стричься воспретил;
Стал роли раздавать по чину,
И — как он был благочестив,
То женщине играть мужчину
Не дозволял, сообразив,
Что это вовсе неприлично:
«Еще начать бы дозволять,
Чтобы роль женщины публично
Мужчина начал исполнять!»

Чтобы актеры были гибки,
Он их учил маршировать,
Чтоб знали роли без ошибки,
Затеял экзаменовать;
Иной придет поздненько с пира,
К нему экзаменатор шасть,
Разбудит: «Монолог из „Лира“
Читай!...» Досада — и напасть!

Приехал раз в театр вельможа
И видит: зала вся пуста,
Одна директорская ложа
Его особой занята.
Еще случилось то же дважды —
И понял наш Кисель тогда,
Что в публике к театру жажды
Не остается и следа.
Сам царь шутя сказал однажды:
«Театр негоден никуда!
В оркестре врут и врут на сцене,
Совсем меня не веселя,
С тех пор как дал я Мельпомене
И Терпсихоре — *Киселя*!»

Кисель глубоко огорчился,
Удвоил труд — не ел, не спал;

Но как начальник ни трудился,
Театр ни к черту не годился!
Тогда он истину сознал:
«Справлялся я с военной бурей,
Но мне театр не по плечу,
За красоту балетных гурий
Продать я совесть не хочу!
Мне о душе подумать надо,
И так довольно я грешил!»
(Кисель побаивался ада,
И в рай, конечно, норовил.)
Мысль эту изложив круглее,
Передает секретарю:
Дабы переписал крупнее
Для поднесения царю.
Заплакал секретарь; печали
Не мог, бедняга, превозмочь!
Бежит к кассиру: «Мы пропали!»
(Они с кассиром вместе крали) —
И с ним беседует всю ночь.
Наутро в труппе гул раздался,
Что депутация нужна
Просить, чтобы Кисель остался,
Что уж сбирается она.
«Да кто ж идет? с какой же стати? —
Кричат строптивые.— Давно
Мы жаждем этой благодати!»
— Тссс! тссс!.. упросят неравно! —
И всё пошло путем известным:
Начнет дурак или подлец,
А вслед за глупым и бесчестным
Пойдет и честный наконец.
Тот говорит: до пансиона
Мне остается семь недель,
Тот говорит: во время оно
Мою сестру крестил Кисель,
Тот говорит: жена больная,
Тот говорит: семья большая —
Так друг по дружке вся артель,
Благословив сначала небо,
Что он уходит наконец,
Пошла с дарами соли-хлеба
Просить: «Останься, наш отец!»...

Впереди шли вдовицы преклонные,
Прослужившие лета законные,
Седовласые, еле ползущие,
Пансионом полвека живущие;
Дальше причет трагедии: вестники,
Щитоносцы, тираны, кудесники,
Двадцать шесть благородных отцов,
Девять первых любовников;
Восемьсот театральных чиновников
По три в ряд выступали с боков
С многочисленным штабом:
С сиротами беспечными,
С бедняками увечными,
Прищемленными трапом.
Пели гимн представители пения,
Стройно шествовал кордебалет;
В белых платьицах, с крыльями гения
Корифейки младенческих лет,
Довершая эффект депутации,
Преклонялись с простертой рукой
И, исполнены женственной грации,
В очи старца глядели с мольбой...

Кто устоит перед слезами
Детей, теряющих отца?
Кисель растрогался мольбами:
«Я ваш, о дети! до конца!
Я полагал, что я ненужен,
Я мнил, что даже вреден я,
Но вами я обезоружен!
Идем же, милые друзья,
Идем до гробового часу
Путем прогресса и добра...»
Актеры скорчили гримасу,
Но тут же крикнули «ура!»
«Противустать возможно ядрам,
Но вашим просьбам — никогда!»

И снова правит он театром,
И мечется туда-сюда;
То острижет до кожи труппу,
То космы разрешит носить.
А сам не ест ни щей, ни супу,

Не может вин заморских пить.
В пиесах, ради высших целей,
Вне брака допустил любовь
И капельдинерам с шинелей
Доходы предоставил вновь;
Смирившись, с автором «Гамлета»
Завесть знакомство пожелал,
Но бог британского поэта
К нему откушать не прислал.
Укоротил балету платья,
Мужчиной женщину одел,
Но поздние мероприятья
Не помогли — театр пустел!
Спились таланты при Ликурге,
Им было нечего играть:
Ни в комике, ни в драматурге
Охоты не было писать;
Танцорки, как ни горячились,
Не получали похвалы,
Они не то чтобы ленились,
Но вечно были тяжелы.
В партере явно негодуют,
Свет божий Киселю не мил,
Грустит: «Чиновники воруют,
И с труппой справиться нет сил!
Вчера статуя командора
Ни с места! Только мелет вздор —
Мертвецки пьяного актера
В нее поставил режиссер!
Зато случился факт печальный
Назад тому четыре дня:
С фронтона крыши театральной
Ушло три бронзовых коня!»

Кисель до гроба сценой правил,
Сгубил театр — хоть закрывай! —
Свои седины обесславил,
Да не попасть ему и в рай.
Искусство в государстве пало,
К великой горести царя,
И только денег прибывало
У молодца-секретаря:
Изрядный капитал составил,

Дом нажил в восемь этажей
И на воротах львов поставил,
Сбежавших перелив коней...
Мораль: хоть крепостные стены
И очень трудно разрушать,
Однако храмом Мельпомены
Труднее без знанья управлять.
Есть и другому поученью
Тут место: если хочешь в рай,
Путеводителем к спасенью
Секретаря не избирай.

ВЫБОР

Ночка сегодня морозная, ясная.
В горе стоит над рекой
Русская девица, девица красная,
Щупает прорубь ногой.
Тонкий ледок под ногою ломается,
Вот на него набежала вода;
Царь водяной из воды появляется,
Шепчет: «Бросайся, бросайся сюда!
Любо здесь!» Девица, зову покорная,
Вся наклонилась к нему.
«Сердце покинет кручинушка черная,
Только разок обойму,
Прянь!..» И руками к ней длинными тянется...

Синие льды затрещали кругом,
Дрогнула девица! Ждет — не оглянется —
Кто-то шагает, идет прямиком.
«Прянь! Будь царицею царства подводного!..»

Тут подошел воевода Мороз:
«Я тебя, я тебя, вора негодного!
Чуть было девку мою не унес!»
Белый старик с бородою пушистою
На́ воду трижды дохнул,
Прорубь подернулась корочкой льдистою,
Царь водяной подо льдом потонул.

Молвил Мороз: «Не топися, красавица!
Слез не осушишь водой,
Жадная рыба, речная пиявица
Там твой нарушат покой;

Там защекотят тебя водяные,
Раки вопьются в высокую грудь,
Ноги опутают травы речные.
Лучше со мной эту ночку побудь!
К утру я горе твое успокою,
Сладкие грезы его усыпят,
Будешь ты так же пригожа собою,
Только красивее дам я наряд:
В белом венке голова засияет
Завтра, чуть красное солнце взойдет».
Девица берег реки покидает,
К темному лесу идет.

Села на пень у дороги: ласкается
К ней воевода-старик.
Дрогнется — зубы колотят — зевается —
Вот и закрыла глаза... забывается...
Вдруг разбудил ее Лешего крик:

«Девонька! встань ты на резвые ноги,
Долго Морозко тебя протомит.
Спал я и слышал давно: у дороги
Кто-то зубами стучит,
Жалко мне стало. Иди-ка за мною,
Что за охота всю ноченьку ждать!
Да и умрешь — тут не будет покою:
Станут оттаивать, станут качать!
Я заведу тебя в чащу лесную,
Где никому до тебя не дойти,
Выберем, девонька, сосну любую...»

Девица с Лешим решилась идти.

Идут. Навстречу медведь попадается,
Девица вскрикнула — страх обуял.
Хохотом Лешего лес наполняется:
«Смерть не страшна, а медведь испугал!
Экой лесок, что ни дерево — чудо!
Девонька! глянь-ка, какие стволы!
Глянь на вершины — с синицу оттуда
Кажутся спящие летом орлы!
Темень тут вечная, тайна великая,

Солнце сюда не доносит лучей,
Буря взыграет — ревущая, дикая —
Лес не подумает кланяться ей!
Только вершины поропщут тревожно...
Ну, полезай! подсажу осторожно...
Люб тебе, девица, лес вековой!
С каждого дерева броситься можно
Вниз головой!»

ЭЙ, ИВАН!

(Тип недавнего прошлого)

Вот он весь, как намалеван,
Верный твой Иван:
Неумыт, угрюм, оплеван,
Вечно полупьян;
На желудке мало пищи,
Чуть живой на взгляд.
Не прикрыты, голенищи
Рыжие торчат;
Вечно теплая шапчонка
Вся в пуху на нем,
Туго стянут сертучонко
Узким ремешком;
Из кармана кончик трубки
Виден да кисет.
Разве новенькие зубки
Выйдут — старых нет...

Род его тысячелетний
Не имел угла —
На запятках и в передней
Жизнь веками шла.
Ремесла Иван не знает,
Делай, что дают:
Шьет, кует, варит, строгает,
Не потрафил — бьют!
«Заживет!» Грубит, ворует,
Божится и врет,
И за рюмочку целует
Ручки у господ.

Выпить может сто стаканов —
Только подноси...
Мало ли таких Иванов
На святой Руси?..

«Эй, Иван! иди-ка стряпать!
Эй, Иван! чеши собак!»
Удалось Ивану сцапать
Где-то четвертак,
Поминай теперь как звали!
Шапку набекрень —
И пропал! Напрасно ждали
Ваньку целый день:
Гитарист и соблазнитель
Деревенских дур
(Он же тайный похититель
Индюков и кур),
У корчемника Игнатки
Приютился плут,
Две пригожие солдатки
Так к нему и льнут.
«Эй вы, павы, павы, павы!
Шевелись живей!»
В Ваньке пляшут все суставы
С ног и до ушей,
Пляшут ноздри, пляшет в ухе
Белая серьга.
Ванька весел, Ванька в духе —
Жизнь недорога!

Утром с барином расправа:
«Где ты пропадал?»
— Я... нигде-с... ей-богу... право...
У ворот стоял! —
«Весь-то день?..» Ответы грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы — били в зубы,
Нет — трещит скула.
— Виноват! — порядком струся,
Говорит Иван.
«Жарь к обеду с кашей гуся,
Щи вари, болван!»

Ванька снова лямку тянет,
А потом опять
Что-нибудь у дворни стянет...
— Неужли плошать?
Коли плохо положили,
Стало, не запрет! —
Господа давно решили,
Что души в нем нет.
Неизвестно — есть ли, нет ли,
Но с ним случай был:
Чуть живого сняли с петли,
Перед тем грустил.
Господам конфузно было:
«Что с тобой, Иван?»
— Так, под сердце подступило,—
И глядят: не пьян!
Говорит: — Вы потеряли
Верного слугу,
Всё равно — помру с печали,
Жить я не могу!
А всего бы лучше с глотки
Петли не снимать... —
Сам помещик выслал водки
Скуку разогнать.
Пил детина ерофеич,
Плакал да кричал:
— Хоть бы раз Иван Мосеич
Кто меня назвал!..—

Как мертвецки накатили,
В город тем же днем:
«Лишь бы лоб ему забрили —
Вешайся потом!»

Понадеялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубого на службу
Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
У своих господ,
И совсем от рук отбился,
Без просыпу пьет.

Хоть бы в каторгу урода —
Лишь бы с рук долой!
К счастью, тут пришла свобода:
«С богом, милый мой!»
И, затерянный в народе,
Вдруг исчез Иван...
Как живешь ты на свободе?
Где ты?.. Эй, Иван!

С РАБОТЫ

«Здравствуй, хозяюшка! Здравствуйте, детки!
Выпить бы. Эки стоят холода!»
— Ин ты забыл, что намедни последки
Выпил с десятником? —

«Ну, не беда!
И без вина отогреюсь я, грешный,
Ты обряди-ка савраску, жена,
Поголодал он весною, сердечный,
Как подобрались сена.

Эк я умаялся!.. Что, обрядила?
Дай-ка горяченьких щец».
— Печи я нынче, родной, не топила,
Не было, знаешь, дровец! —

«Ну, и без щей поснедаю я, грешный.
Ты овсеца бы савраске дала,—
В лето один он управил, сердечный,
Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче нам с бревнами было,
Портится путь... Ин и хлебушка нет?..»
— Вышел, родной... У соседей просила,
Завтра сулили чем свет! —

«Ну, и без хлеба улягусь я, грешный.
Кинь под савраску соломки, жена!
В зиму-то вывез он, вывез, сердечный,
Триста четыре бревна...»

<ЭПИТАФИЯ>

Зимой играл в картишки
В уездном городишке,
А летом жил на воле,
Травил зайчишек груды
И умер пьяный в поле
От водки и простуды.

1868

* * *

Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем,
Становись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколькие пали в борьбе,
Сколько раз уже было тебе
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Под холодною крышкою гроба
На нее не наложат пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат
Не был гордою волей богат,
Но, ты знаешь, кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы —
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава — враги.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
«У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает...»

МАТЬ

Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

ДОМА — ЛУЧШЕ!

В Европе удобно, но родины ласки
Ни с чем не сравнимы. Вернувшись домой,
В телегу спешу пересесть из коляски
И марш на охоту! Денек недурной,

Под солнцем осенним родная картина
Отвыкшему глазу нова...
О матушка Русь! ты приветствуешь сына
Так нежно, что кругом идет голова!

Твои мужики на меня выгоняли
Зверей из лесов целый день,
А ночью возвратный мой путь освещали
Пожары твоих деревень.

*
* *

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!..

*
* *

Наконец не горит уже лес,
Снег прикрыл почернелые пенья,
Но помещик душой не воскрес,
Потеряв половину именья.

Приуныл и мужик. «Чем я буду топить?» —
Говорит он, лицо свое хмуря.
— Ты не будешь топить — будешь пить,—
Завывает в ответ ему буря...

1870

ПРИТЧА

Прислушайте, братцы! Жил царь в старину,
Он царствовал бодро и смело;
Любя бескорыстно народ и страну,
Задумал он славное дело:

Он вместе с престолом наследовал храм,
Где царства святыни хранились;
Но храм был и тесен и ветх; по углам
Летучие мыши гнездились;

Сквозь треснувший пол прорастала полынь,
В нем многое сгнило, упало,
И места для многих народных святынь
Давно уже в нем не хватало...

И новый создать ему хочется храм,
Достойный народа и века,
Где б честь воздавалась и мудрым богам,
И славным делам человека.

И сделался царь молчалив, нелюдим,
Надолго отрекся от света
И начал над планом великим своим
Работать в тиши кабинета.

И бог помогал ему — план поражал
Изяществом, стройной красою,
И царь приближенным его показал
И был возвеличен хвалою.

То правда, ввернули в хвалебную речь
Сидевшие тут староверы,
Что можно бы старого часть уберечь,
Что слишком широки размеры,

Но царь изменить не хотел ничего:
«За всё я один отвечаю!..»
И только что слухи о плане его
Прошли по обширному краю,—

На каждую отрасль обширных работ
Нашлися способные люди
И двинулись дружной семьею в поход
С запасом рабочих орудий.

Давно они были согласны вполне
С царем, устроителем края,
Что новый палладиум нужен стране,
Что старый — руина гнилая.

И шли они с гордо поднятым челом,
Исполнены честного жара:
Их мускулы были развиты трудом
И лица черны от загара.

И вера сияла в очах <их>; горя
Ко славе отчизны любовью,
Они вдохновеному плану царя
Готовились жертвовать кровью!

Рабочие люди в столицу пришли,
Котомки свои развязали,
Иные у старого храма легли,
Иные присели — и ждали...

Но вот уже полдень — а их не зовут!
Безропотно ждут они снова;
Царь мимо проехал, вельможи идут —
А всё им ни слова, ни слова!

И вот уже скучно им праздно сидеть,
Привыкшим трудиться до поту,
И день уже начал приметно темнеть,—
Их всё не зовут на работу!

Увы! не дождутся они ничего!
Пришельцы царю полюбились,
Но их испугались вельможи его
И в ноги царю повалились:

«О царь! ты прославишься в поздних веках,
За что же ты нас обижаешь?
Давно уже преданность в наших сердцах
К особе своей ты читаешь.

А это пришельцы... Суровость их лиц
Пророчит недоброе что-то,
Их надо подальше держать от столиц,
У них на уме не работа!

Когда ты на площади ехал вчера
И мы за тобой поспешали,
Тебе они громко кричали ,,ура!",
На нас же сурово взирали.

На площади Мира сегодня в ночи
Они совещалися шумно...
Строение храма ты нам поручи,
А им доверять — неразумно!..»

Волнуют царя и боязнь и печаль,
Он слушает с видом суровым:
И старых, испытанных слуг ему жаль,
И вера колеблется к новым...

И вышел указ... И за дело тогда
Взялись празднолюбцы и воры...
А люди, сгоравшие жаждой труда
И рвеньем, сдвигающим горы,

Связали пожитки свои — и пошли,
Стыдом неудачи палимы,
И скорбь вавилонскую в сердце несли,
Ни с чем уходя, пилигримы,

И целая треть не вернулась домой:
Иные в пути умирали,
Иные бродили по царству с сумой
И смуты в умах поселяли,

Иные скитались по чуждым странам,
Иные в столице остались
И зорко следили, как строился храм,
И втайне царю удивлялись.

Строители храма не плану царя,
А собственным целям служили,
Они пожалели того алтаря,
Где жертвы богам приносили,

И многое, втайне ликуя, спасли.
Задавшись задачею трудной,
Они благотворную мысль низвели
До уровня ветоши скудной.

В основе труда подневольного их
Лежала рутина — не гений...
Зато было много эффектов пустых
И бьющих в глаза украшений...

Сплотившись в надменный и дружный кружок,
Лишь тех отличая вниманьем,
Кто их заслонить перед троном не мог
Энергией, разумом, знаньем,

Они не внимали советам благим
Людей, понимающих дело,
Советы обидой казалися им,
Царю говорят они смело:

«О царь, воспрети ты пустым крикунам
Язвить нас насмешливым словом!
Зане невозможно судить по частям
О целом, еще неготовом!..»

Указ роковой написали, прочли,
И царь утвердил его тут же,
Забыв поговорку своей же земли,
Что «ум хорошо, а два лучше!»

Но смело нарушил жестокий закон
Один гражданин именитый.
Служил бескорыстно отечеству он
И был уже старец маститый.

Измлада он жизни умел не жалеть,
Не знал за собой укоризны
И детям внушал, что честней умереть,
Чем видеть бесславье отчизны;

По мужеству воин, по жизни монах
И сеятель правды суровой,
О «новом вине и о старых мехах»
Напомнив библейское слово,

Он истину резко раскрыл пред царем,
Но слуги царя не дремали,
Успев овладеть уже царским умом,
Улик они много собрали:

Отчизны врагом оказался старик —
Чужда ему преданность, вера!
И царь, пораженный избытком улик,
Казнил старика для примера!

И паника страха прошла по стране,
Всё головы долу склонило,
И строилось зданье в немой тишине,
Как будто копалась могила...

Леса убирают — убрали... и вот
«Готово!» — царю возвещают,
И царь по обширному храму идет,
Вельможи его провожают...

Но то ли пред ним, что когда-то в мечте
Очам его царским являлось
В такой поражающей ум красоте,
Что неба достойным казалось?

Над чем, напрягая взыскательный ум,
Он плакал, ликуя душою?
Нет! Это не плод его царственных дум!..
Царь грустно поник головою.

Ни в целом, ни в малой отдельной черте,
Увы! он не встретил отрады!
Но всё ж в несказанной своей доброте
Строителям роздал награды.

И тотчас же им разойтись приказал,
А сам, перед капищем сидя,
О плане великом своем тосковал,
Его воплощенья не видя...

1870—1871

*
*   *

Сыны «народного бича»,
С тех пор как мы себя сознали,
Жизнь как изгнанники влача,
По свету долго мы блуждали;
Не раз горючею слезой
И потом оросив дорогу,
На рубеже земли родной
Мы робко становили ногу;
Уж виден был домашний кров,
Мы сладкий отдых предвкушали,
Но снова нас грехи отцов
От милых мест нещадно гнали,
И зарыдав, мы дале шли
В пыли, в крови; скитались годы
И дань посильную несли
С надеждой на алтарь свободы.
И вот настал желанный час,
Свободу громко возвестивший,
И показалось нам, что с нас
Проклятье снял народ оживший;
И мы на родину пришли,
Где был весь род наш ненавидим,
Но там всё то же мы нашли —
Как прежде, мрак и голод видим.
Смутясь, потупили мы взор —
«Нет! час не пробил примиренья!» —
И снова бродим мы с тех пор
Без родины и без прощенья!..

1871

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ

(А. Н. Ер<ако>ву)

I

Нынче скромен наш клуб именитый,
Редки в нем и не громки пиры.
Где ты, время ухи знаменитой?
Где ты, время безумной игры?
Воротили бы, если б могли мы,
Но, увы! не воротишься ты!
Прежде были легко уловимы
Характерные клуба черты:
В молодом поколении — фатство,
В стариках, если смею сказать,
Застарелой тоски тунеядства,
Самодурства и лени печать.
А теперь элемент старобарский
Вытесняется быстро: в швейцарской
Уж лакеи не спят по стенам;
Изменились и люди, и нравы,
Только старые наши уставы
Неизменны, назло временам.
Да Крылов роковым переменам
Не подвергся (во время оно
Старый дедушка был у нас членом,
Бюст его завели мы давно)...

Прежде всякая новость отсюда
Разносилась в другие кружки,
Мы не знали, что думать, покуда
Не заявят тузы-старики,
Как смотреть на такое-то дело,

На такую-то меру; ключом
Самобытная жизнь здесь кипела
Клуб снабжал всю Россию умом...

Не у нас ли впервые раздался
Слух (то было в тридцатых годах),
Что в Совете вопрос обсуждался:
Есть ли польза в железных путях?
«Что ж, признали?» — до новостей лаком,
Я спросил у туза-старика.
— Остается покрытая лаком
Резолюция в тайне пока... —

Крепко в душу запавшее слово
Также здесь услыхал я впервой:
«Привезли из Москвы Полевого...»
Возвращаясь в тот вечер домой,
Думал я невеселые думы
И за труд неохотно я сел.
Тучи на небе были угрюмы,
Ветер что-то насмешливо пел.
Напевал он тогда, без сомненья:
«Не такие еще поощренья
Встретишь ты на пути роковом».
Но не понял я песенки спросту,
У Цепного бессмертного мосту
Мне ее пояснили потом...

Получив роковую повестку,
Сбрил усы и пошел я туда.
Сняв с седой головы своей феску
И почтительно стоя, тогда
Князь Орлов прочитал мне бумагу...
Я в ответ заикнулся сказать:
«Если б даже имел я отвагу
Столько дерзких вещей написать,
То цензура...» — К чему оправданья?
Император помиловал вас,
Но смотрите!! Какого вы званья? —
«Дворянин».— Пробегал я сейчас
Вашу книгу: свободы крестьянства
Вы хотите? На что же тогда
Пригодится вам ваше дворянство?..

Завираетесь вы, господа!
За опасное дело беретесь,
Бросьте! бросьте!.. Ну, бог вас прости!
Только знайте: еще попадетесь,
Я не в силах вас буду спасти... —

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно пугнуло,
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.
Вряд ли были тогда демагоги,
Но сказать я обязан, что всё ж
Приговоры казались нам строги,
Мы жалели тогда молодежь.

А война? До царя не скорее
Доходили известья о ней:
Где урон отзывался сильнее?
Кто победу справлял веселей?
Прискакавшего прямо из боя
Здесь не раз мы видали героя
В дни, как буря кипела в Крыму.
Помню, как мы внимали ему:
Мы к рассказчику густо теснились,
И героев войны имена
В нашу память глубоко ложились,
Впрочем, нам изменила она!
Замечательно странное свойство
В нас суровый наш климат развил —
Забываем явивших геройство,
Помним тех, кто себя посрамил:
Кто нагрел свои гнусные руки,
У солдат убавляя паек,
Кто, внимая предсмертные муки,
Прятал русскую корпию впрок
И потом продавал англичанам,—
Всех и мелких, и крупных воров,
Отдыхающих с полным карманом,
Не забудем во веки веков!

Все, кем славилась наша столица,
Здесь бывали: куда ни взгляни —
Именитые, важные лица.
Здесь, я помню, в парадные дни
Странен был среди знати высокой
Человек без звезды на груди.
Гость-помещик из глуши далекой
Только рот разевай да гляди:
Здесь посланники всех государей,
Здесь банкиры с тугим кошельком,
Цвет и соль министерств, канцелярий,
Откупные тузы,— и притом
Симметрия рассчитана строго:
Много здесь и померкнувших звезд,
Говоря прозаичнее: много
Генералов, лишившихся мест...

Зажигалися сотнями свечи,
Накрывалися пышно столы,
Говорились парадные речи...
Говорили министры, послы,
Наши Фоксы и Роберты Пили
Здесь за благо отечества пили,
Здесь бывали интимны они...
Есть и нынче парадные дни,
Но пропала их важность и сила.
Время нашего клуба прошло,
Жизнь теченье свое изменила,
Как река изменяет русло...

II

Очень жаль, что тогдашних обедов
Не могу я достойно воспеть,
Тут бы нужен второй Грибоедов...
Впрочем, Муза! не будем робеть!
Начинаю.

Москва. День субботний.
(Петербург не лишен едоков,
Но в Москве грандиозней, животней
Этот тип.) Среди полных столов

Вот рядком старики объедалы:
Впятером им четыреста лет,
Вид их важен, чины их немалы,
Толщиною же равных им нет.
Раздражаясь из каждой безделки,
Порицают неловкость слуги
И от жадности, вместо тарелки,
На салфетку валят пироги;
Шевелясь как осенние мухи,
Льют, роняют,— беспамятны, глухи;
Взор их медлен, бесцветен и туп.
Скушав суп, старина засыпает
И, проснувшись, слугу вопрошает:
«Человек! подавал ты мне суп?..»
Впрочем, честь их чужда укоризны:
Добывали места для родни
И в сенате на пользу отчизны
Подавали свой голос они.
Жаль, уж их потеряла Россия
И оплакал москвич от души:
Подкосила их «ликантропия»,
Их заели подкожные вши...

Петербург. Вот питух престарелый,
Я так живо припомнил его!
Окружен батареею целой
Разных вин, он не пьет ничего.
Пить любил он; я думаю, море
Выпил в долгую жизнь; но давно
Пить ему запретили (о горе!..).
Старый грешник играет в вино:
Наслажденье его роковое
Нюхать, чмокать, к свече подносить
И раз двадцать вино дорогое
Из стакана в стакан перелить.
Перельет — и воды подмешает,
Поглядит и опять перельет;
Кто послушает, как он вздыхает,
Тот мучения старца поймет.
«Выпить, что ли?» — Опаснее яда
Вам вино! — закричал ему врач...
«Ну, не буду! не буду, палач!»
Это сцена из Дантова «Ада»...

Рядом юноша стройный, красивый,
Схожий в профиль с великим Петром,
Наблюдает с усмешкой ленивой
За соседом своим чудаком.
Этот юноша сам возбуждает
Много мыслей: он так еще млад,
Что в приемах большим подражает:
Приправляет кайеном салат,
Портер пьет, объедается мясом;
Наливая с эффектом вино,
Замечает искусственным басом:
«Отчего перегрето оно?»

Очень мил этот юноша свежий!
Меток на слово, в деле удал,
Он уж был на охоте медвежьей,
И медведь ему ребра помял,
Но Сережа осилил медведя.
Кстати тут он узнал и друзей:
Убежали и Миша и Федя,
Не бежал только егерь — Корней.
Это в нем скептицизм породило:
«Люди — свиньи!» — Сережа решил
И по-своему метко и мило
Всех знакомых своих окрестил.

Знаменит этот юноша русский:
Отчеканено имя его
На подарках всей труппы французской!
(Говорят, миллион у него.)
Признак русской широкой природы —
Жажду выдвинуть личность свою —
Насыщает он в юные годы
Удальством в рукопашном бою,
Гомерической, дикой попойкой,
Приводящей в смятенье трактир,
Да игрой, да отчаянной тройкой.
Он своей молодежи кумир,
С ним хорошее общество дружно,
И он счастлив, доволен собой,
Полагая, что больше не нужно
Ничего человеку. Друг мой!

Маловато прочесть два романа
Да поэму «Монго» изучить
(Эту шалость поэта-улана),
Чтоб разумно и доблестно жить!
Недостаточно ухарски править,
Мчась на бешеной тройке стремглав,
Двадцать тысяч на карту поставить
И глазком не моргнуть, проиграв,—
Есть иное величие в мире;
И не торный ведет к нему путь,
Человеку прекрасней и шире
Можно силы свои развернуть!

Если гордость, похвальное свойство,
Ты насытишь рутинным путем
И недремлющий дух беспокойства
Разрешится одним кутежом;
Если с жизни получишь ты мало,
Не судьба тому будет виной:
Ты другого не знал идеала,
Не провидел ты цели иной!

Впрочем, быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди —
С меньшим знанием, с меньшим талантом
Можно... Светел твой путь впереди!
Не одно, целых три состоянья
На своем ты веку проживешь:
Как не хватит отцов достоянья,
Ты жену с миллионом возьмешь;
А потом ты повысишься чином —
Подоспеет казенный оклад.
По таким-то разумным причинам
Твоему я бездействию рад!

Жаль одно: на пустые приманки,
Милый юноша! ловишься ты,
Отвратительны эти цыганки,
А друзья твои — точно скоты.
Ты, чей образ в порыве желанья
Ловит женщина страстной мечтой,
Ищешь ты покупного лобзанья,
Ты бежишь за продажной красой!
Ты у старцев, чьи икры на вате,
У кого разжиженье в крови,

Отбиваешь с оркестром кровати!
Ты — не знаешь блаженства любви?..

Очень милы балетные феи,
Но не стоят хороших цветов,
Украшать скаковые трофеи
Годны только твоих кучеров.
Те же деньги и то же здоровье
Мог бы ты поумнее убить,
Не хочу я впадать в пустословье
И о честном труде говорить.
Не ленив человек современный,
Но на что расточается труд?
Чем работать для цели презренной,
Лучше пусть эти баловни пьют...
. . . .

Знал я юношу: в нем сочетались
Дарованье, ученость и ум,
Сочиненья его покупались,
А одно даже сделало шум.
Но, к несчастию, был он помешан
На комфорте — столичный недуг,—
Каждый час его жизни был взвешен,
Вечно было ему недосуг:
Чтоб приставить кушетку к камину,
Чтоб друзей угощать за столом,
Он по месяцу сгорбивши спину
Изнывал за постылым трудом.
«Знаю сам,— говорил он частенько,—
Что на лучшее дело гожусь,
Но устроюсь сперва хорошенько,
А потом и серьезно займусь».
Суетился, спешил, торопился,
В день по нескольку лекций читал;
Секретарствовал где-то, учился
В то же время; статейки писал...
Так трудясь неразборчиво, жадно,
Раздробившись на тысячу дел,
Ничего он не сделал изрядно,
Да и сам-то пожить не успел,
Не потешил ни бога, ни черта,
Не увлекся ничем никогда

И бессмысленной жертвой комфорта
Пал — под игом пустого труда!

Знал я мужа: командой пожарной
И больницею он заправлял,
К дыму, к пламени в бане угарной
Он нарочно солдат приучал.
Вечно ревностный, вечно неспящий,
Столько делал фальшивых тревог,
Что случится пожар настоящий —
Смотришь, лошади, люди без ног!
«Смирно! кутай башку в одеяло!» —
В лазарете кричат фельдшера.
Настежь форточки — ждут генерала,—
Вся больница в тревоге с утра.
Генерал на минуту приедет,
Смотришь: к вечеру в этот денек
Десять новых горячечных бредит,
А иной и умрет под шумок...

Знал я старца: в душе его бедной
Поселился панический страх,
Что погубит нас Запад зловредный.
Бледный, худенький, в синих очках,
Он недавно еще попадался
В книжных лавках, в кофейных домах,
На журналы, на книги бросался,
С карандашиком вечно в руках:
Поясненья, заметки, запросы
Составлял трудолюбец старик,
Он на вывески даже доносы
Сочинял, если не было книг.
Все его инстинктивно дичились,
Был он грязен, жил в крайней нужде,
И зловещие слухи носились
Об его бескорыстном труде.

Взволновался Париж беспокойный,
Наступили февральские дни,
Сам ты знаешь, читатель достойный,
Как у нас отразились они.
Подоспело удобное время,
И в комиссию мрачный донос

На погибшее блудное племя
В три приема доносчик принес.
И вещал он властям предержащим:
«Многолетний сей труд рассмотри
И мечом правосудья разящим
Буесловия гидру сотри!..»
Суд отказом его не обидел,
Но старик уже слишком наврал:
Демагога в Булгарине видел,
Робеспьером Сенковского звал.
Возвратили!.. В тоске безысходной
Старец скорбные очи смежил,
И Линяев, сатирик холодный,
Эпитафию старцу сложил:
«Здесь обрел даровую квартиру
Муж злокачествен, подл и плешив,
И оставил в наследие миру
Образцовых доносов архив».
Так погиб бесполезно, бесследно
Труд почтенный; не правда ли, жаль?

«Иногда и лениться не вредно» —
Такова этих притчей мораль...

III

Время в клуб воротиться, к обеду...
Нет, уж поздно! Обед при конце,
Слишком мы протянули беседу
О Сереже, лихом молодце.
Стариков полусонная стая
С мест своих тяжело поднялась,
Животами друг друга толкая,
До диванов кой-как доплелась.
Закурив дорогие сигары,
Неиграющий люд на кружки
Разделился; пошли тары-бары...
(Козыряют давно игроки.)

Нынче множество тем для витийства,
Утром только газеты взгляни —
Интересные кражи, убийства,
Но газеты молчали в те дни.

Никаких «современных вопросов»,
Слухов, толков, живых новостей,
Исключенье одно: для доносов —
Допускалось. Доносчик Авдей
Представлялся исчадием ада
В добродушные те времена,
Вообще же в стенах Петрограда,
По газетам, была тишина.
В остальной необъятной России
И подавно! Своим чередом
Шли дожди, бунтовали стихии,
А народ... мы не знали о нем.
Правда, дикие, смутные вести
Долетали до нас иногда
О мужицкой расправе, о мести,
Но не верилось как-то тогда
Мрачным слухам. Покой нарушался
Только голодом, мором, войной,
Да случайно впросак попадался
Колоссальный ворище порой —
Тут молва создавала поэмы,
Оживало всё общество вдруг...
А затем обиходные темы
Сокращали наш мирный досуг.

Две бутылки бордо уничтожа,
Не касаясь общественных дел,
О борзых, о лоретках Сережа
Говорить бесподобно умел:
Берты, Мины и прочие... дуры
В живописном рассказе его
Соблазнительней самой натуры
Выходили. Но лучше всего
Он дразнил петербургских актеров
И жеманных французских актрис.
Темой самых живых разговоров
Были скачки, парад, бенефис.
В офицерском кругу говорили
О тугом производстве своем
И о том, чьи полки победили
На маневрах под Красным Селом:
«Верно, явится завтра в приказе
Благодарность войскам, господа:

Сам фельдмаршал воскликнул в экстазе:
„Подавайте Европу сюда!..“»
Тут же шли бесконечные споры
О дуэли в таком-то полку
Из-за Клары, Арманс или Лоры,
А меж тем где-нибудь в уголку
Звуки грязно настроенной лиры
Костя Бурцев («поэт не для дам»,
Он же член «Комитета Земфиры»)[1]
Сообщал потихоньку друзьям.

Безобидные, мирные темы!
Не озлят, не поссорят они...
Интересами личными все мы
Занималися больше в те дни.
Впрочем, были у нас русофилы
(Те, что видели в немцах врагов),
Наезжали к нам славянофилы,
Светский тип их тогда был таков:
В Петербурге шампанское с квасом
Попивали из древних ковшей,
А в Москве восхваляли с экстазом
Допетровский порядок вещей,
Но, живя за границей, владели
Очень плохо родным языком,
И понятья они не имели
О славянском призванье своем.
Я однажды смеялся до колик,
Слыша, как князь NN говорил:
«Я, душа моя, славянофил».
— А религия ваша? — «Католик».

Не задеты ничем за живое,
Всякий спор мы бросали легко,
Вот за картами,— дело другое! —
Волновались мы тут глубоко.
Чу! какой-то игрок крутонравный,
Проклиная несчастье, гремит,
Чу! наш друг, путешественник славный,

---

[1] Так в шутку называл себя в те времена кружок «золотой молодежи», сделавший своею специальностью ухаживание за светскими красавицами и театральными феями.

Монотонно и дерзко ворчит:
Дух какой-то враждой непонятной
За игрой омрачается в нем;
Человек он весьма деликатный,
С добрым сердцем, с развитым умом.
Несомненным талантом владея,
Он прославился книгой своей,
Он из Африки негра-лакея
Вывез (очень хороший лакей,
Впрочем, смысла в подобных затеях
Я не вижу: по воле судеб
Петербург недостатка в лакеях
Никогда не имел)... Но свиреп
Он в игре, как гиена: осадок
От сибирских лихих непогод,
От египетских злых лихорадок
И от всяких житейских невзгод
Он бросает в лицо партенёра
Так язвительно, тонко и зло,
Что игра прекращается скоро,
Как бы жертве его ни везло...

Генерал с поврежденной рукою
Также здесь налицо; до сих пор
От него еще дышит войною,
Пахнет дымом Федюхиных гор.
В нем героя война отличила,
Но игрок навсегда пострадал:
Пуля пальцы ему откусила...
Праздно бродит седой генерал!

В тесноте, доходящей до давки,
Весь в камнях, подрумянен, завит,
Принимающий всякие ставки
За столом миллионщик сидит:
Тут идут смертоносные схватки.
От надменных игорных тузов
До копеечных трех игроков
(Называемых: *терц от девятки*)
Все участвуют в этом бою,
Горячась и волнуясь немало...
(Тут и я, мой читатель, стою
И пытаю фортуну, бывало...)

При счастливой игре нехорош,
Жаден, дерзок, богач старичишка
Придирается, спорит за грош,
Рад удаче своей, как мальчишка,
Но зато при несчастье он мил!
Он, бывало, нас много смешил...
При несчастье вздыхал он нервически,
Потирал раскрасневшийся нос
И певал про себя иронически:
«Веселись, храбрый росс!..»

Бой окончен, старик удаляется,
Взяв добычи порядочный пук...
За три комнаты слышно: стук! стук!
То не каменный гость приближается...
Стук! стук! стук! — равномерно стучит,
Словно ступа, нога деревянная:
Входит старый седой инвалид,
Тоже личность престранная...

. . . .

Муза! ты отступаешь от плана!
Общий очерк затеяли мы,
Так не тронь же, мой друг, ни Ивана,
Ни Луки, ни Фомы, ни Кузьмы!
Дорисуй впечатленье — и мирно
Удались, не задев единиц!
Да, играли и кушали жирно,
Много было типических лиц,—
Но приспевшие дружно реформы
Дали обществу новые формы...

Клуб оставив пока в стороне,
Мы ко всей обратимся стране...

IV

Благодатное время надежд!
Да! прошедшим и ты уже стало!
К удовольствию диких невежд,
Ты обетов своих не сдержало.
Но шумя и куда-то спеша
И как будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!

(Разуметь надо: Русь городская.)
Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает
И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает,
Ты казалась сильна, молода,
К Правде, к Свету, к Свободе стремилась,
В прегрешениях тяжких тогда,
Как блудница, ты громко винилась,
И казалось нам в первые дни:
Повториться не могут они...

Приводя наше прошлое в ясность,
Проклиная бесправье, безгласность,
Произвол и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!
Между тем как народ неразвитый
Ел кору и молчал *как убитый*,
Мы сердечно болели о нем,
Мы взывали: «Даруйте свободу
Угнетенному нами народу,
Мы прошедшее сами клянем!
Посмотрите на нас: мы обжоры,
Мы ходячие трупы, гробы,
Казнокрады, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!»
Походя на толпу сумасшедших,
На самих себя вьющих бичи,
Сознаваться в недугах прошедших
Были мы до того горячи,
Что превысили всякую меру...
Крылось что-то неладное тут,
Но не вдруг потеряли мы веру...
Призывая на дело, на труд,
Понял горькую истину сразу
Только юноша-гений тогда,
Произнесший бессмертную фразу:
«В настоящее время, когда...»

Дело двинулось... волею власти...
И тогда-то во всей наготе
Обнаружились личные страсти
И послышались речи — не те:

«Это яд, уж давно отравлявший
Наше общество, силу забрал!» —
Восклицал, словно с неба упавший,
Суясь всюду, сморчок генерал
(Как цветы, что в ночи распускаются,
Эти люди в чинах повышаются
В строгой тайне — и в жизни потом
С непонятным апломбом являются
В роковом ореоле своем).
«Со времен Петрашевского строго
За развитьем его я следил,
Я наметил поборников много,
Но... напрасно я труд погубил!
Горе! горе! Имею сынишку,
Тяжкой службой, бессонным трудом
Приобрел я себе деревнишку...
Что ж... пойду я теперь нагишом?..
Любо вам рисоваться, мальчишки!
А со мной-то что сделали вы?..»

Если б только такие людишки
Порицали реформу... увы!
Радикалы вчерашние тоже
Восклицали: «Что будет?.. о боже!..»
Уступать не хотели земли...
(Впрочем, надо заметить, не много,
Разбирая прошедшее строго,
Мы бы явных протестов начли:
По обычаю мудрых холопов,
Мы держалися больше подкопов
Или рабски за временем шли...)
Некто, слывший по службе за гения,
Генерал Фердинанд фон дер Шпехт
(Об отводе лесов для сечения
Подававший обширный проект),
Нам предсказывал бунты народные
(«Что, не прав я?..» — потом он кричал),
— Всё они! всё мальчишки негодные! —
Негодующий хор повторял.

Та вражда к молодым поколеньям
Здесь начальные корни взяла,
Что впоследствии диким явленьем

В нашу жизнь так глубоко вошла.
Учрежденным тогда комитетам
Потерявшие ум старики
Посылали, сердясь не по летам,
Брань такую: «Мальчишки! щенки!..»
(Там действительно люди засели
С средним чином, без лент и без звезд,
А иные тузы полетели
В то же время с насиженных мест.)
Не щадя даже сына родного,
Уничтожить иной был готов
За усмешку, за резкое слово
Безбородых, безусых бойцов;
Их ошибки встречались шипеньем,
Их несчастье — скаканьем и пеньем:
«Ну! теперь-то припрут молодцов!
Лезут на стену, корчат Катонов,
Посевают идеи Прудонов,
А пугни — присмиреет любой,
Станет петь превосходство неволи...»

Правда, правда! народ молодой
Брал подчас непосильные роли.
Но молчать бы вам лучше, глупцы,
Да решеньем вопроса заняться:
Таковы ли бывают отцы,
От которых герои родятся?..

Клубу нашему тоже на долю
Неприятностей выпало вволю.
Чуть тронулся крестьянский вопрос
И порядок нарушился древний,
Стали «плохо писать из деревни».
«Не сыграть ли в картишки?» — На что-с? —
Отвечал вопрошаемый грубо. —
Своротили вы, сударь, с ума!.. —
Члены мирно дремавшего клуба
Разделились; пошла кутерьма:
Крепостник, находя незаконной,
Откровенно реформу бранил,
А в ответ якобинец салонный
Говорил, говорил, говорил...

Сам себе с наслажденьем внимая,
Формируя парламентский слог,
Всем недугам родимого края
Подводил он жестокий итог;
Человеком идей прогрессивных
Не без цели стараясь прослыть,
Убеждал старикашек наивных
Встрепенуться и Русь полюбить!
Всё отдать для отчизны священной,
Умереть, если так суждено!..
Ты не пой, соловей современный!
Эту песню мы знаем давно!
Осуждаешь ты старое смело,
Недоволен и новым слегка,
Ты способен и доброе дело
Между фразами сделать пока;
Ты теперь еще шуткою дерзкой
Иногда подлеца оборвешь,
Но получишь ты ключ камергерской
И уста им навеки запрешь!
Пуще тех «гуртовых» генералов,
Над которыми ныне остришь,
Станешь ты нажимать либералов,
С ними всякую связь прекратишь,—
Этим ты стариков успокоишь,
И помогут тебе старики.
Ловко ты свое здание строишь,
Мастерски расставляешь силки!..

Словом, мирные дни миновали,
Много выбыло членов тогда,
А иные ходить перестали,
Остальных разделяла вражда.
Хор согласный — стал дик и нестроен,
Ни игры, ни богатых пиров!
Лишь один оставался спокоен —
Это дедушка медный Крылов:
Не бездушным глядел истуканом,
Он лукавым сатиром глядел,
Игрокам, бюрократам, дворянам
Он, казалось, насмешливо пел:

«Полно вам — благо сами вы целы —
О наделах своих толковать,

Смерть придет — уравняет наделы!
Если вам мудрено уравнять...

Полно вам враждовать меж собою
За чины, за места, за кресты —
Смерть придет и отнимет без бою
И чины, и места, и кресты!..

Пусть вас минус в игре не смущает,
Игроки! пусть не радует плюс,
Смерть придет — все итоги сравняет!
Будет, будет у каждого *плюс*!..»

Губернаторы, места лишенные,
Земледельцы-дворяне стесненные,
Откупные тузы разоренные,
  Игроки, прогоревшие в прах,
Генерал, проигравший сражение,
Адмирал, потерпевший крушение,—
Находили ли вы утешение
  В этих кратких и мудрых словах?..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С плеч упало тяжелое бремя,
Написал я четыре главы.
«Почему же не новое время,
А недавнее выбрали вы? —
Замечает читатель, живущий
Где-нибудь в захолустной дали.—
Сцены, очерки жизни текущей
Мы бы с большей охотой прочли.
Ваши книги расходятся худо!
А зачем же вчерашнее блюдо,
Вместо свежего, ставить на стол?
Чем в прошедшем упорно копаться,
Не гораздо ли лучше касаться
Новых язв, народившихся зол?»

Для людей, в захолустье живущих,
Мы действительно странны, смешны,
Но, читатель! в вопросах текущих
Права голоса мы лишены,

Прикасаться к ним робко, несмело —
Значит пуще запутывать их,
Шить на мертвых нетрудное дело,
Нам желательно шить на живых.
Устарелое вымерло племя,
Вообще устоялись умы,
Потому-то недавнее время,
Государь мой! и тронули мы
(Да и то с подобающим тактом)...
Погоди, если мы поживем,
Дав назад отодвинуться фактам,—
И вперед мы рассказ поведем,—
Мы коснемся столичных пожаров
И волнений в среде молодой,
Понесенных прогрессом ударов
И печальных потерь... Да и той
Злополучной поры не забудем,
Что прогресс повернула вверх дном,
И всегда по возможности будем
Верны истине — *задним числом*...

1872

КУЗНЕЦ

(Памяти Н. А. Милютина)

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.
В чем погрешу и чего не доделаю,
Думал,— исправят потом.
Грубо ковал ты, но руку умелую
Видно доныне во всем.
С кем ты делился душевною повестью,
Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин!

БУНТ

(Живая картина)

...Скачу, как вихорь, из Рязани,
Являюсь: бунт во всей красе,
Не пожалел я крупной брани —
И пали на колени все!

Задавши страху дерзновенным,
Пошел я храбро по рядам
И в кровь коленопреклоненным
Коленом тыкал по зубам...

1867—1873

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает поземногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне, ему ничего,
Знает, где люди: и куплю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе всё, что полюбится,— на́!
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два́ кома!
Девкам утехи —
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:

Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любы,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..»

— Стой, старина! — Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь — загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девочку сиротку Феклушу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего —
Нарядно, дешево!
Эй! молодицы!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё — чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
«Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
Зорок торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
— Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,

Не дорожись! —
«Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь — прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки не ценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек —
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...
По букварь!
По букварь!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей-таки много купили:
— Будет вам пряников; нате-ка вам! —
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,

Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
    Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

II

ПЧЕЛЫ

На-тко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну — и летит,— ничего налегке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
По́д Благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, Христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
Я при прохожем тужил-тосковал;
«Вы бы им до суши вехи поставили»,
        Это он слово сказал!
Веришь: чуть первую веху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!

Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели — сидят.

На бугре-то ни травочки,
Ну а в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать,
Всё от единого слова хорошего!
Кушай на здравие, будем с медком.
Благослови бог прохожего!

Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал,
И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

III

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщичок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщичок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
— Что ты? с мишкой? — «Ничего!
Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну, садитесь! — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен, —
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! — понеслась
Тройка как шальная!

Колокольчик услыхал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая:
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо

Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин матерųк,
«Генерал»,— смекает.
Поспешил фуражку снять!
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге:
«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
Те — потехе ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:

«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

<IV>

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

I

В августе, около Малых Вежей,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На̀ небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

За̀ сорок верст в Кострому прямиком
Сбегать лесами ему нипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно».— А леший? — «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь,— никого не видал!

За день грибов насбираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую удод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка — заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголечками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею! —

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слыхал.
Дети, для вас я один записал...

II

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже,— их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут,—
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.

Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
    Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои,— ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой:
„То-то! — сказал я,— не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!“
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десяток спасалось на нем.
„Взял бы я вас — да потопите лодку!“
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
„Глянь-ко: что делает старый Мазай!“
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:

Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и „с богом!“ сказал...
И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: „У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... У-у-х!..“
Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклал — и домой приволок.
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
„Не попадайтесь зимой!“
Я их не бью ни весною, ни летом,
Шкура плохая,— линяет косой...»

<V>

СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей,—
Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девицы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене,— тут много их ловили,
Ну, испугалися сетей
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит — гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил,
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам,
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Середний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,

А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

— А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете? —
«Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки!»

<VI>

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

I

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шел.

Ни озера, дети,
Забыть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

II

Начну по порядку:
Я ехал весной,

В страстную субботу,
Пред самой Святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз?

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь и ругаться,
Да день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сертучишке,
Фуражка как блин,—
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И словно солдаты
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плечах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути,
В родные деревни
Скорее прийти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить Святую
С веселой душой...

III

Стемнело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал всё тем же
Высоким холмом;

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко
Горели костры,—

Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы,— толпы...
У божьего храма
Сходились тропы,—

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

1872—1873

УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:

Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводненье столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

1873

ДЕТСТВО

(Неоконченные записки)

I

В первые годы младенчества
Помню я церковь убогую,
Стены ее деревянные,
Крышу неровную, серую,
Мохом зеленым поросшую.
Помню я горе отцовское:
Толки его с прихожанами,
Что угрожает обрушиться
Старое, ветхое здание.
Часто они совещалися,
Как обновить отслужившую
Бедную церковь приходскую;
Поговорив, расходилися,
Храм окружали подпорками,
И продолжалось служение.
В ветхую церковь бестрепетно
В праздники шли православные,—
Шли старики престарелые,
Шли малолетки беспечные,
Бабы с грудными младенцами,
В ней причащались, венчалися,
В ней отпевали покойников...

Синее небо виднелося
В трещины старого купола,
Дождь иногда в эти трещины
Падал: по лицам молящихся
И по иконам угодников

Крупные капли струилися.
Ими случайно омытые,
Обыкновенно чуть видные,
Темные лики святителей
Вдруг выступали... Боялась я,—
Словно в семью нашу мирную
Люди вошли незнакомые,
С мрачными, строгими лицами...

То растворялось нечаянно
Ветром окошко непрочное,
И в заунывно-печальное
Пение гимна церковного
Звонкая песня вторгалася,
Полная горя житейского,—
Песня сурового пахаря!..

Помню я службу последнюю!
Гром загремел неожиданно,
Всё сотрясенное здание
Долго дрожало, готовое
Рухнуть: лампады горящие,
Паникадилы качалися,
С звоном упали тяжелые
Ризы с иконы Спасителя,
И растворилась безвременно
Дверь алтаря. Православные
В ужасе ниц преклонилися —
Божьего ждали решения!..

II

Ближе к дороге красивая,
Новая церковь кирпичная
Гордо теперь возвышается
И заслоняет развалины
Старой. Из ветхого здания
Взяли убранство убогое,
Вынесли утварь церковную,
Но до остатков строения
Руки мирян не коснулися.
Словно больной, от которого
Врач отказался, оставлено

Времени старое здание.
Ласточки там поселилися —
То вылетали оттудова,
То возвращались стремительно,
Громко приветствуя птенчиков
Звонким своим щебетанием...

В землю врастая медлительно,
Эти остатки убогие
Преобразились в развалины
Странные, чудно красивые.
Дверь завалилась, обрушился
Купол; оторваны бурею,
Ветхие рамы попадали;
Травами густо проросшие,
В зелени стены терялися,
И простирали в раскрытые
Окна — березы соседние
Ветви свои многолистые...

Их семена, занесенные
Ветром на крышу неровную,
Дали отростки: любила я
Эту березку кудрявую,
Что возвышалась там, стройная,
С бледно-зелеными листьями,
Точно вчера только ставшая
На ноги резвая девочка,
Что уж сегодня вскарабкалась
На высоту,— и бестрепетно
Смотрит оттуда, с смеющимся,
Смелым и ласковым личиком...

Птицы носились там стаями,
Там стрекотали кузнечики,
Да деревенские мальчики
И русокудрые девочки
Живмя там жили: по тропочкам
Между высокими травами
Бегали, звонко аукались,
Пели веселые песенки.
Там мое детство беспечное
Мирно летело... Играла я,

Помню, однажды с подругами
И набежала нечаянно
На полусгнившее дерево.
Пылью обдав меня, дерево
Вдруг подо мною рассыпалось:
Я провалилась в развалины,
Внутрь запустелого здания,
Где не бывала со времени
Службы последней...

Объятая
Трепетом, я огляделася:
Гнездышек ряд под карнизами,
Ласточки смотрят из гнездышек,
Словно кивают головками,
А по стенам молчаливые,
Строгие лица угодников...
Перекрестилась невольно я,—
Жутко мне было! Дрожала я,
А уходить не хотелося.
Чудилось мне: наполняется
Церковь опять прихожанами;
Голос отца престарелого,
Пение гимнов божественных,
Вздохи и шепот молитвенный
Слышались мне,— простояла бы
Долго я тут неподвижная,
Если бы вдруг не услышала
Криков: «Параша! да где же ты?..»
Я отозвалась; нахлынули
Дети гурьбой,— и наполнились
Звуками жизни развалины,
Где столько лет уж не слышались
Голос и шаг человеческий...

Е. О. ЛИХАЧЕВОЙ

ЭКСПРОМТ

Уезжая в страну равноправную,
Где живут без чиновной амбиции
И почти без надзора полиции,—
Там найдете природу вы славную.

Там подругу вы пó сердцу встретите
И, как время пройдет, не заметите.

А поживши там время недолгое,
Вы вернетесь в отчизну прекрасную,
Где имеют правительство строгое
И природу несчастную.

Там Швейцарию, верно, вспомянете
И, как солнышко ярко засветится,
Собираться опять туда станете.
Дай бог всем нам там весело встретиться.

Пусть не кажется в этих стихах
Слабоумие вам удивительно,
Так как на здешних водах
Напряженье ума непользительно.

1872—1874

СТРАШНЫЙ ГОД

(1870)

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

О любовь! — где все твои усилья?
Разум! — где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!

Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая — купаются в крови,
Стон стоит над миром не смолкая;
Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голос твой, увы, бессилен ныне!
Сгибнет он, не нужный никому,
Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! сомненья роковые,
Как прийти могли вы на уста?

Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
В ожиданье света и тепла.

*
* *

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Всё живое, всё доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная,

Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!

1874

НАД ЧЕМ МЫ СМЕЕМСЯ...

Раз сказал я за пирушкой:
«До свидания, друзья!
Вечер с матушкой-старушкой
Проведу сегодня я:
Нездорова — ей не спится,
Надо бедную занять...»
С той поры, когда случится
Мне с друзьями пировать,
Как запас вестей иссякнет
И настанет тишина,
Кто-нибудь наверно брякнет:
«Человек! давай вина!
Выпьем мы еще по чаше
И — *туда*... живей, холоп!
Ну... а ты — иди к мамаше!
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю в лоб!..

Водовоз воды бочонок
В гололедицу тащил;
Стар и слаб, как щепка тонок,
Бедный выбился из сил.
Я усталому салазки
На бугор помог ввезти.
На беду, в своей коляске
Мчался Митя по пути, —
Как всегда, румян и светел,
Он рукою мне послал
Поцалуй — он всё заметил
И друзьям пересказал.
С той поры мне нет проходу:
Филантроп да филантроп!
«Что? возил сегодня воду?..
Ха! ха! ха..» Хоть пулю в лоб!..

ТРИ ЭЛЕГИИ

(А. Н. Плещееву)

I

Ах! что изгнанье, заточенье!
Захочет — выручит судьба!
Что враг! — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час...
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!..

Один, один!.. А ту, кем полны
Мои ревнивые мечты,
Умчали роковые волны
Пустой и милой суеты.

В ней сердце жаждет жизни новой,
Не сносит горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не делит уж давно...

И тайна всё: печаль и муку
Она сокрыла глубоко?
Или решилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажет мне?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтоб было прошлого не жаль!

Что ж, если сбудется желанье?..
О, нет! живет в душе моей
Неотразимое сознанье,
Что без меня нет счастья ей!

Всё, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас, —
Мы на один алтарь сложили —
И этот пламень не угас!

У берегов чужого моря,
Вблизи, вдали он ей блеснет
В минуту сиротства и горя,
И — верю я — она придет!

Придет... и, как всегда, стыдлива,
Нетерпелива и горда,
Потупит очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце бедное свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

II

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
«Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса,

Соловьи там голосистее,
Густолиственней леса...»

III

Разбиты все привязанности, разум
Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Всё кончено! Седеет голова.

Вопрос решен: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалека...
Зачем же ты, о сердце! не миришься
С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?..

Непрочно всё, что нами здесь любимо,
Что день — сдаем могиле мертвеца,
Зачем же ты в душе неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

<П. А. ЕФРЕМОВУ>

Взглянув чрез много, много лет
На неудачный сей портрет,
Скажи: изрядный был поэт,
Не хуже Фета и Щербины,
И вспомни времена «Складчины».

УНЫНИЕ

I

Сгорело ты, гнездо моих отцов!
Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул,
Но я реки любимой не покинул.
Вблизи ее песчаных берегов
Я и теперь на лето укрываюсь
И, отдохнув, в столицу возвращаюсь
С запасом сил и ворохом стихов.
Мой черный конь, с Кавказа приведенный,
Умен и смел,— как вихорь он летит,
Еще отцом к охоте приученный,
Как вкопанный при выстреле стоит.
Когда Кадо [1] бежит опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнет,
На всем скаку остановив Черкеса, [2]
Спущу курок — и птица упадет.

II

Какой восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, навеянный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,
Я телом здрав. Я думаю... мечтаю...
Не чувствовать над мыслью молотка
Я не могу, как сильно ни желаю,
Но если он приподнят хоть слегка,
Но если я о нем позабываю

---

[1] Собака.
[2] Лошадь.

На полчаса,— и тем я дорожу.
Я *сам себя*, читатель, *нахожу*,
А это всё, что нужно для поэта.
Так шли дела; но нынешнее лето
Не задалось: не заряжал ружья
И не писал еще ни строчки я.

III

Мне совестно признаться: я томлюсь,
Читатель мой, мучительным недугом.
Чтоб от него отделаться, делюсь
Я им с тобой: ты быть умеешь другом,
Довериться тебе я не боюсь.
Недуг не нов (но сила вся в размере),
Его зовут уныньем; в старину
Я храбро с ним выдерживал войну
Иль хоть смягчал трудом, по крайней мере,
А нынче с ним не оберусь хлопот.
Быть может, есть причина в атмосфере,
А может быть, мне знать себя дает,
Друзья мои, пятидесятый год.

IV

Да, он настал — и требует отчета!
Когда зима нам кудри убелит,
Приходит к нам нежданная забота
Свести итог... О юноши! грозит
Она и вам, судьба не пощадит:
Наступит час рассчитываться строго
За каждый шаг, за целой жизни труд,
И мстящего, зовущего на суд
В душе своей вы ощутите бога.
Бог старости — неумолимый бог.
(От юности готовьте ваш итог!)

V

Приходит он к прожившему полвека
И говорит: «Оглянемся назад,
Поищем дел, достойных человека...»
Увы! их нет! одних ошибок ряд!

Жестокий бог! Он дал двойное зренье
Моим очам; пытливое волненье
Родил в уме, душою овладел.
«Я даром жил, забвенье мой удел,—
Я говорю, с ним жизнь мою читая,—
Прости меня, страна моя родная:
Бесплоден труд, напрасен голос мой!»
И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство в ошибке роковой...

VI

Измученный, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагосклонной
Мои вины желаю объяснить,
Гоню врага, хочу его забыть,
Он тут как тут! В любимый труд, в забаву —
Мешает он во всё свою отраву,
И снова мы идем рука с рукой.
Куда? увы! опять я проверяю
Всю жизнь мою,— найти итог желаю,—
Угодно ли последовать за мной?

VII

Идем! Пути, утоптанные гладко,
Я пренебрег, я шел своим путем,
Со стороны блюстителей порядка
Я, так сказать, был вечно под судом.
И рядом с ним — такая есть возможность! —
Я знал другой недружелюбный суд,
Где трусостью зовется осторожность,
Где подлостью умеренность зовут.
То юношества суд неумолимый.
Меж двух огней я шел неутомимый.
Куда пришел? Клянусь, не знаю сам,
Решить вопрос предоставляю вам.

VIII

Враги мои решат его согласно,
Всех меряя на собственный аршин,

В чужой душе они читают ясно,
Но мой судья — читатель-гражданин.
Лишь в суд его храню слепую веру.
Суди же ты, кем взыскан я не в меру!
Еще мой труд тобою не забыт,
И знаешь ты: во мне нет сил героя, —
Тот не герой, кто лавром не увит
Иль на щите не вынесен из боя, —
Я рядовой (теперь уж инвалид)...

IX

Суди, решай! А ты, мечта больная,
Воспрянь и, мир бесстрашно облетая,
Мой ум к труду, к покою возврати!
Чтоб отдохнуть душою несвободной,
Иду к реке — кормилице народной...
С младенчества на этом мне пути
Знакомо всё... Знакомой грусти полны
Ленивые, медлительные волны...
О чем их грусть?.. Бывало, каждый день
Я здесь бродил в раздумье молчаливом
И слышал я в их ропоте тоскливом
Тоску и скорбь попутных деревень...

X

Под берегом, где вечная прохлада
От старых ив, нависших над рекой,
Стоит в воде понуренное стадо,
Над ним шмелей неутомимый рой,
Лишь овцы рвут траву береговую,
Как рекруты острижены вплотную.
Не весел вид реки и берегов.
Свистит кулик, кружится рыболов,
Добычу карауля, как разбойник;
Таинственно снастями шевеля,
Проходит барка; виден у руля
Высокий крест: на барке есть покойник...

XI

Чу! конь заржал. Трава кругом на славу
Но лошадям невесело пришлось,
И, позабыв зеленую атаву,
Под дым костра, спасающий от ос,
Сошлись они, поникли головами
И машут в такт широкими хвостами.
Лишь там, вдали, остался серый конь,
Он не бежит проворно на огонь.
Хоть и над ним кружится рой докучный,
Серко стоит понур и недвижим.
Несчастный конь, ненатурально тучный!
Ты поражен недугом роковым.

XII

Я подошел: алела бугорками
По всей спине, усыпанной шмелями,
Густая кровь... струилась из ноздрей...
Я наблюдал жестокий пир шмелей,
А конь дышал всё реже, всё слабей.
Как вкопанный стоял он час — и боле,
И вдруг упал. Лежит недвижим в поле...
Над трупом солнца раскаленный шар,
Да степь кругом. Вот с вышины спустился
Степной орел; над жертвой покружился
И царственно уселся на стожар.
В досаде я послал ему удар,
Спугнул его, но он вернется к ночи
И выклюет ей острым клювом очи...

XIII

Иду на шелест нивы золотой.
Печальные, убогие равнины!
Недавние и страшные картины,
Стесняя грудь, проходят предо мной.
Ужели бог не сжалится над нами,
Сожженных нив дождем не оживит,
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоит?

XIV

Ужель опять наградой будет плугу
Голодный год?.. Чу! женщина поет!
Как будто в гроб кладет она подругу.
Душа болит, уныние растет.
Народ! народ! Мне не дано геройства
Служить тебе, плохой я гражданин,
Но жгучее, святое беспокойство
За жребий твой донес я до седин!
Люблю тебя, пою твои страданья,
Но где герой, кто выведет из тьмы
Тебя на свет?.. На смену колебанья
Твоих судеб чего дождемся мы?..

XV

День свечерел. Томим тоскою вялой,
То по лесам, то по лугу брожу.
Уныние в душе моей усталой,
Уныние — куда ни погляжу.
Вот дождь пошел и гром готов уж грянуть,
Косцы бегут проворно под шатры,
А я дождем спасаюсь от хандры,
Но, видно, мне и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись в лугах костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычке повинуясь,
Пишу стихи и, — недовольный, жгу.
Мой стих уныл, как ропот на несчастье,
Как плеск волны в осеннее ненастье
На северном пустынном берегу...

ПУТЕШЕСТВЕННИК

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А уж какая их тьма по Руси!
Скоро уж там не останется клячи...
Ехать в деревню? Теперь-то? Merci! *

Прусский барон, опоясавши выю
Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолустьям несчастной страны:

«Как у вас хлебушко?» — Нет ни ковриги! —
«Где у вас скот?» — От заразы подох! —
А заикнулся про школу, про книги —
Прочь побежали.— Помилуй нас бог!

Книг нам не надо — неси их к жандару!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,
А натерпелись на тыщу рублей! —

Думает немец: «Уж я не оглох ли?..
К школе привешен тяжелый замок,

* Спасибо (*франц.*).

Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?»

«Что наблюдать? что записывать в книжку?» —
В грусти барон сам с собой говорит...
Дай ты им гривну да хлеба коврижку,
И наблюдай, немчура, аппетит...

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Даже вполголоса мы не певали,
Мы — горемыки-певцы!
Под берегами мы вёдро прождали,
Словно лентяи-пловцы.

Старость подходит — недуги да горе;
Жизнь бесполезно прошла.
Хоть на прощанье в открытое море,
В море царящего зла,

Прямо и смело направить бы лодку.—
Сунься-ка!.. Сделаешь шаг,
А на втором перервут тебе глотку!
Друг моей юности (ныне мой враг)!

Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счел ты за лучшее кинуть;
Жить для нее — надо силу железную,
Волю железную — сгинуть.

ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

(ВОЛЖСКАЯ БЫЛЬ)

I

Науму паточный завод
И дворик постоялый
Дают порядочный доход.
Наум — неглупый малый:

Задаром сняв клочок земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой —

Так обращен нагой пустырь
В картофельное поле...
Вблизи — Бабайский монастырь,
Село Большие Соли,

Недалеко и Кострома.
Наум живет — не тужит,
И Волга-матушка сама
Его карману служит.

Питейный дом его стоит
На самом «перекате»;
Как лето Волгу обмелит,
К пустынной этой хате

Тропа знакома бурлакам:
Выходит много «чарки»...
Здесь ходу нет большим судам;
Здесь «паузятся» барки.

Купцы бегут: «Помогу дай!»
Наум купцов встречает,
Мигнет народу: не плошай!
И сам не оплошает...

Кипит работа до утра;
Всё весело, довольно.
Итак, нет худа без добра!
Подумаешь невольно,

Что ты, жалея бедняка,
Мелеешь год от года,
Благословенная река,
Кормилица народа!

II

Люблю я краткой той поры
Случайные тревоги,
И труд, и песни, и костры.
С береговой дороги

Я вижу сотни рук и лиц,
Мелькающих красиво,
А паруса, что крылья птиц,
Колеблются лениво,

А месяц медленно плывет,
А Волга чуть лепечет.
Чу! резко свистнул пароход;
Бежит и искры мечет,

Ущелья темных берегов
Стогласым эхом полны...
Не всё же песням бурлаков
Внимают эти волны.

Я слушал жадно иногда
И тот напев унылый,
Но гул довольного труда
Мне слаще слышать было.

Увы! я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

III

Мечты!.. Я верую в народ,
Хоть знаю: эта вера
К добру покамест не ведет.
Я мог бы для примера

Напомнить лица, имена,
Но это будет смело,
А смелость в наши времена —
Рискованное дело!

Пока над нами не висит
Ни тучки, солнце блещет —
Толпа трусливого клеймит,
Отважным рукоплещет,

Но поднял бурю смелый шаг —
Она же рада шикать,
Друзья попрячутся, а враг
Спешит беду накликать...

О Русь!
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

IV

Науму с лишком пятьдесят,
А ни детей, ни женки,
Наум был сердцем суховат,
Любил одни деньжонки.

Он говорил: «Жениться — взять
Обузу! а ,,сударки“
Еще тошней: и время трать
И деньги на подарки».

Опровергать его речей
Тогда не приходилось,
Хоть, может быть, в груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у нас, как лед и зной,
Причины были розны:
«Над одинокой головой
Не так и тучи грозны,

Пускай лентяи и рабы
Идут путем обычным,
Я должен быть своей судьбы
Царем единоличным!» —

Я думал гордо. Кто не рад
Оставить миру племя?
Но я родился невпопад —
Лихое было время!

Забыло солнышко светить,
Погас и месяц ясный,
И трудно было отличить
От ночи день ненастный.

Гром непрестанно грохотал,
И вихорь был ужасен,
И человек под ним стоял
Испуган и безгласен.

Был краткий миг: заря зажгла
Роскошно край лазури,
И буря новая пришла
На смену старой бури.

И новым силам новый бой
Готовился... Усталый,
Поник я буйной головой.
Погибли идеалы,

Ушло и время... Места нет
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнет след!
Надежда вся на Музу!

V

Судьба Наума берегла.
По милости господней,
Что год — обширнее дела,
А сам сытей, дородней.

Он говорил: «Чего ж еще?
Хоть плавать я умею,
Купаюсь в Волге по плечо,
Не лезу я по шею!»

Стреляя серых куликов
На отмели песчаной,
Заслышу говор бубенцов,
И свист, и топот рьяный,

На кручу выбегу скорей:
Знакомая тележка,
Нарядны гривы у коней,
У седока — усмешка...

Лихая пара! На шлеях
И бляхи, и чешуйки.

В личных, высоких сапогах,
В солидной, синей чуйке,

В московском новом картузе,
Сам правя пристяжною,
Наум катит во всей красе.
Увидит — рад душою!

Кричит: «Довольно вам палить,
Пора чайку покушать!..»
Наум любил поговорить,
А я любил послушать.

Закуску, водку, самовар
Вносили по порядку
И Волги драгоценный дар —
Янтарную стерлядку.

Наум усердно предлагал
Рябиновку, вишневку,
А расходившись, обивал
«Смоленую головку».

«Ну, как делишки?» — В барыше,—
С улыбкой отвечает.
Разговорившись по душе,
Подробно исчисляет,

Что дало в год ему вино
И сколько от завода.
— Накопчено, насолено —
Чай, хватит на три года!

Всё лето занято трудом,
Хлопот по самый ворот.
Придет зима — лежу сурком,
Не то поеду в город.

Начальство — други-кумовья,
Стрясись беда — поправят,
Работы много — свистну я:
Соседи не оставят;

Округа вся в горсти моей,
Казна — надежней цепи:
Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепи.

Судью за денежки куплю,
Умилостивлю бога... —
(Русак природный — во хмелю
Он был хвастлив немного...)

VI

Полвека прожил так Наум
И не тужил нимало,
Работал в нем житейский ум,
А сердце мирно спало.

Встречаясь с ним, я вспоминал
Невольно дуб красивый
В моем саду: там сети ткал
Паук трудолюбивый.

С утра спускался он не раз
По тонкой паутинке,
Как по канату водолаз,
К какой-нибудь личинке,

То комара подстерегал
И жадно влек в объятья,
А пообедав, продолжал
Обычные занятья.

И вывел, точно напоказ,
Паук мой паутину.
Какая ткань! Какой запас
На черную годину!

Там мошек целые стада
Нашли себе могилы,
Попали бабочки туда —
Летуньи пестрокрылы;

Его сосед, другой паук,
Качался там, замучен,

А мой — отъелся вон из рук!
Доволен, гладок, тучен,

То мирно дремлет в уголку,
То мухою закусит...
Живется славно пауку:
Не тужит и не трусит!

С Наумом я давно знаком;
Еще как был моложе,
Наума с этим пауком
Я сравнивал... И что же?

Уж округлился капитал,
В купцы бы надо вскоре,
А человек затосковал!
Пришло к Науму горе...

VII

Сидел он поздно у ворот,
В расчеты погруженный;
Последний свистнул пароход
На Волге полусонной,

И потянулись на покой
И человек и птица.
Зашли к Науму той порой
Молодчик да девица:

У Тани русая коса
И голубые очи,
У Вани вьются волоса.
«Укрой от темной ночи!»

— А самоварчик надо греть? —
«Пожалуй...» Ни минутки
Не могут гости посидеть:
У них и смех, и шутки,

Задеть друг дружку норовят
Ногой, рукой, плечами,
И так глядят... и так шалят,
Чуть отвернись, губами!

То вспыхнет личико у ней,
То белое как сливки...
Поели гости калачей,
Отведали наливки:

«Теперь уснем мы до утра,
У вас покой, приволье!»
— А кто вы?— «Братец и сестра,
Идем на богомолье».

Он думал: «Врет! поди сманил
Купеческую дочку!
Да что мне? лишь бы заплатил!
Пускай ночуют ночку».

Он им подушек пару дал:
«Уснете на диване».
И доброй ночи пожелал
И молодцу, и Тане.

В своей каморке на часах
Поддернул кверху гири
И утонул в пуховиках...
Проснулся: бьет четыре,

Еще темно; во рту горит.
Кваску ему желалось,
Да квас-то в горнице стоит,
Где парочка осталась.

«Жаль! не пришло вчера на ум!
Да я пройду тихонько,
Добуду! (думает Наум)
Чай спят они крепонько,

Не скоро их бы разбудил
Теперь и конский топот...»
Но только дверь приотворил,
Услышал тихий шепот:

«Покурим, Ваня!» — говорит
Молодчику девица.
И спичка чиркнула — горит...
Увидел он их лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивее у Тани!
Рука, согнутая в кольцо,
Лежит на шее Вани,

Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Как жар горит одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще он видел на лету,
Как встретились их очи.
И вновь на юную чету
Спустился полог ночи.

Назад тихонько он ушел,
И с той поры Наума
Не узнают: он вечно зол,
Сидит один угрюмо,

Или пойдет бродить окрест
И к ночи лишь вернется,
Соленых рыжиков не ест,
И чай ему не пьется.

Забыл наливки настоять
Душистой поленикой.
Хозяйство стало упадать —
Грозит урон великой!

На счетах спутался не раз,
Хоть счетчик был отменный...
Две пары глаз, блаженных глаз,
Горят пред ним бессменно!

«Я сладко пил, я сладко ел,—
Он думает уныло,—
А кто мне в очи так смотрел?..»
И всё ему постыло...

ЭЛЕГИЯ

А. Н. Е<рако>ву

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна,
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет Муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ,
В то время как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиленье...
«Довольно ликовать в наивном увлеченье,—
Шепнула Муза мне.— Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,

Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы —
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода наконец внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят долы, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся... Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,—
Увы! не внемлет он — и не дает ответа...

*
* *

Хотите знать, что я читал? Есть ода
У Пушкина, названье ей: «Свобода».
Я рылся раз в заброшенном шкафу...

ПРОРОК

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенней и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

НОЧЛЕГИ

I

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Вступили кони под навес,
Гремя бесчеловечно.
Усталый, я с телеги слез,
Ночлегу рад сердечно.

Спрыгнули псы; задорный лай
Наполнил всю деревню;
Впустил нас дворник Николай
В убогую харчевню.

Усердно кушая леща,
Сидел уж там прохожий
В пальто с господского плеча:
«Спознились, сударь, тоже?» —

Он, низко кланяясь, сказал.
— Да, нынче дни коротки. —
Уселся я, а он стоял. —
Садитесь! выпьем водки! —

Прохожий выпил рюмки две
И разболтался сразу:
«Иду домой... а жил в Москве...
До царского указу

Был крепостной: отец и дед
Помещикам служили.
Мне было двадцать восемь лет,
Как волю объявили;

Наш барин стал куда как лих,
Сердился, придирался.
А перед самым сроком стих,
С рабами попрощался,

Сказал нам: „Вольны вы теперь. —
И очи помутились. —
Идите с богом!“ Верь не верь,
Мы тоже прослезились,

И потянулись кто куда...
Пришел я в городишко,
А там уж целая орда
Таких же — нет местишка!

Решился я идти в Москву,
В конторе записался,
И вышло место к Покрову.
Не барин — клад попался!

Сначала, правда, злился он.
Чем больше угождаю,
Тем он грубей: прогонит вон...
За что?.. Не понимаю!

Да с ним, как я смекнул поздней,
Знать надо было штучку:
Сплошал — сознайся поскорей,
Не лги, не чмокай в ручку!

Не то рассердишь: „Ермолай!
Опомнись! как не стыдно!
Привычки рабства покидай!
Мне за тебя обидно!

Ты человек! ты гражданин!
Знай: сила не в богатстве,
Не в том — велик ли, мал ли чин,
А в равенстве и братстве!

Я раболепства не терплю,
Не льсти, не унижайся!
Случиться может: сам вспылю —
И мне не поддавайся!..“

Работы мало, да и той
Сам половину правил,
Я захворал, — всю ночь со мной
Сидел — пиявки ставил;

За каждый шаг благодарил.
С любовью, не со страхом
Три года я ему служил —
И вдруг пошло всё прахом!

Однажды он сердитый встал,
Порезался, как брился,
Всё не по нем! весь день ворчал
И вдруг совсем озлился.

Костит!.. — Потише, господин! —
Сказал я, вспыхнув тоже.
„Как! что?.. Зазнался, хамов сын!“ —
И хлоп меня по роже!

По старой памяти, я прочь,
А он за мной — бедовый!..
„Так вот,— продумал я всю ночь, —
Каков он — барин новый!

Такие речи поведет,
Что слушать любо-мило,
А кончит тем же, что прибьет!
Нет, прежде проще было!

Обидно! Я его считал
Не барином, а братом...“
Настало утро — не позвал;
Свернувшись под халатом,

Стонал как раненый весь день,
Не выпил чашки чаю...
А ночью барин словно тень
Прокрался к Ермолаю;

Вперед уставился лицом:
„Ударь меня скорее!
Мне легче будет!.. (Мертвецом
Глядел он, был белее

Своей рубахи.) Мы равны,
Да я сплошал... я знаю...
Как быть? сквитаться мы должны...
Ударь!.. Я позволяю.

Не так ли, друг? Скорее хлоп,
И снова правы, святы...“
— Не так! Вы барин — я холоп,
Я беден, вы богаты!

(Сказал я.) Должен я служить,
Пока стает терпенья,
И я служить готов... а бить
Не буду... с позволенья!.. —

Он всё свое, а я свое,
Спор долго продолжался,
Смекнул я: тут мне не житье!
И с барином расстался.

Иду покамест в Арзамас,
Там у меня невеста...
Нельзя ли будет через вас
Достать другое место?..»

II

НА ПОГОРЕЛОМ МЕСТЕ

Слава богу, хоть ночь-то светла!
Увлекаться так глупо и стыдно.
Мы устали, промокли дотла,
А кругом деревеньки не видно.

Наконец увидал я бугор,
Там угрюмые сосны стояли,
И под ними дымился костер,
Мы с Трофимом [1] туда побежали.

«Горевали, а вот и ночлег!»
— Табор, что ли, цыганский там? — «Нету!
Не видать ни коней, ни телег.
Незаметно и красного цвету.

У цыганок, куда ни взгляни,
Красный цвет — это первое дело!»
— Косари? — «Кабы были они,
Хоть одна бы тут женщина пела».

— Пастухи ли огонь развели?.. —
Через пни погорелого бора
К неширокой реке мы пришли
И разгадку увидели скоро:

Погорельцы разбили тут стан.
К нам навстречу ребята бежали:

---

[1] Проводник.

«Не видали вы наших крестьян?
Побираться пошли — да пропали!»

— Не видали!.. — Весь табор притих...
Звучно щиплет траву лошаденка,
Бабы нянчат младенцев грудных,
Утешает ребят старушонка:

«Воля божья: усните скорей!
Эту ночь потерпите вы только!
Завтра вам накуплю калачей.
Вот и деньги... Глядите-ка, сколько!»

— Где ты, баушка, денег взяла? —
«У оконца, на месячном свете,
В ночи зимние пряжу пряла...»
Побренчали казной ее дети...

Старый дед, словно царь Соломон,
Роздал им кой-какую одежу.
Патриархом библейских времен
Он глядел, завернувшись в рогожу:

Величавая строгость в чертах,
Череп голый, нависшие брови,
На груди и на голых ногах
След недавних обжогов и крови.

Мой вожатый к нему подлетел:
«Здравствуй, дедко!» — Живите здоровы! —
«Погорели? А хлеб уцелел?
Уцелели лошадки, коровы?..»

— Хлебу было сгореть мудрено, —
Отвечал патриарх неохотно,—
Мы его не имели давно.
Спите, детки, окутавшись плотно!

А к костру не ложитесь: огонь
Подползет — опалит волосенки.
Уцелел — из двенадцати — конь,
Из семнадцати — три коровенки. —

«Нет и ваших дремучих лесов?
Век росли, а в неделю пропали!»
— Соблазняли они мужиков,
Шутка! сколько у барина крали! —

Молча взял он ружье у меня,
Осмотрел, осторожно поставил.
Я сказал: «Беспощадней огня
Нет врага — ничего не оставил!»

— Не скажи. Рассудила судьба.
Что нельзя же без древа-то в мире,
И оставила нам на гроба
Эти сосны... — (Их было четыре...)

III

У ТРОФИМА

Звезды осени мерцают
Тускло, месяц без лучей,
Кони бережно ступают,
Реки налило с дождей.

Поскорей бы к самовару!
Нетерпением томим,
Жадно я курю сигару,
И молчу. Молчит Трофим.

Он сказал мне: «Месяц в небе —
Словно сайка на столе», —
Значит, думает о хлебе,
Я мечтаю о тепле.

Едем... едем... Тучи вьются
И бегут... Конца им нет!
Если разом все прольются —
Поминай как звали свет!

Вот и наша деревенька!
Встрепенулся спутник мой:
«Есть тут валенки, надень-ка!
Чаю! рому!... Все долой!..»

Вот погашена лучина,
Ночь, но оба мы не спим.
У меня своя причина,
Но чего не спит Трофим?

«Что ты охаешь, Степаныч?»
— Страшно, барин! мочи нет.
Вспомнил то, чего бы на ночь
Вспоминать совсем не след!

И откуда черт приводит
Эти мысли? Бороню,
Управляющий подходит,
Низко голову клоню,

Поглядеть в глаза не смею,
Да и он-то не глядит —
Знай накладывает в шею.
Шея, веришь ли? трещит!

Только стану забываться,
Голос барина: „Трофим!
Недоимку!“ Кувыркаться
Начинаю перед ним... —

«Страшно, видно, воротиться
К недалекой старине?»
— Так ли страшно, что мутится
Вся утробушка во мне!

И теперь уйдешь весь в пятки,
Как посредник налетит,
Да с Трофима взятки гладки:
Пошумит — и укатит!

И теперь в квашне солома
Перемешана с мукой,
Да зато покойно дома,
А бывало — волком вой!

Дети были малолетки,
Я дрожал и за детей,
Как цыплят из-под наседки
Вырвет — пикнуть не посмей!

Как томили! Как пороли!
Сыну сказывать начну —
Сын не верит. А давно ли?..
Дочку барином пугну —

Девка прыснет, захохочет:
„Шутишь, батька!“ —
«Погоди!
Если только бог захочет,
То ли будет впереди!

Есть у вас в округе школы?»
— Есть.— «Учите-ка детей!
Не беда, что люди голы,
Лишь бы стали поумней.

Перестанет есть солому,
Трусу праздновать народ...
И твой внук отцу родному
Не поверит в свой черед».

НА ПОКОСЕ

(Из «Записной книжки»)

Сын с отцом косили в поле,
Дед траву сушил.
«Десять лет, как вы на воле,
Что же, братцы, хорошо ли?» —
Я у них спросил.
— Заживили поясницы, —
Отвечал отец.
— Кабы больше нам землицы, —
Молвил молодец, —
За царя бы я прилежно
Господа молил.
— *Неуежно, да улежно,* [1] —
Дедушка решил...

[1] Пословица (Ярославской губернии), которую можно истолковать так: не сытно, да покойно.

ПОЭТУ

(Памяти Шиллера)

Где вы — певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «Певцы не нужны веку!»
И нет певцов... Замолкло божество...
О, кто ж теперь напомнит человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,
Увлекших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усильями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ, ИЛИ «НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ»

...О светские забавы!
Пришлось вам поклониться.
Литературной славы
Решился я добиться.

Недолго думал думу,
Достал два автографа —
И вышел не без шуму
На путь библиографа.

Шекспировых творений
Составил полный список
Без важных упущений
И без больших описок.

Всего-то две ошибки
Открыли журналисты,
Как их умы ни гибки,
Как перья ни речисты:

Какую-то «Заиру»
Позднейшего поэта
Я приписал Шекспиру
Да пропустил «Гамлета».

Посыпались нападки.
Я пробовал сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало!

Тогда я хвать брошюру —
И тут остался с носом:
На всю литературу
Сочли ее доносом!

Открыли перестрелку,
В своих мансардах сидя.
Попал я в переделку!
Так заяц, пса увидя,

Потерянный, метнется
К тому, к другому краю
И разом попадется
Во всю собачью стаю!..

Дней сто не прекращали
Журнальной адской бани,
И даже тех ругали,
Кто мало сыпал брани!

Увы! в родную сферу
С стыдом я возвратился;
Испортил я карьеру,
А славы не добился!..

1875

М. Е. С<АЛТЫКО>ВУ

(При отъезде его за границу)

О нашей родине унылой
В чужом краю не позабудь
И возвратись, собравшись с силой,
На оный путь — журнальный путь...

На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы снисхожденье купим
Трудом у мыслящих людей.

*
* *

Трудом и бескорыстной целью...
Да! будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать.

<ЭКСПРОМТ НА ЛЕКЦИИ И. И. КАУФМАНА>

В стране, где нет ни злата ни сребра,
Речь об изъятии бумажек
Не может принести добра,
Но... жребий слушателей тяжек.

О. А. ПЕТРОВУ

(В день 50-летнего юбилея)

Умиляя сердце человека,
Наслажденье чистое даря,
Голос твой не умолкал полвека,
Славен путь певца-богатыря!

Воплощая русское искусство
В звуках жизни, правды, красоты,
Труд, любовь и творческое чувство
На алтарь его приносишь ты...

1876

АВТОРУ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

(Из «Записной книжки»)

Толстой, ты доказал с терпеньем и талантом,
Что женщине не следует «гулять»
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
Когда она жена и мать.

КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

Время-то есть, да писать нет возможности.
Мысль убивающий страх:
Не перейти бы границ осторожности —
Голову держит в тисках!

Утром мы наше село посещали,
Где я родился и взрос.
Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось; в уме шевельнулся вопрос:

Новое время — свободы, движенья,
Земства, железных путей.
Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие
Те же попы по церквам.

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.
Где же ты, тайна довольства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: «Дурак!»

Я обругал его грубо невежею.
На телеграфную нить
Он пересел. «Не донос ли депешею
Хочет в столицу пустить?»

Глупая мысль, но я, долго не думая,
Метко прицелился. Выстрел гремит:
Падает замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожит...

К ПОРТРЕТУ **

Твои права на славу очень хрупки,
И если вычесть из заслуг
Ошибки юности и поздних лет уступки,—
Пиши пропало, милый друг!

З<И>НЕ

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру — моя померкнет слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем:
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

*
* *

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных —
Всё порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвой насилья, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

*
* *

Угомонись, моя Муза задорная,
Сил нет работать тебе.
Родина милая, Русь святая, просторная
Вновь заплатила судьбе.

Похорони меня с честью, разбитого
Недугом тяжким и злым.
Моего века, тревожно прожитого,
Словом не вспомни лихим.

Верь, что во мне необъятно безмерная
Крылась к народу любовь
И что застынет во мне теперь верная,
Чистая, русская кровь.

Много, я знаю, найдется радетелей,
Все обо мне прокричат,
Жаль только, мало таких благодетелей,
Что погрустят да смолчат.

Много истратят задора горячего
Все над могилой моей.
Родина милая, сына лежачего
Благослови, а не бей!..

. . . .
. . . .

Как человека забудь меня частного,
Но как поэта — суди...

И не боюсь я суда того строгого.
Чист пред тобою я, мать.
В том лишь виновен, что многого, многого
Здесь мне не дали сказать.

З<И>НЕ

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоем
Стоны мои отзываются,
Двести уж дней,
Двести ночей!
Темные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
З<и>на! закрой утомленные очи!
З<и>на! усни!

СЕЯТЕЛЯМ

Сеятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупицами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

МОЛЕБЕН

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное — сырость, туман,
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовет прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится в звоне глухом,
В церкви провел я то утро ненастное —
И не забуду о нем.
Всё население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладет,
О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.
Редко я в нем настроение строже
И сокрушенней видал!
«Милуй народ и друзей его, боже! —
Сам я невольно шептал. —
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему...
Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, боже, тебе».

ДРУЗЬЯМ

Я примирился с судьбой неизбежною,
Нет ни охоты, ни силы терпеть
Невыносимую муку кромешную!
Жадно желаю скорей умереть.

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

МУЗЕ

О Муза! наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!

ВСТУПЛЕНИЕ К ПЕСНЯМ 1876—77 ГОДОВ

Нет! не поможет мне аптека,
Ни мудрость опытных врачей:
Зачем же мучить человека?
О небо! смерть пошли скорей!

Друзья притворно безмятежны,
Угрюм мой верный черный пес,
Глаза жены сурово-нежны:
Сейчас я пытку перенес.

Пока недуг молчит, не гложет,
Я тешусь странною мечтой,
Что потолок спуститься может
На грудь могильною плитой.

Легко бы с жизнью я расстался,
Без долгих мук... Прости, покой!
Как ураган недуг примчался:
Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь с мучительным недугом,
Борюсь — до скрежета зубов...
О Муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!

Уж я знавал такие грозы;
Ты силу чудную дала,
В колючий терн вплетая розы,
Ты пытку вынесть помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тела победи,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь в моей груди!

Крылатых грез толпой воздушной
Воображенье насели
И от моей могилы душной
Надгробный камень отвали!

— НУ

Человек лишь в одиночку
Зол — ошибки не простит,
Мир — *«не всяко лыко в строчку»*
Спокон веку говорит.
Не умрет в тебе отвага
С ложью, злобой бой вести...
Лишь — умышленного шага
По неправому пути
Бойся!.. Гордо поднятая
Вдруг поникнет голова,
Станет речь твоя прямая
Боязлива и мертва.

Сгибнут смелость и решительность,
Овладеет сердцем мнительность,
И покинет, наконец,
Даже вера в снисходительность
Человеческих сердец!..

*
* *

Не за Якова Ростовцева
Ты молись, не за Милютина,
. . . . ты молись
О всех в казематах сгноенных,
О солдатах, в полках засеченных,
О повешенных ты помолись.

*
*   *

Ни стыда, ни состраданья,
Кудри в мелких завитках,
Стан, волнующийся гибко,
И на чувственных губах
Сладострастная улыбка.

1861—1877

Т<УРГЕНЕ>ВУ

Мы вышли вместе... Наобум
Я шел во мраке ночи,
А ты... уж светел был твой ум,
И зорки были очи.

Ты знал, что ночь, глухая ночь
Всю нашу жизнь продлится,
И не ушел ты с поля прочь,
И стал ты честно биться.

Ты как поденщик выходил
До света на работу.
В глаза ты правду говорил
Могучему деспоту.

Во лжи дремать ты не давал,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывал
С глупца и негодяя.

И что же? луч едва блеснул
Сомнительного света,
Молва гласит, что ты задул
Свой факел... ждешь рассвета!

Наивно стал ты охранять
Спокойствие невежды —
И начал сам в душе питать
Какие-то надежды.

На пылкость юношей ворча,
Ты глохнешь год от года

И к свисту буйного бича,
И к ропоту народа.

В среде всеобщей пустоты,
Всеобщего растленья
Какого смысла ищешь ты,
Какого примиренья?

Щадишь ты важного глупца,
Безвредного ласкаешь
И на идущих до конца
Походы замышляешь.

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,
Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром,

Кто не робел в огонь идти
За страждущего брата,
Тому с тернистого пути
Покамест нет возврата!

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа!
До дна святую чашу пей —
На дне ее — свобода!

1877

СКАЗКА О ДОБРОМ ЦАРЕ, ЗЛОМ ВОЕВОДЕ И БЕДНОМ КРЕСТЬЯНИНЕ

Царь Аарон был ласков до народа,
Да при нем был лютый воевода.
Никого к царю не допускал,
Мужиков порол и обирал;
Добыл рубль — неси ему полтину,
Сыпь в его анбары половину
Изо ржи, пшеницы, конопли;
Мужики ходили наги, босы,
Ни мольбы народа, ни доносы
До царя достигнуть не могли:
У ворот, как пес, с нагайкой лежа,
Охранял покой его вельможа
И, за ветром, стона не слыхал.
Мужики ругались втихомолку,
Да в ругне заглазной мало толку,
Сила в том, что те же мужики
Палачу снискали колпаки.
Про терпенье русского народа
Сам шутил однажды воевода:
«В мире нет упрямей мужика.
Так лежит под розгами безгласно,
Что засечь разбойника опасно,
В меру дать задача нелегка».
Но гремит подчас и не из тучи,—
Пареньку, обутому в онучи,
Раз господь сокровище послал:
Про свою кручину напевая
И за плугом медленно шагая,
Что-то вдруг Ерема увидал.
Поднимает — камень самоцветный!!
Оробел крестьянин безответный,

Не пропасть бы, думает, вконец,—
И бежит с находкой во дворец.
«Ты куда? — встречает воевода.—
Вон! Не то нагайкой запорю!»
— Дело есть особенного рода,
Я несу подарочек царю,
Допусти! — Показывает камень:
Словно солнца утреннего пламень,
Блеск его играет и слепит.
«Так и быть! — вельможа говорит.—
Перейдешь ты трудную преграду,
Только чур: монаршую награду
Раздели со мною пополам».
— Вот те крест! Хоть всю тебе отдам! —
Камень был действительно отменный:
За такой подарок драгоценный
Ставит царь Ереме полведра
И дарит бочонок серебра.
Повалился в ноги мужичонко.
— Не возьму, царь-батюшка, бочонка,
Мужику богачество не прок! —
«Так чего ж ты хочешь, мужичок?»
— Знаешь сам, мужицкая награда —
Плеть да кнут, и мне другой не надо.
Прикажи мне сотню палок дать,
За тебя молиться буду вечно! —
Возжалев крестьянина сердечно,
«Получи!» — изволил царь сказать.
Мужика стегают полегоньку,
А мужик считает потихоньку:
— Раз, два, три, — боится недонять.
Как полста ему влепили в спину,
— Стой теперь! — Ерема закричал.—
Из награды царской половину
Воеводе я пообещал! —
Расспросив крестьянина подробно,
Царь сказал, сверкнув очами злобно:
«Наконец попался старый вор!»
И велел исполнить уговор.
Воеводу тут же разложили
И полсотни счетом отпустили,
Да каких, что полгода, почесть,
Воеводе трудно было сесть.

ОТРЫВОК

...Я сбросила мертвящие оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, где чтут пути Христовы,
Где стерегут оплошного врага.

В бездействии застала я дружины;
Окончив день, беспечно шли ко сну
И женщины, и дети, и мужчины,
Лишь меж собой вожди вели войну...

Слова... слова... красивые рассказы
О подвигах... но где же их дела?
Иль нет людей, идущих дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!..

СТАРОСТЬ

Просит отдыха слабое тело,
Душу тайная жажда томит.
Горько ты, стариковское дело!
Жизнь смеется,— в глаза говорит:

Не лелей никаких упований,
Перед разумом сердце смири,
В созерцанье народных страданий
И в сознанье бессилья — умри...

ПРИГОВОР

«...Вы в своей земле благословенной
Парии — не знает вас народ,
Светский круг, бездушный и надменный,
Вас презреньем хладным обдает.

И звучит бесцельно ваша лира,
Вы певцами темной стороны —
На любовь, на уваженье мира
Не стяжавшей права — рождены!..»

Камень в сердце русское бросая,
Так о нас весь Запад говорит.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпор!.. Но родина молчит...

*
*　*

Дни идут... всё так же воздух душен,
Дряхлый мир — на роковом пути...
Человек — до ужаса бездушен,
Слабому спасенья не найти!

Но... молчи, во гневе справедливом!
Ни людей, ни века не кляни:
Волю дав лирическим порывам,
Изойдешь слезами в наши дни...

*
* *

Есть и Руси чем гордиться,
С нею не шути.
Только славным поклониться —
Далеко идти!

Вестминстерское аббатство
Родины твоей —
Край подземного богатства
Снеговых степей...

*
* *

Зазевайся, впрочем, шляпу
Сдернуть — царь-отец
Отошлет и по этапу —
Чур: в один конец!

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вам, мой труд ценившим и любившим,
Вам, ко мне участье сохранившим
В черный год, нависший надо мной,
Посвящаю труд последний мой!

Я примеру русского народа
    Верен: *«В горе жить —*
    Некручинну быть» —
И больной работаю полгода,
Я трудом смягчаю мой недуг:
Ты не будешь строг, читатель-друг?

ГОРЯЩИЕ ПИСЬМА

Они горят!.. Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
Уж не горит ли с ними и любовь,
Которая их сердцу диктовала?

Их ложью жизнь еще не назвала,
Ни правды их еще не доказала...
Но та рука со злобой их сожгла,
Которая с любовью их писала!

Свободно ты решала выбор свой,
И не как раб упал я на колени;
Но ты идешь по лестнице крутой
И дерзко жжешь пройденные ступени!..

Безумный шаг!.. быть может, роковой...
. . . .

З<И>НЕ

Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый друг! Легенду я слыхал:
Пали с плеч подвижника вериги,
И подвижник мертвый пал!

Помогай же мне трудиться, З<и>на!
Труд всегда меня животворил.
Вот еще красивая картина —
Запиши, пока я не забыл!

Да не плачь украдкой! — Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной,
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучителем недугом
Позабыл о смерти твой поэт!

ПОЭТУ

Любовь и Труд — под грудами развалин!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты молчишь — бездейственен и печален,
И медленно сгораешь со стыда.
И небу шлешь укор за дар счастливый:
Зачем тебя венчало им оно,
Когда душе мечтательно-пугливой
Решимости бороться не дано?..

БАЮШКИ-БАЮ

Непобедимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Где ты, о Муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: умрем! конец надежде! —
Я прибрела на костылях!»

Костыль ли, заступ ли могильный
Стучит... смолкает... и затих...
И нет ее, моей всесильной,
И изменил поэту стих.
Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:
«Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;
Усни, усни, касатик мой!
Прийми трудов венец желанный,
Уж ты не раб — ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человеческого стона,
Ни человеческой слезы.

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!..»

<ИЗ ПОЭМЫ «БЕЗ РОДУ, БЕЗ ПЛЕМЕНИ»>

Имени и роду
Богу не скажу.
Надо — воеводу
Словом ублажу.

«Кто ты?» — Я-то? Житель! —
Опустил кулак:
«Кто ты?» — Сочинитель! —
Подлинно что так.

Меткое, как пуля,
Слово под конец:
«Кто ты?» — Бородуля! [1] —
Прыснул! «Молодец!»

Я — давай бог ноги...
«С богом! Ничего!
Наберем в остроге
Помнящих родство».

Третий год на воле,
Третий год в пути.
Сбился в снежном поле —
Некуда идти!

Ночи дольше-дольше,
Незаметно дней!
Снегу больше-больше,
Не видать людей,

Степью рыщут волки,
С голоду легки,
Стонут, как на Волге
Летом бурлаки.

---

[1] Бородуля — баба с бородой.

*
* *

Черный день! Как нищий просит хлеба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ее у докторов,
У друзей, врагов и цензоров,
Я взываю к русскому народу:
Коли можешь, выручай!
Окуни меня в живую воду
Или мертвой в меру дай.

*
* *

Он не был злобен и коварен,
Но был мучительно ревнив,
Но был в любви неблагодарен
И к дружбе нерадив.

ТЫ НЕ ЗАБЫТА...

«Я была вчера еще полезна
Ближнему — теперь уж не могу!
Смерть одна желанна и любезна —
Пулю я недаром берегу...»

Вот и всё, что ты нам завещала,
Да еще узнали мы потом,
Что давно ты бедным отдавала,
Что добыть умела ты трудом.

Поп труслив — боится, не хоронит;
Убедить его мы не могли.
Мы в овраг, где горько ветер стонет,
На руках покойницу снесли.

Схоронив, мы камень обтесали,
Утвердили прямо на гробу
И на камне четко написали
Жизнь и смерть и всю твою судьбу.

И твои останки людям милы,
И укор, и поученье в них...
Нужны нам великие могилы,
Если нет величия в живых...

ОСЕНЬ

Прежде — праздник деревенский,
Нынче — осень голодна;
Нет конца печали женской,
Не до пива и вина.
С воскресенья почтой бредит
Православный наш народ,
По субботам в город едет,
Ходит, просит, узнает:
Кто убит, кто ранен летом,
Кто пропал, кого нашли?
По каким-то лазаретам
Уцелевших развезли?
Так ли жутко! Свод небесный
Темен в полдень, как в ночи;
Не сидится в хате тесной,
Не лежится на печи.
Сыт, согрелся, слава богу,
Только спать бы! Нет, не спишь —
Так и тянет на дорогу,
Ни за что не улежишь.
И бойка ж у нас дорога!
Так увечных возят много,
Что за ними на бугре,
Как проносятся вагоны,
Человеческие стоны
Ясно слышны на заре.

МУЖ И ЖЕНА

«Глашенька! пустошь Ивашево —
Треть состояния нашего:
Не продавай ее, ангельчик мой!
Выдай обратно задаток...»
Слезы, нервический хохот, припадок:
— Я задолжала — и срок за спиной... —
«Глаша, не плачь! я — хозяин плохой.
Делай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью.
Всевыносящей любовью
Полно, друг мой!»

«Глаша! волнует и мучит
Чувство ревнивое душу мою.
Этот учитель, что Петеньку учит...»
— Так! муженька узнаю!
О, если б знал ты, как зол ты и гадок. —
Слезы, нервический хохот, припадок...
«Знаю, прости! Я — ревнивец большой!
Делай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, друг мой!»

«Глаша! как часто ты нынче гуляешь;
Ты хоть сегодня останься со мной.
Много скопилось работы,— ты знаешь,
Чтоб одолеть ее, нужен покой!»
Слезы, нервический хохот, припадок...
«Глаша, иди! Я — безумец, я гадок,
Я — эгоист бессердечный и злой,
Делай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, друг мой!»

СОН

Мне снилось: на утесе стоя,
Я в море броситься хотел,
Вдруг ангел света и покоя
Мне песню чудную запел:
«Дождись весны! Приду я рано,
Скажу: будь снова человек!
Сниму с главы покров тумана
И сон с отяжелелых век;
И Музе возвращу я голос,
И вновь блаженные часы
Ты обретешь, сбирая колос
С своей несжатой полосы».

*
* *

Так запой, о поэт! Чтобы всем матерям
На Руси на святой, по глухим деревням,
Было слышно, что враг сокрушен, полонен,
А твой сын — невредим, и победа за ним,
Не велит унывать, посылает поклон.

*
* *

Великое чувство! У каждых дверей,
В какой стороне ни заедем,
Мы слышим, как дети зовут матерей
Далеких, но рвущихся к детям.
Великое чувство! Его до конца
Мы живо в душе сохраняем, —
Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем!

ПОДРАЖАНИЕ ШИЛЛЕРУ

I

Сущность

Если в душе твоей ясны
Типы добра и любви,
В мире все темы прекрасны,
Музу смелее зови.
Муза тебя посетила:
Смутно блуждает твой взор!
В первом наитии сила!
Брось начатой разговор.

II

Форма

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.
Стих, как монету, чекань
Строго, отчетливо, честно,
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

*
* *

Скоро — приметы мои хороши, —
Скоро покину обитель печали:
Вечные спутники русской души —
Ненависть, страх — замолчали.

БУКИНИСТ И БИБЛИОГРАФ

(ОТРЫВОК)

Букинист

А вот еще изданье. Страсть
Как грязно! Впрочем, ваша власть —
Взять иль не взять. Мне всё равно,
Найти купца немудрено.
Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно —
Немой свидетель о заслуге.

Библиограф

Ай! Гумбольдт! [1] сказано умно.

Букинист

А публика небось не ценит!
Она тогда свой суд изменит,
Когда поймет, что из огня
Попало ей через меня
Две-три хороших книги в руки!

Библиограф

Цена?..

. . . .

---

[1] Так когда-то назвали одного букиниста, изыскателя в области редких книг. Его уже давно нет на свете.

*
* *

Устал я, устал я... мне время уснуть,
О Русь! ты несчастна... я знаю...
Но всё ж, озирая мой пройденный путь,
Я к лучшему шаг замечаю.

*
*   *

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

ПЕСНЯ

Всюду с Музой проникающий,
В дом заброшенный, пустой
Я попал. Как зверь рыкающий,
Кто-то пел там за стеной:

«Сборщик, надсмотрщик, подрядчик,
. . . .
Я подлецам не потатчик,
Выпить, так выпью один.

Следственный пристав и сдатчик!..
Феденька, откупа сын!..
Я подлецам не потатчик,
Выпить, так выпью один.

Прасол, помещик, закладчик!..
Фуксы — родитель и сын!..
Я подлецам не потатчик,
Выпить, так выпью один!..

С ними не пить, не дружиться!..
С ними честной гражданин
Должен бороться и биться!..
Выпить, так выпью один!..

Или негоден я к бою?
Сбился я с толку с собой:
Горе мое от запою,
Или от горя запой?»

*
* *

Дайте срок, всю правду вам
Про себя скажу я сам!

ЧТО НОВОГО?

Администрация — берет
И очень скупо выпускает,
Плутосократия — дерет
И ничего не возвращает.
По приглашению властей
Дворяне ловят демагогов;
Крестьяне от земли, кормилицы своей,
Бегут, под бременем налогов,
И пропиваются вконец по кабакам,
И пьяным по колено море...
Да будет стыдно нам! да будет стыдно нам
За их невежество и горе!..

ПРИМЕТЫ

Видно, вновь в какой нелепости
Молодежь уличена,—
На квартиры подле крепости
Поднимается цена.

Каждый день старушки бледные
Наезжают в гости к нам
И берут лачужки бедные
По неслыханным ценам.

Оживает наша тихая
Палестина,— к Рождеству
Разоденусь, как купчиха, я
И копейку наживу.

К ПОРТРЕТУ ***

Развенчан нами сей кумир
С его бездейственной, фразистою любовью,
Умны мы стали: верит мир
Лишь доблести, запечатленной кровью...

МОЛОДЫЕ ЛОШАДИ

(Вчерашняя сцена)

Лошади бойко по рельсам катили
Полный громадный вагон.
С рельсов сошел неожиданно он...
Лошади рьяны и молоды были —
Дружно рванулись... опять и опять —
Не поддается вагон ни на пядь,
С час они силы свои напрягали,
Надорвались — и упали...
«Бедные!» — кто-то сказал из окна.
«Глупые!» — кто-то заметил с балкона...
О, поскорее на рельсы!.. Страшна
Тяжесть сошедшего с рельсов вагона.

ПРАЗДНОМУ ЮНОШЕ

Что сидишь ты сложа руки?
Ты окончил курс науки,
Любишь русский край,

Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно...
Что же? Начинай!

Иль тебе всё мелко, низко?
Или ждешь труда — без риска?
Времена не те!

В наши дни одним шпионам
Безопасно, как воронам
В городской черте.

*
* *

Так умереть? — ты мне сказала.
Я отвечал надменно: да!
Не знал я той, что мне внимала,
Не знал души твоей тогда.

*
* *

Если ты красоте поклоняешься,
Снег и зиму люби. Красоту
Называют недаром холодною,—
Погляди ты коней на мосту,
Полюбуйся Дворцовою площадью
При сиянии солнца зимой:
На колонне из белого мрамора
Черный ангел с простертой рукой.
Не картина ли?

*
* *

За желанье свободы народу
Потеряем мы сами свободу,
За святое стремленье к добру —
Нам в тюрьме отведут конуру.

ЕРШОВ-ЛЕКАРЬ

Была задумана пьеса «Ершов-лекарь». Он был хороший человек, полезный народу в своем углу. Задел, по неосторожности, надевая шубу в волостном правлении, за висевший в присутствии портрет, уронил его, враги донесли, и его куда-то заслали.

Рассказывает дьячок-заика. Как начнет, так и дует без передышки, а как заикнется, то час не дождешься продолжения. Такой и размер я старался подобрать:

Он попал в нашу местность
Прямо со школьной скамейки;
Воплощенная честность,
За душой ни копейки.
Да ему и не нужно!
Поселился он в бане,
Жил с крестьянами дружно,
Ел, что ели крестьяне.

Пауза. Затем рассказ, как принимал народ, как лечил, на какой лошадке и в какой телеге ездил:

А лечил как успешно!
Звали Ершика всюду;
Ездил к барам неспешно,
К мужику — в ту ж минуту.
Нипочем темень ночи,
Нипочем непогода.
Бог открыл ему очи
На страданья народа.

Дало им его земство, но он с ним поругался:

Без мундира просторней,
Без оклада честнее;
Человека задорней,
Человека прямее
Не видал я...

. . . .

Сам господь умудряет
Человека инова
И уста раскрывает
На громовое слово...

Дальше ничего нет, заикнулся...

DUBIA

1872

<ЭКСПРОМТ Н. П. АЛЕКСАНДРОВОЙ>

В твоем сердце, в минуты свободные,
Что в нем скрыто, хотел я прочесть.
Несомненно черты благородные
Русских женщин в душе твоей есть.

Юной прелестью ты так богата,
Чувства долга так много в тебе,
Что спокойно любимого брата
Я его представляю судьбе.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И
ВАРИАНТЫ

СЦЕНЫ ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ «МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА»

(С. 5)

I

Ранняя редакция ИРЛИ

КАК УБИТЬ ВЕЧЕР?

Сцены

<Действие I>

<1>

Зимняя картина. Поляна, занесенная снегом, кое-где деревья и пни; впереди сплошной лес. По поляне к лесу, кто на лыжах, кто просто карабкаясь[1] по пояс в снегу, тянется вереница загонщиков, человек 100: мужики, бабы, мальчики и девочки; каждый и каждая с дубинкою, у некоторых мужиков ружья; по одежде все вместе напоминают толпу нищих. За народом тянутся цугом шестеро обыкновенных крестьянских дровнишек,[2] запряженных тощими лошаденками. В первых дровнях: князь Сухарев, старик лет 60-ти, одет в охотничий костюм, сверху шуба, сбоку ружья в ящиках; во вторых: Остроухов, господин неопределенных лет, скорее старый, чем молодой; в третьих: Миша Воинов, молодой человек лет 30-ти, очень толстый, с двойным подбородком; в четвертых: Созонович, с совершенно лысой головой, круглым лицом, мягкими манерами. В остальных двух дровнях, по двое, егеря охотников. При них ящики с ружьями и корзины с съестными припасами. По приближении к лесу, где деревья становятся гуще и проезд делается невозможным, народ останавливается; дровни[3] сворачивают несколько в сторону, так что лошади уходят в снег по брюхо и остаются неподвижными; господа выходят из дровней на протоптанный след; к князю Сухотину подбегает Созонович и подобострастно помогает ему выйти. Из толпы народа отделяется Сергей Макаров, мужик-окладчик, и молодой человек — лесничий Цуриков, устроивший охоту,— подходят к охотникам и молча кланяются.

Сухотин

Ну, всё готово? Не ушел медведь?

Сергей

Медведь в кругу.

---

[1] [дви<гаясь>]

[2] [четверо саней или пя]теро обыкновенных крестьянских дровнишек

[3] дровни [тоже]

С у х о т и н

А далеко до круга?

С е р г е й

Не боле сажен триста.

С у х <о т и н>

Как же мы
Дотащимся туда, на лыжах, что ли?

С е р г е й

Народ пойдет покуда передом,
Дорогу обомнут — и так пройдете,
А уж потом придется сажен сто
До нумеров пройти на лыжах.[1]

С у х <о т и н>

Ну!
Веди народ, да строго накажи,
Чтоб не шумели; кто заговорит
Или смеяться станет, мелом на спине
Ты крест тому,— увидит при расчете,
Что значит горло без резону драть! [2]
Вишь, как галдят!

Л е с н и ч и й

Покамест ничего, [3]
А дальше мы их поведем без шуму.

Во время этого разговора М и ш а В о и н о в и О с т р о у х о в проходят вперед, к народу, который с любопытством осматривает господ.

О с т р <о у х о в>

Мне издали загонщиков толпа
Каким-то сбродом нищих показалась,
Оборванных, унылых, испитых.
А между тем, как ближе подошел,

---

[1] Дорогу обомнут — [так легче д<ойти?> д<ойдете?>]
А [там] придется сажен сто [пройти]
До нумеров на лыжах.
[2] [Во сколько обойдется смех ему]
[3] *Начато:* Покамест [далеко]

Так даже франтов вижу: вот сибирка
Суконная, вот городской бурнус.
Не сплошь больные, сумрачные лица,
С клеймом нужды и горя. Чудеса! [1]
Картина эта такова, что тут
Гробам бы только двигаться уместно, [2]
И воздух этот тифом напоен;
К нему одни болезненные стоны
Идут да бред со скрежетом зубов.
И в бедности здесь спорит человек
С природой, и решить не могут,
Она ли, он — бедней. А между тем
И здесь не всё болезненные лица, [3]
Довольные мы слышим голоса
И вольный смех! Я, право, удивлен. [4]

---

[1] <Миша>

Мне издали загонщиков толпа
Каким-то сбродом нищих показалась,
Оборванных унылых испитых,
а. А между тем [поближе взгляните]
[Есть даже франты тут]
б. А между тем [как посмотрю теперь]
Не всё тут бедно, даже франты есть
[Вот синяя сибирка, вот [из плису] бурнус]
[Из плису. А всего чудней —]
[Не всё тут лица бледные, худые]
[Не всё один унылый колорит!]

[Остроухов]

а. Где есть здоровье, молодость и сила
Там жизнь свое возьмет наперекор всему
б. Да, правда, здесь не всё умерщвлено
Я ждал чего-то хуже поначалу
в. О молодость! о сила! о здоровье!
Вы взять свое сумеете везде
Вы всё для нас, без вас мы — ничто!]

[2] [привольно]

[3] *Далее ряд зачеркнутых стихов:*

<Миша>

[Отличный монолог и [несравненный] несомненный]
[Мы видим здесь —]
[Средь лиц тупых болезненных]
а. И здесь [заметны] радостные лица
б. [Встречаются и] радостные лица

[4] а. И вольный смех! [Природа не глупа!]
б. И вольный смех! [Хитра, хитра природа!]

О молодость! о сила! о здоровье!
Везде свое сумеете вы взять! [1]

Миша

Отличный монолог и — несомненный.
Я это доказать [2] берусь:
Когда б не этот дар неоцененный,
Давно бы обезлюдела вся Русь... [3]

Остроухов

Ну право же — прекрасная картина!
Вон парень повалил бабенку в снег
И сам упал, барахтаются оба,
Хохочут, раскраснелись — хорошо! [4]
А вон другой какой-то великан
Пустился к лесу без тропы-дороги, [5]
Как лось, взрывая длинными ногами
Глубокий снег, бежит — и пыль под [6] ним
Сверкающим облаком кружится.
Куда бежит он?

(Обращается к одной бабе.)

Баба

Видишь, впереди
Краснеется рябина, уцелели
На ней от лета ягоды, так их
Сорвать задумал, видно.

Остроух<ов>

Что же, он
Попотчевать кого желает ими?

[Сама себя сумеет отстоять везде]
1 [Вы взять] свое сумеете
2 [тотчас] доказать
3 *Далее:*
[И нам бы за загонщиками надо
Гонцов отправить разве на луну]
4 Хохочут, раскраснел[а]сь [поселянка]
5 а. А вон другой какой-то [парень дюжий]
б. А вон другой какой-то [Геркулес]
[Куда-то побежал без дороги, без тропы]
6 [за]

Баба

Вестимо, девку.

Остроух<ов>

Не тебя ли?

Баба

Вот
Постой немного — сам увидишь.

Парень возвращается с сучьями, на которых видны[1] гроздья рябины, опушенные снегом, и отдает их одной девке,[2] посмазливее других.

Остр<оухов>

Вижу...
Полакомится мерзлою рябиной
Красавица и парня наградит
При людях полновесной колотушкой,
А там в лесу даст тайный поцелуй.

(Декламирует)

«Как ярко поцелуй пылает на морозе,
Как дева русская свежа в пыли снегов!»

Миша

(хохочет)

Вот кстати применил стихи поэта!
Помилуй — этот злополучный люд
Напомнил мне бежавших из больницы
Чернорабочих бледную толпу.
Ну где нашел ты свежесть, укажи?
Нет, даже осьмиградусный мороз
На эти лица не навел румянца.[3]

---

[1] [изредка] видны
[2] одной [румяной] девке
[3] Ну, свежести особенной не видно,
Напротив — осьмиградусный мороз
И тот не вызвал признаков румянца
На эти лица — этот жалкий люд
Напомнил мне бежавших из больницы
Чернорабочих бледную толпу.

Две-три бабенки покраснели, правда,—
И то помял их друг наш Осташев.
Уж он таков: любимая забава
С крестьянками возиться; будь дурна,[1]
Как смертный грех, да только не мужчина,—
С него довольно.

Осташев

(выводя одну женщину из толпы)

Ну, ты мой адъютант. Бери же ружья,
Неси за мной, да только не кричи,
Как выбежит медведь.

<Женщина>

Не бойся, барин,
Не закричу, не испугайся сам!

<2>

<Сухарев>

(всматривается в толпу)

Старуха, эй, старуха! Покажись
Сюда поближе. Нет, не та, другая![2]
Другую мне — вот ту, что унырнула
В толпу!

Мужики выводят старуху.

Поди, любезная, сюда,
Поди, не бойся; как тебя зовут?

Старуха усиливается что-то говорить и вместо ответа мычит
Народ хохочет.

<Сухарев>

Немая...

Голоса в народе

Да она немая![3]

---

[1] [ряба]
[2] *После этого стиха ремарка:* [*(Старухе)*].
[3] *На полях набросок:*
Немец
Немая? как, немая!

Сух<арев>

То-то!
Глядел я долго: шамкает губами
И рот кривит, а не выходит слов!
Немая! вы неисправимы, Душин:
Сам бог ее молчанию обрек,
А вы ее в кричане допустили! [1]

Лесничий

Я не заметил... Нищенка, без хлеба...

Сух<арев>

Вы всё одно: то соли нет, то хлеба.
Ступай, ступай, любезная, домой!

(Потирает руки.)

Народ

Она мычать горазда. Замычит,
Так никакой медведь не улежит! [2]

Послан<ник>

А [3] зоркий глаз.

Сух<арев>

Уж я не прозеваю!

Оста<шев>

Доволен наш директор. На войне,
Перехватив с бумагами шпиона,
Так полководец радуется. [4]

---

[1] Немая! [Хороша крикунья!]
[Не все ль у вас подобные кричане?
Зачем немую взяли вы в загон]
[2] Так [самого медведя напугает]
[3] [Да]
[4] [Не так доволен] полководец

М и ш а

В пояс

Должны мы поклониться,
Копейки по три нам он сохранил...
А немец, немец чуть не [присел]

От радости, — ведь точно... шесть копеек
Ему бы лишних заплатить пришлось
За лишнюю загонщицу...

<3>

К толпе загонщиков, запыхавшись и отдуваясь, торопливо приближаются пять человек, пришедшие той же тропой, как и прежние.

О к л а д ч и к[1]

Уж поздно, братцы, барин приказал,
Чтоб больше никого не принимали.
Народ сосчитан.

М у ж<и к и>

Допусти, будь друг!

О к<л а д ч и к>

Не смею — строг; вы сами попросите.
Авось позволит.

М у ж<и к и>

Это, что ли, он?
Нас гонят, мы маленько опоздали.
Сейчас пришли — уж как бежали мы,
Вели принять нас, будь отец!

(Кланяются.)

С у х о т и н

Не надо!
Мы взяли, сколько нужно, и конец![2]

---

[1] [Л е с н и ч и й]

[2] а. Не надо!
[Загонщиков у нас теперь довольно,
А то не будет этому] конца!
б. Не надо!
Эй, Кондырев! не брать [ни человека!] а <то> не будет
Конца весь день, всё станут прибывать!
[Известье было с вечера дано]

Мужик

Да нас ведь звали. Мы, не будь охоты,[1]
Дрова возить бы нанялись сегодня.

Бар<ин>

Известье было с вечера дано,
Опаздывать не нужно было. Эй, лесничий!
Возьмите их...

Мужики

(почесываются)

Эх! Э! Неладно дело!

Бар<ин>

Ну, ступайте!

Мужи<ки>

Мы погорельцы, батюшка. Неделю
Тому назад сгорело; милость ваша
На бедность не пожалует ли нам?

(Протягивают руки.)

Б<арин>

Мы не затем приехали сюда,
Чтоб раздавать на бедность. Спрячьте руки!

(К посланнику)

Какой народ! Мороз невыносимый,
А он по локоть руку обнажил!

(К товарищам)

---

[1] Да нас [оповещали. Как же барин]

Уж было раз такое приключенье: [1]
Чувствительный какой-то господин
На бедность подал... Что же, господа?
Как на второй загон спешили мы, [2]
Нас целый околоток осадил
На той тропе, где надо было ждать,
И на медведя опоздали мы. [3]

Мужики, помявшись, уходят.

Один из толпы

(провожая их глазами)

Пошли ни с чем, сердечные, а жаль:
Они ведь точно погорели.

Другой

Только
Осталось три двора — и вся деревня
В них кое-как теперь от стужи жмется.

Третий

Эх! это не такие господа!
Вот были третьим годом. То-то баре!
Как и сегодня — только поплелись
Загонщики к окладу, — смотрим, скачет
Без шапки мужичонко и кричит:
«Деревня Голодуха загорелась!»
Как быть? Деревни этой мужики
Упали в ноги господам: «Пустите!
Горит деревня наша!» Господа
Не только мужиков тех отпустили,—
А сами повернули на пожар

---

[1] а. *Начато: (К товарищам)*
[Не давайте
Пожалуйста — а то набьется их
Пожалуй прибежит весь околоток,
По мне и]
б. Пожалуйста, [ни гроша] Кондратьев, не давай,
А то сойдется целый околоток.
Уж с нами был подобный случай раз.

[2] Как на второй загон мы [торопились]

[3] И на [загон тот] опоздали мы

Со всей командой. То-то закипела
Работа! заправляли господа,[1]
А мужики в огонь погреться лезли.
Сто человек задули, как свечу,
Пожар в одну минуту: погорела
Одна изба, всё прочее спасли.
Зато уж как довольны были бабы!
Они в ногах валялись на снегу
У тех господ, им полы целовали.
Довольны были сами господа
И погорельцу помогли по силам.
Однако не отделался и зверь.[2]
Мы на рысях вернулися к окладу.
Уж за полдень тревога началась;
Глубок был снег — медведица не шла,
Так мы пришли на самую берлогу,
И ну ее! Почти что на хвосте
У ней сидели; как ни упиралась,
А на господ доставили![3]

<Сухотин>

Сочти народ — да нет ли тут мальчишек?
В глубокий снег с мальчишками — беда!
Замерзнуть могут!
Эй, не хоронися
За взрослыми! Ты как сюда попал?

(Выводит из толпы мальчика лет осьми.)

Что это значит, господин лесничий?
Я говорил, чтобы детей не брать?[4]

<Лесничий>

Он уж бывал в загонах, он проворен.
У них семья, годится им, на соль...

---

[1] *Начато:*
Со всей командой. То-то [было любо
Глядеть как]
[2] *Этот и два следующих стиха вписаны.*
[3] Так мы [ее] при[стигли на болоте]
[И сидя] на хвосте [у ней почти]
[На бар ее доставили исправ<н>о]
[4] [Ведь сказано вам было не ходите]
Я говорил, чтоб [мальчиков] не брать?

<С у х о т и н>

Напрасно вы не слушаетесь старших.
Прошу вас мелочь отобрать, и с богом
Пускай идут домой!

(Выводят шесть мальчиков.) [1]

М а л ь ч и к

Оставьте нас,
Мы не боимся холоду и снегу,
Кричать мы будем громко... Не гоните!

Б<а р и н>

Домой, домой! без вас есть крикуны!

Мальчики со слезами уходят.

Готово всё! Теперь на нумера.

Идут; впереди Г р у ш и н и окладчик, за ними народ. За народом посланник и С у х о т и н в сопровождении людей с ружьями; [2] потом О с т р о у х о в и М и ш а, тоже в сопровождении камер<динера>; за ними О с т а ш е в, в сопровождении бабы, несущей его ружья. Шествие подвигается медленно.

М и ш а

Я, право, начинаю находить,
Что наше путешествие недурно.
Пока идет как должно всё: молчит [3]
Суровый немец, верно, размышляя

---

[1] *Начато:*

(Выводят п<ять?> мальчиков.)

[М а л ь ч и к

Да мы доро́ги]

Отдельный набросок:

<С у х о т и н>

Заботится о соли для семьи,
А позабыл, что этот мальчик бедный
Замерзнуть мог — и в будущем
Семейство бы лишилось

[2] С у х о т и н [и люди их] с ружьями;

[3] [Покудова как должно всё идет]

О дикости российских мужиков [1]
И радуясь, что наш директор важный,
Прогнав немую бабу, спас ему
Копеек шесть, и труся, между тем,
По мере приближения к медведю.
С бабенками гуторит Осташев
И водк<у> пьет. А Сух<арев> из роли
И здесь не вышел: нами предводя.
Нет, право, хорошо!
И дикая и новая картина!
Мы взяли сто семь человек —
Что было в деревне народу;
Не приняли только калек —
Не справиться с снегом уроду.
Те двести четырнадцать ног
Пред нами дорогу умяли,
Чтоб путь был до места легок,
Чтоб как-нибудь мы не упали.
Идем, заметает метель
Звериные тропы и лапки.
Навстречу то старая ель,
То пень в горностаевой шапке. [2]
Средь этих степей снеговых,
Шагая походкой нетвердой,
В собольих боярках своих
И в муфтах с звериною мордой,
Похожи на древних бояр

---

[1] *Далее начато:*
а. [С бабенками болтает Ост<ашев>
И тянет водку наш директор важный
И здесь нашел работу по себе
Командует]
б. О том что наш директор спас ему,
Прогнав немую бабу, шесть копеек
И в тайне труся. Ост<ашев> острит
И[ль] радуясь, что наш директор важный

[2] *Отдельный набросок:*
Идем, заметает метель
Звериные тропы и лапки
То в инее старая ель,
То пень в горностаевой шапке
Встречаются нам по пути
Еще далеко до берлоги
Чернеется лес впереди
Идем ни пути, ни дороги.

Новейшие наши бояре.
Директор наш важен и стар,
Посланник важнее и старе,
Турист Остроухов сопит,
Как будто всходя на Везувий,
Труницкий стихами смешит.[1]

О с т р о у х<о в>

Но станет на рифме «Везувий».

М и ш а

Да в самом деле станешь, черт возьми!
Проклятое словечко подвернулось.

О с т р о у х <о в>

А молодец ты рифмы подбирать!

М и ш а

Как Пушкин, я сказать могу по праву,
Что рифмы запросто живут со мной... ха! ха!

О с т р<о у х о в>

Вот как!

М и ш а

Ты слыхивал мои стихотворенья —
«Отец Савватий», «Свадьба», «Мильгофер»?[2]

<О с т р о у х о в>

Слыхал, слыхал. Вот даже и теперь,[3]
Припомнив их, чихнуть намереваюсь.

---

[1] Труницкий стихи [говорит]
[2] [«Отец Пихатий», «Вадим», «Мильгофер»]
[3] Слыхал, слыхал. [Припомнивши] теперь

В носу крутит, как будто табаку
Крепчайшего понюхал я. Охота
Такую мерзость сочинять!

<М и ш а>

Ты, друг,
В искусстве ничего не понимаешь.
Талант — во всем талант. И Пушкин сам,
И Лермонтов немало сочинили
Таких стихов.

О с т р<о у х о в>

Да Пушкин, кроме этих пустяков,
Оставил нам «Бориса Годунова»,
«Онегина», «Полтаву». Написал
И Лермонтов «Печорина» и «Мцыри».[1]
А без того кто б помнил их теперь?
А ты с одним «Савватием» своим
Сбираешься предстать на суд потомства.
Хорош ты будешь...

М и ш а

Что делать, я писатель не для дам,
Серьезно я за славою поэта
И не гнался. Но есть и у меня
Серьезные труды.[2]

О с т р<о у х о в>

Не изысканья ль
О том, в каком году императрице
Екатерине прочитал Фонвизин
Великую[3] комедию свою...

---

[1] Написал
И Лермонтов [довольно не похабных
А истинно прекрасных сочинений]

[2] [работы]

[3] [Такую-то]

Миша

Ты суешься судить о том, чего
Не понимаешь.

Остр<оухов>

Может быть, но я
Одно наверно знаю: ничего
Не выйдет из трудов твоих серьезных
И вообще — из самого тебя...

Миша

(хохочет)

Министром буду!

Остр<оухов>

Ну, едва ли! Впрочем,
Немудрено. Случалось видеть нам,
Что люди вовсе пошлые, пустые,
Которые таскались по балам,
Которые барковщину слагали, —
Глубокими политиками стали!

(Помолчав)

Пустую жизнь ведете вы, друзья!
И хорошо вы делаете, впрочем:
Из вас людей не выйдет [уж, увы!]

Миша

Не ты бы говорил, не я бы слушал.

Остр<оухов>

Ну, я, мой друг, отпетая статья!
Ты извини за резкие сужденья,
Такой уж час пришел; природа эта,
До беспощадности суровая, меня

Расположила к правде; человеком
Я был когда-то в юности моей,
Я дело делал, *я умел трудиться.*
О труд! ты всё; кто пренебрег трудом,
Когда-нибудь поплатится жестоко!.. [1]

Вся процессия на минуту останавливается. Миша и Остроухов, поглядев вперед, замечают, что народ разделился на две партии. Одна половина пошла направо, другая налево, в совершенном безмолвии.

Сух<арев>

Теперь молчанье! Мы пришли на круг,
На нумера идем. Смотрите, Душин, [2]
Чтоб не шумел народ; кто слово скажет,
Кто кашлянет, вы мелом на спине
Черкните крест, ужо увидит,
Что значит без резону горло драть.

Господам подают лыжи, и они, беспрестанно соскакивая с лыж[3] и проваливаясь в снег, поддерживаемые мужиками и лакеями, кое-как проходят сажен сто, предводительствуемые окладчиком.

Окладчик

(останавливаясь)

Здесь первый №.

Немец остается на указанном месте, при нем ставят его ружья и остается мужик с рогатиной. Тем же порядком ставят прочих. Люди[4] обминают господам место. Сухареву стелят ковер и ставят складной стул. Немцу тоже. Расставив господ, окладчик уходит.[5]

<5>

Другая часть леса в противоположной стороне.

Лесничий

Так. Девять лет скитанья по лесам
Мне даром не прошли. Я одичал.

---

[1] *Ср. наброски диалога Остроухова и Миши (с. 267—269).*
[2] На нумера [нас поведут]. Смотрите, Душин
[3] [спотыка<ясь>]
[4] [Лакеи]
[5] *Далее следует четвертая сцена (варианты к ней см. ниже, с. 276—278).*

Не только не приятны, мне противны
Все эти люди, шумною ордой
Нахлынувшие в наше захолустье
Стрелять медведей наших; на денек [1]
Они собрались к нам, а притащили
Такой обоз, что можно круглый год
В степи бесплодной кочевать безбедно,
Ну что ж? Они богаты; нужны им
Удобства, роскошь — это всё понятно. [2]
Но отчего ж я духом возмущен? [3]
Все эти утонченные [4] затеи: [5]
Кровати, умывальники, ковры,
Бутылок строй, сервизы, несессеры, [6]
И эти трехсаженные лакеи,
И повара в дурацких колпаках, —
Вся эта роскошь нарушает нагло
Привычный ход убогой этой жизни
И бедности святыню оскорбляет.
Той бедности, которая одна
Здесь царствовать привычку вековую [7]
Усвоила и грозных прав своих
Сопернице минутной не уступит.

---

1 Стрелять медведей наших; на [три дня]
2 а. Они собрались к нам, а [между тем
Приехали сюда с таким обозом,
Как будто на год жизни кочевой
Решилися. У каждого лакей,
У каждого железная кроватка.
Они привыкли к роскоши, к покою]
б. Они собрались к нам, а [привезли
Такую груду всякого добра,]
Такой обоз, что можно круглый год
В степи бесплодной кочевать безбедно
Ну что ж? Они богаты;
[Нужна им роскошь] — это всё понятно
3 [А между тем] я духом возмущен
4 [бесполезные]
5 *Этот и следующий стих зачеркнуты и восстановлены.*
6 а. Сервизы, несессеры, [батарея вин]
б. *Начато:*
[Богатые сервизы; Эта роскошь
В питье и яствах возмущает глаз
Привык]
Этот и два следующих стиха вписаны на полях.
7 *Начато:*
Здесь царствовать [привыкла самовластно
Соперничества]

Жестка царица эта. Во сто крат
Она отмстит за сутки униженья,
Когда опять останется одна
И населенью бедному предстанет
В своей обычной строгой наготе...
Я знаю лес; я со скамейки школьной
Почти что прямо в лес попал; весной,
Снимая планы, составляя опись, [1]
В такую глубь лесов я заходил,
Что иногда по месяцу случалось
Живого человека не встречать: так что ж
Мудреного — что изучил я лес?
Я в нем провел почти две трети жизни.
Скажи, когда тебя я не видал,
Дремучий лес! весенней ли порою
Иль в летний зной? иль осенью сырою,
Когда ты так богато населен,
Когда твое убранство так роскошно
И так непрочно? и заводишь ты
Утрат и скорби роковую песню?
Или, когда совсем уж обнажен,
Тоскливо ждешь ты зимнего покрова, [2]
Шатаясь весь, точь-в-точь как человек,
Желающий согреться на морозе,
Или тогда, когда посеребрен,
Разубран снегом, при сияньи лунном [3]
Стоишь ты бодро в мертвой тишине,
В той тишине морозной русской ночи,
Когда я, помню, думать был готов, [4]
Что даже звуки замерзать способны.
Такой невероятной тишины
Зимой в лесу я помню впечатленье: [5]
Стоишь — уйти не хочется, сознанье
Теряется, что властен [6] ты уйти.
В соседстве величавых, неподвижных

---

[1] Снимая планы, [сметы] составляя
[2] а. [Стоишь и] ждешь ты зимнего [наряда]
б. [Тревожно] ждешь ты зимнего покрова
[3] Или когда посеребрен[ный весь]
[Одетый в иней] при сияньи лунном
[4] Когда [на ум приходит иногда]
[5] [В лесу зимой бывают иногда
Такие ночи тишины глубокой]
[6] [можешь]

Дубов и сосен легкий звук, движенье
Казаться начинает святотатством,
И если вдруг, увидя страшный сон,
Взмахнет крылом проснувшаяся птица
И на другой опустится [1] сучок,
Или береза скрыпнет, как старуха,
Что кашляет впросонках на печи, —
Я вздрагивал, как будто услыхав
Живые речи на глухом кладбище...
Я знаю лес, но общества не знаю,
Не знаю жизни, потому, конечно,
Мне дико поведение господ,
Приехавших сегодня на охоту.
Да, да! я совершенно одичал.
Иной причины нет и быть не может!
А всё же странно, что они так грубо
С народом обращаются; так явно
Презрение свое, высокомерье
Показывают бедным мужикам!
С чего? пред кем кичиться?.. Или тут
Умышленного нет высокомерья? [2]
Тем хуже, если так — гораздо хуже!
Да, умысла тут никакого нет!
Им здесь народ необходим: медведя
Он им нашел, он обложил его,
Он им его в морозы караулил,
Он им к нему дорогу протоптал
И на своих голодных лошаденках [3]
Сюда привез их — и теперь пошел
В жестокий холод, по снегам глубоким [4]
Медведя выставлять на них, и он же [5]

---

[1] [усядется]

[2] *На полях набросок:*

Нет ошибаюсь я! Тут нет
Высокомерья, нет презренья

[3] *Вариант отдельного наброска:*

[Он на своих голодных лошаденках]

[4] *Вариант отдельного наброска:*

[В жестокий холод, по пояс в снегу]

[5] а. Медведя выставлять на них. [Они же
как боги всё приемля, не хотят
Почтить [несчастных] ласковой улыбкой]
б. Медведя выставлять на них. [Они же
Как боги всё приемля, не хотят

Поможет им отсюдова убраться.
(Ведь надобно сознаться, что уйди
Теперь народ, так этим господам
Самим и до деревни не добраться:
Замерзнут, как подстреленные волки.) [1]
Да, им народ здесь нужен. А меж тем
Они его трактуют так надменно,
И норовят на гривну обсчитать,
И жмутся от него, как от собаки,
Когда она, в болоте побывав,
Желанье отряхнуться обнаружит. [2]

<Действие II>

Квартира в городе Б-чах, очищенная жильцами на случай приезда **охотников**. Посередине роскошный накрытый стол, за которым **помещаются** охотники; у стены фортепьяно. Два дивана. Пообедав, охотники располагаются.

Остроухов

(садясь к фортепьяно, Мише)

Наш утренний горячий разговор
Напомнил мне забавные куплеты,
Которые когда-то я сложил

Почтить раба признательной улыбкой!
Не понимают — да не понимают,
Не понимают человека в мужике!
Когда ж поймут...]
в. Медведя выставлять на них. [Чего же
Кичиться [им] там, где надо бы сказать:
Спасибо!]

[1] *Отдельный набросок:*
[Ну, если так усилится мороз
И [что] невтерпеж прийдется бед<ным> бабам
а. И мужикам— и все [они ушли б]
б. И мужикам — и все они уйдут —
Ведь нашим господам в долгих шубах
а. Самим [бы до деревни не дойти]
Замерз[ли б] как подстреленные волки
б. Самим не дотащиться до села
Замерзнут как подстреленные волки]
Далее текст, кончающийся стихом «Желанье отряхнуться обнаружит».

[2] *Отдельный набросок:*
Как жмемся мы, завидев, напри<мер>
Мокрую собаку, чтоб не приласкалась

В минуту скуки; Глинка,[1] наш приятель,
На музыку тогда их положил,
И часто мы от праздности их пели,
Хоть им названье «Похвала труду».
Не хочешь ли, я их тебе спою?

М и ш а

Пой, сделай одолженье.

С у х<о т и н>

Пойте, пойте!

О с т р о у х<ов>

(поет)

Кто хочет сделаться глупцом и проч.[2]

М и ш а

Отличные куплеты!

С у х<о т и н>

Браво, браво!
А что всего странней, что их сложил
Ленивейший, бездеятельный трутень,
Вот, признаюсь, никак не ожидал,
Чтоб вы избрать могли такую тему
И так серьезно выполнить ее.

О с т р<о у х о в>

Что есть у нас, мы тем не дорожим,
Того нередко мы не замечаем,
Чего в нас нет — того желаем мы,[3]
И нам желанье ярче представляет
Предмета недоступного черты.

---

1 [общий]

2 *Текст песни см. выше, на с. 23—24.*

3 Нередко [даже и] не замечаем
Чего в нас нет — [нас то к себе влечет]

Вот почему, я думаю, удачно
Сложил я эту песню. Ну, теперь
Спой, Миша, нам фривольную балладу,
Которую ты давече читал.

Миша

Я не умею петь.

Сух<отин>

Ну, так прочтите!
Серьезные стихи нам не под лета,
Да и поэтов нет теперь таких.
Но, признаюсь, скоромные стихи, [1]
Без всяких умолчаний, без цензуры,
Люблю послушать!

Миша декламирует с пафосом и с наслаждением довольно длинное стихотворение. Чтение прерывается одобрениями и хохотом.

Сух<отин>

У вас талант, решительный талант!
Не знал за вами я подобной прыти.
Ну, поздравляю! Нет, я не шучу!
Баллада ваша, я вас уверяю,
Переживет всю эту дребедень,
Которую теперь поэты наши
Серьезно выдают нам за стихи.

Миша

Благодарю, мне очень лестно слышать.
На эти вирши я употребил
Не больше часа, если б постараться...

Остр<оухов>

Вот то-то: *если б!* У тебя ресурс
От праздности, от скуки, от унынья,
Какому позавидовать не грех,
А ты его забросил! Если утром

[1] [Я] признаюсь [люблю] скоромн[ый] стих.

Я резко, даже дерзко говорил,
Что ты ленив, что занят пустяками,
Так, верь, меня досада подстрекала,
Что человек с таким талантом...

Входит лакей.

Л а к е й

(к Сух<отину>)

Вас
Желает видеть здешняя мещанка
Тарусина.

С у х<о т и н>

Любезный мой Максим, [1]
Ужели сам не мог ты догадаться:
Я здесь не принимаю никого,
Устали мы, вставать нам завтра рано,
И нам не до того, чтоб принимать
Каких-нибудь уездных попрошаек.

Лакей медлит.

Ну что ж? иди, скажи ей так...

Л а к е й

Она
На попрошайку непохожа... Этак...
Лет двадцати.

С у х<о т и н>

(поспешно)

И хороша собой?

Л а к е й

По-моему, красавица такая,
Каких я в Петербурге не видал.

---

[1] Любезн[ейший] Максим,

С у х<о т и н>

(быстро вскакивает и подбегает к зеркалу, снимает колпак и надевает парик)

Проси, проси! Постой минуту. Я
Сниму халат...

М и ш а

Ну, это будет слишком,
У вас халат — он очень к вам идет —
В таком халате можно принимать
И герцогинь, конечно, не в салоне,
Но здесь у нас скорее будуар,
Разложены походные кровати...

С у х<о т и н>

Нет, в самом деле я не безобразен
В халате?

О с т р<о у х о в>

Нет! [1]

С у х<о т и н>

Проси же! да смотри,
Когда ты нам уродину покажешь...

Л а к е й

Увидите!

М и ш а

Посмотрим вкус Максима!

---

[1] С у х<о т и н>
Нет, в самом деле [мой халат ко мне
Идет?]
О с т р<о у х о в>
[Идет].

Лакей уходит и через минуту входит с Тарусиной, показывая ей Сухотина, к которому она и подходит.

Тарусина

(красивая и стройная девушка)

Простите, если беспокою вас,
Я случай упустить не захотела,
Которого, быть может, в десять лет
Опять не будет. [1]

Сух<отин>

Чем могу служить?
Прошу садиться.

Тар<усина>

Нет, не беспокойтесь.
Я слышала, вы важный господин, [2]
У вас большая власть, вам все знакомы,
Вы можете один меня спасти...

Сух<отин>

Спасти... Я рад... приказывайте смело...
Что сделать я могу для вас, скажите?

Миша

(тихо Остр<оухову>)

Директор наш уж таять начинает. [3]

Остр<оухов>

(так же тихо)

Не то чтоб он растаял, он скорее
Раскис...

---

[1] [Потом не дождалась бы...]
[2] Я слышала, [у вас большая власть]
[3] Директор наш [растаял уж]

Сух<отин>

Что, господа?

Миша

(громко)

Я нахожу,
Что у Максима вкус весьма недурен...

Тарус<ина>

Вы можете меня определить
К театру...

Сух<отин>

Не начальник я театра,
Но связи есть. А впрочем, прежде знать
Необходимо, есть ли дарованье?

Тар<усина>

Не знаю, есть ли у меня талант,
Но [1] страсть такая, что и сплю и вижу
Себя на сцене; дольше выносить...

Сух<отин>

Призванье, страсть — хорошие залоги,
Но есть еще условий очень много.
Вы здесь, в провинциальном городке,
Я думаю, актера не видали
Изрядного; имеете ли вы
Понятие об изученьи роли?
К какому амплуа вы полагаете
Себя способней?

Тар<усина>

Пробовала я
Себя во многом, но самой мне трудно [2]
Определить, к чему способна я...

---

[1] Но [знаю]
[2] Себя во мног[их ролях], но самой трудно

Сух<отин>

Однако, значит, вы же находили
Какие-нибудь средства изучать
Искусство ваше здесь?

Тар<усина>

Да, я училась...
Учусь я день и ночь.

Сух<отин>

Но у кого же?

Тар<усина>

У матери моей.

Сух<отин>

Она вас учит?

Тар<усина>

Она была актрисой, но меня
Она не учит; нет, она, напротив,
Мне это запрещает, находя,
Что это очень горькое искусство.

Сух<отин>

Не понимаю, как же можно вам
У ней учиться при таких условьях?

Тар<усина>

Она давно покинула театр,
Но им она и посегодня бредит.
У ней такая память, что она
Свои все роли помнит, и когда
Я лягу спать, или когда она
В прошедшее свое так погрузится,

Что ничего не помнит вкруг себя,
Она тогда [1] все роли повторяет
Тех героинь, которых представляла,
На цыпочках я к двери подхожу,
Дыханье притаив, — и изучаю...

Сух<отин>

Особенная школа, признаюсь!
Я думаю, в такой мудреной школе,
В таких условьях ни один артист
Не изучал искусства.

Тар<усина>

Я, за нею
Все роли повторяя, наконец
Их твердо заучила наизусть.
А впрочем, есть и несколько тетрадок,
Которые успела я спасти,
Когда она однажды, проклиная
Театр, их в печь бросала и клялась,
Что дочь ее актрисой никогда
Не будет.

Сух<отин>

Это дикое упрямство,
Конечно, вы пытались превозмочь?

Тар<усина>

Однажды после долгих убеждений,
Которые плода не принесли,
Взволнована, лишенная надежды [2]
И горем побежденная, в реку
Я бросилась: спасла меня старуха,
Но тут же объявила, что скорей
Меня увидит мертвой, чем на сцену
Отпустит...

---

[1] [опять]
[2] Взволнована, [убита сильным горем]

Сух<отин>

Как же вы хотите
Ослушаться старухи?

Тар<усина>

Я пришла
Просить вас, чтобы вы поговорили
С моей старухой; может быть, она
Послушается ваших убеждений,
А если нет, я всё равно уйду...
Скажите, вы хотите мне помочь?

Сух<отин>

Готов, готов, но прежде, повторяю,
Я должен знать, что есть у вас талант.
Не можете ли что-нибудь сыграть
Или пропеть. Быть может, вы поете?
Всего бы лучше. Кстати есть у нас
И фортепьяно: случай нам послал
Удобную квартиру; мы уж пели [1]
Немного сами: сносный инструмент...

Тар<усина>

Теперь не расположена я петь,
Но вы не будьте строги. Я готова
Вам песню спеть, которую певала
Я матери моей, когда еще надежда
Во мне была, что можно убедить
Упрямую несчастную старуху.

(Садится к роялю и поет.)

Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!
и проч. [2]

---

[1] [сами] пели

[2] (См. на особом листе). *(Примечание Некрасова). Ср. выше, с. 25—26.*

С первого куплета Миша и Остроухов, игравшие в пикет, приближаются к роялю. Все слушают с напряженным вниманием и по окончании остаются несколько минут в молчании, пораженные.

Все

Отлично! бесподобно! браво! браво!

Миша

И чудные слова — где вы их взяли?

Тар<усина>

Понравилась мне музыка одна,
Но к ней слова не шли, по крайней мере
Я не могла их петь, как мне хотелось,
И стала я по нотам подбирать
Слова другие,— так сложилась песня. [1]

Остр<оухов>

С огромным чувством спели вы ее.

Тар<усина>

В ней вся моя история.
Родилась я, как мать была актрисой...

Фрагмент ранней редакции сцены 1 действия I ИРЛИ

<Сухотин>

В охоте, господа, всего важней
Порядок — вы назначили меня
Директором сегодняшней охоты.
Прошу повиноваться не шутя [2]
Моим распоряженьям. Бросим жребий,
Кому которым нумером стоять.
Дай шапку мне, Ханжевич.

(Кладет в шапку несколько билетиков)

Выбирайте,

Барон, прошу покорно.

---

[1] Слова другие — [и подобрала]
[2] Прошу мне [подчиняться, господа]

Барон
(берет)

Нумер первый.

Миша
(берет)

Я третий.

Осгр<оухов>

Я четвертый.

Сухот<ин>

Я вгорой.

Осташев

Я, значит, пятый и последний.

Сух<отин>

Грушин!

Лесничий подходит.

Прошу вас за народом присмотреть,
Чтоб не шумели, к кругу подходя,
И верно цепь держали. Очень рад,
Что вы случились тут. Вы местный житель.
Вы знаете охоту. Присмотрите, [1]
Чтоб не было мальчишек мелких. Глупо
Опасности их подвергать; притом
Они и пользы принести не могут.

(К Остроух<ову> и проч. охотникам)

А вас прошу не бегать с нумеров
Друг к другу, не закуривать сигар,
Мест не менять, за цепь не выдвигаться
И метко, разумеется, стрелять.

---

[1] Вы знаете [народ. Да] присмотрите

Хан<ж>евич, можешь ты при мне остаться,
А вы подвиньтесь за последний нумер.

Осташев[1]

Какой чудак! он вздумал нас учить.
Серьезно в роль директора он входит...
Мне нужно адъютанта отыскать.

(Уходит к народу.)

Миша

Мне издали загонщиков толпа
Каким-то сбродом нищих показалась,
Оборванных, унылых, испитых.
Посмотрим ближе.

(Подходит к народу вместе с Остроуховым.)

Осташев уж тут,
Уж он с прекрасным полом балагурит!

Остроухов

(оглядывая народ)

Наброски диалога Остроухова и Миши (сцена 3, *действие I) ИРЛИ*

<1>

Остр<оухов>

Случалось видеть нам[2]
Что люди [проводившие свой век
В гостиных, в ресторанах, в бардаках
Администраторами] стали!

---

[1] *Начато:*

Осташев
Директорскую речь

[2] *Перед этими словами начато:*

а. Шутишь, милый мой
б. Впрочем [что ж]
в. [А впрочем это может и случиться
Не раз уже видали мы]
г. [Да может быть.]

<Миша>

Спасибо! ты сегодня очень зол
Я впрочем генерал уж третий год
Начну серьезно службой заниматься

<Остроухов>

Извини
За резкость, милый мой: природа эта,
До беспощадности суровая, меня
Располагает к правде
Пустую жизнь ведете вы друзья
И хорошо вы делаете впрочем
Из вас людей не выйдет [хоть вы] [1]
[Гражданами себя вообразили
Мы в корне все развращены
Не крепостник — не значит человек
Твое несчастье моему подобно.
Ты папенькин сынок — вот вся беда
Ребенком ты зачислен в клуб, на службу
Ты кажется теперь уж генерал
И носишь этот чин самодовольно
А между тем: не сам ли ты твердил [2]
Что было дурно крепостное право

Миша

Я был всегда за крепостное право
Против свободы я протестовал

Остр<оухов>

Тем хуже для <тебя>. А я веду
Веду к тому что это генеральство
Ты также не по праву получил
Входя в кружок людей,
Где чествуют тебя как генерала,
Встречая на конверте титул свой, [3]
Краснеть ты должен,— ежели случится

[1] Из вас людей не выйдет [уж, увы]
[2] *Начато:*
А между тем: [ведь стыдно же тебе]
[3] Встречая на конверте громкий титул

На деловой бумаге подписаться [1]
На векселе... Что делаешь ты? Лжешь! [2]

<Миша>

Одно тут понял я
Что ты себя считаешь человеком
И возражу твоими же словами:
Не генерал — не значит человек]

<Миша>

Не ты бы говорил, не я бы слушал [3]

<2>

<Миша>

Ты кажется в Европе одичал!
Чего ж ты ждал? Что здесь ты думал встретить?
У нас есть шаркуны,
кутилы,
умеющие петь романсы
дилетанты музыки,
акробаты и эквилибристы служебные.
Какие мы могли развить в себе таланты,
Такие и развили —
Начинают появляться
новые судьи,
адвокаты

---

[1] [рас]писаться
[2] *Вариант отдельного наброска:*

<Остроухов>

Тем хуже для тебя. Я говорил,
Что мы еще не граждане.
На векселе подписывая свой
Почетный титул — лжешь

[3] *Далее реплика Остроухова, начинающаяся стихом «Ну, я, мой друг, отпетая статья» (с. 250—251).*

<3>

Миша

Ужели ни в ком из тех,[1]
Которые в последние года
Вели реформы, в чем-нибудь успели,
Не признаешь ты честного труда
И бескорыстной цели?

<4>

Остроухов

Я жизнью не хвалюсь моею
Ты знаешь тягощусь я ею[2]
Мне ненавистна роль моя.
Но что же делать буду я?
Там слишком молодо, там гнило
Не тянет просто никуда,
А дни уходят, гибнет сила
Нет веры, знаешь...[3]

<Миша>

Так всегда
Мы маскируем апатию
Однако любишь ты Россию?

Остроухов

Когда б ее я не любил
Давно б я за границей жил

---

[1] *Начато:* Ужели [в тех]

[2] *На полях набросок:*
Я не желаю никому
Тех

[3] *Отдельные наброски:*
Не спорю я, бездействие томит,
Но дела я себе не вижу

А жизнь уходит, гибнет сила,
Там слишком молодо, там гнило
Куда пристать?..

Там ложь, там гниль, там соверш<енный> вздор
[Посмотришь] Ну словом, есть и смелость и задор
А в сущности холопство высшей школы!
Нет лучше те которые ловчат

<5>

<Миша>

А разве лучше ты живешь?
Сначала в крайности вдавался[1]
Под старость разочаровался
Или вернее: испугался
И даром русский хлеб жуешь

<Остроухов>

Положим, разочаровался,
Положим даже испугался,
Как говоришь ты, я —
И провожу немало дней без дела

<6>

<Миша>

Как ты ни строг
Прогресса ты не отвергаешь.
Кому ж Русь им обязана? Ты знаешь

<7>

<Миша>

Поверь мне, друг мой, слейся с нами
Расставшись с крайними мечтами
С пр<авительством> иди рука с рукой,
Хорошие нам люди нужны,
С тобою N и <*пропуск*> дружны,
Они тебя выведут как раз туда,
Где ты можешь быть полезен[2]

---

[1] Сначала крайностям [безумным предавался]
[2] *Другой вариант наброска:*
Послушай — слейся с нами
Нельзя же век идти с задорной молодежью,
Хватающей через край
Я пользы в ней не отрицаю,
Но сознайся — что сделано
То сделано нами

<8>

Совсем не подлость, милый мой,
Неведенье, безмыслие, рутина

Не то что правду ненавидят,
Не то чтоб послужить желали сатане,
Готовы[1] быть на честной стороне
Да честной стороны не видят.

На этом держится секрет,
Что люди ловкие владеют нашим мненьем

<9>

Русское добродушие, русская готовность подчиниться ярму — и проч.

<10>

А впрочем ум последняя статья:
Как мало мы закон ни уважаем,—
У нас неуважение к уму
Сильней неуважения к закону...

<11>

Нет вы не подлецы, нет вы не идиоты,
Но вы плохие патриоты.
Чтоб стать хорошими людьми,
Безделицы вам нехватает:
Считайте кровными детьми
Народ[2]

<12>

<Остроухов>

Я пробовал — не вышло ничего
Прок выйти мог бы нежеланный!

---

[1] [И рады]
[2] *Другой вариант наброска:*
Нет вы не дураки не идиоты,
Но вы плохие патриоты
В вас нет ни веры ни любви
Зачем проклятые интриги
Пожалуй втянешься

Люблю я мужика, хочу любить его,
Но рядом с ним какой-то холод странный

Страшно, что втянешься

Делай добро около себя.

Я делаю: когда вижу голодного — даю ему хлеб, больного — лечу; я не из тех, которые говорят, что подавать нищим грош — значит посягать на общественную нравственность, а брать у нищих последний грош — не значит посягать на об<щественную> нр<авственность> — как вы думаете, господа?

Пускай тебе много интриг встретится, что-нибудь сделаешь; теперь уже есть в России об<щественное> мнение

Пож<алуйста>, не гов<ори> [1]

Наброски монолога Лесничего (сцена 5, действие I)
ИРЛИ

<1>

[Из школы, прямо со скамейки школьной [2]
Попал я в лес. Случалось мне весной
Снимая планы, опись составляя
По месяцу живать в бору дремучем
И хорошо я изучил леса.]

<2>

[Дремучий лес! сроднился я с тобой
Издавна мы друг другу не чужие,
Век буду помнить сумерки лесные
И зимней ночи мертвенный покой!
Когда б я мог живого человека
Так изучить как изучил я лес
И странно было б леса мне не знать
Как зверь провел я в нем две трети жизни
Скажи когда тебя я не видал
Дремучий лес, весенней ли порой
Иль в летний зной, иль осенью сырой [3]
Когда твое убранство так богато

---

[1] *Ср. ст. 161 и след. окончательной редакции.*
[2] *Перед этим стихом начато:*
Со скамейки школьной
[3] [гн<илой?>]

И так непрочно — и выводишь ты [1]
Утрат и скорби роковую песню] [2]

<3>

[Скажи когда меня ты не видал
Своим всегдашним дружелюбным гостем?]
[Весною ли, когда ты оживал
От зимних холодов отогреваясь
И весь доступен солнечным лучам
День ликовал, а ночью забывался
В какой-то мимолетной, светлой грусти] [3]

<4>

[Я знаю лес, но [я людей] не знаю
Не знаю жизни; потому, конечно,
[Не нравятся мне эти господа]
Другой причины нет и быть не может.
Да, да! я совершенно одичал
А всё же странно, что они так грубо
С народом обращаются; так явно
Презренье свое, высокомерье
Показывают бедным мужикам!]
[Они умны и нынче век не тот
Чтоб хвастаться подобными чертами
В характере; газеты нам твердят
Что]
С чего он так, пред кем
Ломается? Или тут
Умышленного нет высокомерья? [4]

---

[1] Когда тво[и] [покровы] так богат[ы]
И так непрочн[ы] — и выводишь ты

[2] *Далее текст, кончающийся стихом «Желанье отряхнуться обнаружит» (с. 253—255).*

[3] *Начато:*

[Тогда ли как веселая весна
Тебя рядила в новые одежды
И целый день ты радостно стоял
И весь доступен сол<нцу>]

[4] *Отдельные наброски:*

[Не нравится мне также обращенье
С народом этих чопорных господ.
То правда: мужиков они не бьют
И]
[Умышленного нет высокомерья,
А просто расстоянье так велико,

<5>

Я знаю обитателей лесных;
Когда заря готова загореться
И первых птичек полусонный лепет
Проносится — еще невнятно, мягко
Как шум дождя по листьям молодым,—
Могу я отличить любую птичку;
По бегу отличаю я зверей
По голосу могу определить
Добычу ли желая подманить [1]
Иль просто тешась, то свистит лисица [2]
По-заячьи, то хрюкнет барсуком
И волчий голос: вовсе непохож [3]
Волк с лаем догоняющий добычу,
Товарищей зовущий на добычу [4]
И лающий зимою на луну.
Совсем иное чувство шевелится. [5]
Ему бы позавидовал актер
Играющий на сцене Уголино
Не на луну он [6] лает: он с упреком
Глядит на небо жалуясь ему
На лютый голод на зиму лихую [7]

Что нужны, может быть, десятки лет,
Чтобы наполнить бездну]

[1] Добычу ли [преследуя свою]
[2] а. Иль просто тешась, [воет волк суровый]
б. *Начато:* Иль просто тешась, [хитрая] лисица
[3] *Перед этим стихом начато:* [Волков]
[4] *Перед этим стихом начато:* [Сзывающий]
[5] [У волка есть три голоса: одним
а. Он манит самку, есть другой, [которым]
Товарищей сзыва[ет] на грабеж —
На медленном ходу
б. *Начато:*
Он манит самку, есть другой, зловещий
Товарищей сзывая на грабеж —
а. И третий,— этот стон [я слышал]
б. И третий,— этот стон невыносимый
Почти не умолкает по зимам
а. [В больших] лесах он сердце надрывает
б. У нас в лесах: он сердце надрывает
Не страх не опасение в груди
Совсем иное чувство шевелится]
[6] [волк]
[7] *Отдельный набросок:*
А волки будут лаять на луну
Мне волка <*3 нрзб*>
Не на луну он лает

<6>

Ну если так усилится мороз
И невтерпеж прийдется бедным бабам
И мужикам — и все они уйдут
Ведь нашим господам в долгих шубах
Совсем не дотащиться до села
Замерзнут как подстреленные волки [1]

II

Варианты автографов ИРЛИ

Вм. 108—109 Читай эпитафию! Скорей — импровизация.
Готова! Я только приглашенья ждал:
113 И славный был администратор

Перед 221 [Посланник

...Да видя эту скудную природу
Не можешь к убежденью не прийти
Что этому несчастному народу
Сам бог к развитью заградил пути

Саб<уров>

Я сам давно так думаю: нелепо
С природой спорить!]
221—222 [Ну что] барон? вы видели природу
Вы видели народ наш?

Посл<анник>

[Да видел] И не мог
225—228 Да! да! непобедимые условья!
[При них развитье было бы бедой:
Ему нужна] бесчувственность воловья
[Чтоб выносить суровый жребий свой!]
226 И к счастию народ не выше их
234 В таких условьях [развивать] народ

---

[1] [Ну [О] если [б] так усилился мороз
Что невтерпеж приш[лось] бы бед[ным] бабам
И мужикам — и все они ушли б
Ведь нашим господам в долгих шубах
Совсем бы до деревни не дойти
Замерзли б как подстреленные волки]
Далее текст, кончающийся стихом «Желанье отряхнуться обнаружит» (с. 255).

237—238 [В дарах природы видим мы] избыток
[В чужих краях,] по милости судеб
239 А здесь один суровый [черствый] хлеб
242 а. [Хоть век трудись] что тут достанешь?
б. Болота, мхи... пески... куда ни взглянешь
243—244 *переставлены местами*
245—248 *вписаны на полях*
245 А здесь — [хоть] например зимой
249 [А] здесь мужику [что] вышел за ворота
254 а. На [тяжкий труд на беспрерывный] бой
б. На [темный труд на непрерывный] бой
255—256 [И не без цели] оградила
[Глубокого] невежества броней
257 а. Его удел [невежество], [рас]путство
б. Его удел — [убожество], беспутство
в. Его удел — [безграмотство], беспутство
Вм. 258 [Борьба с медведем, с волком, с кабаном,]
261 [So, so...] Ja, ja...
Вм. 294—296 Настолько норовим образоваться
Чтоб на чужие плечи нам забраться
И выгодно проехаться на них
321 И в стороне стоял один печален
323 Он рук в грязи [тогдашней] не марал
Вм. 326—336 О ком ты говоришь?

<М и ш а>

В литературе
Описан он достаточно: его
Тургенев лишним называл; в натуре
Он честный благородный шалопай
Следивший за движеньем европейским
Достаточно снабженный всем житейским[1]

О с т р <о у х о в>

Да это — я![2]

<М и ш а>

Как хочешь понимай
А я теперь лишь начал понимать
Как он был чист, как он далеко видел

---

[1] *Ср. с. 288, вариант ст. 326—331.*
[2] *Рядом запись:* Лучше мы

Вм. 369—371 Но зато его и ныне я
Не могу не уважать
Что лежит на нем уныния
395 [Господь с тобой! Бросайся прямо в пламя]
397 [Но кто держал когда-то то же знамя]
402 [На полпути!]

Отдельный набросок к сцене 4 ИРЛИ

Сказать вам откровенно
Не друг я нынешних реформ
Да! будь дворянство просвещенно
А для народа был бы корм!
И разве прежде хуже было!
Вот например солдат у нас

Фрагмент первоначальной редакции сцены 5 ИРЛИ

<М и ш а>

Пришел я к крайнему пределу
Я тверд по мере сил: служить
Не стану я дурному делу,
За добрым рад ни есть ни пить

Но иногда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкий
Перед влиятельным лицом,

Увы! вошло в мою натуру!
Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Всех николаевских годов

На всех рожденных в 25-м
году — и около того —
Отяготел жестокий[1] фатум,
Не выйти нам из-под него[2]

Как быть! счастливые условья
Меня от многого спасли,
Но годы робкого безмолвья
Свой плод печальный принесли!

[1] [особый]
[2] *Следующее четверостишие вписано на полях.*

Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу
Но гибнуть жертвой убежденья
Я не хочу — и не смогу!..

Не будет ли? Согласен ты со мною,
Что все-таки чего-нибудь я стою?
Конечно, я безгрешен не совсем:
Я числился, я получал оклады
Но у меня теперь другие [1] взгляды
Энергия такая между тем...
Ведь если ты таких как я бракуешь,
Откуда же людей ты навербуешь,
Чтоб новые порядки водворять?
Мы все такие — лучше негде взять!

О с т р <о у х о в>

А те, что в стороне стояли?

<М и ш а>

Идеалисты? Те пропали! [2]
Да! одного я встретил! пылок, чист
Каким он был — таким остался,
Но Бахусу отчаянно предался
И стар, как возращенный декабрист.
В них вообще теперь немного толку.
Мудрейшие достали втихомолку
Такого рода прочные места,

1 [такие]
2 *Далее:*
[Есть, правда, есть и прежние бойцы,
Но как они одрябли, устарели!
У них другой не замечаю цели
Как пошуметь, на это молодцы!
Расходятся — удерживай за полы!
Там гниль, там дрянь, то ложь, а это вздор —
Ну словом есть и смелость и задор,
А [всмотришься] в сущности холопство высшей школы!
[Иные] Другие явно предали: душой
Преобразились в диких ретроградов!
Я б мог назвать презренных этих гадов,
Но умолчу. По трусости иной
Иной по самолюбью замарался
Иной как был, так и остался чист]
Затем текст, начинающийся стихом «Но Бахусу отчаянно предался» (с. 279).

Где·служба по возможности чиста,
И, средние оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живут себе под старость припевая.
Теперь зато клеймит их иногда
Предателями племя молодое,
Но я ему сказал бы: погоди!
Сообрази то время роковое
По новому о старом не суди[1]
Ты на́чало весеннею порою
При блеске солнца, хоть с грозою
Потом и встретилось по прихоти судьбы,
А мы? припомни! нужен гений,
Чтоб после стольких впечатлений
Остаться годным для борьбы!..
Бог на́ помочь! бросайся прямо в пламя
И погибай...[2]
Но, кто твое держал когда-то знамя,
Тех не пятнай!
Не предали они — они устали
Свой крест нести,
Покинул их дух Гнева и Печали
На полпути!

Остр<оухов>

А молодежь?

Миша

О ней когда-нибудь.
Мы кажется окончили наш путь...

---

[1] *Следующие шесть стихов вписаны на полях.*
[2] *Отдельный набросок:*
А те, мой друг, покинутые <*нрзб*>
Как говоришь ты в <*нрзб*> тогда
а. Увы они все без вести пропали
б. Увы они как в рот воды набрали
а. Теперь зато бранит их иногда
б. Теперь зато честит их иногда
[Отступниками] Предателями племя молодое
А я ему сказал бы: погоди
То было время не твое — другое
По новому о прошлом не суди!
Бог на́ помочь! Бросайся прямо в пламя
И погибай!

Лесничий

(подходя)

[Пришли] На нумера извольте становиться —
Вам здесь, вам тут. Теперь нельзя курить
И громко говорить здесь не годится

(Ставит охотников на №№, в расстоянии 60—70 шагов друг от друга.)

Миша

Что ж можно?
Можно водку пить.

Две редакции не вошедшего в окончательный текст ИРЛИ продолжения монолога Миши

<I>

После 521 Я лучший перл [с] души [моей] достал
Чистейшее мое воспоминанье!
Мне стало грустно... [Буду продолжать]
[Однако же по-прежнему шутливо

Размер другой мне стоит только взять
И дело мы окончим живо,
Чтоб оценить меня ты мог
Теперь я [подведу] [подвожу] итог]

[Я описал тебе то время
Когда родились мы с тобой,
В какую почву бросишь семя
Таков и плод, любезный мой!]

[Хоть я не гений по природе
Но я опередил тот] век
Когда бесчинство [было в моде]
Я вел себя *как человек*

Я дебоширство ненавидел,
Людей коляской не давил,
На Невском — девки не обидел,
Стекла в трактире не разбил

Я время проводил не в ссорах,
Не в кутежах тогдашних дней

Но в бескорыстных разговорах
О меньшей братии моей.

Писал стишки, читал [хоть] мало,
Не только взяток я не брал
Но шепотом, как подобало.
Я против них протестовал...[1]

[О, сам себе я знаю цену,
От века я не отставал,]
Когда прогресс [пришел] на сцену
Я вел себя *как либерал*

Плод накопившегося горя —
О старом зле статьи писал,
[К] уставн[ым] грамот[ам] не споря
[Охотно руку прилагал:]

[Почти что самой высшей] нормы
[Крестьянам выдал я] надел;
Хвалил судебные реформы
Быть членом земства я хотел

Не вижу зла в свободной прессе,
Шагов попятных не хочу,
Но спотыкнулись мы в прогрессе
Я выжидаю и молчу...

[Теперь я знаю:] должен я бы
Вести себя *как гражданин,*
Но милый друг [толчки, ухабы,]
Как раз останешься один

<II>

Я лучший перл со дна души достал —
Чистейшее воспоминанье!
Мне стало грустно... Надо попадать
По мере сил опять на тон шутливый
  Четырехстопный ямб — игривый
  Возьму — и стану продолжать[2]

---

[1] *Далее повторено и вновь зачеркнуто четверостишие «Я описал тебе то время...» (с. 281).*
[2] *Следующее четверостишие вписано на полях.*

Внимай же мне! тебе представить
Я доказательства хотел,
Что легкомысленно бесславить
Меня ты права не имел

Во-первых: отразился мало
На мне тот полудикий век:
Когда бесчинство процветало
Я вел себя *как человек*

Я дебоширство ненавидел,
Людей коляской не давил,
На Невском — девки не обидел,
Стекла в трактире не разбил

Я время проводил не в ссорах,
Не в кутежах тогдашних дней
Но в бескорыстных разговорах
О меньшей братии моей.[1]

С крестьян завещанных отцами
Взимал умеренный оброк[2]
Не брал сушеными грибами
И не копил полотен впрок

Писал стишки, читал не мало,
Не только взяток я не брал
Но шепотом, как подобало
Я против них протестовал...

А во-вторых: ты верно слышал
В газетах может быть читал[3] —
Когда прогресс на сцену вышел
Я вел себя *как либерал*

Плод накопившегося горя —
Писал статьи о старом зле,
С уставной грамотой не споря
Не погребал ее в столе

---

[1] *Следующее четверостишие вписано на полях.*
[2] Взимая [маленький] оброк
[3] В газетах [верно ты] читал

Хоть и не свыше данной нормы
Я тотчас утвердил надел;
Хвалю судебные реформы
Быть членом земства я хотел [1]

Не вижу зла в свободной прессе,
Шагов попятных не хочу,
Но спотыкнулись мы в прогрессе
Я выжидаю и молчу...

Что ж в-третьих? В-третьих должен я бы
Вести себя *как гражданин*
Но милый друг все люди слабы,
Как раз останешься один [2]

Фрагменты первоначальной редакции диалога Миши и Остроухова (сцены 3—5) ГБЛ

<1>

После 113 [О с т р <о у х о в>

Наговорил бог весть к чему
С три короба, а свел к тому,
Что вы не бьете по сусалам!

М и ш а

Умей довольствоваться малым,
Поспешность, говорят, недуг.
Кто хочет скоро, тот мечтатель
«Нельзя же вдруг», —
Сказал один писатель.
Всё чередой придет, поверь.
Далеко ль, приведи-ка в ясность
То время, как слова «свобода», «гласность»,
Которыми набили мы теперь
Оскому, как незрелыми плодами
и проч., см. прод.]

---

[1] Писано в феврале 1867 года. *(Примечание Некрасова.)*
[2] *Отдельный набросок:*
Я человек обыкновенный,
Но человек я не дурной,
Не вор, не взяточник презренный
И не плантатор столбовой

<2>

[Миша

Не так я глуп, чтоб самому не знать,
Чего во мне недостает, мой милый,
А ты не так умен, чтобы понять,
Что все-таки чего-нибудь я стою.
Когда во мне ты что-нибудь признал
Хорошее — я тем себе обязан,
В моих же недостатках виновата
История!

Остр<оухов>

Ты далеко хватил!

Миша

Дай досказать! не суйся с пустяками!

Остр<оухов>

Ну, говори! да говори стихами!

Миша

Изволь, изволь — не собьюсь, поверь!
Далеко ль, приведем-ка в ясность
То время, как слова «свобода», «гласность»] [1]
Припомни-ка то время золотое,
Которого исчадье мы прямое [2]

Варианты наборной рукописи ГБЛ

Вступительная ремарка

Зимняя картина. Поляна, занесенная снегом, кое-где деревья, пни, кустарники; впереди сплошной лес. По направлению к лесу без дороги,[3] кто на лыжах, кто на четвереньках, кто барахтаясь по пояс в снегу, тянется вереница загонщиков, человек сто: мужики, отставные солдаты, бабы, мальчики и девочки. Каждый и каждая с дубинкою, у некоторых мужиков ружья. За народом Савелий, окладчик, продавший медведя и распоряжающийся охотою.[4] По дороге, протаптываемой народом, пробираются, часто [5]

---

[1] *Далее ст. 265—274 окончательной редакции.*
[2] *Далее ст. 307 и след. окончательной редакции.*
[3] [целинами]
[4] [загонщиками]
[5] [нередко]

спотыкаясь, господа охотники. Впереди князь Воехотский, старик лет 65-ти, сановник.[1] За ним барон Ш., нечто вроде посланника, важная надменная фигура, лет 50. Они изредка переговариваются с Воехотским, но оба они более заняты трудным процессом ходьбы.[2] За ними Миша, плотный полнолицый господин лет 45, действительный статский советник, служит; рядом с ним Пальцов, господин лет 50-ти, не служил и не служит. Они горячо разговаривают.[3] Далее, немного поотстав, Карташов, молодой гвардейский офицер, в сопровождении двух баб, выбранных из загонщиц. Они несут ему ружья. Он болтает и смеется с ними, называя их своими адъютантами. При каждом охотнике егерь.

Миша и Пальцов. Пальцов, продолжая прежний разговор.

Вм. 1 [Нет, нет!
Не меньше твоего претит душе моей!]
19—22 *вписаны на полях*
22 Бросая тысячи какой-нибудь цыганке
30 И [ежедневно] напиваться
52 Одно я только [пропустил]
60 Встречаем мы и в [модном] мире
75—78 *вписаны на полях*
82 Под град [затрещин] и пощечин
87 [«Конечно в этом чуда нет»] [4]
121 [Заметна рьяная забота]
128 Как прежде стонет твой народ
143—145 а. [Есть [неподкупный,] честный либерал,
Есть [прогрессист, есть] консерватор,
[Есть даже] — ты не ожидал? —
Великорусский радикал!]
б. [Но есть и честный либерал,
Есть пресловутый консерватор,
А рядом — ты не ожидал? —
Великосветский радикал!]
После 154 *следуют 105—113; вм. 105—106:*
[Чего ж еще? Мы не без цели
Администраторов коснуться не успели
О них судить не нашему уму...] [5]
191 Как [негодяям] рукоплещем
216 [Трещат и] пятятся назад

[1] [тайный советник, член какого-то важного учреждения]
[2] заняты процессом ходьбы, [представляющим [некоторые] значительные трудности. При них с]
[3] *Далее начато:* а. [Потом за] б. [Шествие замыкает]
[4] *Реплика Миши.*
[5] *Далее зачеркнутый фрагмент диалога (см. выше, с. 284).*

После 216 [Когда писатель наш любимый
Внезапно глупость сочинит
Когда администратор чтимый
Свихнется — злу понаровит
Как мы стремительно и смело
Бросаем грязью в них тогда [1]
Подставить ногу — наше дело,
Помочь подняться — никогда! [2]
Не содрогнется ни в едином
Душа пред мыслию простой [3]
Что меньше честным гражданином,
Что меньше умной головой!
Мы торжествуем непритворно...
А почему? Прошу покорно
Узнать! Писатель бедный мой
Быть может ты в труде как в друге
Искал спасения в недуге
В душевной буре роковой]
[Нет, словно праздник нам утрата...
Понять бы можно как-нибудь,
Что рады случаю лягнуть

---

[1] *Начато:*
а. [Как мы охотно, дружно, смело]
б. [О как мы в грязь их топчем смело]
в. [<*нрзб*> их в грязь втоптать тогда]
г. [Как торжествуем мы тогда]

[2] *Отдельные наброски ИРЛИ:*
а. Администратор покачнулся
Писатель глупость сочинил
Ура! весь город встрепенулся
б. Администратор оступился
Писатель глупость сочинил
Ура! Весь город оживился
Как будто праздник наступил!
Подставить ногу наше дело,
Помочь подняться — никогда

Прошел паденья миг позорный и он

Весь пыткой нравственной измятый,
Уже опять с своим пером,
Как землекоп с своей лопатой
Перед мучительным трудом,—
Он снова Музу призывает.

[3] [Хоть бы] на миг, [хоть бы] в едином,
Душа [стеснилася тоской,]

Собраты падшего собрата...
Но ты, о публика моя,
Чему ты рада?...]

[Миша

Знаю! я
Со многим, что ты говорил,
Согласен, хоть оно и строго,
Но ты историю забыл,—
Припомни, рассуди немного
И ты утешишься, поверь]
Перед 221 а. ...пока не начали кричать
б. [Мы можем разговор наш продолжать
Пока кричане не начнут кричать]
230 [Условиям,] которые родит
После 304 *следовал диалог, приведенный на с. 285 под цифрой <2>*
326—331 В литературе
[Известен] он достаточно, его
Прозвал [Тургенев] «лишним»; [по] [своей] натуре
Он [честен был, но был большой] лентяй,
Избыточно снабженный всем житейским,
Следивший за движеньем европейским.
После 333 [Его тогда судили слишком] строго,
[И я теперь лишь] начал понимать,
[Как он был чист, как он далеко видел,
Как честно, хоть бесплодно ненавидел,
И шапку перед ним готов я снять]
344 [Всюду был ты всем] чужой
375 [Молчаливой] укоризною
После 376 [Припомнил ты то время золотое,
Которого исчадье мы прямое?..
Оно прошло, хоть не весьма давно
Родители же наши полагали,
Что вечно не изменится оно,
И ловко нас к нему подготовляли][1]
379 [Да ведь и прок теперь бы был от них]
380 [Раз] одного я встретил: [зол], рьян, речист
Вм. 392—394 Но я ему сказал бы: [пережить
И уцелеть в] то время роковое

---

[1] *Эти шесть строк представляют собою отдельный набросок.*

[Не значит ли всю силу положить?]
Вл. 403—414 а. [Припомнил ты то время золотое
Которого исчадье мы прямое? [1]
Пойдем же дальше строгий критик мой!
[Над уровнем тогдашним приподняться
Трудненько было: очень может статься,
Что я пошел бы торною тропой
Но счастье не дремало надо мной!]]
б. [Чему, откуда было поучаться?
Где стойкости гражданской набираться
По счастью вывез добрый гений мой
[Чрез] одного мечтателя такого
Случайно я наткнулся на другого [2]
Сам за себя он громко говорил!...
Кто знал его, кто был с ним лично близок,
Тот, может быть, чудес не натворил,
Но ни один покамест не был низок!
Белинский был особенно любим
Почти ребенком я сошелся с ним...]
в. [[Чтоб этот очерк мой возможно] полон был
Теперь припомним истинных светил
Окрасивших то время роковое
Белинский жил тогда, Грановский жил
Еще им равных двое-трое [3]

---

[1] *Отдельный набросок ИРЛИ:*

Время гнусного бесславья
Поголовного стыда,
Бездну нашего бесправья
Мы [изведали] измерили тогда
Словно
Все замешаны гуртом,
Кроме подлости, спасенья
Мы не чаяли ни в чем

[2] *Отдельный набросок ИРЛИ:*

<Миша>

[По счастью я наткнулся на такого
Мечтателя гуманно развитого
(Моя наклонность к рифмам и стихам
Сойтись тогда способствовала нам)
И думаю, что всем ему обязан...

Остр<оухов>

Однако чем?

Миша

Прошедшим я не связан.]

[3] Еще [найдется славных] двое-трое

На них тогда молилось всё живое
Белинский был особенно любим
После 413 Не знаешь ты каков Белинский был?
Кто знал его кто был с ним лично близок,
Тот может быть чудес не натворил,
Но ни один покамест не был низок.]

По счастью рано я сошелся с ним
417 [И я когда-то преклонял колени]
После 445 *(молчание)*
а. [Однако ты меня изрядно раскачал!
Я для тебя нечаянно, признаться,
Из сердца самый лучший перл достал!]
б. [Как ты меня однако взволновал!
Не шуточное вышло излиянье] [1]
446 Грановского я [очень] близко знал
Вм. 455—457 [Где ясный слог? где честный жар?
Точь-в-точь как человек с которым]
приключился
Апоплексический удар.
[Язык закостенел и разум помрачился!]
459 [Всем нашим чувством, знаньем,] даром!
463 Прошел твой [чистый] образ.
[Мужественный гений]
466—467 Готовил ты [стране полезных] сыновей,
Предвидя [солнышко] за непроглядной далью
481 [Звезда] надежды медленно всходила,
498—499 Смешон и муж поверженный в хандру
а. Больной тоскою постоянной
б. Убитый грустью постоянной
500—503 *предшествуют 496—499* [2]
503 И [истины паденье замечая]
После 511 *ремарка: (молчание)*
Вм. 512—513 Да! были личности!.. [Они спасли народ,
Спасли в нем дух живой] во времена крутые!
После 519 *ремарка: (молчание)*

Вариант ст. 130—133 (письмо Боткина к Фету)

130—133 Беги от подлых шулеров,
От старых баб и франтов модных

---

[1] *См. выше, с. 281—284 (две редакции продолжения монолога Миши).*

[2] *К ст. 496—503 приводятся варианты отдельного наброска.*

И от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных

Варианты ОЗ

Вступительная ремарка *Конец (после: «Они горячо разговаривают») как в автографе ГБЛ*

383 С них вообще теперь не много толку

III

Наброски и заметки ИРЛИ

Он не идет
Как контрабанду он себя проносит
Противный либерал

Муж чуден, а жена еще чудней
И в государственной премудрости своей
Хлопочут об одном неутомимо
Чтоб портилось добро, а зло не улучшалось
Таких хлопотунов довольно на Руси

Любитель полумер,
К той партии он век принадлежал,
Которая о том вотще старалась

И век хлопочут об одном,
Чтоб испустить последний вздох
В полезной той работе
Как старый пес мой, что издох
Над гаршнепом в болоте

Князь Чернышев когда-то проезжал
Через один уездный городишко

Проезжая [в Сибирь] по ревизии взяли где-то в Перми писаря (история Гулькевича (?))

О знакомстве с Пушкиным. Но Ленский конечно не имел охоты узы брач<ные> нести.
С Крыловым (см. Вигеля).

Ну это что за бедность
Вот был он послан в Киев

Анекдоты о помещике, бравшем по 40 р. за хлеб и пр.
Об импер<аторе>
Юбилей за 50 лет бездействия
В Витебской губернии люди-лошади
О мундире через 49 лет спросить Зубкова
Рассказы Г. М. <Толстого (?)> (ист<ория> инженера)
Переправа через Березину (Лажечников)

Попробовал быть в клубе старшиной
Заказывать обед — и к столу

И так меня доехал наконец
Он вежливостью этой, что творец

Напиши-ка мне письмо к празднику

Славянофил-католик

И постоянная (?) бесплеменность
Смерть без родины всё изгладила
и изгладила смерть

Кандидат на престол мексиканский

Приятно встретиться в столице шумной с другом
Зимой
Но друга увидать идущего за плугом,
В деревне в летний зной
Сто крат приятнее

Кругом земля, поля природа — и доброе лицо с печатью благородной честной грусти

Теперь признаться я их понимаю
Они уйдут подальше в тыл

Наброски, опубликованные К. И. Чуковским

Говорил мне друг мой: «Слейся с нами,
Расставшись с крайними мечтами,
С правительством иди рука с рукой,
Хорошие нам люди нужны,
С тобою и министры дружны —

Они тебя выведут как раз туда,
Где ты народу можешь быть полезен...»
— Не спорю я, бездействие томит,
Да дела я себе не вижу... —
«А разве лучше ты живешь?
Сначала в крайности вдавался,
Под старость разочаровался
И даром русский хлеб жуешь...»

...Странная эпоха!
Теперь себя по нитке разобрать
Умеет каждый. Но одно тут плохо,
Что безобразья те же продолжать
Сознанье нам не может помешать.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

(С. 28)

Вариант наброска ИРЛИ

12 Прямо почти над бровями

Варианты «Будильника»

Заглавие Дума перед зеркалом
Вм. 1—6 Нос — украшенье лица,—
Носом-то я не обижен,
Он заострен при конце,
Посередине возвышен.

Не до мизерности тощ,
Не до одышки я тучен
16 Быть не могу я магистром

СУД

(С. 29)

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

1—3 а. [Уж было за полночь. Во сне
Послышался внезапно мне

Звонок... Не сон ли? Нет] Опять!
б. [Я мирно задремал. Во сне
Послышался внезапно мне
Звонок... Не сон ли? Нет,] опять!
в. [«Однажды зимним вечерком»
Был перепуган я звонком
Грозящим, властным... Вот] опять!
8 [Полночный] звон! [полночный] звон!
14 а. [Недавно выпущенных мной]
б. [Недавно сочиненных мной]
17 а. А звон [нетерпелив и скор]
б. А звон [зловещий, роковой]
19 Пока я [галстух] надевал
25 [Преступный] «Модный магазин»
36 Всё быстро я швырнул в камин
64 [Походка, всё — до звука шпор]
75 [Полночный] звон! [полночный] звон!
102 В лице моем [полночный] гость
123 Заутро суд. В судебный зал
138 При свете [бледных] ночников
153 Всё суд. Притом же, говорят,
194 В костюме арестантских рот
198—199 Бежит за ним и на бегу
Ныряет по груди в снегу.
Вм. 206—208 Или погибнешь — сожжена,—
Не плачь же дева — будь умна,—
И об одном проси судьбу,
Чтобы не вылететь в трубу!
Молись о том, моя краса
Вм. 214—239 Мне снилось будто пред судом
Я разревелся как дитя
И всё запрыгало кругом
Злорадно шикая, свистя.
а. [Взбешенный, перестав рыдать
Я дерзко закричал: «Молчать!
Кого я видел вкруг себя
Скажи, о публика! Тебя!
Где я примеры почерпал?
Чем силы духа укреплял?»]
б. Я пуще,[1] пуще зарыдал
И укоризненно сказал:
«Свисти, о публика, свисти!

[1] [Тогда я]

Права ты! Нет во мне пути!
240 а. [Я точно] трус... Я рос в дому
б. [Я с детства — трус...] Я рос в дому
в. «За что? Родился я в дому
241 [Похожем с виду на] тюрьму
После 245 [Там свист бича, собачий вой
Пугал дитя во тьме ночной
Хромой дьячок меня учил
Но больше слушать я любил
Рассказы нянюшки моей
Про домовых и про чертей]
246 Ее рассказы о чертях
252 Меня в часы [досуга] стал
257—260 а. Но [не был он] довольно строг
[И не всегда меня берег]
И [часто он] за то терпел
Что карандаш его слабел
б. Но не довольно был он строг
И я терпел еще за то,
Что он стихи мои берег
Или вычеркивал[1] не то!
Вм. 263—264 Каким, конечно, выйти мог...
Не ты ли, публика, мой слог
Хвалила часто? Что ж теперь
Остервенилась ты как зверь
Без размышленья, без ума...
Как будто что-нибудь сама
Дала ты прежде мне в залог
Чтоб я иным явиться мог?..
Толпа зашикала опять
И я проснулся. Горе в том
Что я не мог не сознавать
Что не родился храбрецом.
267 Что мимо будки [часовой]
271 Не так [любовник] молодой
273 Где целомудрия полна
296 Мне граф [О] *** мораль читал
321—322 И приготовивши[сь] читать
[Докладчик развернул тетрадь]
324 [Прекрасной] юности года
327 [Умолкнул говор] начался

---

[1] вы [марызал]

Вм. 346—347 а. [Да, очень ясно! Приговор
Смягченный милостью судей]
б. [Печать — особая статья!
Того и ждал, признаться, я
Вступать с судом не думай в спор
И вот какой был приговор
(Смягченный милостью судей):]
348 а. [(Спасибо, господа!) Был скор...]
б. [(Спасибо им) вот приговор]
После 353 [Где только стоны птиц морских
Да перекличка часовых
Тревожат узника покой]
Вм. 362—363 а. Тошней всего, что сон был плох
б. Я [мастер спать] но сон был плох
Ловил я в час до сотни блох
И тем досуг мой сокращал
Но если б всех поймать желал
Сидеть бы надо там года
367 Свершив гуляка-офицер
368 Любезный, [милый,] молодой
372 а. И т[у] же песенк[у] поет
б. И те же песенки поет
374 а. [Гвардейский] офицер-болтун
б. [Удалой] офицер-болтун
После 380 [Так много диких, желчных дум
Со скуки лезло мне на ум]
После 384 [Чтобы вторично не попасть
На гауптвахту или в часть
а. Прощай! Не свидимся] опять [!]?..
б. Бог знает — свидимся ль опять[!]?..
Вм. 390—393 В деревне по лугам блуждает,
На воле отдохнула грудь,—
И снова Музу призывает:
«Идем, идем на прежний путь!
На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей.
Но где мы снисхожденье купим
Трудом у мыслящих людей
Трудом — и бескорыстной целью...
Да! будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать...»

Наброски ГБЛ

К 320—324 Пришедший любоваться мной
Докладчик развернул тетрадь
И приготовился читать
Но мне припомнились тогда
Так живо юные года

Не то беда, что по суду
Виновным прослыву
Как смех <веселый на версту
Презренных дураков
Несчастие почти...> <?>

Варианты ОЗ

1—3 Я мирно задремал. Во сне
Послышался внезапно мне
Звонок... не сон ли? Нет, опять!
14 Недавно выпущенных мной
15—16 *отсутствуют*
17 А звон зловещий, роковой
49—52 *отсутствуют*
63—68 *отсутствуют*
123 Заутро суд. В судебный зал
Вм. 206—208 Или погибнешь — сожжена.
Не плачь же, дева! — будь умна,
И об одном проси судьбу,
Чтобы *не вылететь в трубу!*
Молись о том, моя краса,
298 Мне *** мораль читал
367 Свершив, изящный офицер

ЕЩЕ ТРОЙКА

(С. 42)

Варианты чернового автографа ГБЛ

7 И рядом с ним унылый, бледный
9 У коней взмылены подпруги
12 Нигде деревья не мелькают

13 Всё лес один, угрюмый лес
27 Поспешно шкалик выпивает
32 Но обольстительный металл
55—57 У левой лопнула подпруга,
Ямщик связал ее ремнем
И вновь свистит, кнутом махает.

«ЗАЧЕМ МЕНЯ НА ЧАСТИ РВЕТЕ...»

(С. 44)

Варианты чернового автографа ИРЛИ

6 Низкопоклонные лакеи
18 а. [Исполнен роковой тревоги
Недоумением объятый]
б. В недоумении, в тревоге
20—26 Чтоб им сильнее доказать
Что проч[ный] только путь неправый
[Еще глупее в сотый раз
Их тешить драмою кровавой
Когда являлся среди вас
Герой навстречу смерти шедший
Не вы ль кричали: сумасшедший!
Какая мысль в вас родилась?]
27—29 а. [Одну влачили вы] идею
б. О публика? одну идею
[В душе, ополденной до дна]
«Посмотрим, как [ты сломишь] шею»
32—33 Я только суд твой отрицаю
Я жить бесславно не хочу,

Разночтения публикации Чешихина-Ветринского

7 А в детях видя отпрыск свой
9—10 Как будто на сосне простой
Каштаны где-нибудь родятся?

ПРИТЧА О «КИСЕЛЕ»

(С. 46)

Варианты чернового автографа ГБЛ

23 Он бросил бранные дела
Вм. 26 Изжарившись на солнце юга

30 Чего же лучше? Он <?> вельможа
34 С обычным мужеством и рвеньем
38 Талантам гордым задал гонку
Вм. 46 а. [Что с [явной] ложью явною такой]
б. Что с публикой шутить нечестно
Вм. 47 К тому же и пример дурной
50 Чтоб были ловки живы, гибки
51 Всех обучал маршировать
55 Они к нему поутру шасть
Вм. 59 Второй раз — полупуст сбор
Вм. 67 К театру тоже нужен глаз <?>
155 Остриг еще короче труппу
205—206 Однако царством Мельпомены
Без знанья трудно управлять

Варианты наборной рукописи ***ГБЛ***

Заглавие [Басня] о Киселе
14 [И грады сокрушив огнем]
22 Израненному [старцу] в тягость
24 И краем правящая благость
26 [Изжарившись под солнцем] юга
30 Чего же лучше? [Чтоб вельможа]
31 Он только [истомлен] войной,—
33 [Ему легко и нам покой!..]
Вм. 46—49 Что [с публикой шутить нечестно]
[Что с ложью явною такой
Искусство вовсе несовместно.
Притом же и соблазн большой]
53 Задумал — экзаменовать
55 К нему инспектор утром шасть
63 И [приуныл] Кисель тогда
64—65 *вписаны на полях*
67 [В] театр [не буду никогда]
68—71 *следовали в ином порядке: 70—71, 68—69*
Вм. 72—76 [Два дня две ночи молчаливо
Кисель по комнате бродил
Крутя усы — и справедливо
Как муж разумный рассудил]
79—80 а. [Нет. Красотой] балетных гурий
[Плениться больше] не хочу
б. [Нет. Красотой] балетных гурий
[Я соблазняться] не хочу

После 84 [Чтобы седин не обесславить
Чтобы небес не раздражить
Решился я театр оставить
И в благомыслии дожить] [1]
85—89 Мысль эту изложив [яснее]
[Кисель вручил] секретарю
[Чтобы] переписал крупнее
Для [представления] царю
Смутился секретарь, печали
90 а. Не мог [ни скрыть, ни] превозмочь
б. Не мог бедняжка превозмочь
98—102 *вписаны на полях*
98 Да кто ж пойдет? С какой же стати
101 [Молчи] упросят всё равно
104 А там за [умным] и бесчестным
После 105 [Всех гонит дума роковая
Ну как один останусь я?
А у меня жена больная
Большая малая семья]
106—109 *следовали в ином порядке: 108—109, 106—107*
После 109 *начато:* [Один мол]
После 111 а. [Останется прогонит нас]
б. [Прогонит — по миру пойдем]
Вм. 115—116 [И с хлебом-солью выступая
Явились все пред Киселем]
117—119 Впереди [три вдовицы] преклонные
[Ветераны беззубые, сонные]
[Старцы женщины] еле ползущие
126—130 *вписаны*
127 а. [С надлежащим количеством вдов]
б. [И со всем многочисленным штатом]
Вм. 128 *начато:* [Горемыки увечные]
После 130 [Куаферов, портных, маляров]
132 а. [А потом] легкокрылый балет
б. А потом [и воздушный] балет
в. [Тихо] шествовал кордебалет
135—138 [Выступая в хвосте] депутации
[Окружили вельможу толпой]
а. И исполнены [женственной] грации
б. И исполнены [девственной] грации
[На начальника смотрят] с мольбой

---

[1] *Это четверостишие вписано на полях.*

143 *начато:* [О други вас]
144 [Что даже приношу я вред]
145 *начато:* Но [к]вам я [без]
146 а. [Не плачьте ж милые] друзья
б. Идемте ж милые друзья
147—152 *вписаны на полях*
151—152 Противустать [я мог бы] ядрам
а. Но [вам, о дети,] никогда!
б. Но [детям] бедным никогда!
в. Но [старцам бедным] никогда
160 Вне брака [разрешил] любовь
161 а. [И] капельдинерам с шинелей
б. *Начато:* [Стал] капельдинерам с шинелей
162 а. Доход[ы] предостав[ил вновь]
б. Доход представ[лен былой]
163 И даже с автором «Гамлета»
169—171 Но [ни к чему] «мероприятья»
Не [привели] — театр пустел
Спились [актеры] при Ликурге
175 [Плясу]ньи как ни горячились
191 [Так он] до гроба сценой правил
193 [Под старость имя] обесславил
195 Искусство [совершенно] пало
196 а. К великой [горести царя]
б. К великой грусти визиря
199 Немалый <?> капитал составил
200 Дом [вывел в девять] этажей
205 Однако [царством] Мельпомены

Варианты ОЗ и Ст 1874

12 Паше — владыке своему
24 И краем правящая благость
37 Вниманье обращал на пост,
66 Сам хан шутя сказал однажды
88 Для подписанья визирю.
196 К великой грусти визиря.

ВЫБОР

(С. 52)

Варианты чернового автографа ГБЛ

1 Ночь [над деревней] морозная ясная
2 [Плачет] стоит над рекой

8 [Вместо ледку] набежала вода
8 [Прыгай] красавица, прыгай сюда!..
9 [Шепчет] и девица, зову покорная
10 а. *Начато:* [Вдруг]
б. [Вся наклонилась к воде]
в. [Стан наклонила] к нему
11 а. [Стала на самый на край]
б. [Злая неволя] кручинушка черная
в. [Жизнь у нас в озере — царство просторное]
12 а. Не пожалеешь
б. [Всё как рукой я сниму]
в. Только разок об[ниму]
13 [«Прыгни!»] Руками к ней [дедушка] тянется
Вм. 14—18 а. [Чу! [Раздалися] шаги за спиной
б. Чу! [Она слышит] шаги за спиной]
в. [Девица слышит шаги за спиной
Вся задрожала — стоит не оглянется
Вот появился старик с бородой]
г. [Чу! Подошел воевода Мороз]
д. [Так бы ее водяной и унес]
[Да водяному она не досталася]
Синие льды затрещали кругом
Девица дрогнула! Ждет не оглянется
Кто-то шагает, идет напролом
«Будь [ты] царицею царства подводного»
Тут воевода Мороз [по<дошел>] [1]
24 И подо льдом [водяной] потонул
25 а. [Что под водой тебе делать] красавица
б. Шепчет Мороз: Не томися красавица
в. [Молвил Морозка тогда]
26—28 Слез не осуши[т вода не уймет]
а. [Выстудит сердце] речная пиявица
б. [Кровь твою выпьет] речная пиявица
в. [Рыбы тебя искусают большие]
[В сердце речная змея заползет]
35 а. Будешь [тиха и] пригожа собою
б. Будешь [как прежде] пригожа собою
36 а. [Будет роскошен] наряд
б. Только [одену в богатый] наряд
в. Только роскошнее дам я наряд
38 а. [Только что] красное солнце взойдет

[1] *Эти стихи вписаны на полях.*

б. Завтра [как] красное солнце взойдет
41—44 [Села на пень у окраины леса
Звезды считает, на месяц глядит
Скоро пред нею упала завеса
Смотрит — не видит, зубами стучит,
Хочется ей побежать, поразмяться
Да не велел [1] воевода-старик
Вот уж она начала забываться]
47 [Даром] Морозка тебя [ис]томит
48 [Сплю я и] слышу давно: у дороги
50 Жалко мне стало. Иди-ка со мною
51 а. *Начато:* Что
б. [Коли не хочешь всю ночь умирать]
59 Девица [в сторону] — страх [оковал]
61 Смерть не страшна, а медведь [на]пугал!
63 [По три обхвата] стволы
64 Глянь на вершины — с [ворону] оттуда
65 Кажутся [в летнюю пору] орлы.
68 Буря [наскочит разбойница] дикая
69 Лес [и] не думает кланяться ей!

ЭЙ, ИВАН!

(С. 55)

Вариант наброска ГБЛ

29 Выпьет 25 стаканов

Варианты чернового автографа ГБЛ

Заглавие Иван
2 Подлый твой Иван
3 Молчалив, небрит, оплеван
7 Сверх штанишек голенища
9 [Набок вздетая] шапчонка
14 Смотрит да кисет
Вм. 17—20 а. *Начато:* Своего угла не имел
б. [У Ивана нет углишка
а. Где упал — там лег
б. Где пришлось там лег
Нет постели, тюфячишка
а. Много только блох
б. Доблестный слуга]

[1] [запретил]

22 а. [А на всё горазд]
б. Делай, что [велят]
24 а. [Песни петь горласт]
б. Не [сумел — дерут]
После 24 [С детских лет Ванюху били
Он вставал чуть свет]
25—26 а. [Клянчит, лжет,] грубит, ворует
б. [Божится, грубит, ворует
Под лозой ревет]
39 И [ушел] напрасно ждали
45—48 У корчемни[цы в светлице]
а. [Пляшет и поет]
б. [Пьет и ест]
а. [Тут и парни и девицы]
б. Две солдатки [молодицы]
Пир горой идет
Вм. 62 Пасмурно глядит
64 Нет — скула трещит
72 [Что ж плошать] зевать
80 Перед тем [хандрил]
91—92 Сам помещик вынес водки
Скуку [разгулять]
97 Как домертва накатили
После 100 И беззубого по дружбе
Изловчились [1] сбыть
Как-то в новой царской службе
Ванька будет жить?...
Да надуешь ли Ивана?
[Улизнул в сарай
Отхватил два пальца спьяна
Ну, теперь сдавай —
Рад не рад помещик снова
Ваньку взял во двор
Честно трезво и сурово
Стал служить он. «Вор!..» —
Ваньку дворня попрекает
Ссора, чуть войдешь,
Ванька год другой скучает,
Год другой не пьет —
А потом...
Барин раз сказал детине
Ванька промолчал

[1] Удалося

А наутро в казакине
Барском щеголял —
Обокрав господ порядком
Пропадал он с год
Глядь: является по Святкам
И в ночах ревет]
114 Вдруг пропал Иван

Варианты наборной рукописи ***ИРЛИ***

10 Лоснится на нем
25 [Наплевать!] грубит, ворует
32 [Было на] Руси?
49 Эх вы павы! павы! павы!
97 Как [до мертвой] накатили,

С РАБОТЫ

(С. 59)

Вариант ОЗ

19 Трудно и с бревнами нынче нам было,

«НЕ РЫДАЙ ТАК БЕЗУМНО НАД НИМ...»

(С. 61)

Варианты белового автографа ***ИРЛИ***

12 Под холодною крышею гроба
14 Ни ошибка, ни случай, ни злоба...
16 Не был гордою силой богат
21 Но у жизни есть темные силы

«ДУШНО! БЕЗ СЧАСТЬЯ И ВОЛИ...»

(С. 64)

Набросок ГБЛ

Сердце изныло от боли
Буря бы грянула что ли

Варианты ранней редакции, опубликованные Евгеньевым-Максимовым

1—4 Душно мне, словно в неволе,
Словно в могиле сырой.
Буря бы грянула, что ли?
Грянь! разразись надо мной!
7 Чашу народного горя

ПРИТЧА

(С. 66)

Наброски ГБЛ

К 5—8 В стране был храм
Где царства святыни хранились
Но был он и тесен и ветх, по стенам
Летучие мыши гнездились
14 Достойный отчизны и века
17—20 Всегда молчалив нелюдим
Забыв обольщения света
Он долго над планом великим своим
Работал в тиши кабинета
К 21—22 И ум всеобъемлющий всё начертал
Великое в целом предвидя
На каждую частность идею давал
К 33—48 На каждую отрасль работ пришли лучшие люди
и было в их сердце желание положить
всю жизнь и силу на славу отчизны

Хорошо описать новых
К 53—56 Непризванные страдали.
Под зноем, под хладом стояли они
К 63—64 Испугались
выдвинет новых людей
К 65—84 Строение храма ты нам поручи
Негоже <?> ты работал сам
Мы опытны пред<аны>
А те какие еще будут люди
Царь склонил слух

Кто понял — те ушли увидя как делается дело
Последние дельные люди

К 93—100 Иные вернулись к работе домой [1]
Иные в столице остались

И мудрые мужи за дело взялись —
помощники нашлись, льстили
К 101—104 И было им многое жаль истребить
Из старого ветхого зданья
Насильственно новую мысль подводя [2]
Под рост старины им любезной
К 105—108 И к старому что видеть привыкли любовь
Связывала им руки
Многое оставили прежнее нарушая
гармонию целого
К 109—112 И каждая трудность пугала их ум
По-своему делать желали
От плана они [ус]отступали
Своих родных приглашали

черные
не те
красоте

113—115 Сплотившись в коварный и дружный кружок
Лишь тех отличали вниманьем [3]
Кто их заслонить пред народом не мог
К 117—119 И ежели кто движимый истиной замечал
По проискам их попадал в опалу
К 121—124 Они убедили царя воспретить
словом
Зане по частям невозможно судить
О том что еще не готово
139—140 И притчу напомнил о новом вине
Что портится в ст<аром> сосуде
К 142—144 [Они объявили царю, что старик
Известен давно за злодея]
И много собрав небывалых улик
[Вручили царю не робея]
К 145—148 Вельможи его клеветой обнесли
в тюрьме держали
к царю привели
Разгневанный царь, не щадя седины
Казнить повелел его тут же

[1] [своей]
[2] [И начали новую мысль подгибать]
[3] [Лишь опыт <*нрзб*> на старом]

Забыв поговорку своей же страны
Что ум хорошо, а два лучше
К 147—148 И видя несметные старца вины
Царь гневный казнил <*нрзб*>[1]
Забыв поговорку своей же страны
Что ум хорошо, а два лучше
К 152 Как [роют только] могилы
155—156 И царь по обширному зданью идет,
Вельможи его провожают
К 157—160 Блуждая по портикам, сводам, стенам
Художника взором орл<иным>
Царь видит богато украш<енный> храм
Нет счета статуям, картинам

И смотрит он — то, что когда-то в мечте
Очам его царским являлось
В такой поражаю<щей> ум красоте
Что неба достойным казалось
161 Над чем напрягая свой собст<венный> ум
К 164 Царь молча поник головою

И в сердце глубоко обижен
видит
Что ими принижен
166—167 Царь видел его без отрады
Но всё ж в бесконечной своей доброте
К 170—172 А сам он угрюмее стал
уединился

О плане своем тосковал
Не видя его воплощенья. [2]

Варианты фрагмента ЦГАЛИ

После 100 И дело с того началось, что они
Любившие старое зданье
Которое было в их юные дни
Их собств<енной> мысли созданье,

Варианты ОД

18 Надолго отрекшись от света
33—34 На каждую отрасль громадных работ
Нашлися свободные люди

---

[1] [И царь повелел не щадя седины
Казнить дерзновенного тут же]

[2] *Далее ст. 165—172 окончательной редакции.*

«СЫНЫ „НАРОДНОГО БИЧА“...»

(С. 72)

Варианты авторизованной копии ИРЛИ

22 Где был наш предок ненавидим...

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ

(С. 73)

Варианты сводного автографа ГБЛ

VII. КЛУБ

Вм. 1—88 Даст ли цензор тебе нагоняя —
Это всё-таки, Муза! вопрос,
Но погоду теперь наблюдая,
Отморозишь наверно ты нос.
Полно трусить! Войдем туда снова,
Где мы встарь укрывались от бед,
Где бывало под бюстом Крылова
По ночам изучали пикет.
[К сожалению, клуб перебрался,
Бюст на старой квартире остался,
Клуб подумать о нем позабыл.
(Жаль! Он счастие нам приносил)...]
За обедом мы членов застали
И едва себе места достали.[1]
Кушай! здесь хорошо подают.
Наблюдать ты хотела бы? Можно!
Но смотри — наблюдай осторожно,
Сливки русского общества тут —
Наши Фоксы и Роберты Пили
Здесь за благо отечества пили
И доныне по праздникам [2] пьют
После 88 [Здесь один с поврежденной рукою

---

[1] [Мы вошли, гости стояли среди залы]
За обедом застали мы членов
И местечко достали едва.
Все жуют. Сколько тут джентельменов,
Боже! Кругом идет голова!]

[2] [случается]

Генерал налицо; до сих пор
От него еще веет[1] войною][2]
После 111 Ежегодно в обычные дни
Зажигаются сотнями свечи,
Убираются пышно столы,
Говорятся парадные речи
Говорят их министры, послы.[3]
Впрочем, есть и любитель[4] оратор
Только мы его спичей бежим
Чин двора и недавний плантатор[5]
Он в длиннейших речах нестерпим
Слог надут, в убеждениях шаткость
Если надо уж спич говорить,
Сохраняйте друзья мои краткость
Но разумней в молчании пить[6]
а. [Тот [милей, кому] клуб доверяет
б. Тот, которому клуб доверяет
Свой желудок,— дай бог ему дней[7]
Столько, сколько он сам пожелает!
Понял тайну застольных речей.[8]
(NB Нота бене: в делах с поварами[9]
Сведущ он, как в грамматике Греч.)
«С нами бог!» — он такими словами
Начинает застольную речь.
Продолжает с величьем Патрокла:
«В честь собрания выпить пора!»
а. [И кончает багровый, как свекла]
б. И кончает весь красный, как свекла,
Троекратным возгласом: «Ура!»]
После 117 Здесь чиновники всяких послов

---

[1] [пахнет]

[2] *Эти строки представляют собою отдельный набросок, частично соответствующий ст. 488—490 окончательной редакции.*

[3] [Пьются тосты, министры, послы...]. *Ср. ст. 125—128 окончательной редакции.*

[4] [присяжный]

[5] *Исправлено красным карандашом, очевидно, Некрасовым:* Либерал (а недавно плантатор)

[6] *На полях рядом со следующими двенадцатью зачеркнутыми красным карандашом стихами помета, очевидно, рукой Некрасова:* .... строку точек.

[7] [жить]

[8] а. Мастер пить, молодец говорить
б. В речи краток, но всех их сильней

[9] [В провианте] в [борьбе] с поварами

После 120 Здесь известности всякого рода
С камергерским ключом и мечом
[Всех сословий, всех наций, профессий, чинов]
а. До героев [последнего] года
Что стреляли [в своих мужиков]
б До героев недавнего года
[Что стреляли в народ] — и притом
в. [Понимай как умеешь]
г. [Как бишь их? Позабыл! <*нрзб*>]
д. (Позабыл имена)
После 124 Впрочем нынче простая суббота
Нет министров, почетных гостей
Нет ни тостов, ни спичей. Работа
а. Лишь зубам. [Приглядимся к ней]
б. Лишь зубам. [Полюбуемся ею]
в. Лишь зубам. [Ну,] присмотримся к ней!
г. Лишь зубам. Мы присмотримся к ней
145 Вот сидят старики объедалы
150 [Говорят про] неловкость слуги
156—157 Скушав суп, джентльмен засыпает
И проснувшись [к лакею взывает]
161—164 И, где должно,[1] на пользу отчизны
Подают еще голос они
Жаль утратит их скоро Россия
а. И оплачет [Сенат] от души
б. И оплачет [Катков] от души[2]
в. И оплачет печать от души
165 Угрожает им «ликантропия»
165 «Собственно: превращение человека в волка. Иногда в этой болезни человек воображает себя и другим каким-нибудь животным. Болезнь очень древняя — Навухудоносор умер [от этой болезни], воображая себя волком».[3]
После 166 [Кандидат в их почтенную стаю
Рядом с ними обжора седой
Восседает торжественно с краю
Лет семнадцать уж он старшиной
В провианте, в борьбе с поварами
Сведущ он как в грамматике Греч]

---

[1] [в Сенате]

[2] *Слова «в Сенате», «Сенат» и «Катков» зачеркнуты красным карандашом, очевидно, Некрасовым.*

[3] *Примечание Некрасова к слову «ликантропия».*

Вм. 167—168 Вот еще экземпляр престарелый
Там вдали; погляди на него
Вм. 173—177 С ним случилось последнее горе —
Пить нельзя! Он играет в вино.
Наслажденье сего господина
Нюхать, чмокать к [губам] подносить
а. [И] раз двадцать [различные] вина
б. Да раз двадцать любимые вина
После 177 В чем была прежде отрада
То теперь тебе ад.
Что ж? по правилам Дантова ада
Так и следует, милый собрат. [1]
Вм. 181—182 [Этот вздор старика занимает
В клубе вот уж пятнадцатый год!]
187 Рядом юноша, бойкой, красивой
После 190 [(Сын отца больше четверти века
Наполнявшего ужасом Русь)
С ним усатые два человека
(Игроки-шулера побожусь!)]
После 198 [Разговор его: скачки, [рысаки скаковые], собаки
Пересуды и сплетни двора
Рысаки, петушиные драки
Берты, Минны, охота, игра
Что его самолюбье щекочет,
Что доступно желаньям его
Взял он с бою! Чего он захочет,
То и сможет. Мильон у него,
С ним всё лучшее общество дружно] [2]
Вм. 221—224 [Что доступно его разуменью,
Что его самолюбию льстит
Взял он с бою! По общему мненью
Он орел: надо всеми [другими] парит]
[Сам он верит тому добродушно]
235—240 Есть [величие несколько шире]
И особый ведет к нему путь
Кто орел — тот красивей и шире
Может крылья свои развернуть!
Если гордость — прекрасное свойство —
Успокоится Анной с мечом
243 Если в жизни ты сделаешь мало

---

[1] *Это четверостишие вписано на полях.*
[2] *Ср. ст. 414—423 окончательной редакции.*

247 *начато:* Впрочем, что высоко заноситься[1]
260 а. Милый юноша! [тратишься] ты
б. Повторяю, бросаешься, ловишься ты
262 А друзья твои [просто] скоты
271 [Очень глупы балетные феи]
После 283 [Вновь не мыслимы в этой среде
Так пускай хоть не будут казаться
Неусыпно упорны в труде]
292—295 Чтоб приставить кушетку к камину
а. Чтоб [лакея иметь с галуном]
б. Чтоб друзей принимать за столом
[Ночи целые,] сгорбивши спину
Изнывал [он] за [пошлым] трудом
307 [Насладиться ничем] не успел
После 311 [Зна[ем]л я мужа, энергией чудной
Он недавно весь мир удивил...
В этой роли кровавой и [трудной]
Он великую силу явил]
312—327 *вписаны позднее на отдельном листе со знаком вставки*
321 В лазарете [подлекарь] кричит
323—327 [«Раскрывайся!» карета гремит]
Генерал на минуту приедет
[Пробежится... и смотришь потом]
Десять новых горячечных бредит
[Черт бы взял тебя с этим трудом!]
Вм. 333—337 В книжных лавках, [как муха на мед]
На журналы, на книги бросался
[Всё что нужно в тетрадку внесет]
[Вечно роясь в газетных листах]
[А иной номерок и украдет
(С доброй целью не грех воровать)
За ночь всё приспособит, приладит
А поутру на ловлю опять]
[А потом] поясненья, запросы
[Дома вставит угрюмый] старик
355 [Беззакония гидру] сотри
357 Но старик через меру хватил
359 Робеспьером Краевского звал.
360—368 а. Суд тетрадку ему возвратил
б. *Начато:* [Старец умер и некто]
в. [Старец умер в тоске безотрадной

[1] *Эта строка вписана на полях.*

И поэт Караваев воспел
В эпитафии очень изрядной
Результат его доблестных дел]
г. Сорвалось! Гражданин благородный
Очи скорбные скоро смежил
И Линяев [поэт превосходный]
Эпитафию старцу сложил
«[В Академии даром] квартиру
[Занимал он, был] подл и плешив
И оставил в наследие миру
[Неудачных] доносов архив»
[И] Да, погиб бесполезно, бесследно

Б.-ка 367

У КАМИНА [1]

Стариков одурелая стая
С мест своих тяжело поднялась;
Животами друг друга толкая,
До диванов кой-как добралась. [2]
Закурив дорогие сигары
Неиграющий люд на кружки
Разделился: пошли тары-бары
Козыряют давно игроки
Смутный говор — дуэли и драки
Назначенья и сплетни двора
Лошадиные призы, собаки
Берты, Мины, охота, игра
Тут же речь о сивухе зловонной [3]
О финансах родной стороны
Погоди, якобинец салонный,
Мы идем — мы послушать должны!
(Их уж мало — иные успели [4]
«Всё земное свершить» — и опять [5]

---

[1] *Название первоначально намечавшейся сатиры; текст частично соответствует ст. 376—419 окончательной редакции, ст. 372—375 отсутствуют.*

[2] *Следующие восемь стихов вписаны на полях.*

[3] [Слышу] речь о сивухе [презренной,]

[4] а. [То поет соловей современный
Много их после Крымской войны
Народилось:] [Развелось, но] иные успели
б. [Прогрессист, Чернышевский] салонный
[Погоди!] Мы послушать должны!
Их уж мало: иные успели

[5] а. [Тайной цели достичь] и опять
б. [Личной цели достичь] и опять
в. [Обработать дела] и опять

Ретроградные песни запели,
Тем начальство велело молчать,
Те в расчетах своих обманулись [1]
Не сумев по течению плыть
На крестьянском вопросе свихнулись
И в Москву переехали жить.)
Так горячее первое племя
Либералов прошло навсегда,
Но и в наше довольное [2] время
Недовольные [3] есть господа.
[Говорит либерал современный
О финансах родной стороны
Говорит о сивухе презренной
Заложив свои руки в штаны]
[Нет в столице такого салона
Где б не встретил ты этих господ —
Либералов хорошего тона
Каждый битую песню поет] [4]
671 [Остроумный] наш оратор подводит итог
673 Не без цели [стараясь] желая прослыть
674 Приглашает он [старцев] [старушек] наивных
676—677 *вписаны на полях*
После 677 [Утверждая, что ей во вселенной
Будет первое место дано....]
680 а. Осуждая [прошедшее] смело
б. Осужда[ет он] старое смело
681 Недовол[ьный] и новым слегка
682 [Он] способен и доброе дело
Вм. 690—695 Станет он нажимать либералов,
С ними всякую связь прекратит
[Если будешь ты столько наивен,
Что с письмом обратишься к нему —
[Он] докажет, что он прогрессивен
В суд притянут тебя по письму!]
Этим [он] стариков успокои[т]
И помогут [ему] старики
Ловко [он] свое здание строи[т]
[Далеко] расставляе[т] силки!..

[1] [А иные в себе] обманулись
[2] [степенное]
[3] [Либеральные]
[4] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 668—695 окончательной редакции.*

После 695 Замечательно: речь эту слыша,[1]
Прочь иные поспешно бегут,
Словно хочет обрушиться крыша!
Вообще в нашем клубе берут
Перевес ретроградные силы
[Потому что здесь много седин] [2]
444 Впрочем есть у нас всякий народ
446 Даже [истые] водятся славянофилы
447 а. [Попадается тип их один]
б. Светский тип их [издавна один]
в. Светский тип их доныне цветет
449 Попивали из добрых ковшей
После 451 [(Впрочем здесь мы должны замечанье
Вставить: мы оскорбить не хотим
«День» — весьма недурное изданье —
О непишущих мы говорим)]
После 459 Мы с народом сливаемся быстро
Например мужики говорят
Будто немец во всем виноват
И в приемной иного министра
Тот же самый проводится взгляд
После 483 Пред лицом негодяя партнера
Выгружает он злобно ворча
Он клеймит его именем вора
То намеком, то просто сплеча...
Впрочем будем к нему справедливы,
Для чего ему желчь унимать
Если многие ради наживы
И побои готовы принять?.. [3]
527—532 Муза! Ты отступаешь от плана!
Общий очерк затеяли мы,
Так не тронь уж пока ни Ивана,
Ни Андрея, ни Льва, ни Кузьмы!
Дорисуй впечатленье — и мирно
Удались, не задев единиц!..
После 532 Да! собрание это обширно
Здесь немало типических лиц

---

[1] *Перед этим стихом зачеркнутое начало сатиры «Газетная» (см. ниже, с. 425).*

[2] *Далее следуют текст, частично соответствующий ст. 444—532 окончательной редакции, и текст, затем включенный в сатиру «Балет» (см. ниже, с. 425).*

[3] *Эти стихи вписаны на полях. Далее следуют ст. 488—495 окончательной редакции.*

Может быть благодатнее темы [1]
Никогда не придумаешь ты:
Что ни шаг — то лицо для поэмы —
Характерны и резки черты:
В молодом поколении фатства, [2]
В пожилом, если правду сказать,
Застарелой тоски тунеядства,
Самодурства и лени печать...
Тот помешан на тонком приличьи,
Тот играет, тот любит поесть,
Но вглядись: при наружном различьи
Здесь единство глубокое есть.
Здесь безденежье всех уравняло —
И великих и малых людей —
И на каждом челе начертало
Надпись: «Где бы занять поскорей!»

Разорило чиновников чванство,
Прожилась за границею знать,
Отчего оголело дворянство,
Бесполезно и речь затевать
Всё что было — у каждого сплыло,
И остался в наличности шиш.
Даже ты, откупное светило,
За грошовым пикетом кряхтишь,
Кабаками нажившись досыта
Ты обширных земель накупил,
Для которых покуда нет сбыта,
Капитал твой не то чтобы сплыл,
Но уж он не в руках, а в «тумане».
Занятые рублишки в кармане,
И партнер твой угрюм как тюрьма —
Господин с иудейским акцентом:
Понижается полупроцентом
Каждый месяц цена на дома.
У! Как мрачно глазами он водит,
Не о том ли печалишься, друг,
Что народ понемногу уходит
Из твоих всехватающих рук?
Погоди — мы вина накурили,

[1] *Этот и семь следующих стихов вписаны на полях.*
[2] *Этот и три следующих стиха частично соответствуют ст. 9—12 окончательной редакции.*

Но посуда его мы не сбыли
Дело грязное — надо бросать!
Продадим как-нибудь свою водку,
И опять ты пачнешь прижигать
Купоросом крестьянскую глотку...

. . . .

Ну, конец. Мы в последнем покое,
Всё что мог показал тебе я
(Не задев никого за живое)
Что же скажешь ты, Муза моя?
Ничего. Клуб изрядно устроен,
Но в нем мало здоровых голов.
Здесь один только мудр и спокоен: [1]
Это дедушка медный — Крылов.
Не холодным глядит истуканом,
Он лукавым сатиром глядит.
Игрокам, честолюбцам, дворянам
Он улыбкой своей говорит...

. . . .

[«О друзья! не кривите душою
[Из-за] Ради дач капиталов, земель
Смерть придет — не возьмете с собою
а. Ваших дач, капиталов, земель]
б. [Ваших дач, капиталов, [домов]»]
(На голос «Il segreto...» «Лук<реция> Борж<ия>»)
Мы еще игроков не видали. [2]
Игроки интересный народ
Но семейство их слишком велико,
Нужно время, чтоб их описать
Голубь, Коршун, Орало и Хныка
Так я типы их думал назвать [3]
И со временем каждым разрядом
Я отдельно займусь, а теперь

---

[1] *Этот и десять следующих стихов частично соответствуют ст. 702—711 окончательной редакции.*

[2] *Текст, начинающийся этим стихом, следует после наборной рукописи сатиры «Газетная».*

[3] Мы еще игроков не видали
Игроки — [любопытный] народ
Но [пускай их] семейство велико,
[Я их главные типы схватил]
Голубь, Коршун, Орало и Хныка
Так я [мысленно их разделил]

С нас довольно поверхностным взглядом
Их окинуть. Войдем в эту дверь [1]

ИГОРНАЯ

464 Чу! Сабуров, орало забавный
469 За игрой [наполняется] в нем
484 Пред лицом негодяя-партнера

Варианты наброска ст. 31—48 и 53—72 ***ГБЛ*** [2]

37 [Сохраняется] покрытая лаком
Вм. 44 [Неохотно в квартиру входил]
46 Ветер [как-то] насмешливо [выл...]
После 47 [(Это ясно я понял потом)]
62—64 Император помиловал вас...
Эй, вернитесь! какого вы званья
65 Ваши [вирши]: свободы крестьянства

Варианты наброска ст. 384—411 ***ГБЛ***

386 Любопытные кражи, убийства
389—410 [Никаких запрещенных идей]
Исключенье одно: для доносов,
Их единственный автор Авдей
Представлялся исчадием ада
В добродушные те времена
а. [А затем и] в стенах Петрограда
[И по царству всему] — тишина
б. Не случалось в стенах Петрограда
Ничего и была тишина
Благодушный покой нарушался
Только голодом мором войной
Да случалось впросак попадался
Колоссальный ворище порой
А в обычные дни наши темы

Варианты набросков окончательной редакции главы ***IV*** *(ст. 539—582)* ***ГБЛ***

543—546 Но шумя и куда-то спеша,
Вековые оковы сбивая,
На минуту была хороша

[1] *Следующий далее текст почти полностью совпадает со ст. 464—487 окончательной редакции.*
[2] *В рукописи ст. 31—48 следуют после 53—72.*

Ты, отчизна моя дорогая
548 Распрямляется, вольно вздыхает
Вм. 557—570 [Призывая свободу и] гласность
[Проклиная] господство бича
Приводили мы в стр<огую> ясность
Всё прошедшее — дико крича:
Мы невежды лентяи [и воры]
Мы ходячие трупы, гробы
[Угнетатели трусы обжоры]

Варианты окончательной редакции «Послесловия»
ГБЛ

732 Вопрошает читатель живущий
753—757 [А не новое] выбрали мы
(Да и то [еще как осторожно!])
Погоди, если мы поживем,
[В свой черед — если будет возможно]
Мы и дальше рассказ поведем
763 Что всю Русь повернула вверх дном

Отдельные записи и наброски ГБЛ

Та история <*нрзб*> и Ржевской
Мы о ней узнавали тотчас

Всё больше мирные люди проигрывали грошовую игру

Старый сыч между тем говорил
Побелевшему старому волку
В молод<ом> поко<леньи> нет сил
В молод<ом> пок<оленьи> нет толку

Спит и видит сон
Что велели опять передать
Прежним лицам акцизную водку
И он начал опять приж<игать>
Купор<осом> муж<ицкую> глотку

Начались бесконечные споры,
Неприятная рознь завелась

Умирает наш клуб, умир<ает>
Говорят меж собой старики

Словом сладкая жизнь дворянина
Здесь широко и ровно текла
Сердцу <милая> <эта> картина

Здесь гуляло четыреста членов, отборн<ых> дворян

Старый сыч ему чутко внимает
И соседу т<вердит>: нигилист
Он его к таковым причисляет
<*нрзб*> и речист

Тут переход недалек к нигилистам и пошла ругань на них — любимая песня этого клуба — правда! правда! — уж молч<али> бы в<ы>

Не щадя даже сына родного
Исчисляет пороки
Сабуров Андрей
Нельзя сказать, чтоб не было либералов

Здесь первою явилась новость
Обсуждались и решались вопросы
Законодательный [1] голос

Что они далеко не герои
Припугни — и попадали ниц! [2]

Честолюбие было в чинах
Мы другой не знавали амбиции
Гений времени жил в кабаках
Как геройство в новейшей полиции

Отдельная заметка и вариант наброска ИРЛИ

к 503 Три джентльмена — терц от девятки
650 Уж молчать бы вам лучше глупцы

---

[1] *Над строкой:* Решительный
[2] *Рядом запись: Умиленные*

Варианты корректуры ЦГАЛИ(К), ОЗ, Ст 1873, ч.
Ст 1873, т. III, ч. 5 и Ст 1879, т. II

5—12 *отсутствуют (ОЗ)*
13 Всё прошло, элемент старобарский *(ОЗ)*
57 Генерал прочитал мне бумагу *(ОЗ, Ст 1873, ч. 5, Ст 1873, т. III, ч. 5, Ст 1879, т. II)*
73—84 *отсутствуют (К, ОЗ, Ст 1873, ч. 5, Ст 1873, т. III, ч. 5, Ст 1879, т. II)*
156 Скушав суп, старичок засыпает *(ОЗ)*
247 Впрочем быть генерал-лейтенантом *(Ст 187 ч. 5)*
271—272 Очень глупы балетные феи
И не стоят хороших цветов *(К)*
274 Годны разве твоих кучеров *(К)*
341 Был он мрачен, жил в крайней нужде *(К)*
372 Время нам воротиться к обеду... *(К)*
Вм. 435—441 Да шептались стихи в уголку *(Ст 1873, ч. 5)*
На игривые, милые темы... *(Ст 1873, т. III, ч. 5,*
(Может быть, вам знакомы они?..) *(Ст 1879, т. II)*
464 Чу! С***, орало забавный *(К)*
485 Так язвительно, ловко и зло *(К)*
После 487 Впрочем, будем к нему справедливы
Для чего ему желчь унимать,
Если многие ради наживы
И побои готовы принять *(К)* [1]
499 Весь в [перстнях] камнях, подрумянен, завит *(К,*
499 Весь в перстнях, подрумянен, завит *(ОЗ)*
511 Даже гадок богач старичишка *(К)*
525 Тоже личность желанная *(К)*
529 Так не тронь же пока ни Ивана *(К)*
539—540 *отсутствуют (Ст 1873, ч. 5,* Ст 1873, т. III, ч. 5, *Ст 1879, т. II)*
720 *вписан (К)*
720 *отсутствует (ОЗ)*
758 [Характерных вещей не забудем] *(К)*
758 Характерных вещей не забудем *(ОЗ)*
758—763 *вписаны (К)*
758—763 *отсутствуют (ОЗ)*

---

[1] *Эти строки вписаны на полях. Ср. с. 316, вариант «после 483».*

КУЗНЕЦ

(С. 93)

Вариант первоначальной редакции ИРЛИ

После 12 Вел ты недаром борьбу многолетнюю
За угнетенный народ,
Слышал ты рабскую песню последнюю,
Видел свободы восход!

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

(С. 95)

Набросок ГБЛ

Выходите Федоры
Широкие подолы
Выходите Варвары
Широкие карманы
Зачали, почали
Поповы дочери

У дядюшки Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два́ кома!

Варианты чернового автографа ЦГАЛИ

Вм. 3—4 Толстенький, красненький, в семьдесят лет
5 В каждой деревне продаст понемногу
6 [Не залежится товар у него]
7 а. Выпи[то в меру] и сыт, слава богу!
б. Выпивши вечно и сыт, слава богу!
в. [Выпито вечно, но в меру; нельзя же!]
г. [Стар да и часто погодка сыра]
8 а. [Больше не нужно ему ничего]
б. Пусты деревни — и то ничего
9 На поле едет и куплю и мену

10 На полосах заведет старина
12 [Дядюшка что тебе по сердцу — на́!] [1]
13 [Бог ему дал хри<стианскую> некорыстную душу
14 Ездит, всё ездит и летом и в стужу
Вм. 18 Хватит про всякого
19—22 *отсутствуют*
После 30 Рожки орехи
Девкам утехи.
Вм. 31—35 Тотчас тележку гурьбой обступили
Старых и малых сбегается тьма
Пряников много сменяли, купили,
То-то пошла [со] суетня кутерьма!
Смех на какого-то парня печального:
Вм. 44—46 Сбоина макова
Больно [<*нрзб*>] лакома
На грош два́ кома!
49 [Внучки, сестрицы]
50—53 Шнурки, тесемки!
Иглы не ломки
Булавки востры
Платочки пестры
58 Тише! куда! белены вы объелись?..
59 [Так вот и мечутся], так вот и рвут!
60 а. [Зорок] старик, а то просто беда бы!
б. [Боек] старик, а то просто беда бы
в. Зорок старик, а то просто беда бы!
61 Затормошили сердечного бабы
62 [Просят], ласкаются, только держись!
66 Меньше нельзя, бог срази мою душу
67 Хочешь бери, а не хочешь — [ступай!]
70 У [дедушки] у Якова
73 Гляди-тко книжки
76 Отцы степенны
80 [Для мальчуганов
Для всех болванов]
81 а. [Николок], Гришек
б. Для рыжих Гришек
в. [Для Санек]
[Тимошек]
82 Для рыжих Ванек
После 83 а. [Не съешь не вкусишь]

[1] *Ст. 9—12 вписаны на полях.*

б. Не вдруг укусишь
90 Глянь-[ко] картина!
91 То-то [пот]утеха

Варианты белового автографа ГПБ

6 *начато:* Ради ему
7 *начато:* Выпи[вши]
8 Пусто в деревне,— и то ничего!
13 Видно дал бог ему добрую душу...
32 а. [Старых и малых сбегается] тьма
б. [Взрослых довольно] и детушек тьма
33 а. [Пряников много сменяли], купили —
б. [Всяких] сластей [насменяли] купили —
34 То-то [пошла] суетня, кутерьма!
35 Смех на какого-то [парня] печального
После 53 *пробел*
60 Зорок старик, а то просто беда бы!
61 Затормошили сердечного бабы
73 *начато:* Гляди-тко
После 75 *пробел*
82 Для рыжих Ванек
105 Глядя, как пряники детки жуют

II

ПЧЕЛЫ

(С. 99)

Варианты белового автографа ГПБ

2 Да про господнюю милость послушай!
Вм. 4—12 Мы на бугре, да и то не избавлены;
Видел ты? дó лесу вехи наставлены?
Это для пчелок у нас.
Как подступила вода небывалая,
Так я и ахнул — все пчелы помрут!
До лесу с версту, так пчелка-то малая
Не долетит — по силам ли труд?
Ну, полетит, полетит да и валится
На воду, бедная! Ради бы сжалиться
Да что поделаешь тут?..

Вм. 29—30 Ну а в лесу теперь рай!
В лес теперь пчелка свободно летай!
Там и цветы и деревья во младости!..
(Тут пчеловод прослезился от радости)
Ожили ульи!..— посмотрим, пойдем,—
32 Есть на продажу и сами с медком,
36 Тятину [сказку] тем часом прослушал
37 И за прохожего лишний поклон

III

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

(С. 101)

Варианты чернового автографа ИРЛИ

7 [Кони-то] не слабы,
14 [Как, с медведем?] Ничего!
20 [Сам уселся;] потрусил
После 21 *пробел*
24 «Подожди ты нас [дружок]!»
30 [Что-то долго] нет ребят,—
31 [Видно] выпьют лихо!
Вм. 38—41 Кони дернули — [медведь]
[Что это с ним сталось?]
Рявкнул! [Тройка ну лететь]
[Видно испугалась]
41 Тройка [удалая]
44 Да напрасно [он кричал]
45 Экая п<р>оруха!
46 [Бойко,] бешено неслась
47 Тройка — [да] не диво
55 [Страшно встречной] бабе

Варианты чернового автографа ГБЛ

66 Ладит вы[швырнуть] кольцо
80 Что [прикажете подать]
82 [Ладит] барину помочь
89 Правдой, ве<рой>, силой
104 «[Проезжающий] ревет,
106 [Те придется поскорей]
116 [До утра] в санях лежал

118 Наконец пришли домой
121 а. [Тихон] бородатой
б. [Парень] бородатой

<IV>

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

(С. 105)

Варианты чернового автографа ГБЛ А

1 Третьего года близ Малых Вежей
4 [Солнце сквозь черную] тучу играло
Вм. 9—10 С силой стремительной... [Старый] Мазай
[В поле завидев какой-то] сарай
[Только рукой показал и помчался
Я не догнал его как ни старался
А ведь ему уж за 70 лет]
13 а. [Я по неделе гощу у] него
б. [Я непременно дойду до] него
в. [Я с ямщиком <?> дохожу до] него
После 14 А иногда в ней живу по неделям
Вм. 15—16 [Летом она так нарядна, красива
Вся заросла она вьющимся хмелем]
После 22 [Каждую кочку и тропку в нем знает]
24 Торной дорогой ходить [он скучает]
25 За́ сорок верст в Кострому [напрямик]
26 [Хаживал ночью лесами старик]
[Вечно живет то в лесу то в болоте
Всю свою жизнь отдает он охоте]
Вм. 43—46 [День без охоты прожить он не может
а. Только одно старичишку тревожит
Стали гла<за> с годами глаза изменять]
б. Только и есть у Мазая заботы
Стали с годами глаза изменять
Вм. 53—56 [Вышел с ружьишком Кузьма-мужичок
Спичек с собой захватил коробок
Видит курок у ружья изломился
Так мужичок без курка ухитрился
Да неужели он бьет что-нибудь]
а. [Как же, бывает. В кусту западет
На три сажени тетерьку подманит

Спичку к зат<равке> при<ложит> и грянет]
б. Сядет за кустом, тетерьку подманит
57 Ходит с ружьишком другой мужичок
58 Носит с собой с угольками горшок
Вм. 73—76 [Было бы] больше [еще дупелей]
Кабы сетями [ловить запретили]
Кабы силками ее не [душили];
78 [Веришь ли сотнями бедные] гинут
79 Нет! еще мало! придут мужики
91 Тут я подъехал: [захлопав] ушами
92 [Зайцы шарахнулись. Взял] одного,
95 Только уселась [ватага] косая
96 Весь острово[к затопило] водой:
100 [Лапки скрестивши,] зайчишка на пне
101 [Видим как столбик] стоит горемыка
Вм. 103—104 [Выехал в лес; под широким кустом
а. Бьется, цепляясь за сучья] зайчиха —
б. Глядь, у куста [шевелится] зайчиха —
106 [Взял] ее, дуру, накрыл зипуном —
Вм. 115—118 [Прямо в деревню привез я зайчишек
Было потехи у баб, ребятишек!
«Глянь-ко что делает деда Мазай!..»
Ладно, любуйся, а нас не замай!]
120 Тут мои зайчики словно сбесились
После 124 [Будет где резвые ноги размять
Будет чего пощипать, поглодать!
Я им скомандовал: слушай! равняйся!
а. Ну выгружайся команда косая
б. На берег по двое в ряд выгружайся!
Да поминай на молитве Мазая!..]
125 а. К берегу плотно бревно [я прижал]
б. К берегу плотно бревно подогнал
в. К берегу плотно бревно я прижал
141 За ночь [зайчишки] мои отогрелись

Варианты чернового автографа ГБЛ Б

88 К бедным зв<ерькам> уже их оставалось
91 Тут я[1] подъехал; захлопав ушами
92 а. Зай[чики к лодке я] взял одного,
б. Зайцы шарахнулись, взял одного,

[1] [мы]

94 [Ну и уселись, плывем, ничего!]
95 Только уселись [косые со мною]
96 а. [Видят, их остров пропал под] водой
б. Весь островок затопило водой
97—98 То-то! сказал я: [и впредь старика]
Слушайтесь!
99 [Едем мы дальше — и видим бревно]
После 99 [Видим — зайчишка стоит на бревне
Лапки передние к нам простирает<?>
Словно о помощи нас умоляет
В лодку забрал я и этих, плыву]
100—104 Лапки скрестивши зайчишка на пне
Видим как столбик стоит горемыка
Поплыли лесом — под самым селом,
С дерева в лодку прыгнула зайчиха
107 Сильно дрожала. [Темненько] уж было [1]
[Часто грести <*нрзб*> ухватил <?>
Едем <?> зайка <*или* зябко?>
Идет из деревни народ
Идет по дороге <*нрзб*>
а. Лодка была почитай что полна]
б. [В лодке довольно гостей набралось]
Вм. 110—112 Зайцев [на нем до десятка тряслось]
а. Жаль упустить дорогую находку
б. Жаль было зайцев да жаль и находку
а. Жаль и косых — да потопишь ведь лодку
б. А уж гораздо наполнил я лодку —
После 114 К берегу прямо гребу с седоками
Вижу зайчишки поводят ушами
Стали на задние лапы ставать
Берег завидели — то-то раздолье
Будет где резвые ноги размять
Озимь и кусты и рощи — приволье
К берегу близко<?> бревно я пригнал
Лодку причалил — и ух закричал

Набросок ГБЛ

К 53—64 Слышал рассказ про Ермилу слепого
Девятилетнего внука меньш<ого>

---

[1] *Следующие пять строк густо зачеркнуты и с трудом поддаются прочтению, можно разобрать лишь отдельные слова.*

Брал на охоту с собою Ермил,
Чтобы тот дуло ему наводил
Носит охотник горшок с угольками
а. Что тебе в нем? Да я зябок руками
б. Больно я зябок, родные, руками
Ежели зайца теперь сослежу
Прежде присяду, ружье положу
Над уголечками руки погрею
Да уж потом и палю по злодею!
Вышел с ружьишком другой мужичок
Спичек с собой захватил коробок
Горе! Курок у ружья отломился
Так мужичок без курка ухитрился
Да неужели он что-нибудь бьет?
[Как же, бывает! В кусту западет
Сажени на три тетерьку подманит
Спичку к затравке приложит — и грянет]

<V>

СОЛОВЬИ

(С. 110)

Варианты чернового автографа ГБЛ

Вм. 1—4 У бедной хижины своей
Солдатка Фекла пряжу пряла
Три малых сына перед ней
Шумели, прыгали, играли
12 Мы там гуляем каждый праздник
13 А вечером туда идут
Вм. 15—16 Крестьяне крепко подопьют
Целуются, обнявшись бродят
а. А девки [песенки поют]
б. А девки косы заплетут
Поют и хороводы водят
17—20 А в роще, детушки мои,
Под говор, смех и шум народа
[Всю ночь поют — утеха] всем
21 И дедам хорошо жилось
После 21 а. Обычай исстари велся
Тут праздновать пр<иходский>
пр<аздник>

Не тереби мне волоса
Всю косу рас<трепал> проказник
б. Обычай исстари идет
Тут праздновать приходский праздник
С утра обедня, крестный ход —
Да не мешай же мне проказник
29 Давно рассказывал ваш дед:
Тогда еще я чуть ходила
На целом свете места нет
Где б соловьям привольней было
31 Стоит — гостей певучих нет
32 Нас всех взяла тоска такая <?>
34 И на поляне мы гуляли
35 Да праздник нам не в праздник был
36 Куда ж соловушки пропали?
Ведь

И скучно стало мужичк<ам>
45—47 С тех пор с сетями в наш лесок
Избави бог никто не ходит
И этот исстари зарок
49—52 Весной бывало каждый год
Что их за множество прибудет
Под песни их село уснет
Их песенки село разбудят
56 Дать уголок покойный, дети
58 Меньшой лез матери на шею

ДЕТСТВО

(С. 119)

Варианты чернового автографа ИРЛИ А

8 Что угрожает [падением]
После 10 [Но не придумали грешные]
25—26 [Помню я дождь на молящихся]
Падал: [во время служения]
31—32 а. [Темные лики святителей
Вдруг выступали заметнее [1]]
б. Вдруг [как живые являлися
Обыкновенно чуть видные]
Темные лики святителей

[1] [рельефнее]

33—35 *отсутствуют*
36—42 То растворял неожиданно
Ветер окошко непрочное,
И в заунывно суровое
Пение гимна церковного
С улицы, с поля соседнего
Звонкая нота вторгалася,
Полная горя житейского —
Песня усталого пахаря!
46 Долго дрожало, [высокое]
47 а. [В ту же минуту разрушиться]
б. [Рухнуть! Налои шаталися]
в. [Рухнуть! Налои кача<лися>]
51—54 И отворилась безвременно
Дверь алтаря. Православные,
[Страхом объяты, попадали
Все на колени...]
После 54 [Помню я: медленно строилась
Новая церковь кирпичная,
Помню ее освящение...]
58—63 И заслоняет [старинную].
[Взяли иконы оттудова,]
Вынесли божьих угодников,
Вынесли утварь церковную,
Но [предоставили времени.]
64—71 *отсутствуют*
Вм. 72—79 а. [Не посягнули. Обрушился
Купол, стена завалилася
Три же другие держалися
Долго]
б. [Не посягнули. Обрушился
Купол; потом завалилися
Стены, одна лишь передняя
Долго держалась.
В землю врастая медлительно,
Храм обратился в развалины
Странные, чудно красивые...]
в. [В землю врастая медлительно,]
Странную, чудно красивую
Приняли форму развалины,
[Травами густо проросшие [1]]

---

[1] *Начато:* [поро<сшие>]

г. В землю врастая медлительно,
[Само собой обратилося
Старое зданье в развалины.]
Эти [развалины бедные,]
Травами густо поросшие
[Форму со временем приняли
Странную, чудно красивую...]

д. В землю врастая медлительно,
Эти остатки убогие,
Травами густо поросшие,
Преобразились в развалины
Странные, чудно красивые...

81—95 *отсутствуют*

Вм. 96—105 а. Птицы любили их вольные
Да деревенские мальчики,
И русокудрые девочки...
[Там мы играли, возилися,
Там мы ловили кузнечиков [1]]

б. Птицы летали там стаями,
Вили уютные гнездышки,
Дети ловили кузнечиков;
В широколистном лопушнике
Или в остатках строения
Прятались, звонко аукались,
Пели веселые песенки...
Позже, когда уж ребячество
Минуло, эти развалины
Я полюбила сознательно

Варианты чернового автографа ИРЛИ Б

Вм. 55—69 Скоро обрушилось здание,
Дверь завалилась; могильная [2]
Там тишина воцарилася.
Только со стен штукатуренных
Строго глядели угодники,

---

[1] *Начато:*
[Там и мое одинокое
Детство]

[2] *Начато:*
Дверь завалилась; в раскрытые
Окна

Ласточки вили там гнездышки,
То вылетали оттудова,
То возвращались с добычею
76—78 *отсутствуют*
81—83 И простирали в широкие
Окна березы соседние
Ветви[1] свои густолистые
85—89 Ветром на крышу [склоненную]
Дали отростки: [виднелись там
Две-три березки красивые]
С бледно-зелеными листьями
Вм. 96 Малые птички различные
Пели летали там стаями
101—103 *отсутствуют*
Вм. 107—108 а. И [на какое-то дерево]
Между цветами и травами,
[Старое — вдруг набежала я]
б. И набежала нечаянно,
Между цветами и травами,
Гнило оно незаметное,
На полусгнившее дерево...
Вм. 109—118 Вдруг подо мною рассыпалось
Дерево; я провалилася
Я огляделась кругом. Под карнизами
Крепкие гнездышки слажены,
Ласточки смотрят из гнездышек,
Словно кивают головками[2]
119 А по стенам [неприветные]
121 Перекрестилась я набожно
После 125 [Трепет объял меня; вспомнилось
Всё что]

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

Заглавие [Где я играла в детстве]

* * *

(Отрывок)

[1] [Сучья]
[2] *Вслед за этим незачеркнутым вариантом идет окончательный текст данных строк.*

После 32 [К матушке жалась смущенная]
36 То растворял неожиданно
88 Что [приютилась] там, стройная,
93 На высоту,— и [оттудова]
121 Перекрестилась я набожно

СТРАШНЫЙ ГОД

(С. 124)

Набросок ИРЛИ

К 18—30 Да едва ль кому и нужен ныне
Этот стих восторженно-призывный
В населенной мертвыми пустыне,
Словно камень брошенный в пучине
Сгибнет он бесследный, безответный.
Или есть еще сердца живые,

Но гремел, когда они родились,
Ярый гром, ручьями кровь текла,
Эти души робкие смутились
И как птички в бурю притаились
В ожиданьи света и тепла.

Варианты автографа ИРЛИ

5—8 Грозный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков,
О любовь! — вот все твои усилья,
Разум, вот плоды твоих трудов![1]
Вм. 9—17 Что ни день — победа роковая,
Стоны жертв, повержен<ных> в крови...
Лишь молчит поэзия святая,
Дочь весны, свободы и любви!
Вм. 18—21 И бог весть, кому нужна ты ныне
В этот век жестокий и сухой
В населенной мертвыми пустыне,
Словно камень брошенный
Сгибнет он, твой голос неземной.
27 Ярый гром, ручьями кровь лила

[1] *Это четверостишие вписано на полях.*

«СМОЛКЛИ ЧЕСТНЫЕ, ДОБЛЕСТНО ПАВШИЕ...»

(С. 126)

Набросок ИРЛИ

К 5—8 Гений злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная,
Все жестокие страсти разнузданы,
Подозрительность, алчность и мстительность

Варианты чернового автографа ИРЛИ

Заглавие [Современная Франция]

* * *

(С французского)

1 Честь и слава вам доблестно павшие
7 *начато:* Вихрем злобы и бешенства
10 Как враги меж собою скликаются

Вариант «Земли и воли»

7 Всё живое, всё честное косится...

НАД ЧЕМ МЫ СМЕЕМСЯ...

(С. 127)

Первая редакция ИРЛИ

И тихой женщины какой-то
Задумчивое, милое лицо
В такие дни обыкновенно
Передо мной является.
Но где же ты, желанная душою,
Ты, тихая, ты, добрая моя!
Без ласки сердце глохнет.

И будем жить мы просто, пошло даже
Заботясь о спокойствии своем
И благе ближних. Что ты улыбнулась?

С тобой я должен прямо говорить,
И благо ближних на устах моих не фраза,
Не понимаю жизни я другой.

Поверхностная, глупая насмешка,
К которой так наклонно наше племя,
Бич чувству в юном сердце. И над чем [1]
Смеемся мы. Обыкновенной темой
Насмешек наших: всякая черта
В характере, которая выходит
Из уровня обычного. Попробуй
На улице покинуть экипаж,
В котором ты здоровый ехал праздно,
И предложить его хромому... Не смешно ли? [2]
Скажи довольному собой глупцу, [3]
Что он глупец — смешно и даже глупо.
Однажды я припрегся к водовозу,
Который на бугор [4] свои салазки
С двумя бочонками воды по скольз<кой>
Подмерзшей мостовой втащить не мог.
Приятели доныне помнят это
И не дают проходу: филантроп!
Попробуй предпочесть пирушке пошлой [5]
С гетерами, с шампанским и игрой
Беседу с кроткой матерью-старушкой —
Да разболтай об этом: гадко станет,
Ужасно даже — если только вникнуть,
Каким согласным, диким гоготаньем [6]
Ты встречен будешь... Глупо наше племя! [7]

---

[1] Бич чувству в сердце молод<ом>. А над чем
[2] Из уровня [обыкновенного.] Попробуй
На улице [дать руку пожилому,
а. Согбенному под ношей.] Не смешно ли?
б. [Кряхтящему под ношей] Не смешно ли?
[3] Скажи довольному [собою господину]
[4] на гор<у>
[5] Попробуй предпочесть [веселью]
[6] Каким согласным, [жеребячьим смехом]
[7] *На полях два отдельных наброска:*
Но пущенное в моду
Добро приносит мало проку

Мы правда в пошлости все по уши живем,
Но в модной пошлости

Безумное, неверящее племя [1]
Умело превратить в предмет насмешки
И состраданье к ближнему. Не раз
Ты [2] слышала и часто будешь слышать
Презрительные речи: «Вот охота
Возиться век с унылой нищетой, [3]
Вступаться за бесправных и бездольных.
Всем бедным не поможешь, всех больных
Не вылечишь, давно уж доказали
И опыт и наука, что напрасны
Все частные усилья. Это пошлость,
Придуманный конек, чтоб отличиться —
Но, право, он придуман неудачно,
Старо, бесплодно, неоригинально
И хлопотливо» — Что же хорошо,
Что ново? Праздное убийство жизни
В тщеславии, распутстве, пустоте?
Им предаваться люди не стыдятся,
Так не стыдись идти и ты по пошлой,
Как говорят, избитой, но, по правде,
Едва, едва проложенной дороге
Добра... [4]

ТРИ ЭЛЕГИИ

(С. 128)

Наброски первой элегии ГБЛ

К 41—44 а. О сердце бедное мое
Боюсь:
Ты скоро, скоро изнеможешь
Ты жить не можешь без нее,—
Но и простить ее не можешь!
Зачем же ты

---

[1] *Далее начата и не окончена строка:* Все пошлостью
[2] *Начато:* Мы
[3] Возиться с бедными, с оборванной нуждой
[4] а. Как говорят, [избитой и смешной,
Но в сущности едва проложенной тропинке]
б. Как говорят, [избитой и смешной,
Но в сущности едва-едва проложенной
Дороге...]

6. О сердце бедное мое!
Боюсь, ты скоро изнеможешь...
Простить не можешь ты ее...
Зачем же не любить не можешь?..

Наброски второй элегии ГБЛ

Ты заступница — прекрасная
Бла<го>душия полна
Молчаливая и страстная —

Чьей слезинки, без страдания

К 11—18 Там страна обетованная
Там полна весенних вод
Вольно [1] речка безымянная
Волны гордые [2] несет.

Ранняя редакция третьей элегии ИРЛИ

Непрочно всё, что нами здесь любимо
Что день [3] сдаем могиле мертвеца
Зачем же ты в душе неистребима
Мечта любви, не знающей конца

Разбиты все привязанности: разум
Давно вступил в суровые права
Гляжу на жизнь неверующим взглядом
И смерти жду — седеет голова

Мой путь означен — волею железной
Вооружась, трудиться день-деньской
Чтоб хоть остатка жизни бесполезной
Не опозорить праздностью тупой

---

[1] [Гордо]
[2] [вольные]
[3] *Начато:* [Жизнь]

<П. А. ЕФРЕМОВУ>

(С. 131)

Варианты автографа ИРЛИ

4 [И лучше] Фета и Щербины

УНЫНИЕ

(С. 132)

Варианты чернового автографа строф I—V ИРЛИ

Вм. 1—20 а. Приехал я в деревню. Каждый год
[Я шумную столицу покидаю
И каждый год в деревне оживаю,
Охота, труд — жизнь правильно идет
Устав писать — иду я на охоту,
Устав бродить, вновь сяду за работу.
И так жилось недурно много лет,
Но в этот год таких порядков нет.
Мне совестно признаться: я томлюсь
Каким-то злым мучительным недугом.]

б. Приехал я в деревню. Каждый год
[Гонюсь с ружьем за] перелетной птицей
[И чувствую: как] вольный ветер нив,
Сметает сор, навеянный столицей
С души моей. Я духом бодр и жив...
[Я чувствую,] я мыслю, я мечтаю...
[Найти себя я это называю.]

в. Покинул я противную столицу,
И вновь поля родные увидал,
Я посещал Париж, Неаполь, Ниццу,
Но я нигде так сладко не дышал,
Как в Грешневе. За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, навеянный столицей
С души моей. Я духом бодр и жив,
Я телом здрав, я мыслю, я мечтаю...

26—28 Я сам себя в то время нахожу,
А это всё, что нужно для поэта...
[Легко жилось.] Но нынешнее лето

31—43 Мне совестно признаться: я томлюсь
Каким-то злым мучительным недугом.
Чтоб от него отделаться, делюсь

Я им с тобой, читатель мой, как с другом.
Недуг не нов: зовут его хандрой,
Бывало я гонял его метлой
Или смягчал трудом по крайней мере,
А ныне он — бессменный спутник мой.
Быть может есть причина в атмосфере,
А может быть мне знать себя дает,[1]
Друзья мои, пятидесятый год!
45—54 Когда шестой десяток настает,
Приходит к нам нежданная забота
Свести итог... О юноши! придет
Она и к вам, настанет ваш черед
Сводить концы, рассчитываться строго
За каждый шаг, за целой жизни труд,
И мстящего, зовущего на суд
В душе своей вы ощутите бога.
Бог старости — неумолимый бог,
От юности готовьте ваш итог!
Вм. 55—68 А если я, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагосклонной
Их объяснить и пробую порой,
Суровый бог качает головой
а. И видит ум, поверженный в смятенье,
б. И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство — в ошибке роковой!..[2]

Набросок продолжения строфы IV ИРЛИ

После 54 Но первые шаги не в нашей власти![3]
Отец мой был охотник и игрок,
И от него в наследство эти страсти[4]
Я получил — они пошли мне впрок.[5]

Не зол, но крут, детей в суровой школе
Держал старик, растил как дикарей.[6]

---

[1] *Начато:*
А может быть пятидесятый
[2] А если я∾роковой!.. *вписано позднее.*
[3] [Но не в моей увы! то было] власти!
[4] [Остались мне] в наследство эти страсти
[5] [Достались мне,] — они пошли мне впрок
[6] [Он нас держал] в суровой [старой] школе,
[Растил из нас каких-то] дикарей

Мы жили с ним в лесу да в чистом поле,
Травя волков, стреляя в глухарей.

В пятнадцать лет я был вполне воспитан,
Как требовал отцовский идеал:
Рука тверда, глаз верен, дух испытан,—
Но грамоту весьма нетвердо знал [1]

И я таким остался до седин
(Мне грамота далась потом, однако),
Мой лучший [2] друг — легавая собака,
Да острый нож, да меткий карабин.

Мой черный конь, с Кавказа приведенный
Ретив как лев,— как вихорь он летит,—
Еще отцом к охоте приученный,
Как вкопанный при выстреле стоит.

Когда мой пес бежит [3] опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнет, [4]
На всем скаку остановив Черкеса
Я выстрелю — и птица упадет... [5]

Наброски строфы IV ИРЛИ

К 44—54 а. Пришла пора рассчитываться строго
За каждый шаг... Пути <?>
И руки опускаются
б. Не отогнать мне тоски беспокойной
Я изнемог,
[Пришла] пора мой подвести итог,
И мстящего зовущего на суд
В душе [моей] я ощущаю бога
в. Придет пора <ваш> подвести итог,
И мстящего, зовущего на суд

---

1 В пятнадцать лет [медведей я стрелял]
Рука тверда, глаз верен, дух испытан, —
[Но грамоту не очень твердо знал]
Таков его был странный идеал
[Не правда ли я странно был воспитан?]
2 [первый]
3 [бежал]
4 [сгонял]
5 [Я застрелить добычу успевал.]

В душе своей вы <ощутите> бога
Да он придет незримый стр<огий?> бог:
От юных лет готовьте ваш итог
г. [Пришла пора мой подвести итог,]
И бился я пока не изнемог.
Бесплодный[1] труд, о том ни слова,
И не решив вопроса рокового,
Рук приложить я к делу не могу

Варианты набросков строфы VI и окончания ИРЛИ

Вм. 69—78 Пристыженный, печалью удрученный
В жестокости судьбы неблагосклонной
Стараюсь оправданье им найти...
Но слезы лить над прожитыми днями,
Что осенью следить за облаками
В томительном и медленном пути —
И скучно и бесплодно... Принимаюсь
За книгу, за газету.
185—186 Как плеск волны осенней полуночью
На северном пустынном берегу.

Варианты набросков строф VI, VII, VIII ИРЛИ

77—78 И в жизнь мою вникаю беспрестанно...
Угодно ли последовать за мной?
84 Я знал другой суровый, зоркий суд
После 90 [Но, признаюсь, в душе я не спокоен]
Вм. 91—101 а. [Враги мои! для вас я прибавляю,
Что я себя героем не считаю,
Как ваша злость наверно заключит:
К тому нейдет название героя,
Кто лаврами победы не увит
Иль на щите не вынесен из боя...
Я рядовой (теперь уж инвалид).]
б. Враги мои решат его согласно,
Всех меряя на собственный аршин,
В чужой душе они читают ясно...
Но мой судья читатель-гражданин.
Лишь в суд его храню слепую веру.
Решай же ты, кем взыскан я не в меру!
Реши вопрос и подведи итог,
Я сам в его решеньи изнемог,

[1] *Начато:* [Забавно]

Я покорюсь. Но не забудь одно —
Я человек, каких на свете много,
Умеренность от бога мне дана.
Кто на щите не вынесен из боя
Иль лаврами победы не увит,
Тот не герой — во мне нет сил героя
Я рядовой (теперь уж инвалид).

Наброски строф VI, IX, XI, XIII ИРЛИ

К 69—78 Пристыженный, тоскою удрученный,
В жестокости судьбы неблагосклонной
Стараюсь оправданье им найти.
Но слезы лить над прожитыми днями,
Что осенью следить за облаками
В томительном и медленном пути,
Напрасный труд — и скучный и бесплодный
Иду к реке, кормилице народной.
К 10—113 Иду к реке. Знакомой [1] грусти полны
Ленивые медлитель<ные> волны. [2]
Невесел [3] вид песчаных берегов,
Степной кулик да хищный рыболов
Задумчиво кружатся над водою,
[Иду туда поспешною стопою,
Где зреющая нива шелестит]
Бурлаки тянут барку бечевою...
К 132—137 Стоит она на берегу открытом,
Не шевеля ни гривой, ни копытом
Недуга жертвой первой
Сражающего бедные [4] стада
Опущен хвост, защита от шмелей.
И уж она не борется с шмелями
Летающими тучею над ней,
И голова понурена... Недвижно,
Как вкопанная [5]
К 152—159 Иду на шелест нивы золотой.
Печальные бесплодные равнины!
Недавние и страшные картины,
Сжимая грудь, проходят предо мной.

---

[1] а. [Ленивой]; б. [Всегдашней]
[2] Медлительно струящиеся волны
[3] [Печален]
[4] [русские]
[5] [И жертва упала]

Ужели бог не сжалится над нами,
Сожженных нив дождем не оживит,[1]
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоит?..[2]

Первоначальная редакция строф VI—XIII ИРЛИ

Пристыженный, тоскою удрученный,
В жестокости судьбы неблагосклонной
Стараюсь оправданье им найти.
Но слезы лить над старыми грехами,
Что осенью следить за облаками
В томительном и медленном пути —
Напрасный труд — и скучный и бесплодный.
Беру ружье, зову послушных псов,
Иду к реке, кормилице народной,
Текущей мимо многих городов
И деревень... Знакомой грусти полны
Ленивые медлительные волны...
О чем их грусть? Бывало каждый день
Я здесь бродил в раздумьи молчаливом,
И слыщал я в их ропоте тоскливом
Тоску и скорбь попутных деревень...
Они, они поэту рассказали
Народные несчастья и печали!
Я заразился грустию от них
С младенчества, но мил мне ропот их...

Под берегом, где вечная прохлада
От старых ив, нависших над рекой[3]
Стоит в воде понуренное стадо,
Над ним шмелей неугомонный рой.
А там вдали, в открытом чистом поле
Видна лошадка: воля ей дана,
Но бедная не радуется воле.
Слежу за ней: не движется она
И кажется невероятно тучной.

---

[1] а. [Засохших нив дождем не оросит]
б. [Засохших нив дождем не оживит]
в. Сожженных нив дождем [не освежит]
[2] [В бездействии всю осень простоит?..]
[3] От старых ив, [нависнувших шатром]

Над ней кружится тоже рой докучный,
Но уж она не борется с врагом.
Не шевельнув ни гривой, ни хвостом,
Как вкопанная час она стояла
И наконец шатнулась — и упала!

Над нею солнца раскаленный шар,
Кругом поля,— вот с высоты спустился
Степной орел, над клячей покружился [1]
И царственно уселся на стожар.
В чем дело, он додумается к ночи
И выклюет ей острым клювом очи...

Невесел вид реки и берегов,
Свистит кулик, летает [2] рыболов,
Добычу карауля, как разбойник.
Таинственно снастями шевеля,
Проходит барка, виден у руля
Высокий крест: на барке есть покойник.

Иду на шелест нивы золотой.
Убогие, бесплодные равнины!
Недавние и страшные картины,
Сжимая грудь, встают передо мной.
Ужели бог не сжалится над нами,
Сожженных нив дождем не оживит,
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоит?..

Варианты белового автографа ИРЛИ

Вм. 1—7 [Приехал я в деревню. Каждый год
Гнездо отцов я посещаю; летом
Я там живу, там становлюсь поэтом,
Благодаря [3] отсутствию забот]
4—7 В тени ее лесистых берегов
Я и теперь на лето укрываюсь
И в сентябре [4] в столицу возвращаюсь
С запасом сил, здоровья и стихов
16—17 Какой восторг!

---

[1] Кругом поля, — [откуда-то явился]
Степной орел, [он медленно спустился]
[2] [кружится]
[3] [По милости]
[4] [И осенью]

II

За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
32 а. [Каким-то] злым мучительным недугом
б. [Нещадно злым] мучительным недугом
34 а. Я пм с тобой, [читатель мой, как с другом]
б. Я пм с тобой: ты был всегда мне другом
36—40 [Недуг не нов: зовут его хандрой,
Бывало я гонял его метлой]
Иль хоть смягчал трудом по крайней мере,
а. А ныне [он — бессменный спутник мой]
б. А ныне с ним не оберусь хлопот!
45—49 [Когда шестой десяток настает,]
Приходит к нам нежданная забота
Свести итог... О юноши! [придет]
Она и [к] вам! [Настанет ваш черед]
а. [Сводить концы] рассчитываться строго
б. [Придет пора] рассчитываться строго
После 54 V—VI—VII [1]
59—61 [Жестокий бог!.. [2] Он даст двойное зренье
Твоим очам, он память оживит,
Привьет уму пытливое стремленье]
Вм. 59—74 а. [Сначала я тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагосклонной
Их извинял, качая головой,
Суровый бог смеялся надо мной,
Печальный ум тревогой наполняя,
Всю жизнь мою со мною разбирая,
Он овладел убитою душой.
И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство в ошибке роковой...

VI

Жестокий бог! он дал двойное зренье
Моим очам; он память оживил,
Привил уму пытливое стремленье
И сон прогнал — и жалость умертвил]
б. [Мои вины наивно извиняя,
Суровый бог насмешливо внимал]

---

[1] *Цифры VI—VII списаны позднее красным карандашом, по-видимому, Некрасовым.*
[2] [Ошибок ли...]

[Моим очам] он дал двойное зренье,
[Родил в уме]пытливое волненье
[И наконец]душою овладел:
«Я даром жил, забвенье мой удел».
Я говорю, с ним жизнь мою читая:
«Прости меня, страна моя родная!
Бесплоден труд, напрасен голос мой!»
И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство в ошибке роковой...

VI

[Измученный бесплодною работой,
Гоню его стихами и охотой,
Но он идет за мною по пятам,
Как тень моя. В любимый труд, в забаву
Мешает он во всё свою отраву]
62—90 «Ты даром жил, забвенье твой удел!»
Он жизнь мою читая повторяет
. . . .
Ужель он прав? Мучительный вопрос!..[1]
69 а. *как в окончательном тексте*
б. [Пристыженный,] тоскою удрученный
71 Мои вины [стараюсь] объяснить
84 а. Я знал другой [суровый, зоркий] суд
б. Я знал другой [нетерпеливый] суд
94 Но [мне] судья — читатель-гражданин
97 [Мои дела — не тайна для тебя]
Вм. 103—104 а. [Воскресни вновь — и, крылья расправляя,
Весь божий мир со мною [2] облети!
Воспрянь! Хандрить над старыми грехами,
Что осенью следить за облаками
В томительном и медленном пути,
Напрасный труд — и скучный и бесплодный...]
б. Воспрянь и мир как прежде [3] облетая
Мой ум [4] к труду, к покою возврати!
Вм. 106—108 а. [Беру ружье, зову послушных псов]
Иду к реке [кормилице] народной,

[1] *Вариант вписан на полях красным карандашом рядом с обведенным и слегка перечеркнутым (тоже красным карандашом) окончательным текстом этих строк. Ср. варианты ОЗ.*
[2] [с улыбкой]
[3] [со мною]
[4] [Меня]

[Текущей мимо многих городов
И деревень...] Знакомой грусти полны
б. Иду к реке любимице народной,
[Кормилице посадов, городов]
Перепелов стреляю по пути.
Я подошел: знакомой грусти полны
117—119 Над ним шмелей неугомонный рой.
[По круче овцы бродят беззаботно,]
Как рекруты остриженные [плотно].
После 125 *следовали строфы XIII и XIV*[1]
126—127 а. Чу! [ржет табун!] Трава [в лугу] на славу,
Но лошадям [не до травы] пришлось
б. Чу! Конь заржал! Трава кругом на славу,
Но лошадям тошнехонько пришлось
131 а. И машут в такт [проворными] хвостами
б. И машут в такт [тяжелыми] хвостами
в. И машут в такт [кургузыми] хвостами
132 а. Лишь там — вдали [виднелся пегий конь]
б. Лишь там — вдали [остался серый конь]
в. Лишь там —вдали [стоял савра<ска>]
132—137 [Лишь пегий конь вдали один стоит,
Не есть травы, хвостом не шевелит.]
Несчастный конь, ненатурально тучный!
Ты поражен недугом роковым...
[Над ним снует такой же рой докучный,
Но он стоит понур и недвижим...]
135 а. [Стоит один] понур и недвижим
б. [Остался он] понур и недвижим
138—142 а. Я подошел проворными шагами —
[Мой конь дышал всё реже, всё слабей,
Алела кровь, добытая] шмелями,
[По всей спине], струилась из ноздрей
б. Я подошел проворными шагами —
По всей спине, усеянной шмелями
Алела кровь, струилась из ноздрей.
Я наблюдал жестокий пир шмелей,
А конь дышал всё реже, всё слабей.
147 Степной орел,— над клячей покружился
153 Убогие, [бесплодные] равнины!
160—161 а. [Помилуй бог! По скату нивы к лугу
Иду межой.] Чу! женщина поет

[1] *Нумерация этих строф переделана из X и XI; перед ними помета:* Сюда стр<офы> XI и XII, см. ниже.

б. Ужели вновь наградой будет плугу
Голодный год?.. Чу! Женщина поет
172 День свечерел. [С моей] тоскою вялой
173—179 А я дождем [лечуся] от хандры,
Но, видно, мне [душою] не воспрянуть!
После 180 [Не разогнав мучительной хандры]

Варианты ОЗ, ПП

Вм. V *V—VI—VII*
Вм. 61—63 Родил в уме, истерзанном тоской,
И проследив со мной неутомимо
Всю жизнь мою, вопрос неотразимый
Насмешливо поставил предо мной:
Зачем ты жил? . . . .
. . . .
69—90 *отсутствуют*

ПУТЕШЕСТВЕННИК

(С. 138)

Варианты чернового автографа ИРЛИ

Заглавие *отсутствует*
5 *начато:* [Волки в деревне]
11 Ездит один, [наблюдая] Россию
12 а. По захолустьям [родим<ой>] страны
б. По захолустьям [печальной] страны
14 «[Как] у вас скот?» — От заразы подох.—
После 20 [Власа возили на Троице <?> в Питер.[1]
Боек поехал — вернулся молчком.
«Эта ли книга? Да сколько в ней литер?»
Всё приставали... Теперь мы их жжем!]
23 [Травы] посохли, коровы подохли...
24 Как они бедные платят оброк?
28 В грусти барон сам [себе] говорит...

Варианты копии Буткевич ИРЛИ

11 Ездит один, наблюдая Россию
13 В третьем году у проезжих людей

[1] [Сын мой уехал] на Троице <?> в Питер.

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

(С. 140)

Варианты ОЗ

10—11 Сунься-ко! сделаешь шаг,
А на втором . . . .

ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

(С. 141)

Варианты набросков ИРЛИ

Вм. 105—106 Я тогда с Наумом соглашался
117—120 Да было некогда любить
Родись в другое время
Я пожелал бы может быть
Оставить род и племя [1]
137—138 Ни легкой связи мысли нет
Ни брачному союзу
194 Деньга надежней цепи
После 196 Тоненько дело я веду
Идут ко мне с охотой
Ссужу попавшего в беду,
А мне воздай работой...
201—204 Иное дело мой Наум
Он не тужил нимало
Имел он здр<авый> ру<сский> ум
Но сердце в нем дремало
Теперь быть может мне и жаль
К 209—228 И снова кверху, как матрос
Взберется по канату
Паук вел<ик> и тучен
В его сетях
И баб<очек><?><*нрзб*>
Сначала сам невольно
у паука
еда обильна
И сам невзрачен
После 240 Наум не скажет никому

[1] Мое упрочить племя

О чем, какая дума —
Известно богу одному,
Да мне — я друг Наума...
Не то чтоб мне он рассказал,
А сам я догадался
Чего же мне недостает
Была жена да через год
245—252 Стыдненько [1] будет рассказать
Да так и быть. Послушай!
Какой-то Ваня ночевать
Зашел ко мне с Танюшей.[2]
У парня вьются волоса
Чернее темной ночи,
У девки русая коса
И голубые очи
Вм. 265—267 Ночуйте с богом! У меня
Прохожему приволье,
Кто вы! — Мы дальняя родня,
269 Я думал: врет! поди сманил
293—296 Покурим, Ваня говорит
Товарищу девица
И спичка чиркнула, горит...
Увидел он [3] их лица
301—308 Как кипень белая рука!
У Тани грудь нагая
Закрыта левая щека
Косой... горит другая
[Еще увидел я [4] на миг]
Как встретились их очи...
[Погасла спичка — вновь на них]
Спустился полог ночи...
309 Ушел тихонько он назад
312 Молчит, глядит угрюмо
К 321—324 Так лето думал он не раз
Забудется <?>
Две пары глаз, блаженных глаз
Горят пред ним —
После 324 И тяжко тяжко старику

[1] [Трудненько]
[2] [Феклушей]
[3] [я]
[4] [он]

С чего тоска напала?
326 Купцом я буду вскоре...
328 а. Вот в чем Науму горе!
б. И всё ему не мило...

Набросок ИРЛИ

К 195—196 а. [Прежде были] помещичьи крепи,
Нынче, барин,— кулацкая крепь
б Порешились помещичьи крепи
Входит в силу кулацкая крепь

Варианты чернового автографа ИРЛИ

Перед 1 [Науму сорок третий год
Наум неглупый малый:]
1 [Имеет] паточный завод
Между 3—4 [Его харчевенка стоит
На самом «перекате»]
9—12 а. [Кругом, где прежде был пустырь [1]
Картофель — объеденье!
Вблизи Бабайский монастырь
И Рыбица — селенье]
б. [Зазеленел, зацвел пустырь
Картошкой, огурцами...
Будил Бабайский монастырь
Наума с петухами]
в. [Картошку стал родить пустырь,
Возделанный грядами,
Будил Бабайский монастырь
Наума с петухами]
г. [Он] обра<тил> нагой пустырь
В картофельное поле.
Вблизи Бабайский монастырь,
[Верстах в пяти не боле]
13 [Вдали виднелась] Кострома
17 а. Его [«харчевенка»] стоит
б. Его «питейное» стоит
20 К его пустынной хате
22 Выходит [пропасть] «чарки»
25 [Бегут] купцы: «Помогу дай!»
29—30 Народ валит сюда с утра

---

[1] [И стал родить нагой пустырь]

[Дерет с купцов] довольно...
34 Мел[ьчаешь] год от года
36 Любимица народа!
47 Чу! Грозно фыркнул пароход!
54 а. [Бурлака стон] унылой,
б. И их напев унылой,
в. [Как пел бурлак] унылой,
56—57 Милей мне слушать было...
[Друзья!] Я дожил до седин,
59 Других времен, других картин
70 [Бесчисленной] толпою
73 Мечты!.. Я верую в народ...
81—82 а. [Когда спокойствие царит]
[И] солнце [мирно] блещет
б. Когда ни тучки не висит [1]
Над нами, солнце блещет,—
Вм. 89—96 О Русь! [Проснись или пади]
Живая кровь в твоей груди
Иль только гной тлетворный?
[Проснись!] Доколе поведет
[Передовые силы]
Святая вера в твой народ
103—104 Еще тошней: [с ней] время трать
[Ни шагу без] подарк[а]!»
109 Хотя у нас, [читатель мой],
Вм. 117—120 а. [Хоть и желал я, может быть,[2]
Оставить миру племя,
Но... было некогда любить [3]
Лихое было время]
б. [Хоть я с Наумом из причин
Различных соглашался
Каких? то знаю я один,
Читатель догадался.
И — слава богу! Кто не рад]
122 Исчез и месяц ясной
124 От ночи день ненастной [4]
125 Гром непрестанно ропотал
128 Покорен и безгласен...

---

[1] [стоит]
[2] [Хоть, может быть, я был бы рад]
[3] [Но... я родился невпопад]
[4] *Начато:* [ужас<ной>]

129—131 [Мгновенно звездочка блеснет
На пасмурной] лазури
И буря новая [идет]

После 131 [Я гордо думал: пусть рабы
Ползут[1] путем обычным
Я должен быть своей судьбы
Царем единоличным!
Над одинокой головой
Не так и тучи черны...
Но бури дух сломили мой,[2]
И долги и упорны —
Сломился я... теперь мне жаль...
Под старость дни так вялы]

133—136 а. [Побитый долгою] грозой
[Потерянный],[3] усталый
Поник я [грустно] головой...
Погибли идеалы.

б. Изнемогая под грозой
Подавленный, усталый
Поник я буйной головой...
Погибли идеалы.

Вм. 141—148 а. [Иное дело мой Наум
Он не тужил нимало
Имел он здравый русский ум
Но сердце в нем дремало]

б. [Иное дело мой Наум
Он не тужил нимало.
Работал в нем житейский ум,
А сердце мирно спало.]

141 [Спокойно жизнь его текла]

144 [Хотя и сам] дородней

151—156 а. [Услышу звон я] бубенцов[4]
[И свист и] топот рьяной...[5]
[Тележка — клад! Нельзя прочней]
Окованы колесы,
[Хвосты и гривы] у коней
[Расчесаны колесы[6]]

---

[1] [Идут]
[2] [Но бури выли надо мной —]
[3] *Начато:* [Из]
[4] [Услышу говор] бубенцов
[5] [И топот тройки] рьяной...
[6] *Так в рукописи.*

б. Бывало пенье бубенцов
Заслышу... Топот рьяной
На кручу выбегу скорей:
Знакомая тележка
Завиты гривы у коней,
У седока — усмешка!
157—162 [Блеснет по пыли]; на шлеях
И бляхи и чешуйки
В [высоких[1] новых] сапогах
В [нарядной] синей чуйке
В [большом пуховом] [2] картузе
[Солидный, с виду статный]
[Любуясь] пристяжною
164 [Поедемте со мною!]
169—172 *отсутствуют*
173—174 а. [Что было всё на стол метал]
Малиновку, вишневку
б. Сперва он гостю предлагал
Малиновку, вишневку
175 [И] расходившись обивал
183 Навожено, насолено
186—187 [Делов] по самый ворот
Зима придет — лежу сурком
Между 188—189 [Тележка клад, нельзя прочней.
Окованы колесы
Хвосты и гривы у копей
Расчесаны как косы]
После 200 [И сыт и пьян! Чего ж еще?
Хоть плавать я умею,
Купаюсь в Волге по плечо!
Не лезу я по шею?..]
205—208 а. [Я почему-то вспомнил вдруг
О яблоне красивой [3]
В моем саду: там ткал паук
Всё лето паутину]
б. [Я отвечал ему не вдруг,
Припомнил я рябину
В моем саду: там жил паук,
Паук трудолюбивый]

[1] [смазных]
[2] [высоком ватном]
[3] [Засохшую рябину]

в. Я отвечал ему не вдруг,
Я вспомнил клен красивый
В моем саду: там жил паук,
Паук трудолюбивый.
210 На тонкой паутинке
217 а. И [наконец хоть] напоказ
б. И [выткал] точно напоказ
218 [Устроил] паутину
223—224 Попали[сь] бабочки туда
Летуньи легкокрылы,
235—236 [Невольно] с этим пауком
Я сравнивал [Наума].
После 240 а. [Увы! В последний мой приезд
Наум неузнаваем
Соленых [1] рыжиков не ест
Не лакомится чаем,]
б. [Увы! В последний мой приезд
Я не узнал Наума:
Он похудел, он мало ест
В глазах печаль и дума...]
[Заметно даже похудел
Спросил я: как идут дела?
«Барыш!» — сказал купчина...
Откуда ж грусть к нему пришла?
Какая ей причина?..]
[Несут с настойками поднос,
С закусками посуду,
Наум мне рюмку подает
«Я пить один не буду!»
— Я рад бы с вами да не в мочь! —
Но я пристал нещадно
И напились мы в ту же ночь
Наливками изрядно.
Трещало сутки в голове [2]
Зато разгадку знаю.
Назад тому недели две
Наум напившись чаю]
241—246 а. Сид[ит хозяин] у ворот
[Любуется звездами]
Свист[ит] последний пароход

[1] [Любимых]
[2] [Трещала сутки голова]

[Рабочие толпами
Уходят с Волги] на покой
[Летит на отдых] птица
б. Сидел он [как-то] у ворот [1]
В расчеты погруженный
Последний свистнул пароход
На Волге полусонной
И удалились на покой
И человек и птица
249—256 У [девки] русая коса
И очи [с поволокой]
У [парня] вьются волоса
[И статной и высокой
Красивы — любо поглядеть!]
У них и смех и шутки
Не могут [оба] посидеть
[Спокойно] ни минутки.
258 Рукой, ногой, плечами
263 а. [Спросили чаю,] калачей
б. Поели рыбки, калачей
275 Покойной ночи пожелал
289—290 Теперь бы их не разбудил
С устатку конский топот!»
310 И с ночи той Наума
313 Не то пойдет бродить окрест
317 Забыл наливку настоять

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

8 А тот плати работой,—
17 [Его] «питейное» стоит
47 Чу! [Грозно фыркнул] пароход!
54 И [их] напев унылый
122 [Исчез] и месяц ясной,
125 Гром непрестанно [роко]тал
133 а. [Изнемогая под грозой]
б. [И льется кровь и длится бой]
134 [Подавленный,] усталый
172 Аршинную стерлядку.
191 [Долит работа] — свистну я:

---

[1] Сид[ел на лавке] у ворот

194 Мошна — надежней цепи:
206 Невольно [клен] красивый
289—290 [Теперь бы] пх [не] разбудпл
[С устатку] конский топот...
324 [Стоят] пред ним бессменно!

ЭЛЕГИЯ

(С. 151)

Варианты чернового автографа ИРЛИ

3—10 Старо, не правда ли, печь хлебы из муки?
Однако ж из песку, попробуй, испеки!
О русский юноша! Есть темы выше моды:
Не старят их века! И знай: пока народы [1]
Влачатся в бедности, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам, —
[Дотоле им] служить [не перестанет] Муза
[И с ними не прервет священного] союза!
После 10 Народного врага клеймить и бичевать,
А друга лаврами стяжанными [2] венчать,
Народные черты усердно подмечая,
Их в книгу поместить<?>, о славе не мечтая.
15—24 *отсутствуют*
25—28 Внимаю ль пенью жниц, идущих предо мною,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Иль мчится по полю, играя и свистя,
С отцовским завтраком веселое дитя
37—50 *отсутствуют*

Варианты набросков ИРЛИ

4 Не верьте юноши! Живите для народа
13—14 К народу [возвращать] вниманье сильных мира
Чему достойнее служить [ты можешь] лира?..
35 В тяготы мужика; в напевы сельских дев

---

[1] Не старят их века! Покудова народы
[2] [и миртами]

После 36 Им много что на час сомкнут<ь> придется вежды, [1]
То жгучая тоска, то тихие надежды
Волнуют грудь мою; в знакомой песне
45 И песнь моя громка: ей внемлют долы, нивы
47—49 Чу, лес откликнулся! чу, Волга вторит мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены стенания поэта

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

10 И в мире нет святей, прекраснее союза!..
12 В то время, как она ликует и [цветет]
25 Внимаю ль пенью жниц над жатвой золотою

Варианты копии Буткевич ИРЛИ

Вм. заглавия * * *
4 Не верьте, юноши! не старится она!
8 Как тощие стада по выжженным лугам, —
10 И в мире нет святей, прекраснее союза! —
17 Но я ему служил — и я умру спокоен!
22 «Довольно, виноват, в невольном увлеченьи!»
26 Старик ли медленно шагает за сохою,
36 Но так же горестен нестройный их напев!
45 И песнь моя громка; ей внемлют долы, нивы
48 Но тот, кому пою в вечерней тишине,

Варианты ОЗ

7—8 Влачатся в нищете . . . .
. . . .

---

[1] И много что на час сомкнут усталы вежды

ПРОРОК

(С. 154)

Варианты белового автографа ИРЛИ

Подзаголовок * * *

(из [Байрона] Ларры)

15 Его послал бог гнева и печали

Варианты записи Григорьева

5—6 Но взгляд его возвышенней и шире
В его душе нет помыслов земных,
9—10 Так мыслит он, и смерть ему любезна,
Ему могила вовсе не страшна,
14—16 Но близок день — он будет на кресте,
Его послал бог гнева и печали
Царям земли напомнить о Христе.

НОЧЛЕГИ

I

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

(С. 155)

Наброски ИРЛИ А

К 1—4 Телега въехала на двор,
Гремя бесчеловечно.
«Здорово, дедушка Егор!»
— Ночуете? — «Конечно».

Варианты набросков ИРЛИ Б

Вм. 49—52 Привычки рабства покидай,
Винись, коли ошибся,
А прав — обиды не спускай!
После 76 Я был дворовый человек,
Нас барин бил, нас б<арин>сек,
А не было так стыдно
Вм. 91—100 а. А поздно
Послушай, Федор: мы равны,

Да я сплошал... я знаю...
Как быть? Сквитаться мы должны.
Ударь! Я позволяю...
б. Ушел, а вечер<ом> как тать
Пришел к моей кровати,
И та же песенка опять:
Ударь меня, Панкратий!
Мне легче будет.
101—108 Так, что ли? Ну! Скорее хлоп! [1]
И оба правы, святы...
— Не так! Вы барин — я холоп! —
Сказал я. — Вы богаты,

Я беден. Должен я служить,
Покуда есть терпенье,
А коли бить, так просто бить...
На что тут позволенье? [2]

Варианты чернового автографа ИРЛИ

3 Насилу я с телеги слез
Вм. 5—8 Спрыгнули псы; и лай и шум
Пошел на всю деревню.
Навстречу выбежал Наум
И ввел меня в харчевню.
14 — Да, дни теперь коротки.[3]
Вм. 17—18 а. [Он выпил водки — и не раз.
И скоро розболтался.
Я записал его рассказ]
б. Он «выпил рюмку, выпил две»
И разболтался сразу
21—24 а. Был крепостной: отец и дед
Помещикам служили,
Мне было 19 лет,
Как волю объявили
б. Со мной особая беда:
Как были мы рабами,
Нас донимали господа,
Теперь их ищем сами

---

[1] [Ну что ж молчишь?] Скорее хлоп!
[2] [К чему] тут позволенье?
[3] *Незачеркнутый вариант над строкой окончательного текста.*

в. Я был дворовый: прадед, дед
Помещикам служили,
Мне было двадцать восемь лет,
Как волю объявили
Вм. 25—26 [Признаться были тяжелы
Последние два года]
28 Со всеми попрощался
31 [Прощайте, братцы!»] Верь, не верь
33 а. И потянули кто куда...
б. И разбрелися кто куда...
37 Решился я махнуть в Москву
Вм. 41—44 а. [За каждый шаг благодарит
Сгрублю — смолчит, уступит
Напьюсь — весь день не говорит,
Солгу — глаза потупит!..]
б. Работы мало, да и той
Сам половину правил,
Как был я болен он со мной
Сидел пиявки ставил
в. Сначала, правда, злился он.
Чем больше угождаю,
Тем он сердитей; выгнал вон.
За что? Не понимаю.
Вм. 45—48 Потом дела пошли ладней, [1]
Я скоро понял штучку:
Сплошаешь — кайся поскорей,
Не лги, не чмокай в ручку...
49—52 а. Привычки рабства покидай,
Сплошал — так сознавайся,
А прав — обиды не спускай,
Не лги, не унижайся!..
б. Кричал бывало: «Ермолай!
Опомнись! Как не стыдно! [2]
Привычки рабства покидай!
Мне за тебя обидно.
57—60 а. Я униженья не люблю,
И если я когда вспылю
Однако, что же?
б. Я униженья не терплю,

---

[1] [Мы жили с ним нельзя] ладней
[2] [Не то рассердишь]: Ермолай! —
Кричал он.— Как не стыдно!

[Будь горд!] не унижайся.
Случиться может: сам вспылю —
И мне не поддавайся!..»
Вм. 72 И к вечеру озлился
После 72 Затопал бешено ногой,
Осыпал бранью ярой,
Как будто вновь передо мной
Воскрес помещик старый.
Вм. 73—74 а. [Тут я: «Потише,] господин!» —
И ляпнул грубость тоже
б. «С ума сошли вы, господин!» —
Сказал я, вспыхнув тоже
Вм. 76 И хвать меня по роже!
После 76 [Я был дворовый человек,
Видал всего довольно,
Помещик нас нередко сек,
А не было так больно...]
Вм. 77—78 Я поспешил из спальни прочь...
Чуть не реву коровой...
85—116 *отсутствуют*

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

Заглавие На постоялом дворе[1]
3 [Проворно] я с телеги слез
5 Спрыгнули псы; [и гам] и лай
Вм. 8 В знакомую харчевню
17 [Он «выпил рюмку, выпил две»]
Вм. 43 Тем барин строже: вышлет вон...
45 Да с ним, — смекнул [уж я] поздней
72 И [к вечеру] озлился
После 72 [Затопал бешено ногой,
Осыпал бранью ярой,
Как будто вновь передо мной
Воскрес помещик старый!]
73 [«С ума сошли вы,] господин!»
76 И [хвать] меня по роже
77—78 [Я поспешил из спальни прочь,
Чуть не реву коровой]
85—92 [Настало утро — не зовет!
Прибравши всё в столовой,

[1] [Новый барин]

Принес я чай ему — не пьет!
Я постоял — ни слова!

Весь день как раненый стонал
В уборной под халатом,
А ночью в стену постучал
Легонько (спал я рядом).]
105—106 *отсутствуют*

II

НА ПОГОРЕЛОМ МЕСТЕ

(С. 159)

Варианты чернового автографа ИРЛИ

Вм. 1—4 а. Ночь была холодна и светла,
Звезды крупные в небе стояли,[1]
Нас охота в тот день завела
Далеко — мы ночлега искали.

б. Поздно. Ночь холодна и светла,
Увлекаться так глупо и стыдно.
Мы устали, промокли дотла,
А кругом деревеньки не видно.
После 4 Бесконечная черная гарь,
Ямы, рвы,[2] головни[3] да коренья,
Только ночи т<аинственный> царь
Добровольные на<ши> мученья

Видит с неба. Еще до зари
Мы зашли в эти ст<рашные> гари
(Завлекли нас сюда глухари —
Осужденные прятаться твари).

Дичь убит<ая> плечи гнетет,
Тело греш<ное> отдыха прос<ит>,
Но охо<тник> скорее умрет,
Чем трофеи побед<ные> бросит.
6—8 Там [высокие] сосны стояли,

[1] *Начато:* [Ночь осенняя]
[2] [пни]
[3] [головешки]

И под ними [светился] костер
Мы с Трофимом почти побежали
Вм. 9—17 Слава богу! Нашелся ночлег!
Что за люди там? табор цыганский?
Вряд ли? нет ни коней, ни телег.[1]
Не косцы ли? Покос христианский
Отошел... Пастухи ли огонь развели?
18—36 *отсутствуют*
Вм. 37—46 Патриархом библейских времен
Он глядел, облаченный рогожей.[2]
Он ребят словно царь Соломон
Оделял уцелевшей одежей

Он сурово на нас поглядел.[3]
«Здравствуй, дедушка!» — Будьте здоровы.—
Вм. 57—60 «Погорели и ваши леса?»
— Погорели.—«А добрые были!»
— Заслоняли они небеса,
Волки с голоду громко <?> в них выли.—
62 Осмотрел, под сосенку поставил.
66 Что без древа нельзя в б<ожьем> мире

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

Заглавие [Погорелое место] [Гари]
После 4 [Бесконечная черная гарь,
Ямы, пни, головешки, коренья! [4]
Только ночи таинственный царь
Добровольные наши мученья

Видит с неба. Еще до зари
Мы зашли в эти страшные гари
(Завлекли нас сюда глухари —
Осужденные прятаться твари).

Дичь убитая плечи гнетет,[5]
Тело грешное отдыха просит,

---

[1] Было б много коней и телег,
Если б был это табор цыганский
[2] Он глядел, [драпируясь в рогожу]
[3] [Сидя с ним<и> под старой сосной]
[4] Ямы, [рвы, головни да] коренья
[5] [Ноша тяжкая] плечи гнетет

Но охотник скорее умрет,
Чем трофеи победные бросит!]
8 Мы с Трофимом [бегом] побежали.
9 [Слава богу — нашелся ночлег!]
11 [Незаметно коней и телег]
13—14 «У [цыган не такие огни]
Красный цвет [у них] первое дело!»
Вм. 16 а. Хоть одна бы [девчонка тут] пела!
б. Хоть одна бы тут девушка пела!
22 К нам навстречу [две бабы] бежали:
Вм. 25—40 [«Не видали. Пожар! Отчего?» —
Мой вожатый воскликнул, вздыхая;
Не ответив ему ничего
Баба строго глядит, а другая

Две картошки, достав из золы,
Сует дочке, заснувшей у груди.
Слабы, холодны, голодны, злы [1]
Были эти несчастные люди

Старый дед, как мертвец изнурен,
У сосенки сидел под рогожей
И ребят словно царь Соломон
Оделял уцелевшей одежей]
Вм. 26 Подле щиплет траву лошаденка
30 [До утра] потерпите вы только!
32 Вот и деньги... Смотрите-ка, сколько!
38 [Раздавал ребятишкам] одежу,
40 Он глядел, [драпируясь] в рогожу,
41 Величавая [важность] в чертах
45—46 а. [Он сурово на нас поглядел.]
«Здравствуй, [дедушка!» — Будьте здоровы! —]
б. [Он на нас и смотреть не хотел]
«Здравствуй, [дедушка!» — Будьте здоровы! —]
50 Отвечал [старина] неохотно
57—60 [«Погорели у вас и леса!»
— Погорели! — «А добрые были!»
— Заслоняли они небеса,
Волки с голоду страшно в них выли! —]
62 а. Осмотрел, [под сосенку] поставил.
б. Осмотрел и под сосну поставил.

[1] [Желчны], голодны, [холодны], злы

III

У ТРОФИМА

(С. 162)

Варианты набросков ИРЛИ

26 — Тошно, барин, мочи нет,
После 28 «Что ты вспомнил?» — Молвить жутко!
Вспомнил, сударь, старину.—
41 «Страшно, что ли воротиться
54 А дрожал и за детей
56 Вырвет — спорить не посмей
57—64 Как пугали, как пороли,
Сыну сказывать начну —
Сын не верит: ,,Шутишь, батька"
Дочку барином пугну.

Так и прыснет, захохочет.
А давно ли? — «Погоди!
Если только бог захочет,
То ли будет впереди!»

Варианты белового автографа ИРЛИ

Заглавие Ночью
1—16 *отсутствуют*
17—20 «Вот и наша деревенька!»
Говорит вожатый мой: [1]
«Есть тут валенки — надень-ка,
Да закройся с головой!» [2]
После 20 «Знать ты ухнул на колени,
А уж я-то как продрог!»
Выслал он семейство в сени
И в избе со мною лег.
39 На конюшню! — Кувыркаться
47 Да с [голодного] взятки гладки
51—52 Да зато — [мы целы] дома,
А бывало — [боже мой]!
54 А дрожал и за детей
64 [Лучше] будет впереди.

---

[1] Говорит [мой проводник]
[2] [Да тулупчик он сухой]

После 64 Время рабства векового [1]
С корнем вытравит ростки,
Духа бодрого, живого
Приобщатся мужики.
65—68 [Всё, что бедно, робко, голо
Скоро взглянет веселей.
Есть у вас в деревне школа?»
— Есть! — «Побольше б их скорей».]

НА ПОКОСЕ

(С. 165)

Варианты НВ

10—11 Я работал бы прилежно
И поменьше пил.

ПОЭТУ

(С. 166)

Наброски ИРЛИ

Законники, банкиры, мореходы
И воины — вам слава и венец!
За честный труд, за подвиг дерзновенный

Ранняя редакция ИРЛИ

Наш век умен, но мало проку в том,
Не стала жизнь ни доблестней, ни шире,
Два лагеря как прежде в божьем мире,
В одном рабы, властители в другом.
Наш бог банкир — другого мы не знаем,
Его сундук железный несгораем
И сердце недоступно ничему,
Но — всё равно! — мы молимся ему
Лишь ты забыт художник вдохновенный
<*нрзб*> влекут
Кричит толпа и гонит за пределы

[1] Время рабства [роково<го>]

Живой борьбы ненужного певца[1]
И в грудь его летят тупые стрелы
Завистника[2] и глупца
Не верь, поэт!
Кому служить, каким путем идти.
Служи рабам! художник неподкупный,[3]
До красоты, всем зримой и доступной,
Сокровища науки доводи —
Служи рабам! Не мертвыми очами
Учи рабов природу созерцать
И к подвигу врожденное стремленье
В живой душе разу́мно направлять!
Народ дитя — в его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.
Прости слепцам, художник вдо<хновенный>
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погаш<енный> ру<кою> дерз<новенной>
Вновь засвети над гиб<нущей> толпой!
Дай сил в борьбе с нес<метными>
вра<гами>
Упадший дух взнеси на высоту
И созерцать не мер<твыми> очами
Нас научи приро<ду>

Наброски второй редакции ИРЛИ

Кто наш герой? Победоносец воин,
Сам никогда не бившийся в бою
Кем бог забыт, кем хитрый ков подстроен

Достойны<е> названия удачи,
Великими считаются дела
И тратится на мелкие задачи
Там много сил и жертвам нет числа

Пути достойные поэта-гражданина

Стяжателя, холопа, мудреца
И лиру он разбил в угоду веку

---

1 [Живой борьбы пророка своего]
2 [Невежи]
3 [вдохновенный]

И кинул нас — замолкло божество
О, кто ж теперь напомнит человеку
Великое призвание его?

Чтоб созерцать не мертвыми очами
Мог человек добро и красоту

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

1—2 Мельчает мир... Святыни нет у мира...
Жестокий век! век крови и меча!
После 4 Железный век! Ты гонишь за пределы
Живой борьбы художника-певца,
И в грудь его летят тупые стрелы
И торгаша, и практика-дельца.
5 Толпа кричит: «Певцы не нужны веку!»
5—6 И он ушел... он подчинился веку!
Поэзии замолкло божество...
13 Воспрянь, поэт! Вооружись громами!
После 16 а. Он низко пал — оплачь его паденье...
Отвагу влей в его больную грудь
И к подвигу врожденное стремленье
В [его] душе поставь на правый путь!..
б. С любовию оплачь его паденье...
С надеждою — пролей отвагу в грудь,
И к подвигу врожденное стремленье
В [живой] душе поставь на правый путь!..

О возвратись, художник неподкупной!
Любовь к Добру, к прекрасному буди,
До Красоты всем зримой и доступной
Сокровища науки доводи...
17 Громи корысть, убийство, святотатство,
19—21 Сгубивших мир!.. С путей Любви и Братства,
Проложенных усильями веков
Мир совращен. В его дела и чувства

Варианты ОЗ

Подзаголовок *отсутствует*
4 *заменен строкою точек*
5 Толпа кричит: «Певцы не нужны веку!»
13 Воспрянь, поэт! Вооружись громами!

После 16 С любовию — оплачь его паденье,
С надеждою — пролей отвагу в грудь,
И к подвигу врожденное стремленье
В живой душе поставь на правый путь!

О, возвратись, художник неподкупной!
Любовь к добру, к прекрасному буди,
До красоты, всем зримой и доступной,
Сокровища науки доводи!

<ЭКСПРОМТ НА ЛЕКЦИИ И. И. КАУФМАНА>

(С. 170)

Вариант копии Ефремова

1 В стране без злата и сребра

О. А. ПЕТРОВУ

(С. 171)

Варианты копии Русского музыкального общества и партитуры Чайковского

4 Чудный дар певца-богатыря
После 4 Не слабей под игом лет преклонных
Тысячи и тысячи сердец,
Любящих, глубоко умиленных
Благодарность шлют тебе, певец!..
6 В звуки жизни,[1] страсти, красоты,

АВТОРУ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

(С. 172)

Вариант копии Суворина

2 Что женщине не надо б<......>ть

---

[1] *В партитуре Чайковского:* правды

КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

(С. 173)

Варианты чернового автографа ИРЛИ

1—4 *отсутствуют*
5 Нашей деревнею мы проезжали
9—10 Новое время прогресса движенья
Земства, свободы, железных путей!
Вм. 13—16 Эти избенки соло<мою> крытые
Кажется скоро падут
Эти клячонки бесчисл<енно> битые
Мало кормимые еле бредут [1]
20—24 а. [Ворон закаркал и слово дурак
В карканье этом мне явственно чудится.
На телеграфную нить
Перелетел он и кажется трудится
В Питер донос на меня сообщить...]
б. Ворон в ответ мне дурак!
Липу покинув зеленую свежую
На телегр<афную> нить
Перелетел — не донос ли депешею
Хочет в столицу пустить
25—26 Странная мысль! но я долго не думая
Метко прицелился — выстрел гремит [2]

«СКОРО СТАНУ ДОБЫЧЕЮ ТЛЕНЬЯ...»

(С. 176)

Первоначальная редакция ЦГАЛИ

Старый дом, позабытый с рожденья!
Я вернулся сюда — умереть.
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

---

[1] *Эти стихи вписаны на полях.*
[2] [Взял карабин] — выстрел гремит

Я любил неудачно; в угоду
Сильным мира души не ломал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал;

Да и дружеских связей сердечных
Не имею: мне с детства судьба
Посылала врагов [1] долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет... На меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

Варианты наборной рукописи ГБЛ

6 Славы лирой моей не стяжал
9—10 Даже дружбы союзов сердечных
Не осталось: [2] мне с детства судьба

Варианты ОЗ и ПП

5—6 Лирой — древнему нашему роду
Я ни блеска, ни льгот не стяжал (*ОЗ*)
9 Связи дружбы, союзов сердечных (*ОЗ*)
14 Пали жертвою злобы, измен (*ОЗ*, *ПП*)

ДРУЗЬЯМ

(С. 182)

Набросок ИРЛИ

4—8 Мне умер<еть>
Вам же не празднo, друзья благородные,
Жить — и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проложили пути

---

[1] [др<узей>]
[2] [Не имею]

ВСТУПЛЕНИЕ К ПЕСНЯМ 1876—77 ГОДОВ

(С. 184)

Первоначальная редакция ГБЛ

МУЗЕ

Нет! Не поможет мне аптека,
Ни мудрость опытных врачей,
Зачем же мучить человека?
О небо! смерть пошли скорей!..

Друзья притворно безмятежны,
Сестра поникла головой,
Глаза жены сурово нежны,
Угрюм Кадо, любимец мой.

Сиделка дремлет, врач хлопочет,
Не ложе — иглы подо мной,
И потолок спуститься хочет
На грудь могильною плитой

Мечусь, терзаемый недугом,
Мечусь со скрежетом зубов!
О Муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!

Варианты наборной рукописи ГБЛ

6—8 Угрюм Кадо, мой верный пес
Глаза сестры сурово нежны
[Я только бурю] перенес
13—14 Уж я дремал, я забывался,
Увы! Недолог отдых мой!
18 Лишиться памяти готов
22 Ты руку смерти отвела

Варианты копии Буткевич ИРЛИ

Вм. 5—18 Родные движутся без шума
Качая грустно головой,
И потолок висит угрюмо
Могильным камнем надо мной.

А я, терзаемый недугом,
Лежу со скрежетом зубов;

Варианты ОЗ

6 Угрюм Кадо, мой верный пес,
13—14 Уж я дремал, я забывался,
Увы! недолог отдых мой!

— НУ («ЧЕЛОВЕК ЛИШЬ В ОДИНОЧКУ...»)

(С. 186)

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

Заглавие — у [1]
4—5 Благодушно говорит.
Вновь придет к тебе отвага

Т<УРГЕНЕ>ВУ

(С. 189)

Варианты белового автографа ГБЛ

Вм. 1—20 Ты как поденщик выходил
До солнца на работу
В глаза ты правду говорил
Могучему деспоту,
21 А ныне стал ты охранять
29 [Среди] всеобщей пустоты
30 Всеобщего паденья
33 Щадишь ты [пошлого] глупца
40 Быть русских дев кумиром
41—44 Кто носит истину в груди,
Кто честно любит брата
Тому с тернистого пути
Покуда нет возврата

Варианты автографа ИРЛИ <1>

9—12 *отсутствуют*
13 Врагу дремать ты не давал
19 Молва гремит, что ты задул

[1] [— ну]

Варианты автографа ИРЛИ <2>

1—8 *отсутствуют*
9—16 *зачеркнуты*
10 [До солнца на работу]
15 [И маску дерзостно снимал]
17—20 *отсутствуют*
21 А [нынче] стал ты охранять
После 36 *следовали 29—32, затем зачеркнутые*
41 а. Кто [носит истину в груди]
б. Кто на смерть был готов идти
42 Кто [честно любит брата]

Варианты корректуры ИРЛИ

9—12 В великом сердце ты носил
Великую заботу,
Ты как поденщик выходил
До света на работу.
13 [Врагу] дремать ты не давал
19 Молва [гремит], что ты задул
41 Кто [был готов] в огонь идти

ОТРЫВОК («...Я СБРОСИЛА МЕРТВЯЩИЕ ОКОВЫ...»)

(С. 193)

Вариант ОЗ (1877)

6 Вкусив плодов, беспечно шли ко сну

СТАРОСТЬ

(С. 194)

Вариант корректуры ИРЛИ

4 Жизнь насмешливо в очи глядит

Вариант ОЗ

7 В созерцаньи безмерных страданий

ПРИГОВОР

(С. 195)

Первоначальная редакция ИРЛИ

Мы в своей стране [1] многострадальной
Парии,— не знает нас народ,
Светский круг, бездушный и нахальный
Нас презреньем хладным обдает.

И звучит бесцельно лира,
Мы певцами темной стороны —
На любовь, на уваженье мира
Не стяжавшей права — рождены.

Погоди, о росс! еще полвека,
Поработай разумом, внеси
Прочный вклад в успехи человека,
И тогда строй лиру на Руси!

«ДНИ ИДУТ... ВСЁ ТАК ЖЕ ВОЗДУХ ДУШЕН...»

(С. 196)

Вариант чернового автографа ИРЛИ

1—4 Неужель еще уроки нужны,
Чтоб итог конечный подвести?
Сильные — до ужаса бездушны,
Слабым в них спасенья не найти!

«ЕСТЬ И РУСИ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ...»

(С. 197)

Набросок ИРЛИ

5—6 Вестминстерское аббатство
Есть у нас свое —

---

[1] *В корректуре ИРЛИ:* земле

Вариант 3

7 Мир подземного богатства

ПОСВЯЩЕНИЕ («ВАМ, МОЙ ТРУД ЦЕНИВШИМ И ЛЮБИВШИМ...»)

(С. 199)

Варианты автографа библиотеки ЛГУ

1 Вам, мой дар ценившим и любившим
2—3 а. Вам, ко мне участье сохранившим
До моей годины роковой
б. Вам, ко мне участье заявившим
В черный год, простертый надо мной

Варианты корректуры ЦГАЛИ

3 В черный день, простертый надо мной

ГОРЯЩИЕ ПИСЬМА

(С. 200)

Первоначальная редакция ГБЛ

ПИСЬМА

Плачь, горько плачь!.. Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
Они навек погибли, как любовь,
Которая их сердцу диктовала!
Хранились в них души твоей черты,
Корыстному волненью непричастной,
Поэзии роскошные цветы,—
Благоуханье молодости ясной!
И пусть [1] бы жизнь их ложью назвала —
Она давно в них веру колебала,—
Нет, та рука со злобой их сожгла,

[1] [Пускай]

Которая с любовью их писала!
Грядущее опоры лишено,
Прошедшее поругано жестоко,
А между тем мы сознаем глубоко,
Что разойтись уж нам не суждено...

Вариант первоначальной редакции (Ст 1856)
(нумерация стихов — по автографу ГБЛ)

15—16 . . . .
. . . .

Вариант Ст 1879

После 8 Сгорело всё — след страсти молодой...
Сгорело всё — и радости, и пени
И мы стоим на лестнице крутой,
Где сломаны середние ступени
Грядущее опоры лишено,
Прошедшее поругано жестоко;
Я в первый раз задумался глубоко:
Что ж — разойтись? Ужели суждено?..

З<И>НЕ («ПОДОДВИНЬ ПЕРО, БУМАГУ, КНИГИ!..»)

(С. 201)

Варианты чернового автографа ИРЛИ

1 а. Милый друг! Не прячь перо и книги
б. Милый друг! Приблизь перо и книги
в. Милый друг! Перо, бумагу, книги
2 Поскорей!.. Легенду я слыхал:
9—12 Чтоб я знал, что верна [1] ты надежде
Иногда вполголоса запой
Похвали друзьям моим, как прежде,
Новый стих, записанный тобой.

---

[1] [веришь]

ПОЭТУ («ЛЮБОВЬ И ТРУД — ПОД ГРУДАМИ РАЗВАЛИН!..»)

(С. 202)

Наброски ИРЛИ

О, господи! Что делать?..

Но любя, свое сердце готовь
Выносить непрест<анные> грозы:
В нашем мире, дитя, где любовь,
Там и слезы

Спрашивал я у людей,
В жизни, в природе отчизны моей,
В книгах холодных,
В стонах народных —
Тщетно искал я ответа...

Погиб! Его болото засосало

И жизнь кипит под грудами развалин,
Исполнена корыстного труда,
А я стою бездействен и печален
И медленно сгораю — со стыда

Варианты ОЗ

2 Куда ни глянь — бесстыдство и вражда!

БАЮШКИ-БАЮ

(С. 203)

Отрывки ранней редакции (копия Буткевич) ИРЛИ

<1>

Пускай чуть слышен голос твой,
Негромки темы песнопенья;
Но ты воспрянешь за чертой
Неотразимого забвенья,
. . . .
Уступит свету мрак угрюмый,
Не бойся, песенку твою

Над Волгой, над Окой, над Камой
Еще народу я спою.

<2>

Непобедимое страданье,
Невыносимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.

Спаси, о Муза! пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах,
Сказать: умри! конец надежде!
Я прибрела на костылях!»

«Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Теперь конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла.

Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной».

Отрывок ранней редакции (публикация Скабичевского)

42—45 И уж несет от дебрей снежных
На гроб твой лавры и венец
Друзей неведомых и нежных
Хранимый богом посланец.

Варианты автографа ГТГ

18 Баю-бай, касатик мой
Вм. 30—33 Усни — увидишь земледельца
Благославляющим владельца,
Царя — и подданных-радельцев,
Увидишь — честного судью,
Баю-баю, баю-баю...
После 41 *следовали 30—33*

МУЖ И ЖЕНА

(С. 210)

Вариант наброска ИРЛИ

17—18 Слезы... нервический хохот... припадок...
Друг мой, прости! я безумен! я гадок!

«О МУЗА! Я У ДВЕРИ ГРОБА!..»

(С. 218)

Вариант копии Ефремова ЦГАЛИ

12 Кнутом засеченную Музу

ПЕСНЯ («ВСЮДУ С МУЗОЙ ПРОНИКАЮЩИЙ...»)

(С. 219)

Разночтения копий ИРЛИ

9 Следственный пристав и сладчик
13 Прасол, помещик
17 С ними ни пить, ни дружиться

ПРИМЕТЫ

(С. 222)

Вариант 3

1—4 Задурили, видно, милые,
Одурманились опять:
На лачужки наши хилые
Стали цены набивать.

КОММЕНТАРИИ

В третий том входят стихотворения 1866—1877 гг., т. е. последнего периода творчества Некрасова.

Его лирика 1870-х гг., как и поэма «Кому на Руси жить хорошо», подводит итог всему творчеству поэта, относится к его самым большим поэтическим достижениям.

К этому времени Некрасов вполне сложился как поэт — поэт русской революционной демократии и великий новатор, сумевший создать поэзию демократическую и народную не только по содержанию, но и по форме. Имя его знаменовало целое направление в русской поэзии и воспринималось читателями в одном ряду с такими писателями и критиками, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Щедрин. Шестидесятником Некрасов остается и в 1870-х гг. Верностью традициям 1860-х гг., которую Некрасов сохранил до конца своих дней, объясняется одна из самых характерных черт его поэтического облика — неразрывная связь с современным русским общественным движением, чуткая отзывчивость на его запросы.

Лирика Некрасова 1870-х гг. может быть понята лишь в соотношении с освободительным движением этих лет. В некоторых его стихотворениях ощущаются прямые отзвуки революционных событий. Так, в «Путешественнике» отразились впечатления от процесса долгушинцев, «Пророк» посвящен Чернышевскому, «Страшный год» и «Смолкли честные, доблестно павшие...» писались под впечатлением событий, связанных с Парижской Коммуной. Но таких стихотворений немного: у писателя, печатающегося на страницах легального журнала, возможности непосредственного отклика на революционные события крайне ограничены, касаться их можно было лишь изредка и в сугубо зашифрованной форме. Дело, однако, в том, что и стихотворения, в которых нет прямых отзвуков революционной борьбы, как и вся поэзия Некрасова 1870-х гг., так или иначе связаны с новым этапом освободительного движения, с народничеством, «хождением в народ», с духовными запросами революционеров-семидесятников. Особенно показательны в этом отношении стихотворения, создававшиеся в годы подъема народнического движения. К 1874 г. — году, когда «хождение в народ» приобрело наибольший размах, — относится, кроме четырех только что названных, ряд замечательных произведений о судьбах народных — поэма «Уныние», «Волжская быль» «Горе старого Наума», знаменитая «Элегия (*А. Н. Е<рако>ву*)», а также стихотворения «Отъезжающему», «Ночлеги», «На покосе», «Поэту». Написанные в момент высокой творческой

активности поэта, отличающиеся идейной напряженностью, остротой проблематики, они не могут быть поняты в отрыве от русского общественного движения, от обстановки «сумасшедшего лета» 1874 г.

В 1876—1877 гг. народничество переживает острый кризис после неудач «хождения в народ», обсуждаются вопросы о путях и методах дальнейшей революционной пропаганды, начинается новый период революционной борьбы, период «Земли и воли». В это время также появляются стихотворения Некрасова, связанные с событиями и запросами народнического движения, настроениями революционной молодежи тех лет: «Сеятелям», «Молодые лошади», «Праздному юноше», «Отрывок», «Ты не забыта...», «Что нового?», «Молебен», «Есть и Руси чем гордиться...». В одном ряду с ними должны восприниматься и «Пир на весь мир», последняя часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо», и замечательные незавершенные замыслы последнего года жизни поэта (поэмы «Мать», «Ершов-лекарь», «Имени и роду...»).

Русское революционное движение — та питательная почва, из которой росла поэзия Некрасова. Поэт жил одной жизнью со своим народом, с современным ему революционным движением, участвовал в нем всем своим творчеством.

Том открывается «Сценами из лирической комедии „Медвежья охота“», произведением незавершенным, но исключительным по значению, отражающим духовный кризис поэта в годы наступления реакции 1866—1867 гг. и победу, одержанную им над своими нелегкими раздумьями и сомнениями. Этот замысел является в известном смысле переломным, пограничным, работа над ним предваряет и подготавливает все последующее творчество Некрасова, его поэзию 1870-х гг.

Завершается том шедевром некрасовской лирики — «Последними песнями», циклом, создававшимся на смертном одре, своего рода лирическим дневником умирающего поэта и его поэтическим завещанием. «Последние песни» — высший образец того органического сочетания личного, интимного с общественным, гражданским, которое всегда было характерно для Некрасова. Ни физические, ни нравственные страдания не могли заглушить в нем думы о России и ее народе, о русском освободительном движении, о судьбе его собственной поэзии. С новой силой звучат исключительные по драматизму покаяния Некрасова — поэтическое выражение высоких требований поэта к себе.

То обстоятельство, что в том входят произведения, связанные с крупными незавершенными замыслами Некрасова («Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“», «Недавнее время»), наложило особый отпечаток на раздел «Другие редакции и варианты», предопределило его сложность и обилие в нем текстов, иногда значительно превышающих по объему тексты окончательных редакций.

Тексты и варианты подготовили и комментарии к ним написали: О. Б. Алексеева («Горе старого Наума»), И. А. Битюгова («Утро», «Детство», «Е. О. Лихачевой», «Страшный год», «Смолкли честные, доблестно павшие...», «Над чем мы смеемся...», «<П. А. Ефремову>», «Уныние», «Путешественник», «Отъезжающему», «Элегия», «Хотите знать, что я читал? Есть ода...», «Пророк», «Ночле-

ги», «На покосе»), М. М. Гин («Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“», «Песня о труде», «Песня» («Отпусти меня родная...»), «Человек сороковых годов», «Перед зеркалом», «Недавнее время», «Дайте срок, всю правду вам...»), Г. В. Краснов («Три элегии», «Поэту (Памяти Шиллера)», стихотворения 1876—1877 гг., кроме стихотворения «Т<ургене>ву», и неизвестных годов, кроме стихотворений «Песня» («Всюду с Музой проникающий...») и «За желанье свободы народу...»), О. В. Ломан («Стихотворения, посвященные русским детям»), Б. В. Мельгунов («Умру я скоро. Жалкое наследство...», «Еще тройка», «Зачем меня на части рвете...», «Притча о „Киселе“», «Выбор», «Эй, Иван!», «С работы», «<Эпитафия>», «Не рыдай так безумно над ним...», «Мать» («Она была исполнена печали...»), «Дома — лучше!», «Душно! без счастья и воли...», «Наконец не горит уже лес...», «Притча», «Сыны „народного бича“...», «Кузнец», «Бунт», «<Экспромт на лекции И. И. Кауфмана>», «О. А. Петрову», «Песня» («Всюду с Музой проникающий...»), «За желанье свободы народу...», «<Экспромт Н. П. Александровой>»), Н. Н. Скатов («Т<ургеневу>»), Т. С. Царькова («Суд», «М. Е. С<алтыко>ву»), М. Д. Эльзон («Литературная травля, или „Не в свои сани не садись“»). Комментарии к стихотворениям, включавшимся в собрание сочинений Некрасова ошибочно, написаны М. М. Гином («Горы да поляны,— бедная природа...») и М. Д. Эльзоном («Солнышко село. Тюремной решетки...»).

СЦЕНЫ ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ «МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА»

(С. 5)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 187—216.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 9, с. 1—16, с заглавием: «Три сцены из лирической комедии „Медвежья охота"», подписью: «Н. Некрасов» и датой: «Весна 1867 года. Париж и Флоренция».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, с заглавием: «Медвежья охота» (на шмуцтитуле — «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота" (1867)») и той же датой, что и в ОЗ (в оглавлении: «Из „Медвежьей охоты": 1) Сцены, 2) Песня о труде, 3) Песня Любы») (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4, с тем же заглавием и той же датой).

Обильный рукописный материал, связанный с работой над комедией, можно разделить на три группы: 1) ранняя редакция (с относящимися к ней набросками и вариантами); 2) варианты сцен, опубликованных автором (с относящимися к ним набросками); 3) отдельные наброски и записи.

Незавершенная рукопись ранней редакции (из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова), чернилами, перед текстом, карандашом, заглавие: «Как убить вечер. Сцены»; на титульном листе, рукой А. А. Буткевич: «Медвежья охота»; в конце рукописи неизвестной рукой это заглавие повторено,— ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 39, л. 1—29. Автограф черновой, с довольно значительной правкой, не устранены повторения, противоречия, разнобой в именах персонажей. Так, князь Воехотский окончательной редакции именуется то Сухаревым, то Сухотиным, а иногда Саб. (Сабуровым?), Бар. и Б. (Барином или Бароном?); Лесничий — Цуриковым, Грушиным и Душиным; Окладчик — Сергеем Макаровым, Кондратьевым и Кондыревым (в окончательной редакции — Савелий); Посланник — немцем (в окончательной редакции — барон фон дер Гребен), Миша Воинов — Труницким. Пальцов окончательной редакции — то Остроуховым, то Осташевым. Нумерация страниц отсутствует.

Текст ранней редакции был реконструирован составителями т. IV ПСС, руководствовавшимися принципом возможно более полного использования автографа «на основе сохранения внутреннего единства произведения и учета авторских указаний (вычерки, вставки и пр.)» (ПСС, т. IV, с. 648). Предложенная составителями последовательность сцен не может быть признана окончательной, но тем не менее представляется достаточно обоснованной и поэтому принята в настоящем издании.

В ранней редакции две части (или два действия) — первое, в котором сталкиваются друг с другом высокопоставленные и богатые господа, приехавшие на охоту, и крестьяне, участвующие

в этой охоте, и второе, где с теми же господами знакомится новое лицо — молоденькая девушка Люба Тарусина, мечтающая стать актрисой: услышав об их приезде, она приходит к ним, чтобы попросить помочь устроиться на сцену, в театр.

Перекличка сюжетной линии Любы с черновыми драматическими фрагментами под заглавием «<Сцены>» (1855—1856) (см.: наст. изд., т. VI) и непосредственно связанным с ними стихотворным наброском «Так говорила актриса отставная» (наст. изд., т. II, с. 21) позволяет сделать некоторые предположения о содержании этой части драмы. Очевидно, в судьбе матери Любы роковую роль сыграла ее связь в молодости с князем Сухотиным. Может быть, и сама Люба — плод этой связи. Знакомство Любы с важными господами должно было привести, по-видимому, к столкновению старшей и младшей Тарусиных с князем Сухотиным. О дальнейшем развитии этой линии судить трудно. Ясно лишь, что намечается новый сюжет, давно волновавший Некрасова,— трагическая судьба русской актрисы (см. его стихотворение «Памяти <Асенков>ой» (1855) — наст. изд., т. I, с. 146—148).

В состав рукописи, наряду с отдельными сценами, объединявшимися первоначальным заглавием «Как убить вечер», входят наброски диалога Миши и Остроухова, связанные как с этими сценами, так и с теми, которые впоследствии составили текст опубликованной автором части замысла. Ряд набросков и заметок, так или иначе относящихся к замыслу «Медвежьей охоты»,— ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 40, л. 1—16; ф. 203, № 1, л. 1—4. Там же (Р. I, оп. 20, № 41, л. 1—14) копия рукой А. А. Буткевич, снятая с наиболее законченных листов рукописи.

Наряду со стихотворными и прозаическими набросками и заметками, связь которых с «Медвежьей охотой» более или менее прослеживается, в рукописях имеется немало и таких конспективных записей «для памяти», которые даже не всегда могут быть расшифрованы. Разумеется, здесь могли оказаться и записи для других произведений. Образ «славянофила-католика», например (см.: Другие редакции и варианты, с. 292), появится в поэме «Недавнее время», а заметка «Юбилей за 50 лет бездействия» ведет к первой части поэмы «Современники», где высмеяны подобные юбилеи, что, конечно, не означает, что обе темы не могли первоначально предназначаться для «Медвежьей охоты». Во всяком случае, ни об одной из этих и им подобных заметок нельзя с уверенностью сказать, что они не имеют отношения к комментируемому замыслу. Поэтому все они приводятся в разделе «Другие редакции и варианты» (с. 291—293). Исключение составляют лишь пометы сугубо рабочего характера, вроде: «Перебрать „Современник" и составить список моих стихот<ворений> юмористич<еских>»; «Говорят, что счастье наше скользко и проч. Что новый год, то новый шум (sic!)». Некоторые из заметок свидетельствуют о намерении коснуться весьма острых тем: «Анекдоты о помещике, бравшем по 40 р. за хлеб и проч.»; «Об импер<аторе>»; «В Витебской губернии люди — лошади».

Наборная рукопись со значительной правкой, указаниями наборщикам и следами типографской краски — ГБЛ, ф. 195, оп. 1, М. 5749, л. 1—17. Заглавие: «Три сцены из комедии „Медвежья охота"». Над текстом помета Некрасова: «„Отеч<ественные> зап<иски>", № 5. Отд. 1-е». После ст. 511 дата: «2—4. Март». Под

текстом дата: «[Март] Весна 1867 года. Париж и Флоренция» и подпись: «Н. Некрасов». Рукопись скомпонована из отдельных листов, причем некоторые листы, очевидно, вынуты из ранней редакции («Как убить вечер»).

Многие рукописные материалы комедии неоднократно публиковались. Так, ранняя редакция («Как убить вечер») впервые опубликована К. И. Чуковским: РСл, 1913, 23 дек., 1914, 24 янв. (не полностью и в иной последовательности сцен, чем в настоящем томе), в таком виде перепечатывалась в следующих изданиях: Некрасовский сборник. Под ред. К. И. Чуковского и В. Е. Евгеньева-Максимова. Пгр., 1922; *Чуковский К.* Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926; *Некрасов Н. А.* «Тонкий человек» и другие неизданные произведения. М., 1928. В собрание сочинений (в качестве самостоятельной пьесы «Как убить вечер») впервые включена: ПСС, т. IV, с. 214—240 (перепечатана с уточнениями и дополнениями в ПССт, 1967, т. II, с. 508—545). Черновые наброски и заметки, не вошедшие в ПСС, опубликованы в кн.: Гин, с. 262—287.

Отдельное четверостишие, вариант ст. 130—133 (см.: Другие редакции и варианты, с. 290—291), сообщено в письме В. П. Боткина к А. А. Фету от 20 апреля 1865 г. (см.: *Фет А. А.* Мои воспоминания, т. II. М., 1890, с. 64—65). Печатается по этому изданию. Несколько ранних редакций и отдельных набросков, связанных с замыслом «Медвежьей охоты», было опубликовано в примечаниях К. И. Чуковского в ПССт 1934—1937, т. II, с. 821—825, по рукописному источнику, местонахождение которого в настоящее время неизвестно. Среди них — два наброска, отсутствующие в доступных нам рукописях. Печатаются по названному изданию.

В процессе работы в текст лирической комедии включались стихотворения и строки, созданные ранее, вне связи с данным замыслом. Так, ст. 496—503 перенесены из созданного в 1855—1856 гг., но не опубликованного автором стихотворения «Еще скончался честный человек...» (см.: наст. изд., т. I, с. 169). На одном из листов рукописей «Медвежьей охоты» — ранняя редакция стихотворения «Свобода» (1861), без заглавия; очевидно, эти строки должны были быть включены в один из монологов героев пьесы. Отдельное стихотворение под заглавием «Молодому поколению» («Господь с тобой! бросайся прямо в пламя...») (ИРЛИ, ф. 203, № 1, л. 3) с небольшим изменением вошло в один из монологов Миши (ст. 395—402). С другой стороны, некоторые тексты, прежде входившие в «Медвежью охоту», выделены, оформлены и опубликованы автором в качестве самостоятельных произведений. Так, стихотворение «Молодые» (одна из «Песен» 1866 г.) в первоначальной редакции (без заглавия) входило в состав какого-то монолога одного из героев, соединяясь с ним стихом «Я знаю обитателей селенья» (ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 40, л. 6 об.). В монолог Миши входили стихи, опубликованные Некрасовым под заглавием «Человек сороковых годов». Вполне самостоятельными стихотворениями, хотя и с указанием на связь с «Медвежьей охотой», суждено было стать «Песне о труде» и «Песне Любы» («Отпусти меня, родная...»). О связи с комментируемым замыслом стихотворения «Перед зеркалом» см. ниже, с. 401—402.

Лирическая комедия создавалась в сложных условиях реакции, террора после неудавшегося покушения студента Д. Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.), когда страх и паника охватили различные слои русского общества. Некрасов, опасаясь за «Современник», самый лучший, самый радикальный журнал тех лет, предпринимает отчаянную попытку спасти свое любимое детище и произносит в Английском клубе мадригал в честь Муравьева Вешателя. Шаг оказался напрасным — «Современник» спасти не удалось, а на Некрасова посыпались упреки и слева и справа: друзья упрекали в измене, а враги бешено травили неугодного поэта. Но самым мучительным был его собственный беспощадный суд над собой (см. стихотворения «Ликует враг, молчит в недоуменье...», «Умру я скоро. Жалкое наследство...», «Зачем меня на части рвете...» и комментарии к ним — наст. изд., т. II, с. 246, 429—430; наст. том, с. 40—41, 44—45 и 406—408, 410—411).

При этом в стихотворениях личное перерастало в социальное, думы о себе — в думы о России и доминирующим становилось острое чувство вины, ответственности и долга перед народом. Этот психологический источник поэзии Некрасова всегда давал себя знать, но особенно остро в кризисных ситуациях. Подобные мотивы присутствуют и в комментируемом произведении — на сравнительно поздних стадиях работы (см. наброски после ст. 216 — «Когда писатель наш любимый Внезапно глупость сочинит...» — и связанные с ними: Другие редакции и варианты, с. 287). Напряженно работает поэт над этим фрагментом, создает несколько вариантов и в конце концов все-таки отбрасывает его: слишком явно звучит здесь личная боль. В окончательном тексте остается лишь общезначимое, близкое автору как человеку, озабоченному судьбами своей Родины (отсюда лиризм, пронизывающий всю комедию), а личное, субъективное всячески приглушается (ст. 183—202).

Анализ всех имеющихся рукописей и печатных текстов убеждает, что мы имеем дело с замыслом широкого, многопланового произведения, разраставшегося по мере продвижения вперед. В основе «драмы для чтения» (центральная лирическая тема) — раздумья о судьбах русского освободительного движения, об исторической миссии русской прогрессивной интеллигенции, о традициях, на которые опирается современная поэту демократическая общественность, о связи поколений 1840-х и 1860-х гг., о гражданском мужестве и доблести в условиях реакции. И все это объединяется стремлением найти выход к настоящему делу для себя и людей своего поколения. Такого глубокого и всестороннего смотра судеб и ресурсов русского освободительного движения, передовой русской интеллигенции не было в творчестве Некрасова ни до, ни после этого произведения.

Как всегда у Некрасова, исходный пункт всех его необычайно острых и мучительных размышлений — народ, его положение, взаимоотношения с привилегированными слоями общества (сцены ранней редакции). В общую картину вплетаются образы и судьбы людей «молодого поколения», лучших представителей демократической интеллигенции (Лесничий, Люба Тарусина, Белинский, Грановский, Гоголь). Драма обычного типа едва ли могла вместить все богатство и многообразие намечающейся проблема-

тики. И сюжет, связанный с именем Любы, долгое время считавшийся основным сюжетом «Медвежьей охоты», не мог быть таковым, как бы ни было велико его значение.

Перед смертью на полях своего экземпляра опубликованных сцен Некрасов написал: «Несколько раз я принимался окончить эту пьесу, которой содержание само по себе интересно, и не мог — скука брала. Вообще свойство мое таково: как только сказал, что особенно занимало, что казалось важным и полезным, так и довольно, скучно досказывать басню. Если найду время, расскажу прозой с приведением отрывков» (Ст 1879, т. IV, с. LXXV—LXXVI).

О том, что «особенно занимало» автора, дают представление наиболее значительные монологи на общественные темы, составляющие основное содержание печатных сцен. Судьба Любы, народные сцены, другие сюжеты и судьбы, видимо, должны были войти в текст в качестве художественных иллюстраций, на которые опираются рассуждения героев. «Драма для чтения» приобретала характер пьесы-обозрения, близкой по типу художественно-публицистическому обозрению, хорошо известному в демократической беллетристике 1860—1870-х гг. (М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, писатели-народники) и в поэзии Некрасова (номерной цикл сатир, «Современники», «Кому на Руси жить хорошо» и др.).

Изучение творческой истории замысла дает возможность понять, почему он остался незавершенным. Дело, очевидно, не только и не столько в том, что «скучно досказывать басню». Лирическая комедия, «драма для чтения» оказалась слишком тесной площадкой для намечавшегося содержания: Некрасов двигается здесь к чему-то среднему между обозрением и «драмой для чтения». Однако совместить то и другое нелегко: первоначальный замысел, не выдержав наплыва разных тем, сюжетов и образов, начинает трещать по швам; содержание приходит в непримиримое противоречие с формой,— противоречие, творчески неразрешимое при данных обстоятельствах. Решать его следовало в иных жанровых рамках. С другой стороны, Некрасов не мог не отдавать себе отчета в том, что ему не удастся выразить все, что тогда его волновало, как по причинам внутреннего, субъективного характера (слишком тесная связь его мучительных размышлений с собственным ложным шагом после выстрела Каракозова), так и внешнего, цензурного. В частности, видимо, по соображениям автоцензуры не попадает в печатный текст продолжение монолога Миши (см.: Другие редакции и варианты, с. 281—284), касающееся дорогих автору острых, значительных вопросов. Некрасов прекращает работу над лирической комедией, подготовив для печати три сцены, включившие в себя то, что представлялось поэту возможным из наиболее «важного и полезного».

В этом смысле оглядка на исторический опыт близкого прошлого (1840-е гг.), проблема традиций освободительного движения приобретали особую остроту. Тогда, в 1840-е гг., нашлись два-три человека, «вынесшие» на своих плечах все поколение. Найдутся ли такие богатыри теперь? Кто спасет честь нынешнего поколения? Шестидесятники не были одиночками, однако еще не могли опереться на широкое демократическое народное движение, отсутствие которого особенно давало себя знать в условиях реакции и террора после выстрела Каракозова. Отсюда проходящая через

всю драму тема поисков здоровых сил, на которые можно опереться, с которыми можно объединиться.

С этим связана важнейшая особенность общественно-политической позиции поэта того времени — попытка пересмотреть отношение к российскому либерализму, к людям 1840-х гг., стремление защитить их от слишком горячих нападок «молодого поколения», призывы «не пятнать» тех, «кто твое держал когда-то знамя». Строки, о которых идет речь, могут быть поняты лишь в контексте исканий поэта тех лет, поэтому он их опубликовал не в качестве отдельного стихотворения («Молодому поколению»), а включил в один из монологов Миши. Взглядам и настроениям автора вполне соответствуют слова Миши:

Не предали они — они устали
Свой крест нести,
Покинул их дух Гнева и Печали
На полпути...

Впоследствии эти стихи воспринимались и переосмыслялись иронически, но в контексте «Медвежьей охоты» они свободны от какого-либо налета иронии. Голос автора звучит и в другом монологе, не включенном в окончательный текст:

Ведь если ты таких как я бракуешь,
Откуда же людей ты навербуешь,
Чтоб новые порядки водворять?
Мы все такие — лучше негде взять!

В этих словах — ключ к объяснению позиции Некрасова: время и обстоятельства обусловливали поиски новых союзников. В окончательном тексте характеристика российского либерализма выглядит гораздо более сдержанной, и все-таки такой высокой оценки его исторической роли ни до, ни после «Медвежьей охоты» у Некрасова не было. Понять ее можно лишь с точки зрения тех поисков социальной опоры в сложных условиях второй половины 1860-х гг., о которых только что упоминалось (подробнее см. в упомянутой книге М. М. Гина).

Становится ясной, таким образом, и некоторая противоречивость образа Миши в комедии. Прототипом его послужил известный библиограф и библиофил М. Н. Лонгинов (1823—1875), в 1850-е гг. близкий Некрасову и кругу «Современника», впоследствии сотрудник катковских изданий, а с 1871 г. начальник Главного управления по делам печати, т. е. глава русской цензуры, проявивший себя на этом посту явным мракобесом. В литературных кругах он был известен страстью к сочинению порнографических («не для дам») стишков «во вкусе Баркова». Однако связь с прототипом ощущается только в ранней редакции, а в «Сценах» печатного текста Миша — рупор самых сокровенных и самых дорогих автору идей: в его уста вкладываются благоговейные воспоминания о Белинском и Грановском, проникновенные строки о «глубоких муках» «души живой и благородной», способной, не страдая личным горем, «плакать честными слезами». Здесь, очевидно, налицо не преодоленные до конца противоречия между разными редакциями (см. об этом: *Гин М. М.* Эволюция замысла

«Медвежья охота» и духовная драма Некрасова 1866—1867 гг.— Некр. сб., VII, с. 35—46).

Обращает на себя внимание и стремление автора как-то противопоставить ту часть либеральной интеллигенции, которая сохранила верность заветам 1840-х гг. и способность к деятельности,— «либералам-идеалистам», «диалектикам обаятельным». О глубине и достоверности немногих строк, рисующих этот социально-психологический тип (ст. 337—376), косвенно может свидетельствовать сопоставление его с одним из самых значительных образов романа Достоевского «Бесы» (1871) — Степаном Трофимовичем Верховенским. Резко расходясь с Некрасовым в оценке исторической роли людей 1840-х гг., Достоевский создает образ, вполне соответствующий некрасовскому «диалектику обаятельному», при этом цитаты из Некрасова проходят через весь роман (см.: *Гин М.* Достоевский и Некрасов.— Север, 1971, № 11, с. 121—122).

Анализ движения замысла помогает уточнить датировку лирической комедии. Наиболее ранняя из авторских дат — примечание к одному из монологов Миши, первоначально предназначавшемуся для пятой сцены журнального текста: «Писано в феврале 1867 года». Ранняя редакция («Как убить вечер») возникла, конечно, до этого. Одно из стихотворений, сначала входивших в «Медвежью охоту» и затем выделенных из нее,— песня «Молодые» — датировано автором 1866 г. (более ранние стихотворения, намечавшиеся к включению в «Медвежью охоту»,— «Еще скончался честный человек...» (1855—1856) и «Свобода» (1861) — создавались, очевидно, вне связи с данным замыслом). Следовательно, работа над «Медвежьей охотой» велась и в 1866 г. При этом ранняя редакция свободна от печати настроений, связанных с выстрелом Каракозова и так называемой «Муравьевской историей». Может быть, она писалась до этих событий, но, по-видимому, все-таки не ранее 1866 г. Окончание работы определяется в соответствии с авторской датой под текстом опубликованных сцен — «Весна 1867 года»,— что, однако, не исключает некоторой доработки и правки в процессе подготовки рукописи к печати весною следующего, 1868 г.

Авторская помета на наборной рукописи свидетельствует, что первоначально три сцены предназначались для майского номера (№ 5) «Отечественных записок» 1868 г. Из письма М. А. Маркович к Некрасову, отправленного около 9 мая 1868 г., видно, что к этому времени они уже были отпечатаны: «Мне очень жаль, что „Медвежья охота“ не помещена. Если можете, то пришлите мне оттиск» (ЛН, т. 51—52, с. 382). На существенную деталь обратил внимание В. Э. Вацуро. На листе журнального текста сцен сигнатура «т. CLXXVIII — Отд. 1» (в этом томе № 5—6), печатный лист № 9 «Отечественных записок» имеет сигнатуру «т. CLXXX» (в этом томе № 9—10). Следовательно, «сцены были набраны для майского номера ОЗ: уже отпечатанный лист был оттуда вынут и вклеен в начало № 9» (ПССт 1967, т. II, с. 639) — все это по причине, очевидно, цензурного порядка (см.: Гаркави, 1966, с. 117). Дата выпуска в свет № 5 «Отечественных записок» — 15 мая. Впоследствии к работе над «Медвежьей охотой» поэт не возвращался.

Во время обсуждения № 9 «Отечественных записок» на заседании Совета Главного управления по делам печати председательствующий М. Н. Похвиснев заявил, что «Медвежья охота»

Некрасова «заслуживает большого внимания<...> по крайне резкому и легкомысленному осуждению целого периода нашей общественной жизни и именно близкого к нам времени, которое автор дозволяет себе называть „позорным“» (цит. по: *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. М., 1971, с. 372). К этому мнению в сущности присоединился и цензор Н. Е. Лебедев в докладе о направлении «Отечественных записок» за 1868—1869 гг.: «В этой пьесе преданы осмеянию молодые бюрократы, представленные людьми формы и слова, а не дела: в ней весьма неуместно, между прочим, описание времени 40-х годов, в которое будто бы приходилось всякому мыслящему человеку задыхаться от невыносимого гнета» (там же, с. 373).

Значение этого крупного замысла трудно переоценить: он не только знакомит со сложными и напряженными исканиями поэта в годы кризиса, пережитого им во второй половине 1860-х гг., но и дает наглядное представление о разрешении его. Это произведение предваряет и открывает последний период творческого пути Некрасова — поэзию 1870-х гг.

...эти полумертвецы ∾ Со временем родному краю Готовятся...— Еще резче в одном из первоначальных вариантов: «...люди, [проводившие свой век В гостиных, в ресторанах, в бардаках Администраторами] стали!» (см.: Другие редакции и варианты, с. 267). Вопрос о том, где проходят школу «государственной мудрости» будущие администраторы, был весьма актуален, в частности он не раз привлекал внимание М. Е. Салтыкова-Щедрина («Господа ташкентцы», «Помпадуры и помпадурши»).

Ни от начитанных глупцов, Лакеев мыслей благородных! — Как установил Б. Я. Бухштаб, эти стихи с незначительным изменением заимствованы у Н. А. Добролюбова (см.: *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч., т. VI. М., 1933, с. XIII). Ср.: Другие редакции и варианты, с. 290—291.

И покидается боец Почти один на полдороге...— Очевидно, перекличка с поэмой Т. Г. Шевченко «Три літа»: «І кидають на розпутті сліпого каліку» (*Шевченко Т.* Кобзар. Київ, 1957, с. 301).

...сам Гомер Не смел Омиром называться.— Явное недоразумение. Гомер не смел называться именно Гомером: в 1852 г. министр просвещения П. А. Ширинский-Шихматов потребовал отмены произношения греческих слов «по Эразму» (Гомер вместо Омир) как не соответствующего традиции церкви и богословской литературы (см.: *Горнфельд А. Г.* Омир и Гомер (примечание к Некрасову).— Резец, 1939, № 6, с. 21).

...его Прозвали «лишним».— В одном из вариантов: «...его Тургенев лишним называл...» (см.: Другие редакции и варианты, с. 277, вариант к ст. 326—336). Термин «лишний человек» впервые появился в повести И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека» (1849).

На взгляд глупцов казался переменчив...— Напряженные идейно-философские искания Белинского, не раз прямо и открыто отказывавшегося от своих оценок и взглядов, если он убеждался в их ошибочности, вызывали упреки в «непостоянстве» и «из-

менчивости», особенно со стороны С. П. Шевырева. Несостоятельность подобных нападок была убедительно показана Н. Г. Чернышевским в «Очерках гоголевского периода русской литературы».

Другие редакции и варианты

«Как ярко поцелуй пылает на морозе...» — цитата (несколько неточная) из стихотворения Пушкина «Зима. Что делать нам в деревне?..» (1829).

Эх! это не такие господа! Вот были третьим годом. — В основе пересказанного здесь эпизода — автобиографический факт. Сестра Некрасова А. А. Буткевич записала с его слов: «На зимней охоте с ним однажды был казус. Он набрал до 80 человек и ехал на медведя. Мужики шли впереди. Увидал брат зарево пожара и всю свою команду повернул от медведя туда. Деревню спасли, но охота на тот день пропала» (ЛН, т. 49—50, с. 178).

Как Пушкин я сказать могу по праву, Что рифмы запросто живут со мной... — Второй стих — неточная цитата из «Домика в Коломне» (первая строфа).

«Отец Савватий» — имеется в виду порнографическая поэма М. Н. Лонгинова, точное название которой дано в первоначальном тексте,— «Отец Пихатий». А. В. Никитенко записал о ней в «Дневнике»: «Есть его непечатная поэма „Отец ***“, в которой кощунство и безнравственность доведены до nec plus ultra. Сам Барков покраснел бы от стыда, читая эту поэму» (*Никитенко А. В.* Дневник, т. III. М., 1956, с. 217).

...актер Играющий на сцене Уголино... — Главную роль в выспренней драме Н. А. Полевого «Уголино» (1838) исполняли крупнейшие русские трагики — П. С. Мочалов (в Москве) и В. А. Каратыгин (в Петербурге).

С уставной грамотой не споря... — Уставные грамоты, определявшие в соответствии с «Положением 19 февраля 1861 года» размеры полевого надела и повинности освобожденных крестьян, составлялись самими помещиками и, естественно, в их собственных интересах, а спорили с ними именно крестьяне: более половины уставных грамот остались неподписанными ими (см.: *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1954, с. 116 и 175—180).

Быть членом земства я хотел. — К этому стиху Некрасов впоследствии сделал примечание: «Писано в феврале 1867 года». Имеется в виду разразившийся в начале 1867 г. конфликт между правительством и петербургским земством, которое выразило протест против ограничения его финансовой деятельности и отказалось пересмотреть свой бюджет. 14 января все земские учреждения Петербурга были закрыты, а ряд земских деятелей подвергся репрессиям (см.: *Веселовский Б.* История земства, т. III. СПб., 1911, с. 120—125; ср.: *Пажитнов К. А.* Городское земское самоуправление. СПб., [б. г.], с. 88). Быть членом земства в это время означало быть в оппозиции.

Не вижу зла в свободной прессе... — Имеется в виду закон о печати от 6 апреля 1865 г., освободивший некоторые издания от предварительной цензуры (см.: наст. изд., т. II, с. 416—417).

ПЕСНЯ О ТРУДЕ

(С. 23)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 217—219.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1869, ч. 4, с. 213—215, с подзаголовком: «Из „Медвежьей охоты"» и датой под текстом: «1867» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4 с той же датой и тем же подзаголовком).

Автограф не найден (ср.: Другие редакции и варианты, с. 256).

Датируется временем работы над «Медвежьей охотой» — 1866—1867 гг.

Как старый пес мой, что издох Над гаршнепом в болоте!..— Первоначально это сравнение — в ином контексте (см.: Другие редакции и варианты, с. 291).

ПЕСНЯ

(С. 25)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 220—221 (заглавие дается по Ст 1879, т. II, с. 270).

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1869, ч. 4, с. 213—217, под заглавием: «Песня Любы (Из «Медвежьей охоты»)» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4 с тем же заглавием).

Автограф не найден (ср.: Другие редакции и варианты, с. 264).

Датируется временем работы над «Медвежьей охотой» — 1866—1867 гг.

Готовя перед смертью новое издание своих стихотворений, Некрасов в принадлежавшем ему экземпляре Ст 1873, т. II, ч. 4 в заглавии «Песня Любы» вычеркнул последнее слово и написал на полях: «Нужно большое примечание — если успею. Мать девочки была трагическая актриса» (Ст 1879, т. IV, с. LXXVI). Примечание поэт не написал. В ранней редакции «Медвежьей охоты» («Как убить вечер») эту песню исполняет молодая девушка, мечтающая стать актрисой и поступить на сцену. Этим стремлениям решительно препятствует ее мать, в прошлом актриса, пережившая на сцене столько страданий и унижений, что не хочет даже допустить мысли о сценической карьере для дочери. Прослышав о приезде в город важных господ, Люба приходит к ним и просит, чтобы они помогли ей перебороть упрямство матери и устроиться на сцену. По их просьбе — что-нибудь спеть — она садится к роялю и исполняет песню,

которую певала
Я матери моей, когда еще надежда
Во мне была, что можно убедить
Упрямую несчастную старуху.

(см.: Другие редакции и варианты, с. 264).

Г. В. Плеханов писал об этом стихотворении Некрасова: «...Скажите, согласилась ли бы объявить его чуждым поэтического вдохновения одна из тех до сих пор многочисленных у нас девушек, которые рвутся на простор,— куда-нибудь „на курсы", в Петербург, в Москву, за границу,— и которым приходится встречать любвеобильное, нежное, но тем труднее преодолеваемое сопротивление со стороны матерей, отцов или вообще близких лиц» (*Плеханов Г. В.* Соч., т. X. М.—Л., 1925, с. 388).

ЧЕЛОВЕК СОРОКОВЫХ ГОДОВ

(С. 27)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: НВ, 1876, 6 июня, № 96, без подписи и указания автора, в составе цикла «Из записной книжки» (вместе со стихотворениями «На покосе» и «К портрету **» («Твои права на славу очень хрупки...»)).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф, среди набросков и записей к лирической комедии «Медвежья охота»,— ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 40, л. 16.

В ПССт 1934—1937, т. II, ч. 2, с. 827—828 опубликованы и в ПСС, т. II, с. 579 перепечатаны варианты «Человека сороковых годов», обнаруженные К. И. Чуковским в черновых рукописях, впоследствии, по его словам, утраченных. Однако сведения об источнике и самих вариантах не точны. К. И. Чуковский отметил «почти буквальное» совпадение «с началом этого стихотворения» (ПСС, т. II, с. 701—702). В действительности, в его публикации сведены воедино два наброска: 1) набросок «Я человек обыкновенный...» (см.: Другие редакции и варианты, с. 284), близкий одному из вариантов монолога Миши, и 2) две строфы ранней редакции «Человека сороковых годов» — последняя и предпоследняя (исключенная автором — см. ниже),— входившие в другой монолог Миши (см.: Другие редакции и варианты, с. 278—279). Все это имеется в рукописях ИРЛИ, перечисленных на с. 390—392 наст. тома. Не исключена возможность, что именно ими и пользовался Чуковский.

Датируется временем работы над «Медвежьей охотой» — 1866—1867 гг. Стихи эти первоначально входили в один из монологов Миши, героя лирической комедии, где связаны с рассуждением о традициях и исторической роли людей 1840-х гг. (см.: Другие редакции и варианты, с. 277—281). В окончательный текст не вошло четверостишие, в рукописи вписанное на полях:

Как быть! Счастливые условья
Меня от многого спасли,
Но годы робкого безмолвья
Свой плод печальный принесли!

Ст. 12 («Незабываемых годов») предшествовал вариант «Всех николаевских годов». Причиной замены вряд ли была только ав-

тоцензура. В манифесте Александра II по поводу смерти Николая I последний был назван «нашим незабвенным родителем». Герцен и Огарев в «Колоколе» высмеяли этот манифест, иронически переосмыслив слово «незабвенный», которым они оценили все николаевское царствование. С тех пор насмешливый эпитет «незабвенный» вошел в обиход, он встречается в дневниках, письмах, статьях и воспоминаниях В. Ф. Одоевского, М. Н. Лонгинова, К. Д. Кавелина, П. В. Долгорукова и др. В. С. Курочкин воспользовался им в стихотворении «Навуходоносор», имеющем в виду Николая I, а Т. Г. Шевченко в «Дневнике» несколько раз называет Николая I «неудобозабываемым» (см. об этом: *Ямпольский И. Г.* Василий Курочкин.— В кн.: Поэты «Искры», т. 1. Л., 1955, с. 36—37). Применяя к николаевским годам определение «незабываемые», Некрасов не мог не учитывать этих обстоятельств.

Другие разночтения незначительны и их немного. В целом ранняя редакция стихотворения в рукописи «Медвежьей охоты» близка к тексту, опубликованному автором. К 1876 г. могла относиться лишь небольшая стилистическая правка.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

(С. 28)

Печатается по Ст 1874, т. III, ч. 6, Приложение 3-е: Юмористические стихотворения разных годов, с. 265—266.

Впервые опубликовано: Будильник, 1872, № 1, с. 1, под заглавием: «Дума перед зеркалом», с подписью: «Савва Намордников», с рядом разночтений и заменой ст. 16 по цензурным причинам («Быть не могу я магистром» вместо «Быть не могу я министром»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1874.

К. И. Чуковский сообщил, что в 1918 г. работал с «черновым автографом» стихотворения, находившимся в частных руках (ПСС, т. II, с. 586); местонахождение его в настоящее время неизвестно.

Беловой автограф, без разночтений, с датой: «1853», проставленной в другое время и скорее всего неизвестной рукой, с надписями, также неизвестной рукой,— вверху: «Грейнер, 82 стр.», внизу: «На обороте», побуждающими предполагать, что он служил наборной рукописью,— Черниговский гос. исторический музей.

Набросок ст. 9—12, среди набросков и записей к лирической комедии «Медвежья охота»,— ИРЛИ, ф. 203, № 1, л. 2.

Датируется временем работы над «Медвежьей охотой» — 1866—1867 гг.

По-видимому, первоначально комментируемое произведение было связано с этим большим замыслом и, как и некоторые другие стихотворения, впоследствии выделено из него (см. выше, с. 392). В пользу этого предположения говорит не только сущест-

вование указанного выше наброска, но и определенная переклички с ранней редакцией «Медвежьей охоты» (ср. стих «Быть не могу я министром» с диалогом между Мишей и Остроуховым). В ответ на заявление Остроухова, что из Миши и его трудов ничего не выйдет, последний с хохотом отвечает: «Министром буду!». И Остроухов вынужден признать это вероятным:

Случалось видеть нам,
Что люди вовсе пошлые, пустые...
. . . .
Глубокими политиками стали

Не исключена возможность, что дата «1853» в Ст 1874, т. III, ч. 6 призвана была замаскировать намек на какое-то реальное высокопоставленное лицо. С. А. Рейсер, обнаруживший первую публикацию стихотворения в журнале «Будильник», отметил, что оно было весьма популярно, в частности включено в изд.: Новый полный песенник. 500 русских, малороссийских, цыганских юмористических стихотворений и комических куплетов, французских шансонеток и песен. В семи частях. Составлено хором арфисток. М., 1876, с. 164 (*Рейсер С.* Неизвестные строки Некрасова.— ВЛ, 1960, № 7, с. 138—139).

1867

СУД

(С. 29)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 101—120, с устранением автоцензурного исправления в ст. 296.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 1, с. 227—238, с авторскими купюрами и заменами и подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, с датой: «1867» на шмуцтитуле (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Наборная правленная авторская рукопись, с подписью: «Н. Некрасов» — ИРЛИ, ф. 203, № 32, л. 1—10. Отдельные наброски: ст. 217—226, 333—338 (беловая запись) и отрывок «Не то беда, что по суду...» (черновая карандашная запись) — ГБЛ, ф. 195, М5725б, № 25.

Варианты ст. 263—264 впервые опубликованы К. И. Чуковским в статье «Новонайденные творения Некрасова» (РСл, 1913, 11 дек., № 285, с. 4).

Повод для написания сатиры «Суд» Н. А. Некрасову дала практика применения нового закона о печати, утвержденного 6 апреля 1865 г. и вступившего в силу с 1 сентября того же года (см.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XL. СПб., 1865, № 41990). Закон, принятый, как гласил его текст, с целью «дать отечественной печати возможность облегчения и удобства», отменил предварительную цензуру периодиче-

ских изданий и заменил ее карательной цензурой, переложив тем самым всю полноту ответственности за публикуемые материалы с цензоров на авторов и издателей-редакторов. Цензурный комитет получил широкие возможности вмешиваться в литературные дела, в частности право после трех предостережений останавливать издание, а издателей и авторов привлекать к суду.

Демократическая печать настороженно встретила этот закон. В первом бесцензурном номере «Современника» М. А. Антонович предрекал, что в руках цензурной администрации, «склонной к нетерпимости и крайнему произволу», сосредоточится «огромная, почти неограниченная власть над периодической прессою», что она станет «угнетательницей прессы с целью вынудить у нее или угодливость или, по крайней мере, покорное молчание» (*Антонович М.* Надежды и опасения.— С, 1865, № 8, с. 184—186). Опасения эти были не напрасны. Вскоре после вступления закона в силу «Современник» получил два цензурных предостережения — 10 октября и 4 декабря, а 28 мая 1866 г. «Современник» и другой демократический журнал — «Русское слово» — были прекращены «вследствие доказанного с давнего времени вредного их направления» (ЛН, т. 51—52, с. 587). Незадолго до этого, в апреле, по подозрению в причастности к каракозовскому делу был арестован сотрудник «Современника» Г. З. Елисеев. Уже после закрытия журнала, во второй половине 1866 г., Ю. Г. Жуковский и А. Н. Пыпин были привлечены к судебной ответственности за напечатание в мартовской и февральской книжках журнала «преступной» статьи Ю. Г. Жуковского «Вопрос молодого поколения», содержавшей, по мнению обвинителей, «оскорбление чести и достоинства всего дворянского сословия». 25 августа 1866 г. С.-Петербургский окружной суд оправдал обвиняемых, но это решение было опротестовано товарищем прокурора Н. Б. Якоби, и при повторном разбирательстве дела 4 октября 1866 г. уже в Судебной палате был вынесен обвинительный приговор. А. Н. Пыпин и Ю. Г. Жуковский подверглись «денежному взысканию по сту рублей и аресту на военной гауптвахте в течение трех недель каждого» (см. об этом: Сборник сведений по книжно-литературному делу за 1866 год, ч. II. М., 1867, с. 4—77). Этот случай послужил прецедентом для изъятия из ведения гласных пореформенных судов всех дел о цензуре и передачи их в ведение Судебной палаты.

Н. А. Некрасов к суду не привлекался и на процессе не присутствовал: он был в это время в Карабихе. Но о его готовности взять на себя ответственность за напечатание статьи Ю. Г. Жуковского и напряженном внимании к процессу свидетельствует переписка с А. Н. Пыпиным и С. В. Звонаревым в августе 1866 г. (см. письмо Некрасова к А. Н. Пыпину от 23 августа 1866 г., а также: Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. Примеч. сост. Н. Ашукин. М., 1916, с. 159—160, 252—253).

Некрасов, вероятно, присутствовал на другом таком же судебном разбирательстве — по делу А. С. Суворина, автора и издателя книги «Всякие. Очерки современной жизни». Суворин также был приговорен к трехнедельному аресту на гауптвахте, а книга его — к уничтожению (см. письмо Некрасова к В. П. Гаевскому от 20 декабря 1866 г. и стихотворение «Пропала книга!» — наст. изд., т. II, с. 226—227).

После закрытия журнала Некрасов чувствовал себя «пригвожденным к позорному столбу» и, возможно, пережил состояние, сходное с тем, которое переживает герой сатиры. Ряд общих черт позволяет сблизить образы автора и героя. Об этом свидетельствует текстуальная перекличка «Суда» с некоторыми автобиографическими стихотворениями Некрасова: ст. 240—248 и варианты к ним сопоставимы с отдельными строками из «Родины», «На Волге» и «Умру я скоро. Жалкое наследство...»; варианты ст. 263—264 — со стихотворением 1867 г. «Зачем меня на части рвете...». Ср. также ст. 300—316 с письмом Некрасова к И. С. Тургеневу от 17 ноября 1853 г. Современниками Некрасова образ героя «Суда» часто воспринимался как прямо автобиографический. Так, художник А. М. Волков в своих иллюстрациях к сатире «Суд» придал герою портретное сходство с Некрасовым (ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 99). О соотношении автобиографического и типического в образе героя «Суда» см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Разоблачение реакции и правительственных «реформ» в поэтическом творчестве Некрасова 1860-х годов.— Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1952, № 158, с. 226—230; Гин 1971, с. 73—79.

О том, что «Суд» наряду с другими произведениями Некрасова «находится в руках новой редакции», было сообщено в объявлении об издании «Отечественных записок» на 1868 г. (Г, 1867, 31 дек., № 360).

Готовя произведение к печати, Н. А. Некрасов подверг его значительной автоцензуре. В ст. 296 («Мне граф [О]*** мораль читал») была снята даже заглавная буква имени графа Орлова. Ст. 14—16 — «Вспоминал Я также то, где я бывал, О чем и с кем вступал я в спор» — были опущены, что потребовало переработки ст. 14 и 17. Появилась вторая редакция эпилога. Первая слишком резко контрастировала по своей пафосной интонации с ироническим тоном остального повествования. Позднее, в 1875 г., Некрасов переадресовал заключительные строки эпилога (см.: Другие редакции и варианты, с. 296, вариант ст. 390—393) М. Е. Салтыкову (см. стихотворение «М. Е. С<алтыко>ву (при отъезде его за границу)» — ст. 5—12). По совету «домашнего цензора» «Отечественных записок» Ф. М. Толстого были сняты ст. 49—52, поскольку, по его мнению, они «отзываются принципами того учения, за которое „Современник“ был запрещен» (ЛН, т. 51—52, с. 584), а также устранено ироническое описание «администратора молодого» — ст. 63—68. По этой же причине «гвардейский офицер» в рукописи стал именоваться «гулякой-офицером», «удалым офицером», а затем еще более нейтрально — «изящным» (ОЗ) и «усатым» (окончательная редакция).

Но даже в таком виде «Суд», вероятно, вызвал нарекания со стороны лиц, осуществлявших надзор за печатанием освобожденных от предварительной цензуры изданий: очевидно, с угрозой объявления предостережения журналу связано то обстоятельство, что «Суд» был вырезан из части тиража уже напечатанных журнальных книжек. Вместо него печаталось с нарушением пагинации номера стихотворение «Эй, Иван!», вошедшее также и во второй номер «Отечественных записок» за 1868 г.

Современная Некрасову реакционная критика резко отрицательно встретила первый номер новых «Отечественных записок». Уже в февральском «Всемирном труде» (1868, № 2, с. 113—142)

был напечатан обзор литературы «Столичная жизнь», в котором проводилась мысль о том, что «сатира Некрасова мельчает, размениваясь на балагурство». В четвертом номере журнала появилась статья Н. Соловьева «Критика направлений», написанная в том же духе, что и «Столичная жизнь», но еще более резко. Редакторы «Отечественных записок» Некрасов и Салтыков-Щедрин именуются в ней не иначе как «литературными покойниками», а «Суд» определяется как «журнальная эпитафия». Статья содержала очевидный намек на то, что Некрасова именно в административном порядке следует сделать «литературным покойником», т. е. закрыть «Отечественные записки».

«Однажды зимним вечерком» — вероятно, деформированная первая строка баллады В. А. Жуковского «Светлана»: «Раз в крещенский вечерок».

«Вечерний звон! Вечерний звон! Как много дум наводит он!» — цитата из стихотворения Т. Мура «Вечерний звон» в переводе И. И. Козлова.

«Модный магазин» — журнал мод, издававшийся С. Г. Мей, вдовой поэта Л. А. Мея, в С.-Петербурге в 1862—1883 гг. В рукописи «Модный магазин» первоначально был иронически назван «преступным» (см.: Другие редакции и варианты, с. 294).

Блажен, кому дана судьбой... — Ср. в «Полтаве» А. С. Пушкина: «Ах, вижу я: кому судьбою...» и т. д.

«Одно из славных русских лиц» — цитата из «Тамбовской казначейши» М. Ю. Лермонтова.

«С печатью тайны на челе» — цитата из стихотворения Д. В. Веневитинова «Последние стихи» («Люби питомца вдохновенья...»). В таком виде этот стих приводился в изданиях XIX в. В современных изданиях печатается и бесцензурный вариант: «С печатью власти на челе...»

Формально всё — до звука шпор... — Намек на то, что «администратор молодой» является не гражданским, а военным лицом, скорее всего жандармским офицером.

«Суд в подземелье» — поэма В. А. Жуковского, опубликованная впервые в «Библиотеке для чтения», 1834, т. III, с. 1—19. Это произведение с трагическим сюжетом и мрачно-романтическим колоритом могло запомниться Некрасову с детства. Но весьма вероятно его обращение к тексту поэмы Жуковского и во время, близкое к написанию «Суда». «Суд», насыщенный пародийными литературными реминисценциями, во многом повторяет ритмический рисунок поэмы Жуковского (см. об этом: *Эйхенбаум Б. М.* Некрасов.— В кн.: *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. Л., 1969, с. 46) и ее рифмический строй. Один из вариантов начала «Суда»: «Уж было за полночь. Во сне...» перекликается с началом поэмы: «Уж день прохладой вечерел...», а ст. 350—361 — описание гауптвахты — сопоставимы с описанием подземелья («Библиотека для чтения», 1834, т. III, с. 13).

И ряд угрюмых клобуков... — описание, сопоставимое со сценой суда в поэме М. Ю. Лермонтова «Боярин Орша»:

Они! — взошли! — Толпа людей
В высоких, черных клобуках,
С свечами длинными в руках.

Владимирка — тракт, по которому шли из Москвы партии приговоренных к сибирской каторге и ссылке.

«Как голый пень среди долин» — цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Хаджи-Абрек».

Не так счастливец молодой идет в таинственный покой (в рукописи первоначально: «Не так любовник молодой...» — см.: Другие редакции и варианты, с. 295) — отголоски строк Пушкина: «Как ждет любовник молодой минуты верного свиданья...» («К Чаадаеву»).

Мне граф Орлов мораль читал... — А. Ф. Орлов (1787—1862), с 1844 г. — шеф жандармов и главный начальник III Отделения (см. ниже, с. 428 и 430, комментарий к сатире «Недавнее время»).

Бог весть, увидимся ль опять?.. — Ср. стих А. В. Тимофеева «Прости! увидимся ль опять?..» («Разлука», 1830-е гг.).

Другие редакции и варианты

Заутро суд — отголосок стиха Пушкина «Заутра казнь», встречающегося дважды: во второй песни поэмы «Полтава» и стихотворении «Андрей Шенье».

«УМРУ Я СКОРО. ЖАЛКОЕ НАСЛЕДСТВО...»

(С. 40)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 228—230.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1869, ч. 4, с. 224—226, с датой: «1867» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Автограф с полным текстом не найден. Лист наборной рукописи с десятью последними стихами (39—48) — ГБЛ, ф. 195, п. 7591. Рукопись чернилами, без правки, редакция совпадает с печатной. Текст перечеркнут крест-накрест, обведен рамкой, слева на полях помечено: «Чисто». Под текстом дата: «26—27 февр.». Сверху заголовок и приписка, вероятно, для наборщика издания Ст 1869, ч. 4: «Неизвестному другу. Пропуск на 224-ю стр.». На остальной части страницы и на обороте автограф стихотворения «Еще тройка».

В 1866 г. Некрасов получил письмо со стихотворным обращением к нему, вызванным ложными слухами о поэте и подписанным: «Неизвестный друг» (хранится в собрании М. М. Гина; под текстом помета рукой Некрасова: «Получил 3 марта 1866»):

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

(Н. А. Некрасову)

Мне говорят: твой чудный голос — ложь;
Прельщаешь ты притворною слезою
И словом лишь к добру толпу влечешь,
А сам, как змей, смеешься над толпою.
Но их речам меня не убедить:
Иное мне твой взгляд сказал невольно.
Поверить им мне было б горько, больно...
Не может быть!

Мне говорят, что ты душой суров,
Что лишь в словах твоих есть чувства пламень,
Что ты жесток, что стих твой весь любовь,
А сердце холодно, как камень!
Но отчего ж весь мир сильней любить
Мне хочется, стихи твои читая?
И в них обман, а не душа живая?..
Не может быть!

Но если прав ужасный приговор?..
Скажи же мне, наш гений, гордость наша.
Ужель сулит потомства строгий взор
За дело здесь тебе проклятья чашу?
Ужель толпе дано тебя язвить,
Когда весь свет твоей дивится славе,
И мы сказать в лицо молве не вправе —
Не может быть!?

Скажи, скажи, ужель клеймо стыда
Ты положил над жизнию своею?
Твои слова и я приму тогда
И с верою расстанусь я моею.
Но нет! И им ее не истребить!
В твои глаза смотря с немым волненьем,
Я повторю с глубоким убежденьем:
Не может быть!

Автором стихотворения была поэтесса и переводчица О. П. Мартынова-Павлова (1832—1896) (см.: *Клочкова Л. П.* Об авторе стихотворения «Не может быть».— Некр. сб., II, с. 501—507). Первым откликом Некрасова на стихотворение был набросок «Чего же вы хотели б от меня», написанный поэтом на тетрадном листке со стихотворением О. П. Павловой (см.: *Гин М. М.* Проблема долга перед народом в поэзии Н. А. Некрасова.— РЛ, 1961, № 2, с. 55—56).

«Умру я скоро. Жалкое наследство...», написанное почти через год, адресовано не только «Неизвестному другу», но и всем тем, кто обрушился на поэта с обвинениями в отступничестве в связи с мадригалом Муравьеву (см. комментарий к стихотворению «Ликует враг, молчит в недоуменье...» — наст. изд., т. II, с. 429—

430, и «Медвежьей охоте» — выше, с. 393(. По содержанию и силе лирического чувства близко примыкает к стихотворениям «Рыцарь на час» (1862) и «Зачем меня на части рвете...» (1867).

Готовя перед смертью новое издание своих стихотворений, Некрасов сделал к этому произведению примечание: «Не выдуманный друг, но точно неизвестный мне <...>. Где-нибудь в бумагах найдете эту пьесу, превосходную по стиху. Ее следует поместить в примечании» (Ст 1879, т. IV, с. LXXIII).

Как сообщает К. И. Чуковский, Ю. Н. Тынянов считал, что в комментируемом произведении отразилось стихотворение Беранже «Adieu», известное русскому читателю по переводам В. С. Курочкина и М. Л. Михайлова. В переводе А. А. Фета оно печаталось в некрасовском «Современнике» (1858, № 1, с. 38). Однако для этого сближения нет серьезных оснований, поскольку у Беранже отсутствует мотив вины, лежащий в основе некрасовского стихотворения.

Стихотворение было неприязненно встречено критикой (см. отзывы М. А. Антоновича в журнале «Космос», 1869, № 4, с. 35—36; Н. Н. Страхова в журнале «Заря», 1869, № 5, с. 164—167; С. С. Шашкова в журнале «Дело», 1875, № 2, с. 13—14, 1878, № 3, с. 311—312) и вызвало сочувственные поэтические отклики (см.: «Н. А. Некрасову» — Н, 1877, № 5; «О Н. А. Некрасове» Я. П. Полонского — помещено в разделе «Стихотворения 1870—1875 гг.» в изд.: *Полонский Я. П.* Полн. собр. стихотворений в 5-ти т., т. II. СПб., 1896, с. 71).

В фонде украинского поэта П. Грабовского (Архив АН Украинской ССР) хранится тетрадь со стихами ссыльных революционеров, следовавших в Сибирь. Среди них стихотворение неизвестного поэта «Памяти Некрасова», относящееся к 1888—1889 гг. Автор приводит строки Некрасова: «За каплю крови, общую с народом, Мои грехи, о Родина! Прости!» — и продолжает:

Не проси, друг народа, прощенья в грехах
Ты слезами их смыл за народную скорбь,
Ты ее показал в дорогих нам стихах
И любить научил и страдать... умирать

(РЛ, 1961, № 2, с. 202).

В 1912 г. В. И. Ленин в статье «Еще один поход на демократию» использовал «Умру я скоро. Жалкое наследство...» в полемике с либералами-кадетами, «хватавшими за фалды Некрасова»: «Некрасов по <...> личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои „грехи" и *публично каялся* в них <...> „*Неверный звук*"— вот как называл сам Некрасов свои либерально-угодническпе грехи» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22. Изд. 5-е. М., 1961, с. 84).

Те жребием постигнуты жестоким...— Очевидно, намек на Н. Г. Чернышевского (Некр. сб., II, с. 97).

ЕЩЕ ТРОЙКА

(С. 42)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 123—126 (на шмуцтитуле: «Еще тройка (1867)»; в оглавлении: «Еще тройка, романс»).

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1869, ч. 4, с. 119—124 (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Беловой автограф не найден. Черновой автограф — ГБЛ, ф. 195, п. 7591. Рукопись чернилами, с поправками, под текстом подпись и дата: «Н. Некрасов. 2 марта». Текст зачеркнут вертикальной чертой, лист разорван, залит чернилами.

Датируется по содержанию и согласно авторскому указанию 2 марта 1867 г. Связано с народнопоэтической и литературной традицией, в частности со стихотворением П. А. Вяземского «Еще тройка»:

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет
И хохочет, и визжит.
. . . .

Кто сей путник? и отколе
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму? (*Вяземский П. А.* Стихотворения. М.—Л., 1969, с. 296—297).

Жандарм, сопровождающий на тройке в Сибирь политического ссыльного,— обычное, а после каракозовских дней — очень частое для России явление. Мотив дороги и жандарма весьма устойчив в лирике Некрасова (см., например, «В дороге» (1845), «Перед дождем» (1846), «Благодарение господу богу...» (1863), «Бунт» (1872)).

Основным литературным источником комментируемого стихотворения является «Дорога в Россию» (отрывок из части III «Дзядов») А. Мицкевича — произведение, ставшее генетическим корнем ряда польских и русских революционных песен, в том числе песни русских ссыльных «По пыльной дороге телега несется». Картина бескрайнего заснеженного пространства, непогода, кибитка с юным политическим «преступником», сопровождаемым жандармом, размышления и «догадки» наблюдателя-рассказчика, композиция «Еще тройки» и даже отдельные выражения и характеристики напоминают «Дорогу в Россию» Мицкевича.

Вместе с тем «Еще тройка» — оригинальное сатирическое произведение, в котором мотивы и образы Мицкевича переосмыслены в соответствии с русской действительностью второй половины 1860-х гг. Здесь Некрасов в скрытой, но достаточно прозрачной форме выразил свое отношение к яростному разгулу реакции после выстрела Каракозова (подробнее см.: *Мельгунов Б. В.* К литературной родословной стихотворения Некрасова «Еще тройка».— РЛ, 1979, № 3, с. 163—172).

Стихотворение стало известным в демократических кругах сразу по выходе в свет и приобрело огромную популярность среди революционной молодежи, читалось на вечерах и сходках. Его острый политический смысл был понятен публике и вызывал беспокойство властей (см.: *Засулич В.* Воспоминания. М., 1931, с. 27, а также: Некр. сб., IV, с. 216—217). «...нельзя пройти молчанием,— писал в 1883 г. директор департамента полиции В. К. Плеве в докладной записке Александру III,— то губительное влияние, которое имело на молодежь сочувствие Некрасова первым проявлениям практической революционной деятельности. Этот талантливый печальник, по выражению его друзей, народного горя, стоя на краю могилы, ободрял пропагандистов стихами, которые заучивались и повторялись с упоением подрастающим поколением <...> Некрасов со злобной насмешкой встретил меры правительственного преследования, которое постигло пропагандистов, и призывал новые силы на смену выбывающим». Эту мысль Плеве подкреплял цитатами из стихотворений «Сеятелям», «Еще тройка», «Мать» («Она была исполнена печали...») (ЛН, т. 49—50, с. 526).

«ЗАЧЕМ МЕНЯ НА ЧАСТИ РВЕТЕ...»

(С. 44)

Печатается по ПССт 1927, с. 147—148.

Впервые опубликовано: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях. Сост. Ч. Ветринский. М., 1911, с. 282—283.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Черновой автограф — ИРЛИ, ф. 203, № 33, л. 1 (варианты его (ст. 5—10, 24—29) впервые опубликованы В. Е. Евгеньевым-Максимовым: Современник, 1914, № 10, с. 44).

Местонахождение белового автографа в настоящее время неизвестно. Частично этот текст приведен в кн.: *Чуковский К. И.* Поэт и палач. Пгр., 1922, с. 6—7, с ошибочной ссылкой на Ст 1920, где помещен вариант первой публикации; полностью опубликован К. И. Чуковским в ПССт 1927. Тот же текст, с разночтениями в ст. 18 и 27, см. во всех послевоенных изданиях, начиная с ПСС. Беловой автограф стихотворения был передан автором незадолго до смерти Г. З. Елисееву. На нем была помета: «24 июля 1867. Карабиха. Пиши для себя». На полях приписка: «Это написано в минуту воспоминаний о мадригале. Хорошую ночь я провел!». Елисеев пытался опубликовать произведение во «Внутреннем обозрении» № 1 «Отечественных записок» за 1878 г., посвященном в первой своей части похоронам Некрасова. Цензура вырезала эту часть обозрения. В указанный выше сборник Чешихина-Ветринского вошел именно этот текст стихотворения с разночтениями в ст. 7 и 9—10, видимо, цензурного происхождения. Статья Елисеева со стихотворением Некрасова увидела свет впервые в изд.: Пролетарские писатели — Некрасову. Л.—М., 1928.

Копия из архива А. Н. Пыпина, снятая неизвестной рукой с гранок текста «Отечественных записок», с прибавлением рукою Пыпина описания автографа Некрасова,— ИРЛИ, 2136, л. 2.

В стихотворении «Зачем меня на части рвете...» отражено состояние духа Некрасова, трагически переживавшего свой ложный шаг — выступление в Английском клубе с «мадригалом» Муравьеву Вешателю (см. комментарий к стихотворению «Ликует враг, молчит в недоуменье...» — наст. изд., т. II, с. 429—430, к «Медвежьей охоте» — выше, с. 393; см. также в указанной выше книге К. И. Чуковского «Поэт и палач»).

Горькие воспоминания о «мадригале» Муравьеву и ярость против «остервенелой толпы» охватили поэта, возможно, после прочтения в «Русском вестнике» (1867, № 2) стихотворения А. А. Фета «Псевдопоэту», в котором тот клеймил Некрасова словами «презренный раб». Ср. перекличку с этой филиппикой в вариантах наборной рукописи сатиры «Суд» (Другие редакции и варианты, с. 294—295).

Низкопоклонники, лакеи... — Ср. этот стих и его вариант в черновом автографе ИРЛИ («низкопоклонные лакеи» — см.: Другие редакции и варианты, с. 298) со стихотворением Фета «Псевдопоэту»: «Влача по прихоти народа в грязи низкопоклонный стих» (*Фет А. А.* Вечерние огни. М., 1971, с. 77).

Как будто от таких отцов Герои где-нибудь родятся? — Ср. в «Недавнем времени»: «Таковы ли бывают отцы, От которых герои родятся?..».

Блажен, кто в юности слепой ∾ *Положит голову на плаху...* — реминисценция десятой строфы главы 8 пушкинского «Евгения Онегина»: «Блажен, кто смолоду был молод, Блажен, кто вовремя созрел...».

Я жить в позоре не хочу, Но умереть за что — не знаю. — Ответ на эти сомнения Некрасов вкладывает в уста «пророка» в стихотворении 1874 г. «Пророк» (ст. 7—8).

ПРИТЧА О «КИСЕЛЕ»

(С. 46)

Печатается по Ст 1874, т. III, ч. 6, с. 252—261, где по цензурным соображениям датировано 1865 г., с исправлением ст. 12, 24, 37, 66, 88, 196 по доцензурной редакции наборной рукописи.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 1, с. 1—6, с подписью: «Н. Некрасов» и цензурными заменами указанных выше стихов (перепечатано: Ст 1874, т. III, ч. 6).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1874.

Первоначальные наброски карандашом ст. 1, 40, 58, 59, 67 и сводка отдельных отрывков под заголовком «Притча о „Киселе"» (ст. 34—37, 50 — 57, 203—210) вместе с набросками к сатире «Суд» — ГБЛ, ф. 195, п. 5752б, л. 1—2. На полях страницы автографа с «Притчей о „Киселе"» помета чернилами: «117. Титул».

Наборная рукопись, с правкой и датой под текстом: «21 августа» — ГБЛ, ф. 195, п. 5752а, л. 1—4. Доцензурный текст имеет незначительные отличия от печатного. Окончательная правка (в основном автоцензурного характера) карандашом, под текстом пометы Некрасова для наборщиков: «Чисто. Отд<ел> 1-й „Отеч<ественных> зап<исок>", 1868, № 1. Наберите это стихотворение поскорее — его можно будет пустить вначале».

Датируется 21 августа 1867 г.

Летом 1867 г. у Некрасова возник замысел цикла сатирических жизнеописаний «Эпитафии», оставшийся неосуществленным (ЛН, т. 49—50, с. 178); к нему, по всей вероятности, относятся «Притча о „Киселе“», набросок «Зимой играл в картишки...» (см. выше, с. 60, 415) и набросок 1855—1856 гг. «Семьдесят лет бессознательно жил» (см.: наст. изд., т. II, с. 18). На полях рукописи «Суда» и «Притчи о „Киселе“» имеется запись: «Жил-был за тридевять земель и пр. Эпитафии».

В стихотворении «отразилась целая полоса истории нашего театра, растянувшаяся на многие десятилетия, и в образе Киселя следует усматривать не столько ту или иную личность, сколько <...> черту современного общества»,— указывает М. М. Гин (Некр. сб., IV, с. 139).

Прототипами Киселя называли разных лиц — графа А. М. Борха, барона К. К. Кистера. М. М. Гин в указанной статье (см. также: ПССт 1967, т. II, с. 632) убедительно доказывает, что ближайшим прототипом «Киселя» мог быть А. И. Сабуров. Крупный богач, управляющий императорскими театрами в 1852—1862 гг., отличался, по отзывам современников, дремучим невежеством и «крайней ограниченностью умственных способностей. Уже один его внешний вид давал возможность сделать безошибочное заключение об его уме. Приезжая в Москву, Сабуров привозил с собой своего секретаря, который и вершил все его дела...» (*Вальц К. Ф.* Шестьдесят лет в театре. Л., 1928, с. 40—41; ср.: *Шуберт А. И.* Моя жизнь. Л., 1929, с. 156; см. также «<Анекдот о ... Сабурове>», записанный Некрасовым,— ПСС, т. XII, с. 108). Военные подвиги «Киселя», сломившего рога «крамоле внешней» и успешно боровшегося «со внутренним врагом», очень напоминают «подвиги» другого современника Некрасова — Муравьева Вешателя. Этим обстоятельством следует, очевидно, объяснить «ошибку» Некрасова, датировавшего «Притчу о „Киселе“» двумя годами раньше времени ее написания (подробнее см.: *Мельгунов Б. В.* Из комментария к стихотворениям Некрасова.— Некр. сб., VI, с. 139—142).

Стихотворение вызвало злобную реакцию антидемократической критики: Некрасова упрекали за фельетонность, «водевильный характер» «Притчи о „Киселе“» (Всемирный труд, 1868, № 2, с. 136; № 4, с. 106; РВ, 1874, № 7, с. 437).

Ликург (IX в. до н. э.) — спартанский законодатель.

С фронтона крыши театральной Ушло три бронзовых коня!»— Очевидно, намек на кражу статуй Талии и Мельпомены из ниш по фасаду Александринского театра после ремонта в 1860-х гг. (БВ, 1916, 24 авг., № 15760).

ВЫБОР

(С. 52)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 165—170.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 1, с. 75—76, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, с датой: «1867» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Черновой автограф — ГБЛ, ф. 195, п. 5755.1, л. 1—2, с заглавием: «Выбор», подписью: «Н. Некрасов» и надписью над текстом в левом верхнем углу: «Первая статья в сборник».

После закрытия «Современника» в 1866 г. у Некрасова возник план издания периодических литературно-художественных сборников. В первом, который должен был открываться стихотворением «Выбор», он предполагал поместить несколько своих стихотворений, пьесу А. Н. Островского, статьи Д. И. Писарева (ПСС, т. XI, с. 79, 85), но отказался от этого намерения, по-видимому, в связи с переговорами о сотрудничестве в «Вестнике Европы» М. М. Стасюлевича (см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. III. СПб., 1912, с. 295).

К. И. Чуковский указал на перекличку «Выбора» с повествованием о своей судьбе Матрены Тимофеевны Корчагиной из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (ПСС, т. II, с. 697). Близость стихотворения к поэме и в органической связи с фольклором.

Образ Мороза-воеводы переходит в стихотворение из поэмы «Мороз, Красный нос» (см.: *Клочкова Т.* Традиции народной сказки в поэме «Мороз, Красный нос».— Некр. сб., II, с. 205—206).

Наряду с другими произведениями Некрасова «Выбор» подвергался цензурным ограничениям даже после смерти поэта. В 1896 г. Особый отдел Ученого комитета Министерства народного просвещения «не признал возможным допускать к публичному прочтению» стихотворение «Выбор» (*Гаркави А. М.* Из разысканий о Некрасове.— О Некр., вып. 2, с. 297—298).

Положено на музыку Я. Ф. Пригожевым, 1900.

ЭЙ, ИВАН!

(С. 55)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 139—146, где датировано 1867 г.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 1, с. 239—242, в части тиража, вместо сатиры «Суд» (см. выше, с. 404), вторично — ОЗ, 1868, № 2, с. 373—376, с подзаголовком: «(Типы недавнего прошлого)» и подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4 (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Первоначальный набросок ст. 29—32, без правки, в Зап. тетр. № 1,— ГБЛ, ф. 195, п. 5763, л. 89.

Черновой автограф, чернилами и карандашом, с заглавием: «Иван»,— ГБЛ, ф. 195, п. 5755.2, л. 1—2.

Наборная рукопись, с незначительной правкой чернилами и карандашом, без даты; заглавие «Иван. (Тип недавнего прошлого)» исправлено красным карандашом на «Эй, Иван! (Тип недавнего прошлого)»,— ИРЛИ, ф. 203, № 39, л. 1—2.

А. Я. Панаева в «Воспоминаниях о домашней жизни Н. А. Некрасова» рассказывает о наемном слуге Петре («Спруте») и дворовом человеке отца поэта, служившем у Некрасова кучером в конце 1840-х гг., некоторые черты характера и приключения которых послужили, по всей вероятности, материалом для стихотворения «Эй, Иван!» (ЛН, т. 49—50, с. 550—571). Однако в окончательной редакции Некрасов отказался от ряда бытовых деталей, использованных в черновом варианте.

После смерти поэта журнал «Свет» писал, имея в виду такие стихотворения как «Эй, Иван!», что «истинный непосредственный материал для своей народной поэзии Некрасов черпал только из впечатлений ранней юности, из периода доэмансипационного, и что последующий период жизни уже не вызывал в нем тех мучительных симпатий, которыми отмечено каждое его обращение к прошлому...» (Свет, 1879, № 10, с. 211).

Однако острый политический смысл стихотворения был понятен революционерам-семидесятникам, оно завоевало популярность среди политкаторжан. «Некоторые стихотворения,— вспоминал один из них,— „Мороз, Красный нос", „Коробейники", „Железная дорога", „Эй, Иван!", „Влас" и т. п. приходились особенно по сердцу представителям трудящихся слоев населения: они охотно перечитывали их, если были грамотны, по многу раз, или просили это делать других, когда не умели читать» (*Дейч Лев.* Н. А. Некрасов и семидесятники.— В кн.: Некрасов. Памятка ко дню столетия рождения. Пб., 1921, с. 9).

Уже в 1869 г. это произведение привлекло внимание цензуры. В донесении Цензурному комитету от 2 декабря 1869 г. о направлении «Отечественных записок» в 1868—1869 гг. цензор Н. Лебедев писал о стихотворении «Эй, Иван!»: «В означенном небольшом стихотворении проведена всегдашняя мысль Некрасова об угнетенном положении низшего класса, здесь в самом возмутительном виде представлено положение бывшего крепостного человека, употреблявшегося на всевозможные работы и получавшего в награду одни побои» (*Евгеньев-Максимов В. Е.* В руках у палачей слова.— Голос минувшего, 1918, № 4—6, с. 86).

С РАБОТЫ

(С. 59)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 174—175, где датировано 1867 г.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 3, с. 262, с подписью: «У».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4 (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Автограф не найден.

При жизни Некрасова и после его смерти подвергалось цензурным гонениям, запрещалось для массовых изданий и публичных чтений (см.: *Гаркави А. М.* 1) Список цензурных дел о про-

изведениях Некрасова.— Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1957, № 229, сер. филол. наук, вып. 30, с. 279; 2) Из разысканий о Некрасове.— О Некр., вып. 2, с. 297—298).

<ЭПИТАФИЯ> («ЗИМОЙ ИГРАЛ В КАРТИШКИ...»)

(С. 60)

Печатается по тексту воспоминаний А. А. Буткевич — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 21, л. 11.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1878, № 5, с. 401.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV (перепечатано: ЛН, т. 49—50, с. 178, в составе воспоминаний А. А. Буткевич). В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

Датируется 1867 г.

Относится к сатирическому циклу задуманных поэтом в 1867 г. «Эпитафий» (см. выше, с. 412, комментарий к стихотворению «Притча о „Киселе“»).

«Одно стихотворение,— вспоминает А. А. Буткевич,— о котором брат сожалел, что не написал, это *эпитафии.* С одним из своих друзей, охотником, однажды проходил кладбище. Гаврило рассказывал ему о покойниках, могилы которых обращали на себя внимание брата. Я помню только эпитафию:

Зимой играл в картишки...» (ЛН, т. 49—50, с. 178).

Ср. также стихотворный набросок 1855—1856 гг. «Семьдесят лет бессознательно жил...» (наст. изд., т. II, с. 18).

1868

«НЕ РЫДАЙ ТАК БЕЗУМНО НАД НИМ...»

(С. 61)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 223—224.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1869, ч. 4, с. 219, с датой: «1868» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Беловой автограф — ИРЛИ, 9546, л. 1 (письмо Некрасова к М. А. Маркович от 7 августа 1868 г.). Рукопись карандашом, отличия текста от печатного незначительны (строфическое деление и пунктуация).

По свидетельству поэта, «навеяно смертью Писарева и посвящено М. А. Маркович» (Ст 1879, т. IV, с. LXXVII). Д. И. Писарев утонул во время морского купания в Дуббельне (ныне часть города Юрмала Латвийской ССР) 4 июля 1868 г., в возрасте 28 лет.

Некрасов познакомился с критиком в 1867 г., вскоре после выхода его из Петропавловской крепости, и предложил ему сотрудничество в предполагавшихся тогда периодических сборниках, а затем в перешедших в руки Некрасова «Отечественных записках». Свои последние статьи Писарев поместил в этом журнале, где сотрудничала и его гражданская жена М. А. Маркович. Некрасов взял на себя заботы о доставке тела Писарева в Петербург и организацию похорон (ПСС, т. XI, с. 113; *Слепцов В. А.* Соч., т. 1. М., 1932, с. 588). Писарев был похоронен 29 июля на Волковом кладбище, рядом с могилами Белинского и Добролюбова. Некрасов присутствовал на похоронах, закончившихся чтением стихов на смерть Писарева (см.: *Архипов В.* Поэзия труда и борьбы. Очерк творчества Н. А. Некрасова. М., 1973, с. 380—381).

Направляя стихотворение М. А. Маркович, Некрасов писал: «Только Вам, Мария Александровна, решаюсь покуда дать это стихотворение. Писарев перенес тюрьму не дрогнув (нравственно) и, вероятно, так же встретил бы эту могилу, которая здесь разумеется, но ведь это исключение — покуда жизнь представляет более фактов противоположного свойства, и поэтому-то моя мысль приняла такое направление. Словом, Вы понимаете, так написалось. Вам пред<анный> Некрасов». И далее в приписке (в правом верхнем углу): «К сожалению, не успел зайти к Вам сегодня, 7 августа».

1867—1868 гг. — время мучительных раздумий Некрасова о судьбах своего поколения и о собственной судьбе в связи с муравьевской историей. Мысль о «мрачных силах» жизни, с годами убивающих способности к подвигу, и о счастье «умереть молодым» проводится поэтом уже в стихотворении «Зачем меня на части рвете...», написанном летом 1867 г. (см.: *Гин М. М.* Герой и его прототип.— Некр. сб., IV, с. 127).

В прижизненных изданиях стихотворение печаталось без письма к М. А. Маркович и без посвящения. Впервые текст письма со стихотворением опубликован и описан Б. Капланом (см.: Радуга. Альманах Пушкинского дома. Пб., 1922, с. 226—231).

Положено на музыку К. Кекрибарджи, 1875.

«У счастливого недруги мрут, У несчастного друг умирает...» — К этим строкам поэт сделал в письме к М. А. Маркович примечание: «Пословица эта не выдумана. Ее можно найти в сборнике пословиц Даля». Ср.: «У счастливого умирает недруг, у бессчастного — друг» (*Даль В.* Пословицы русского народа. М., 1957, с. 63).

МАТЬ («ОНА БЫЛА ИСПОЛНЕНА ПЕЧАЛИ...»)

(С. 62)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 226.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 10, с. 530, с датой: «1868».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4 (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Автограф не найден.

Некрасов так прокомментировал стихотворение: «Думаю — понятно: жена сосланного или казненного...» (Ст 1879, т. IV, с. LXXVII).

Реакционный критик М. де-Пуле указал на связь этого стихотворения с автобиографической поэмой Некрасова под тем же названием (1877), где повествуется о горькой судьбе героини — польки по происхождению. Рецензент усматривал как в поэме, так и в стихотворении «Мать» скрытое сочувствие автора польскому освободительному движению (РВ, 1878, № 5, с. 329). Эти «догадки» несомненно имели под собою почву. Стихотворение Некрасова явно перекликается со стихотворением Мицкевича «Матери-польке» (1830), в котором высказано убеждение поэта в том, что мать-полька должна отказаться от мечты о счастливой участи сына и готовить его к судьбе национального героя-мученика.

В. Е. Евгеньев-Максимов указал на «незримое присутствие» в комментируемом произведении образа Н. Г. Чернышевского (Некр. сб., II, с. 76). Стихотворение приобрело широкую популярность в революционной среде после смерти поэта. В 1883 г. директор департамента полиции В. К. Плеве доносил Александру III о «губительном влиянии» на молодежь таких произведений Некрасова, как «Сеятелям», «Еще тройка», «Мать» (см. выше, с. 410).

Высокую оценку дал стихотворению Г. В. Плеханов (см.: *Плеханов Г. В.* Соч., т. X. М.—Пгр., 1925, с. 385).

ДОМА — ЛУЧШЕ!

(С. 63)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 225, где датировано 1868 г.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 11, с. 120, с подписью: «Н».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, с датой: «1868» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Автограф не найден.

Навеяно настроением поэта после возвращения на родину из поездки во Францию и Италию в марте—июне 1867 г. Впрочем, аналогичные мотивы отмечались уже в поэме «Тишина» (1857). Первоначальные наброски, вероятно, создавались в Карабихе летом 1867 г.

«ДУШНО! БЕЗ СЧАСТЬЯ И ВОЛИ...»

(С. 64)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 222.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1869, ч. 4, с. 218, с заглавием (из цензурных соображений): «(Из Гейне)» и датой: «1868» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Автограф не найден. В списке произведений Некрасова, составленном А. А. Буткевич (ИРЛИ, ф. 203, № 44), значится: «„Душно! без счастья и воли" (копия, подлинное дано Боровиковскому)». Первоначальный набросок из двух строк на полях чер-

новой рукописи сатиры «Суд» и «Притчи о „Киселе“» — ГБЛ, ф. 195, п. 5752б, л. 2 об. В 1875 г. напечатано в нелегальном народническом издании «Работник. Газета для русских рабочих» (1875, № 11—12, с. 8) под заглавием «Песня народного борца» (ст. 7 в редакции: «Чашу народного горя»). Варианты ст. 1—4, 7 опубликованы В. Е. Евгеньевым-Максимовым (Современник, 1914, № 10, с. 46—47) по рукописи, хранившейся «у одного из близких знакомых» А. А. Буткевич; местонахождение этой рукописи в настоящее время неизвестно.

По мнению А. М. Гаркави, сопоставившего первоначальную редакцию стихотворения с публикацией в «Работнике», народническая публикация восходит к доцензурному авторскому тексту, а вариант ст. 7 («Чашу вселенского горя») в прижизненных изданиях является цензурным вариантом (см.: Учен. зап. Калинингр. гос. пед. ин-та, 1957, вып. 3, с. 219—220; Гаркави, с. 38; Некр. сб., V, с. 166). В Собр. соч. 1965—1967 (т. II, с. 256) и ПССт 1967 (т. II, с. 275) была принята точка зрения Гаркави, предложившего считать текст этой публикации каноническим. Это вызвало возражения (см.: *Мельгунов Б. В.* Из комментария к стихотворениям Некрасова.— Некр. сб., VI, с. 130—135). В настоящем издании восстанавливается вариант прижизненных авторских публикаций. Народническое издание в данном случае не может считаться авторитетным, ибо публикация в нем анонимна, заглавие изменено, ст. 2, 7 искажены, имеются существенные пунктуационные неточности. Все эти искажения объясняются тем, что редактор газеты Н. А. Морозов (1854—1946) готовил стихотворение к печати по памяти. В своих воспоминаниях он по памяти приводит текст «Душно! без счастья и воли...» с теми же искажениями и допускает новые (см.: *Морозов Н. А.* Повесть моей жизни. М., 1947, т. II, с. 64, т. III, с. 155). Лексическую и музыкальную нерасторжимость варианта «вселенского» с окончательным текстом убедительно показал Н. Н. Скатов (см.: *Скатов Н.* Некрасов. Современники и продолжатели. Л., 1973, с. 259—261). Вариант «Чашу народного горя» в первоначальной редакции, отражающей прежде всего личные переживания поэта, стал неприемлемым в окончательной редакции, где социальный протест приобретает «вселенские» масштабы. Выражения вроде «чаша народного горя» встречаются в лирике Некрасова 1860—1870-х гг., поэт умел проводить их через цензуру. Ср., например, известную «Элегию» (1874):

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»...

Готовя перед смертью издание своих стихотворений, Некрасов зачеркнул заглавие «(Из Гейне)» и написал «Собственное», не сделав никаких других помет и исправлений (Ст 1879, т. IV, с. LXXVII).

В. Е. Евгеньев-Максимов (см.: Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1957, № 229, сер. филол. наук, вып. 30, с. 54—55) отметил в комментируемом произведении перекличку с последней строфой стихотворения Пушкина «Кто, волны, вас остановил...» (1823):

Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплот —
Где ты — гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.

Возможно, однако, что толчком для создания «Душно! без счастья и воли...» послужило стихотворение А. Н. Майкова 1858 г. из цикла «Неаполитанский альбом»:

Душно! иль опять сирокко?
И опять залив кипит,
И дыхание Сахары
В бурых тучах вихорь мчит?

В лицах страх, недоуменье...
Средь безмолвных площадей
Люди ждут в томленьи страстном,
Грянул гром бы поскорей...

(Новые стихотворения А. Н. Майкова (1858—1863). М., 1864, с. 113).

Стихотворение было чрезвычайно популярно в революционных и радикальных кругах и воспринималось как призыв к революции (см. в сборниках «Перед рассветом» (Женева, 1905, с. 4; Берлин, 1906, с. 15)).

Первая строфа (с некоторыми изменениями) послужила эпиграфом к прокламации петербургского «Союза объединенных землячеств и студенческих организаций» «!!Ко всем!!» от 1 марта 1901 г., призывавшей на демонстрацию 4 марта 1901 г. у Казанского собора (см.: *Энгель Г., Горохов В.* Из истории студенческого движения. 1899—1906. СПб., 1908, с. 32—33).

Положено на музыку К. Кекрибарджи, 1875, А. В. Мосоловым, 1928, А. К. Глазуновым, 1953, и др.

«НАКОНЕЦ НЕ ГОРИТ УЖЕ ЛЕС...»

(С. 65)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 227, где датировано 1868 г.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1869, ч. 4, с. 223, с той же датой (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Автограф не найден.

1870

ПРИТЧА

(С. 66)

Печатается по копии ИРЛИ, ф. 203, № 43, л. 1—3.

Впервые опубликовано: за границей — ОД, 1881, июнь, № 41, с. 7—8, с датой: «20 июля 1870» и подписью: «Н. Некрасов»; в России — Бомбы, 1906, № 1—2, с заглавием: «„Притча“ (приписываемая Н. А. Некрасову, напис<ано> в 1870 году)» (перепечатано В. Е. Евгеньевым-Максимовым (очевидно, с заграничного издания): З, 1913, № 2, с. 237—240).

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Беловой автограф не найден. Отдельные черновые записи и наброски, перемежающиеся с прозаическими пометами,— ГБЛ, ф. 195, п. 5755.4, л. 1—3. На л. 2 набросок к стихотворению «Дедушка Мазай и зайцы», на л. 3 сводка — первоначальная редакция финала «Притчи» (ст. 145—172). Фрагмент этой рукописи на отдельной полоске бумаги — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 12.

Две копии рукой А. А. Буткевич: 1) с конъектурой в ст. 45 и датой под текстом: «20 июля <18>70 г. Кар<абиха>» — ИРЛИ, ф. 203, № 43, л. 1—3; 2) идентичная первой, при письме к С. И. Пономареву от 14 июля 1878 г., чернилами, с добавлением в ст. 45 слова «их» карандашом и пометой: «Посылаю для Вас „Притчу“, ее печатать нельзя. Поэму „Белинский“ пришлю непременно, теперь у меня ее нет!»,— ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 40, л. 25—28.

К литературным источникам стихотворения относится, по-видимому, глава-утопия «Спасская полесть» из «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, где монарх, мнящий себя созидателем и реформатором, подобно царю в «Притче», замышляет множество славных дел, но все его приказы или извращаются корыстолюбивыми придворными, или вовсе не выполняются. Однако радищевская утопия не может считаться основным источником «Притчи». В этом произведении нашла отражение убежденность Некрасова в невозможности построить жизнь на новых, справедливых началах, не изменяя самой формы управления страной, связанная с кризисом крестьянских утопических представлений о добром царе-избавителе после реформы 1861 г.

Толчком к созданию «Притчи» могло послужить типичное для эпохи 1860-х гг. событие, происшедшее в Петербурге 1 января 1859 г. и зафиксированное в делах III Отделения. «В этот день группа крестьян из 15 человек, ожидая к Новому 1859 году объявления „воли“ или какой-либо другой „милости“ от царя, пришла к Зимнему дворцу. В ожидании объявления „воли“ крестьяне, указывая друг другу на блестящие экипажи съехавшихся во дворец царских сановников, говорили: „Вот сколько наших притеснителей собралось, где скоро царю с ними сладить и уговорить дать свободу добровольно“. Позднее собравшиеся около трактира на Сенной площади крестьяне, жалуясь на притеснения от своих помещиков, говорили: „Государь давно бы освободил, да они, про-

клятые, всё мешают, а чего боится, сказал бы только нам, мы бы помогли"» (Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1960, с. 147). Не исключено, что Некрасову был известен этот случай (подробнее об источниках и жанровом своеобразии «Притчи» см.: *Мельгунов Б. В.* Некрасов и крестьянская утопия.— РЛ, 1980, № 1, с. 85—88).

Аллегория «Притчи» имеет в виду эпоху Александра II и его реформы. Как указывает В. Е. Евгеньев-Максимов, это первое стихотворение Некрасова, в котором дан образ Н. Г. Чернышевского («гражданин именитый») (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Образ революционного демократа в поэзии Н. А. Некрасова.— Некр. сб., II, с. 77—82). В докладе на XXI Некрасовской конференции в Ленинграде (январь 1982 г.) Ф. Я. Прийма высказал предположение, что образ «гражданина именитого» навеян статьями А. И. Герцена, в частности статьей «Новые меха для нового вина» (Колокол, 1861, 15 апр., л. 96).

При жизни Некрасова стихотворение не публиковалось, вероятно, по цензурным условиям. Среди бумаг поэта сохранился листок, относящийся к 1874 (?) г., со списком одиннадцати стихотворений («Старый дом», «Страшный год», «Даже вполголоса мы не певали...», «Пускай нам говорит изменчивая мода...», «Сын с отцом косили в поле...», «С французского», «Не говори: „Забыл он осторожность!.."», «В городе волки по улицам бродят...», «Уныние», «Притча», «Наум»), позволяющим предположить, что Некрасов намеревался включить «Притчу» в цикл стихотворений общественно-политического содержания (ИРЛИ, ф. 203, № 42).

Возможность различного толкования «Притчи» повлекла за собою использование стихотворения разными печатными органами с целями почти противоположными. «Общее дело» — газета русской политической эмиграции, издававшаяся в Женеве,— поместила «Притчу» непосредственно перед извещением Исполнительного комитета «Народной воли» от 8 марта 1881 г. о «казни над русским императором Александром II» 1 марта 1881 г. по постановлению Комитета, подчеркнув тем самым острый политический смысл произведения Некрасова (ОД, 1881, июнь, № 41, с. 7—8).

Текст, а возможно, и рукопись «Притчи» могли попасть в редакцию «Общего дела» через одного из активных сотрудников газеты, Н. А. Белоголового,— врача, лечившего Некрасова и близкого к редакции «Отечественных записок». От копии А. А. Буткевич текст «Общего дела» отличается рядом разночтений (см.: Другие редакции и варианты, с. 308).

Тот же текст «Притчи» в изд.: «Кому на Руси жить хорошо». Поэма и другие стихотворения, не вошедшие в цензурные издания Н. А. Некрасова. Женева, 1892 — был помещен рядом со стихотворением «Н. Г. Чернышевскому» (с. 257—263).

Иной смысл «Притча» приобрела в указанной выше публикации в журнале «Бомбы», где она окружена материалами кадетского толка, направленными против министров Николая II, которые якобы мешают «преобразовательской» деятельности царя. Тем самым стихотворению навязывалось либерально-кадетское толкование. Текст его, заимствованный, вероятно, из «Общего дела», подправлен (очевидно, публикатором П. А. Картавовым): вместо «И царь, пораженный избытком улик, Казнил старика для

примера!» напечатано «И вот, пораженный избытком улик, Казнен был старик для примера!» (ст. 147—148).

«Притча» в «Бомбах» сопровождалась двумя иллюстрациями И. М. Ридигера. Подробнее об истории публикации «Притчи» см.: *Мельгунов Б. В.* Из комментария к стихотворениям Некрасова.— Некр. сб., VI, с. 135—139.

Стихотворение не входило ни в одно из дореволюционных изданий сочинений Некрасова. В советских изданиях до 1936 г., когда К. И. Чуковский обнаружил черновую рукопись «Притчи» (ЛГ, 1936, № 68), печаталось в отделе «Стихотворений, приписываемых Некрасову».

Палладиум — святыня, оплот; слово по происхождению связано со статуей Афины-Паллады, охранявшей, по верованиям древних греков, безопасность города.

О «новом вине и о старых мехах» Напомнив библейское слово...— Имеется в виду мотив, восходящий к Евангелию (см.: Евангелие от Матфея, гл. 9, ст. 17; от Марка, гл. 2, ст. 22).

1870—1871

«СЫНЫ „НАРОДНОГО БИЧА“...»

(С. 72)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1871, № 1, с. 240, с подписью: «Н. Некрасов», без даты.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден. Сохранилась копия неизвестной рукой, чернилами — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 48. Правлена Некрасовым (карандаш). Ст. 23—28 вычеркнуты. По-видимому, автор предполагал переработать произведение. На обороте автографа наброска «Зазевайся, впрочем, шляпу...» (1877) (ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 491) имеется следующая запись Некрасова:

Утро — 72 — 3
Сыны народного бича
74 год.

К. И. Чуковский высказал предположение, что стихотворение вызвано смертью Герцена. Датируется предположительно временем между 9 января 1870 г. (датой смерти Герцена) и 17 января 1871 г. (днем выхода в свет № 1 «Отечественных записок» за 1871 г.).

Стихотворение отражает размышления Некрасова об участи лучшей части русского дворянства — людей с «больной совестью». В одной из своих предсмертных биографических заметок поэт, говоря об отношении к отцу, писал: «Разница, повторяю, была между нами во времени, он пользовался своим правом, которое признавал священным:

Один...
свободно и дышал и действовал и жил.

Время вывело меня на широкую дорогу: „Сыны народного бича..." (далее приводятся ст. 1—4,— *Ред.*).

Не могу не сознаться, что даже в последние мои годы, когда я бывал в Грешневе, я чувствовал какую-то неловкость:

Смутясь <потупили мы взор>» (ЛН, т. 49—50, с. 143—144).

Сознание исторической вины своего класса в комментируемом стихотворении неразрывно с сознанием собственной вины. Мотив «покаяния» весьма характерен для лирики Некрасова 1860—1870-х гг. (см.: *Гин М.* Проблема долга перед народом в поэзии Н. А. Некрасова.— РЛ, 1971, № 2, с. 60—61).

...«народного бича»...— Возможно, восходит к распространенному выражению «бич божий», связанному с библейским пророчеством из «Книги пророка Исайи» (гл. X, ст. 5, 26). В русской демократической поэзии слово «бич» весьма часто употреблялось как символ крепостнического гнета. См., например, стихотворение А. Н. Плещеева «По чувствам братья мы с тобой» (1846), ставшее в 1860-е гг. популярной студенческой песней:

И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

1871

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ

(С. 73)

Печатается по Ст 1873, т. III, ч. 5, с. 197—232 (в оглавлении подзаголовок: «Очерки»), с восстановлением ст. 57, 73—84 по автографу ГБЛ; ст. 435—441, с примечанием автора к ст. 438, и ст. 537—538 по ОЗ.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1871, № 10, с. 265—284, с подписью: «Н. Н.» и с рядом цензурных пропусков и искажений (в оглавлении подзаголовок: «Записки клубиста, изданные Н. Н.»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1873, ч. 5, с датой на шмуцтитуле: «(1871)» (перепечатано: Ст 1873, т. III, ч. 5, с той же датой на шмуцтитуле).

Черновой автограф, чернилами и карандашом,— ГБЛ, ф. 195, М 5754, № 1, л. 1—17 и М 5754, № 2, л. 1 и об. Состоит из отдельных фрагментов текста, являющихся частями сводной рукописи номерных сатир (см. ниже). Первый фрагмент имеет заглавие «VII. Клуб»,— очевидно, это первоначальное заглавие всей большой сатиры; второй — «У камина», третий — ранняя редакция окончания — без заглавия. Там же, на отдельных листах, более поздние наброски ст. 384—411, 539—582 и др., а также близкое к окончательной редакции «Послесловие» (ст. 728—765), без заглавия, с датой под текстом: «1 июля 1871. Караб<иха>» и ряд заметок и набросков отдельных мест. Часть сводной рукописи, относящаяся к комментируемой поэме («Игорная»), примыкает к наборной рукописи сатиры «Газетная» — ГБЛ, ф. 195, М 5751, л. 7 и об. Автограф ст. 31—84 (включающий стихи о деле Петрашевского) — ГБЛ,

ф. 195, к. 1, № 25, л. 1—2. Там же — наброски ст. 404—407, 571—574, 579—682. На л. 2 — наброски стихов, относящихся к «Кому на Руси жить хорошо» («Пролог» части «Крестьянка»). Ст. 503, 591—593, 650—653 — ИРЛИ, ф. 203, № 42 (среди разных заметок и набросков, рядом с набросками, относящимися к поэме «Современники»). Корректура ОЗ с рядом разночтений — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 20.

Поэма «Недавнее время» тесно связана с замыслом большого незавершенного цикла сатир, условно называемого номерным циклом, поскольку автор намеревался отдельные его сатиры (сюда относятся и опубликованные в 1850—1860-е гг. обе части «О погоде», «Газетная» и «Балет») пронумеровать и частично осуществил это намерение (о характере и структуре замысла см.: ПСС, т. II, с. 715—717 (комментарии А. Я. Максимовича); *Фролова Т. Д.* 1) Незавершенный сатирический цикл Н. А. Некрасова.— Некр. сб., I, с. 169—190; 2) Некрасов-сатирик. (Цикл сатир 1859—1871 гг.). Автореф. канд. дис. Л., 1953; Гин, с. 170—207; ПССт, 1967, т. II, с. 655—662 (комментарии М. Я. Блинчевской)).

Предусматривались три большие тематические группы: 1) «О погоде», части первая и вторая, 2) «Театр» (или театральные сатиры), 3) клубные сатиры (первоначально сатира «Клуб»). Т. Д. Фролова наметила общую структуру цикла в составе тринадцати сатир: I. «Утренняя прогулка», II. «До сумерек», III. «Сумерки» (т. е. сатиры первой части «О погоде», имевшие эти номера в прижизненных изданиях), четвертая часть осталась ненаписанной, под номерами V и VI автор печатал две сатиры второй части «О погоде» — «Крещенские морозы» и «Кому холодно, кому жарко!», сатиры VII и VIII не были написаны, под номером IX Некрасов опубликовал театральную сатиру «Балет». Что же касается клубных сатир, то последовательность и номера их исследовательница определяет, исходя из того, что одна из них — «Газетная» — опубликована автором в «Современнике» под номером XII, соответственно два отрывка («Клуб» и «У камина»), по-видимому предшествовавшие ей, получают номера X и XI, а «Игорная», начало которой непосредственно примыкает к наборной рукописи «Газетной»,— номер XIII (см.: *Фролова Т. Д.* Незавершенный сатирический цикл Н. А. Некрасова, с. 174—175).

Этот план, разумеется, в значительной мере гипотетичен. Иначе и быть не может: цикл остался незавершенным, в процессе работы его план и место сатир в нем не раз менялись. Первоначально клубные сатиры предшествовали театральной: в рукописи «Клуб» под номером VII непосредственно примыкает ко второй части «О погоде»: начинается на оборотной стороне листа, лицевая сторона которого занята окончанием сатиры VI — «Кому холодно, кому жарко!» (ст. 143—164). Затем номер VII получает «Театр» (первоначальное название «Балета»), а в «Современнике» «Балет» становится сатирой IX. «Клуб», как и «Театр», первоначально, очевидно, мыслился как одна большая сатира, затем наметился ряд клубных сатир: одна из них — «Газетная» — получает сперва номер XI, потом номер XII. Выделение в особую сатиру очерка о газетной комнате Английского клуба позволяет сделать предположение о намечавшихся аналогичных сатирах, посвященных другим его комнатам («У камина», «Игорная»).

Наиболее уязвимая часть изложенной структуры цикла — план клубных сатир. Существенные коррективы предложила М. Я. Блинчевская в комментариях к ПССт 1967, т. II, с. 657—658. Место отдельных сатир этой части цикла, в частности «Газетной» и «Игорной», не оставалось неизменным. Сперва «Игорная» действительно следовала за «Газетной», об этом свидетельствует ее место в рукописи и набросок начала «Газетной» на листах главы «У камина»:

Увлекаемый думой заветной,
Я направил шаги к игрокам.
«Побываем сначала в газетной!—
Шепчет Муза,— невесело там».

В наборной рукописи «Газетной» есть и другой вариант начальных строк: «Из игорной, где шумно и душно, Перешли мы в газетную» (наст. изд., т. II, с. 311). Эти стихи тоже, как и приведенные выше, остаются в рукописи, однако и в окончательном тексте рассказчик приходит в «Газетную», миновав «омут кромешный», где убивают ночи «за игрою в лото-домино» (наст. изд., т. II, с. 196), т. е. из «Игорной». Нет, следовательно, оснований утверждать, что «Игорная» — последняя из намеченных автором сатир и что общее их число — тринадцать. С уверенностью можно лишь сказать, что намечалось не менее двенадцати сатир, поскольку «Газетная» помечена этим номером. Окончательный план клубных сатир, очевидно, вообще не был выработан автором.

Менялось не только место сатир в цикле, но из сатиры в сатиру перемещались отдельные тексты и темы. Так, в рукописи клубных сатир довольно широко, на протяжении десятков строк, развивается тема безденежья и финансового кризиса (см.: Другие редакции и варианты, с. 317), которая (в иной связи) станет центральной темой «Балета»; в этой рукописи, среди текстов, использованных в «Недавнем времени», находятся и наброски, относящиеся к образу цензора-палача (см. там же, с. 313—314), центрального персонажа «Газетной»; стихи «В молодом поколении — фатство ∾ Самодурства и лени печать», которые автор намеревался включить в «Балет» (ср. там же, с. 317), в конце концов вошли в «Недавнее время» как выражение характерных черт клуба (ст. 9—12).

Место клубных сатир в сводной рукописи, где они примыкают ко второй части сатиры «О погоде», свидетельствует, что они писались примерно одновременно с последней или сразу же после нее, т. е. перед 1865 г. Более точная датировка первоначальной редакции затруднительна. На следующем, заключительном этапе осуществлялась довольно значительная переработка клубных сатир; это было в 1871 г., очевидно непосредственно перед опубликованием поэмы «Недавнее время» в «Отечественных записках». К этому времени автор уже убедился в невозможности осуществить задуманный цикл в полном объеме: сатиры «Газетная» и «Балет», первоначально печатавшиеся под определенными номерами, в собрание стихотворений включаются как вполне самостоятельные произведения, а на материале клубных сатир создается поэма «Недавнее время», внешне свободная от каких-либо связей с циклом (о намечавшемся расформировании его см.: наст. изд., т. II, с. 403—404). Однако композиционный принцип обозрения клуба «по покоям» сохраняется и в «Недавнем времени».

Повод, побудивший вернуться к клубной теме,— столетие петербургского Английского клуба, пышно и торжественно отмеченное 1 марта 1870 г. В поэме отразились и клубные впечатления Некрасова. Членами Английского клуба были первые лица империи, самые высокопоставленные сановники, до «чинов двора» и министров включительно. Здесь постоянно бывали иностранные дипломаты и другие знатные иностранцы. В персонажах, которых упоминает, на которых намекает поэт, угадываются реальные завсегдатаи Английского клуба (шеф жандармов А. Ф. Орлов, его сын Н. А. Орлов, директор императорских театров А. И. Сабуров, «колоссальный ворище» А. Г. Политковский, всесильный диктатор М. Н. Муравьев Вешатель, стихи о котором по цензурным причинам остались в рукописи,— см.: Другие редакции и варианты, с. 313). В некоторых местах рукописи записаны фамилии членов клуба, очевидно служивших поэту прототипами. Так, на полях, рядом со ст. 167—186 о «питухе престарелом», которому на старости лет запретили пить, Некрасов отмечает: «Бах. Салов. Остзейский барон Герздорф». Все указанные лица — П. Е. фон Бах, Ф. А. Салов и А. Ф. Герздорф — были членами Английского клуба в 1850—1860-х гг. (САС, с. 81, 123, 128), и Некрасов, состоявший в клубе с 1854 г., имел возможность их наблюдать на протяжении многих лет. В другом месте, тоже на полях, запись «Ковалевский» (см. о нем ниже, с. 432), а рядом со стихами о клубном ораторе («Чине двора и недавнем плантаторе» — см.: Другие редакции и варианты, с. 310) запись «Шереметьев. Эшман», в которой речь идет о Д. Ф. Эшмане и, очевидно, Б. А. Шереметьеве (в списках клуба несколько Шереметьевых), состоявших членами клуба в те же годы (см.: САС, с. 135). О знакомстве Некрасова с первым свидетельствует упоминание его в одном из писем поэта (ПСС, т. X, с. 361); при этом в комментариях о нем говорится как о неустановленном лице, но речь, без сомнения, идет именно о Д. Ф. Эшмане. Впрочем, в окончательный текст клубный оратор не попадает, остается лишь общее упоминание о «наших Фоксах и Робертах Пилях» (ст. 129).

В поэме также отразились события и впечатления, которые переживались автором до того, как он стал членом клуба, в другом окружении, с другими людьми (дело петрашевцев, арест Полевого, споры вокруг строительства Петербургско-Московской железной дороги и др.).

При всей насыщенности замысла клубными впечатлениями первоначальное заглавие «Клуб», как и заглавия других частей цикла, условно. Нарочито создавая видимость фельетонности, Некрасов выдвигал в заглавие частей цикла темы, охотно эксплуатировавшиеся фельетонистами (погода, театр, клубные темы). В действительности, как в «О погоде» и «Балете» он далек от фельетонной болтовни о петербургском климате или о «ножке Терпсихоры», так и в последней части цикла его менее всего занимают сугубо клубные темы. Клуб, театр интересуют его лишь как собрания лиц определенного круга: изображение их давало возможность продолжить обозрение, начатое еще в «Балете». Поэтому в процессе работы даже те немногие элементы «физиологической» характеристики клуба, которые намечались первоначально, снимаются, сокращаются или оттесняются на второй план. Обозрение Английского клуба «по покоям» оказывается чисто

внешним, условным приемом связи материала. От намечавшегося первоначально развернутого описания основных типов карточных игроков в «физиологическом» духе (см.: Другие редакции и варианты, с. 318) автор отказывается и, подчеркнув в конце третьей главки окончательного текста, что цель его — «общий очерк», вообще оставляет в стороне клуб, обращаясь ко всей стране, к «благодатному времени надежд», к эпохе реформ и ее последствиям.

Произведение с самого начала (еще на стадии сатиры «Клуб») было задумано как широкое сатирическое обличение верхов общества («Сливки русского общества тут» — см.: Другие редакции и варианты, с. 309). Эта четкая формула, может быть, потому и не попала в окончательный текст, что в ней слишком прямо и откровенно определялась направленность поэмы.

Но Некрасов не ограничивается обличительными задачами. Сквозная тема, идейно-композиционный центр поэмы — проблема, важнее и значительнее которой трудно что-либо себе представить, проблема смысла человеческой жизни и назначения человека (обращение к юноше-миллионеру Сереже, притчи о бессмысленном и вредном труде, который хуже праздности; ср. «Газетную», в центре которой две аналогичные притчи,— о помещике-крепостнике и рьяном цензоре). Речь, следовательно, идет о проблеме, которая в сознании автора складывалась как центральная проблема всего цикла клубных сатир. Высокое представление о назначении человека и смысле человеческого существования лежит в основе осуждения тех, чья жизнь отдана служению силам зла, стяжательству, чревоугодию, вину, картам (подробнее в кн.: Гин, с. 185—193).

Политическая острота и актуальность поэмы обусловливали особую осторожность, осмотрительность автора, вынужденного считаться с цензурой. Выбор в качестве объекта и места действия Английского клуба преследовал цель создать противоцензурную дымовую завесу, внушить впечатление, что сатира имеет в виду не верхи Российской империи, а всего лишь один из петербургских клубов. Для этого и были введены образ клубиста-рассказчика, детали клубного быта, подзаголовок в «Отечественных записках» («Записки клубиста»), оттесненный, впрочем, в оглавление, а в последующих изданиях вообще снятый. С явной оглядкой на цензуру избирается заглавие поэмы, подчеркивающее ее временную удаленность от современности (в соответствии с этим в отрывке «Клуб», использованном в поэме, действие переводится из настоящего времени в прошедшее), на это автор обращает особое внимание и в «Послесловии». В действительности же вся поэма ориентирована именно на современность, сегодняшний день: все, что волнует в ней автора, было актуально и в 1870-е гг.

В процессе подготовки поэмы к печати автор, руководствуясь соображениями цензурного порядка, произвел ряд изъятий и замен в тексте. Пришлось снять такие острые и важные тексты, как ст. 5—12 (о характерных чертах клуба), ранее по тем же причинам изъятые из текста «Балета», ст. 73—84 (о деле Петрашевского) и ст. 758—763 (обещание коснуться «столичных пожаров», «волнений в среде молодой и потерь, понесенных прогрессом»). При этом ст. 5—12 были сняты в «Отечественных записках» и восстановлены в последующих прижизненных изданиях; ст. 73—84 сняты еще в рукописи и восстановлены лишь в советских изда-

ниях, во всех прижизненных изданиях и в Ст 1879 они заменялись строкой точек; ст. 758—763 также сняты в рукописи, в корректуре же, где эта купюра заменена маловыразительным стихом «Характерных вещей не забудем», Некрасов попытался восстановить подлинный текст, но в «Отечественных записках» опубликован все-таки этот отвергнутый в корректуре вариант, подлинный текст удалось восстановить лишь в последующих прижизненных изданиях.

В рукописи суждено было остаться и четверостишию, начинающемуся стихом «Знал я мужа, энергией чудной...» (см.: Другие редакции и варианты, с. 313); по убедительному мнению С. А. Червяковского, оно намекает на кровавую деятельность М. Н. Муравьева Вешателя (см.: Учен. зап. Горьковск. гос. пед. ин-та, 1950, т. XIX, тр. фак-та яз. и лит-ры, с. 80) и представляет собой начало одной из «притч» о труде, по-видимому более острой, чем все притчи, включенные в окончательный текст. Однако едва начав набрасывать эту притчу, автор убеждается в ее явной нецензурности и зачеркивает весь текст. Та же участь постигла и стихи о юноше миллионере Сереже: «Сын отца, больше четверти века Наполнявшего ужасом Русь...» (см.: Другие редакции и варианты, с. 312), по предположению М. Я. Блинчевской (ПССт 1967, т. II, с. 657) имеющие в виду графа А. Ф. Орлова, шефа жандармов и начальника III Отделения в 1844—1856 гг., и его сына Н. А. Орлова. Снято было и упоминание о том же А. Ф. Орлове в ст. 57 («Князь Орлов прочитал мне бумагу»); во всех прижизненных изданиях печаталось: «Генерал прочитал мне бумагу».

Очевидно, Некрасов показывал рукопись кому-то из чиновников цензурного ведомства, скорее всего Ф. М. Толстому. В ряде мест — следы красного карандаша, в частности отмечены строки о «героях», стрелявших «в своих мужиков» (см.: Другие редакции и варианты, с. 311, вариант «после 120»). Предложив несколько смягченных вариантов, автор в конце концов вынужден был вовсе снять эти стихи. В ст. 164 («И оплачет Сенат от души») было зачеркнуто слово «Сенат», затем красным карандашом снята и предложенная автором замена «Катков», в результате возник третий вариант: «И оплачет печать от души» (там же, с. 311; в окончательном тексте: «И оплачет москвич от души»).

Не исключена возможность, что по цензурным соображениям не попали в окончательный текст и некоторые другие стихи, например четверостишие «Впрочем, будем к нему справедливы» (см.: Другие редакции и варианты, с. 316 и 322). Может быть, те же соображения продиктовали замену ст. 763 (вместо «Что прогресс повернула вверх днем» — «Что всю Русь повернула вверх дном»).

Поэма в «Отечественных записках» была опубликована, таким образом, в искаженном виде, причем далеко не все искажения удалось устранить в последующих прижизненных изданиях. Однако это не спасло ее от цензурных преследований, несмотря даже на то, что Некрасов, предвидя бурю, очевидно, соответствующим образом проинструктировал своих агентов в Совете Главного управления по делам печати (Ф. М. Толстого и В. М. Лазаревского). Во всяком случае, выступая на заседании Совета 19 октября 1871 г., они всячески стремились локализовать содержание «Недавнего времени», связывая это произведение только с Английским

клубом. Первый, открывая обсуждение, заявил, что «здесь прямо указывается на один из клубов», а второй, выступая в конце, еще раз подчеркнул, что это «не более как характеристика Английского клуба» (*Папковский Б., Макашин С.* Некрасов и литературная политика самодержавия.— ЛН, т. 49—50, с. 507, 508 и 510; см. также: *Теплинский М. В.* «Отечественные записки» (1868—1884). Южно-Сахалинск, 1966, с. 47—49). Но от чиновников цензурного ведомства не укрылся подлинный смысл поэмы, большинство членов Совета заняло непримиримо враждебную в отношении нее позицию. Председатель Совета Р. М. Шидловский писал: «...клуб здесь только маска, под прикрытием которой поэту удобнее порицать порядки недавнего прошлого, к нам очень близкого; в этом стихотворении автор не только глумится над прошлым царствованием, но и проводит тяжкую для нас мысль, что и настоящее царствование не оправдало тех общих ожиданий, которые оно вызвало в своем начале» (ЛН, т. 49—50, с. 510); см. также отзыв цензора Н. Е. Лебедева (Гаркави 1966, с. 223). Ф. М. Толстому, наблюдавшему за «Отечественными записками», после этой истории пришлось подать в отставку.

Особенно острые нападки при обсуждении вызвали стихи:

Впрочем, быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди —
С меньшим знанием, с меньшим талантом
Можно... Светел твой путь впереди!

Работая над поэмой, автор пытался создать смягченный вариант. На полях, рядом с этими стихами, начато: «Впрочем, что высоко заноситься...» (см.: Другие редакции и варианты, с. 313), но в печати все-таки появился подлинный текст, в котором усмотрели намек на тогдашнего министра внутренних дел генерал-адъютанта А. Е. Тимашева, хотя Некрасов, очевидно, имел в виду графа А. Ф. Орлова (см. примечания М. Я. Блинчевской: ПССт 1967, т. II, с. 657). Факт этот свидетельствует, что поэтом блестяще схвачен сам тип генерал-адъютанта, «универсального специалиста во всех делах государственного управления» (об этом типе см.: *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. Л., 1929, с. 293). В Ст 1873, ч. 5 пришлось заменить первый стих: «Впрочем, быть генерал-лейтенантом». Но этим дело не могло ограничиться. После обсуждения поэмы в Главном управлении по делам печати Некрасов вынужден был снять заключительные строки третьей главки:

Клуб оставив пока в стороне,
Мы ко всей обратимся стране...—

т. е. прямое указание на то, что последующее изложение никакого отношения к клубу не имеет. Эти стихи были изъяты из всех последующих прижизненных изданий. В настоящем издании они восстанавливаются, так же как и имевшиеся в тексте «Отечественных записок» ст. 435—441 (с подстрочным примечанием к ст. 438), которые были исключены, поскольку в них усмотрели прямой намек на М. Н. Лонгинова, занявшего тогда пост председателя Главного управления по делам печати.

Александр Николаевич Ераков (1817—1886), которому посвящена поэма,— инженер, друг Некрасова, муж его сестры А. А. Буткевич.

Старый дедушка был у нас членом, Бюст его завели мы давно)...— И. А. Крылов был членом Английского клуба с 1817 г. После его смерти в особой комнате, названной Крыловской, был установлен бюст баснописца (САС, с. 27 и 92).

...в Совете вопрос обсуждался: Есть ли польза в железных путях? — Имеется в виду обсуждение вопроса о целесообразности строительства первой большой железной дороги России — между Москвой и Петербургом: крупнейшие сановники, а на ранних этапах обсуждения и сам Николай I, были противниками строительства (см.: *Виргинский С. В.* Борьба вокруг подготовки к строительству первой большой русской железнодорожной магистрали Петербург — Москва.— Исторические записки, № 32. М., 1950, с. 67—95).

...покрытая лаком Резолюция...— Царские резолюции на официальных бумагах для сохранности покрывались лаком.

«Привезли из Москвы Полевого...» — В 1834 г. за выступление писателя Н. А. Полевого (1796—1846) против казенно-монархической драмы Н. В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» Николай I приказал закрыть журнал Полевого «Московский телеграф», а редактора в сопровождении жандарма привезти в Петербург. Ср. анонимную эпиграмму тех лет:

Рука всевышнего три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ход дала
И Полевого удушила.

(Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века, т. 1. Сост. В. Орлов. М.—Л., 1931, с. 264).

У Цепного бессмертного мосту...— У Цепного моста (ныне мост Пестеля) на Фонтанке находилось III Отделение. В вольной русской поэзии Цепной мост стал эвфемистическим обозначением III Отделения — см. стихотворение неизвестного автора «Послание» (ВРП, с. 71 и 716—717) и стихотворение А. О. Преженцова «Один из многих» (ВЛ, 1959, № 1, с. 180).

Сбрил усы и пошел я туда.— Усы, бороды и бакенбарды в николаевские годы считались признаком вольномыслия; гражданским чиновникам ношение их было запрещено специальным указом от 2 апреля 1837 г. (см.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XII. СПб., 1838, с. 206). Ср. об этом: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. I. Л., 1972, с. 460—461.

Князь Орлов прочитал мне бумагу... ∾ Я не в силах вас буду спасти...— Речь, очевидно, идет о вызове издателей «Современника» Некрасова и Панаева в III Отделение 1 ноября 1849 г., где шеф жандармов граф (впоследствии князь) А. Ф. Орлов (см. о нем выше, с. 406, 428) сделал им внушение за одну из статей, опубликованных в журнале (см.: *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909, с. 201; *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» в 40—50-х гг. Л., 1934, с. 260—262).

Помню я Петрашевского дело...— Дело участников кружка М. В. Буташевича-Петрашевского (1819—1867), увлекавшихся идеями утопического социализма (1849), было самым крупным политическим процессом в России со времен подавления восстания декабристов в 1825 г.

Вряд ли были тогда демагоги...— Слово «демагог» во времена Некрасова имело значения: «а) народный предводитель, предводитель народной партии... б) приверженец революции...» (*Михельсон <М. П.>*. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1866, с. 210; ср.: *Рейсер С. А.* Из истории политической лексики. «Демагог» в русской и зарубежной традиции.— В кн.: Русско-европейские литературные связи. Сб. статей к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. М.—Л., 1966, с. 446—454).

Наши Фоксы и Роберты Пили...— Имеются в виду английские политические деятели и ораторы Чарлз Джеймс Фокс (1749—1806) и Роберт Пиль (1788—1850).

Подкосила их «ликантропия»...— К слову «ликантропия» Некрасов в рукописи сделал примечание: «Собственно: превращение человека в волка. Иногда в этой болезни человек воображает себя и другим каким-нибудь животным. Болезнь очень древняя — Навуходоносор умер [от этой болезни], воображая себя волком» (см.: Другие редакции и варианты, с. 311). Ср. аналогичное примечание к этому слову в тексте «Дон-Жуана» Байрона в переводе Д. Д. Минаева (С, 1866, № 1, с. 264). Здесь Некрасов имеет в виду упоминавшегося шефа жандармов А. Ф. Орлова, который, по свидетельству современника, в конце жизни «ползал на четвереньках и не хотел есть иначе как из корыта» (*Вольф А. И.* Хроника петербургских театров, ч. III. СПб., 1882, с. 112; ср.: *Валуев П. А.* Дневник, т. 1. М., 1961, с. 310).

«Монго» — фривольная поэма М. Ю. Лермонтова.

Отбиваешь с оркестром кровати! — По свидетельству современника, директор императорских театров А. И. Сабуров (см. выше, с. 412) был обладателем кровати, снабженной музыкальным устройством и приходившей в движение, когда на нее садились (*Шереметьев С. Д.* Домашняя старина. М., 1900, с. 43).

Взволновался Париж беспокойный...— Имеется в виду революция 1848 г. во Франции; в России после нее воцаряется период крайней реакции и свирепого цензурного террора (так называемое «мрачное семилетие» 1848—1855 гг.).

И в комиссию мрачный донос На погибшее блудное племя...— Здесь и ниже речь несомненно идет об известных доносах в III Отделение во второй половине 1840-х гг. Ф. В. Булгарина и другого шпиона от литературы, Б. М. Федорова. Первый в доносе «Социализм, пантеизм и коммунизм в России в последнее 25-летие» объявил глашатаем коммунизма и социализма литературного дельца А. А. Краевского. В связи с Краевским и его журналом в обоих доносах не раз упоминались имена Марата и Робеспьера (*Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., с. 303, 304, 314). Некрасов, заостряя нелепость доноса, заставляет доносчика видеть «демагога» в Булгарине и звать Робеспьером другого реакционного литератора О. И. Сенковского (ст. 358—359); в рукописи: «Робеспьером Краевского звал» (см.: Другие редакции и варианты, с. 313). Ср.: Гин 1971, с. 255—258.

И Линяев, сатирик холодный... — Очевидно, Д. Д. Минаев (ср. заметку В. Е. Евгеньева-Максимова «Д. Д. Минаев»: ЛН, т. 51—52, с. 390).

Доносчик Авдей — Фаддей Булгарин.

Колоссальный ворище... — Казнокрадство высокопоставленных чиновников и военных достигло грандиозных размеров в годы Крымской войны: в нем были замешаны и главный интендант русской армии в Крыму К. Ф. Затлер, и ее главнокомандующий с конца 1855 г. генерал-адъютант А. И. Лидерс, а в 1853 г. скандальную известность приобрело дело А. Г. Политковского. Камергер и тайный советник, придворный Николая I, Политковский украл из казны свыше миллиона рублей (см.: *Любавский А.* Русские уголовные процессы, т. IV. СПб., 1868, с. 101—138; *Тарле Е. В.* Крымская война, т. I. М.—Л., 1944, с. 49—50).

В Петербурге шампанское с квасом Попивали из древних ковшей... — Среди славянофилов эта смесь была в моде в качестве «патриотического» напитка (*Витте С. Ю.* Воспоминания, т. I. М., 1960, с. 343—344).

Князь NN — очевидно, князь Н. И. Трубецкой (1807—1874): живя долгие годы в Париже, он принял католичество и в то же время считал себя славянофилом (*Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы, с. 47).

Чу! какой-то игрок крутонравный... — Первоначально: «Чу! Сабуров, орало забавный»; в корректуре «Отечественных записок»: «Чу! С**, орало забавный». О А. И. Сабурове см. выше, с. 412 и 431.

Чу! наш друг, путешественник славный... ∾ *Он из Африки негра-лакея Вывез...* — Е. П. Ковалевский (1811—1868), путешественник и писатель, сотрудник «Современника», автор книги «Путешествие во внутреннюю Африку» (СПб., 1869). У него был слуга-негр, вывезенный из Абиссинии (*Фет А. А.* Мои воспоминания, т. I. М., 1890, с. 129).

Пахнет дымом Федюхиных гор. — Федюхины горы — высота, господствующая над Севастополем, объект кровопролитных боев во время Крымской войны 1853—1855 гг.

(Называемых: терц от девятки). — Среди разных набросков и записей в рукописях ИРЛИ заметка: «Три джентльмена — терц от девятки» (см.: Другие редакции и варианты, с. 321). Терц в игре в пикет — три карты одной масти, следующие по старшинству подряд.

«Веселись, храбрый росс!..» — неточная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Хор для кадрили».

...юноша-гений тогда, Произнесший бессмертную фразу: «В настоящее время, когда...» — Имеется в виду Н. А. Добролюбов, высмеявший распространенный штамп либеральной публицистики, славословившей реформы 1860-х гг.: «Несколько лет уже каждая статейка, претендующая на современное значение, непременно начинается у нас словами: „в настоящее время, когда поднято столько общественных вопросов“ и т. д.» (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 9-ти т., т. IV. М.—Л., 1962, с. 50). «Гениальным юношей» Добролюбов был назван в некрологе Чернышевского (см.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, с. 852).

Таковы ли бывают отцы, От которых герои родятся?..— В другом варианте эти стихи первоначально вошли в стихотворение «Зачем меня на части рвете...» (см. выше, с. 411).

Мы коснемся столичных пожаров...— Майскими пожарами 1862 г. власти воспользовались как поводом для клеветы на молодое поколение и массовых репрессий (см.: наст. изд., т. II, с. 404, 409, 411).

Злополучной поры не забудем...— Имеется в виду правительственный террор после неудавшегося покушения студента Д. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г.

1872

КУЗНЕЦ

(С. 93)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1878, № 5, с. 166, с подписью: «Н. Некрасов», без даты.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. II. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден. Сохранилась копия последнего четверостишия, исключенная автором из окончательной редакции, в письме А. А. Буткевич к С. И. Пономареву от 5 июня 1878 г.— ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 40, л. 18. «Я думаю,— говорит в указанном письме А. А. Буткевич,— это лучше поместить в примечании, так как то, что напечатано в „Отечественных записках", совершенно закончено» (ЛН, т. 53—54, с. 181). Первая и третья строки этого четверостишия, относящиеся, очевидно, к замыслу стихотворения «Молебен», среди различных заметок прозой и стихотворных набросков,— ИРЛИ, ф. 203, № 42, л. 5. Все четверостишие, несколько измененное, было использовано Некрасовым для концовки стихотворения «Молебен» (1876; ОЗ, 1877, № 1):

О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, боже, тебе

(см.: *Заборщикова М. М.* О стихотворении Некрасова «Молебен».— РЛ, 1969, № 1, с. 187—188).

Написано, очевидно, сразу после кончины Николая Алексеевича Милютина (26 января 1872 г.) — видного государственного деятеля эпохи преобразований Александра II. С 1859 г. Милютин занимал пост товарища министра внутренних дел, руководил работами по подготовке крестьянской реформы в России, а затем в Царстве Польском. Милютин искренне желал улучшить положение «угнетенного народа» и вел ожесточенную борьбу с реакционной партией при дворе (подробно о его деятельности и роли в Редакционной комиссии см.: ИВ, 1901, дек., с. 515—529). В декабре 1866 г. после одного из затянувшихся правительственных за-

седаний Н. А. Милютин перенес «нервный удар» и затем оставил службу.

Некрасов, возлагавший на реформу немалые надежды, был лично знаком с Н. А. Милютиным, еще в 1850-е гг. сотрудничавшим в «Современнике», и относился с уважением к его деятельности. По свидетельству В. Якушкина, «у Некрасова в кабинете на стене висел большой литографированный портрет „кузнеца-гражданина“» (РС, 1897, № 10, с. 157).

К концу жизни Некрасов более трезво оценивал историческую роль Милютина (см. стихотворение «Не за Якова Ростовцева...» и комментарий к нему, с. 187 и 480).

Положено па музыку Г. П. Злобиным, 1904 и Н. С. Жиляевым, 1905.

БУНТ

(С. 94)

Печатается по копии ИРЛИ.

Впервые опубликовано в статье В. Е. Евгеньева-Максимова «Предсмертные думы Н. А. Некрасова»: З, 1913, № 6, с. 33.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден. Сохранилась копия А. А. Буткевич — ИРЛИ, ф. 203, № 45, л. 8 (письмо Некрасова к А. С. Суворину от 1 мая 1876 г. и семь стихотворений; стихотворение «Бунт» под номером V — на отдельном листке, верхняя половина которого оторвана; без даты).

В. Е. Евгеньев-Максимов, впервые опубликовавший «Бунт» в 1913 г., печатал его по копии, писанной «рукой очень близкого Некрасову человека». Стихотворение имело приписку автора: «Примечание для редакции: этот отрывок пропустил г-н Стасюлевич при печатании записок г-на Ломачевского» (З, 1913, № 6, с. 30, 34). Местонахождение этой копии неизвестно. Возможно, речь идет о копии ИРЛИ, где приписка могла быть в верхней части листа, оторванной позднее.

В 1876—1877 гг. тяжело больной Некрасов передал А. С. Суворину несколько своих стихотворений «для помещения их в „Новом времени“», перешедшем в руки Суворина в феврале 1876 г. Произведения эти, относящиеся к 1860—1870-м гг., имеют, по выражению Суворина, «отрывочный, неотделанный характер» (НВ, 1878, 1 янв., № 662). Указанное обстоятельство и, очевидно, интимный характер одних («Слезы и нервы», «К портрету ***» и др.) и острый политический смысл других («Молодые лошади», «Что нового?» и др.) побудили автора напечатать эти стихотворения в суворинской газете анонимно (бо́льшую часть — под общим заглавием «Из записной книжки»). Из известных нам тринадцати стихотворений, переданных Некрасовым в «Новое время», при жизни поэта Суворин опубликовал лишь пять (НВ, 1876, 21 марта, № 22, 25 апр., № 59, 6 июня, № 96), а вскоре после смерти Некрасова — еще четыре (НВ, 1878, 1 янв., № 662). Остальные произведения цикла («Что нового?», «Путешественник», «Бунт», «Как празднуют трусу») Суворин не решился напечатать преимущественно по цензурным соображениям.

Предположительно датируется 1872 г. по связи с одной из журнальных полемик 1871—1872 гг. В 1872 г. «Вестник Европы» (№ 3—5) опубликовал «Записки жандарма. Воспоминания» жандармского полковника А. И. Ломачевского, направленные против «ошибочного описания виленских событий в одном из московских периодических изданий». Подразумевался, вероятно, цикл статей Д. А. Миропольского «Из Северо-Западного края» в журнале «Беседа» (1871, № 10—12; 1872, № 3, 6, 9, 12), где довольно объективно освещалась «умиротворительная» деятельность Муравьева Вешателя в Польше и Литве. Под давлением реакционной печати и цензуры «Беседа», просуществовав два года, прекратила существование в декабре 1872 г. О сочувствии Некрасова и редакции «Отечественных записок» деятельности редактора «Беседы» С. А. Юрьева см.: Некр. сб., V, с. 324.

А. И. Ломачевский проводил абсурдную мысль о том, что «голубые мундиры» в дореформенную эпоху были буфером между бедствовавшим народом и администрацией на местах. Лицемерно-умильное описание счастливо разрешающихся «недоразумений» 1830-х гг. в Минской губернии сочетается у этого автора с циничным юморизированием жандарма. Прямо перекликается, например, некрасовская «живая картина» с рассказом Ломачевского о событиях в селах Чижово и Новоберезово Бельского уезда, где «простолюдины», «как древние новгородцы, сбегаются к церкви и бьют в набат, когда завидят подъезжающего к селу исправника или другое должностное лицо», и куда Ломачевский «поскакал» «в сопровождении двух молодцов-жандармов» (ВЕ, 1872, № 3, с. 251—252).

В. Е. Евгеньев-Максимов справедливо считал, что именно «Записки» Ломачевского послужили толчком для написания пародирующего их «Бунта». Стихотворение перекликается, по мнению исследователя, с другой «живой картиной» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», изображающей, как «бунтовалась вотчина помещика Обрубкова...» (З, 1913, № 6, с. 33—34).

Влад. Княжнин («Огни», кн. I. Пгр., 1916, с. 35), а вслед за ним и К. И. Чуковский (ПССт 1927 и последующие издания под его редакцией) высказывали ошибочное предположение, что «Бунт» написан под свежим впечатлением бесчеловечной расправы с крестьянами, учиненной рязанским губернатором П. П. Новосильцевым в селе Мурмине в июне 1857 г. (ПСС, т. II, с. 474).

Положено на музыку М. В. Ковалем, 1935.

1867—1873

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

(С. 95)

Стихотворения Некрасова «Дядюшка Яков», «Пчелы», «Генерал Топтыгин», «Дедушка Мазай и зайцы», «Соловьи» и «Накануне светлого праздника» составляют цикл, над которым поэт работал в 1867, 1870, 1873 гг. Стихотворение «Железная дорога» (1864) первоначально также имело подзаголовок «Посвящается детям». Судя по авторскому примечанию: «Из приготовляемой к печати книги стихотворений для детского чтения»,— предпосланному первым трем стихотворениям (ОЗ, 1868, № 2), Некрасовым был задуман не просто цикл стихотворений, но книга для детского чтения, куда этот цикл и должен был войти. К участию в работе над книгой был привлечен М. Е. Салтыков-Щедрин. Видимо, об этом предполагавшемся издании он говорил в примечании к своей «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил»: «Автор настоящих рассказов предполагает издать книжку для детского чтения, составленную из прозаических рассказов и стихотворений (последние принадлежат Н. А. Некрасову). Но предварительно он желал бы знать мнение публики, насколько намерение его осуществимо и полезно» (ОЗ, 1869, № 2, отд. I, с. 591). Замысел этот осуществлен не был. Салтыков очень высоко ценил детские стихотворения Некрасова. В письме к нему от 17 июля 1870 г. он писал по поводу стихотворения «Дедушка Мазай и зайцы»: «Стихи Ваши прелестны». И в письме к А. М. Жемчужникову от 25 ноября 1870 г. повторил: «Есть у него (Некрасова,— *Ред.*) несколько готовых детских стихотворений (прелестных)...» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч., т. XVIII, кн. 2. М., 1976, с. 52 и 58).

Подобно Чернышевскому, Добролюбову, Салтыкову-Щедрину, Некрасов был озабочен низким уровнем современной ему детской литературы. Он не только резко критиковал бездарные детские книжки, наводнявшие книжный рынок, но и внес большой вклад в дело развития отечественной литературы для детей.

Детские стихотворения Некрасова глубоко народны не только по содержанию, но и по форме, по своим источникам. Поэт использовал в работе над ними произведения устного народного творчества, которые хорошо знал: прибаутки, притчи, народные анекдоты, сказки. Так, присловья дядюшки Якова близки записям В. И. Даля (*Даль В.* Пословицы русского народа. М., 1957, с. 541):

Ой, избоины маковой,
Под окошками плакала,
На грош два́ кома...

Фольклорным источникам «Генерала Топтыгина» посвящена статья М. М. Гина (РЛ, 1967, № 2, с. 155—160), где указано около семидесяти восточноевропейских и русских народных вариантов сюжета стихотворения. Недавно опубликованы сведения об аналогичном костромском предании (см.: Ленинградская правда, 1977, 20 авг.).

Широко использовал поэт и собственные наблюдения над жизнью, искусством и речью народа, с которым он постоянно общался и подолгу беседовал во время своих охотничьих странствий. Именно это помогло поэту мастерски передать и взволнованный рассказ матери-крестьянки, и забавные анекдоты и истории дедушки Мазая, и поучительную притчу деревенского пчеловода, и веселые прибаутки дядюшки Якова.

Детские стихотворения Некрасова и сейчас являются любимым детским чтением и переведены на большинство языков народов СССР и ряд языков народов мира. Их не раз иллюстрировали художники при жизни поэта. К ним постоянно обращаются и советские художники.

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

(С. 95)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 149.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 2, с. 239, с подписью: «Н. Некрасов» и авторским примечанием: «Из приготовляемой к печати книги стихотворений для детского чтения».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, с подзаголовком и датой (на шмуцтитуле): «Стихотворения, посвященные русским детям (1867)», относящимися, кроме данного стихотворения, к «Пчелам» и «Генералу Топтыгину» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Автографы: 1) набросок в Зап. тетр. № 4, карандашом, поперек страницы, без поправок (здесь же конец «Крестьянских детей»), относящийся ко времени работы Некрасова над «Крестьянскими детьми» и поэмой «Коробейники», в которой частично использовано его начало,— ГБЛ, ф. 195, М.5761, л. 36 об.; 2) черновая рукопись, без даты, чернилами, с поправками: многие строчки и отдельные слова зачеркнуты и в основном заменены теми, которые вошли в окончательный текст; внизу приписка рукою А. Ф. Кони: «Подлинная рукопись Н. А. Некрасова. IX.3. <1> 921. А. Кони»,— ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 7, л. 1—2; 3) беловой автограф, без даты, с подписью: «Н. Некрасов», с рядом поправок и ударениями: «Он тебе всё, что полюбится,— на́!» и в рефрене «По́ грушу! по́ грушу!»,— ГПБ, ф. 514, № 3. В этом автографе рефрен всюду смещен вправо, однако в печатном тексте этого смещения нет. Ударение в первом случае («на́») сохранено во всех трех прижизненных публикациях; во втором случае («По́ грушу!») в печатном тексте снято самим поэтом.

С офенями, подобными дядюшке Якову (офени торговали «с воза», в отличие от коробейников, разносивших товар пешком в своих коробах), Некрасов познакомился в 1861 г., когда приезжал во Мстеру (Вязниковского уезда, Владимирской губ.) — тогдашний центр производства лубочных картин и книг (см.: Воспоминания И. А. Голышева. Жизнь и труды бывшего крепостного крестьянина, основателя литографии в с. Мстера и археолога.—

РС, 1879, т. IV, с. 769, а также: *Пругавин А. С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции. СПб., 1895, с. 374).

Положено на музыку (отрывок) П. Г. Честноковым, 1904 (для детского хора), и П. Н. Ренчинским, 1908.

Каракова — темно-гнедой масти (от тюркского «кара» — черный).

Сбоина макова — сладкий жмых из семян мака.

...двá кома! — Слова эти произносятся слитно, с ударением на «два», являясь типичной прибауточной рифмой.

II

ПЧЕЛЫ

(С. 99)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 155.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 2, с. 242, с подписью: «Н. Некрасов» и авторским примечанием: «Из приготовляемой к печати книги стихотворений для детского чтения».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, с подзаголовком и датой (на шмуцтитуле): «Стихотворения, посвященные русским детям (1867)», относящимися, кроме данного стихотворения, к «Дядюшке Якову» и «Генералу Топтыгину» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Беловой автограф на двойном листе (исписаны л. 1 и об.), чернилами, с датой: «15 марта» и поправками, значительно отличающийся от окончательного текста,— ГПБ, ф. 514, № 4.

III

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

(С. 101)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 158.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 2, с. 243, с подписью: «Н. Некрасов» и авторским примечанием: «Из приготовляемой к печати книги стихотворений для детского чтения».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, с подзаголовком и датой на шмуцтитуле: «Стихотворения, посвященные русским детям (1867)», относящимися, кроме данного стихотворения, к «Дядюшке Якову» и «Пчелам» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Автограф на развороте двойного листа, в две колонки, чернилами, с поправками. Лист был разрезан неизвестным лицом вдоль, так, что на его левой стороне, где записано начало стихотворения, оказались срезанными окончания нескольких строк (ст. 52, 54—56, 58, 60). Эта часть автографа с заглавием: «Генерал Топтыгин», цифрой «III» под ним, показывающей место стихотворения в цикле, подзаголовком: «(Посвящается детям)», зачеркнутым синим карандашом, и пометой Некрасова на обороте: «„Отеч<ествен-

ные> зап<иски>“, 1868, № 1, отд. 1-е (см. на обороте)»,— свидетельствующей о том, что поэт собирался опубликовать стихотворение в № 1 журнала,— ИРЛИ, ф. 203, № 4. Вторая часть автографа (отрезанная правая сторона листа), начиная словами «Прямо к станции» и до конца стихотворения, с подписью: «Н. Некрасов» и датой: «17 марта», затем зачеркнутой поэтом (на листе сохранились окончания строк, срезанные в автографе ИРЛИ),— ГБЛ, ф. 195, к. 1, № 24.

Шкалик — полбутылки.

Смотритель — старший на почтовой станции, где проезжающие меняли лошадей. Быт смотрителей Некрасов хорошо знал, так как его отец одно время содержал почтовую станцию. Знал он и о грубых и жестоких расправах отца с этими, по выражению Пушкина, «сущими мучениками». Хранящийся в ЦГАЛИ документ, подписанный А. С. Некрасовым и датированный августом 1858 г., свидетельствует, что слова «Нет ребра, зубов во рту Не хватает многих» отнюдь не поэтическая гипербола: «В августе месяце 1847 года я подвергнут был следствию и уголовному суду за причинение будто бы мною исправляющему должность станционного смотрителя содержимой мною Тимохинской почтовой станции почтальону Петру Хабарову действием обиды, именно, что будто бы я, 16 того августа, бывши на станции, схватив Хабарова за ворот, бил по лицу кулаками...» (ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 113, л. 1). Далее майор А. С. Некрасов, не отрицая в общем своего поступка (хотя пишет уклончиво — «будто бы <...> бил»), указывает в прошении, что жалобы от избитого смотрителя не было, и просит привлечь к суду губернского почтмейстера Н. Н. Жадовского, написавшего начальнику Ярославской губернии донесение о случившемся. Дело тянулось свыше десяти лет.

...с железом губа...— Ручным медведям, которых водили по деревням, продевали через губу кольцо для цепи.

...потехе ради...— т. е. рады. Эта же старинная форма встречается в рукописях Некрасова: «Дядюшка Яков» — ст. 6 «Ради ему» — и «Пчелы» — отрывок, соответствующий ст. 4—12 окончательного текста, «Ради бы сжалиться» (см.: Другие редакции и варианты, с. 325).

<IV>

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

(С. 105)

Печатается по Ст 1873, т. III, ч. 5, с. 157, с подзаголовком и датой на шмуцтитуле: «Стихотворения, посвященные русским детям (1870)», относящимися, кроме данного стихотворения, к «Соловьям».

Впервые опубликовано: ОЗ, 1871, № 1, с. 124, с подписью: «Н. Некрасов» и подзаголовком: «Из стихотворений, посвященных русским детям».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1873, т. III, ч. 5.

Автографы: 1) набросок карандашом, почти без поправок, перечеркнут (на этом же листе внизу и на полях, а также на соседних листах — стихотворение «Притча» и наброски к нему — ср. с. 420) — ГБЛ, ф. 195, М.5755, № 4, л. 3; 2) черновая рукопись (А), чернилами, с поправками, зачеркиваниями и дополнениями на полях (на л. 1 в левом верхнем углу наискось помета рукой Некрасова: «„О<течественные> з<аписки>“, № 1»; на л. 4 об. его же запись карандашом: «Bruselles, 37, Rue de l'Empererent»), — ГБЛ, ф. 195, М.5747^а, л. 1—5; 3) черновая рукопись (отрывок) (Б), без заглавия, карандашом, с многочисленными поправками и перечеркиваниями (л. 1 занят стихотворением «Как празднуют трусу»),— ГБЛ, ф. 195, М.5747^б, л. 1—2.

Как утверждал А. В. Попов в докладе на IX Всесоюзной Некрасовской конференции в Новгороде (1959 г.), Мазай — реальное лицо. Некрасов встречался и беседовал с ним, охотясь в Костромской губернии. Попов был знаком с «потомками Мазая, носившими фамилию Мазаихины».

В Костроме во дворе Ипатьевского монастыря (ныне — музей-заповедник) можно видеть перевезенные сюда произведения деревянного зодчества, в том числе баню на столбах из села Мисково и церковь Преображения на дубовых сваях из села Спас-Вежи, находящегося неподалеку от деревни, описанной Некрасовым.

Малые Вежи — деревня Костромской губернии, где часто охотился Некрасов, исстари славившаяся своим хмелем.

...вода понимает... — заливает в половодье (ср. поемные, или пойменные, т. е. заливные, луга).

Пуделять — давать промах при стрельбе.

Затравка — скважина в стволе ружья, заряжаемого с дула, куда насыпают порох.

Зайцы вот тоже,— их жалко до слез! — Ср. в романе Некрасова «Тонкий человек»: несчастные зайцы «бродили по обнаженным островам, тоскливо поглядывая на ближний, но недоступный лес или кустарник. <...> Десятка полтора мальчишек ловили зайцев,— били вдогонку палками. <...> У берега они заметили три ботника, уже до половины нагруженные зайцами. <...> Каждое семейство <...>весной запасается зайчатиной и, посолив, ест ее до самого лета» (ПСС, т. VI, с. 402).

<V>

СОЛОВЬИ

(С. 110)

Печатается по Ст 1873, т. III, ч. 5, с. 166, с подзаголовком и датой на шмуцтитуле: «Стихотворения, посвященные русским детям (1870)», относящимися, кроме данного стихотворения, к «Дедушке Мазаю и зайцам».

Впервые опубликовано: ОЗ, 1870, № 10, с. 444, с подписью: «Н. Некрасов» и подзаголовком: «Из стихотворений, посвященных русским детям».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1873, т. III, ч. 5.

Черновой автограф, без заглавия, карандашом, плохо читаемый (порядок отдельных строф не соответствует окончательному тексту: так, после строки «Мы там гуляем каждый праздник» идут шесть строк, представляющих собой вариант ст. 45—47, а также ст. 48 и 53; после «Всю косу рас<трепал> проказник» — строки, соответствующие ст. 53—68, т. е. конец стихотворения; после строки «А вечером туда идут» — ст. 14—16, 19—24, 29—30; ст. 25—28 в рукописи отсутствуют) — ГБЛ, ф. 195, М.5755, № 5, л. 1—2.

Концовка стихотворения, где Некрасов говорит о рекрутчине и податях, от которых нигде не спастись крестьянину, вызвала негодование цензуры. «Муза Некрасова,— доносил цензор Н. Е. Лебедев 19 октября 1870 г.,— отличающаяся гражданской скорбью о меньшей братии и старающаяся выставить напоказ больные места общественного строя, и в этом стихотворении не изменила себе... Здесь не отрицается обязательность податей и военной службы, но желательно было бы избежать сопоставления их с силками и сетями» (Голос минувшего, 1918, № 4—6, с. 86—87). По мнению председателя Совета Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинова, высказанному 23 октября 1870 г. при обсуждении в Совете десятой книжки «Отечественных записок», в которой были напечатаны «Соловьи», именно это стихотворение, наряду со статьями Н. К. Михайловского и Н. А. Демерта, вполне выражает направление журнала, которое «нельзя не признать вредным» (ЛН, т. 49—50, с. 462).

<VI>

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

(С. 113)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: Нашим детям. Иллюстрированный литературно-научный сборник. Издание А. Н. Якоби. СПб., 1873, с. 260, с подписью: «Н. Некрасов», датой: «20 марта 1873» и подзаголовком: «Из стихотворений, посвященных русским детям».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило. Предназначалось для издания стихотворений, над которым поэт начал работать незадолго до смерти и которое не успел завершить.

Автограф не найден.

В библиотеке ИРЛИ (шифр: $\frac{1939\text{к}}{361}$) хранится экземпляр сборника «Нашим детям», принадлежавший его издательнице А. Н. Якоби (1842—1918), детской писательнице и общественной деятельнице, с ее автографом (чернилами) на титульном листе:

«А. Н. Якоби». Весь этот экземпляр сборника, в том числе и стихотворение Некрасова, имеет корректурную правку, очевидно, А. Н. Якоби. Правка касается знаков препинания; в настоящем издании она учтена. Так, убрано ненужное тире в ст. 38 (было: «Да — день не такой»); в ст. 62 резонно точка с запятой заменена запятой (было: «Я доброго всем им желаю пути; В родные деревни Скорее прийти»), а в ст. 72, наоборот, запятая правильно заменена точкой с запятой (было: «Я ехал всё тем же Высоким холмом, Взглянул на долину»).

25 февраля 1873 г. Некрасов писал А. Н. Якоби по поводу подготовляемого ею к печати сборника: «...дело надо сделать не кое-как. Я нашел мое стихотворение, но оно в этом виде вовсе не годится в детский сборник. Я или напишу другое, или переделаю это. Через неделю непременно его получите, а может быть и ранее. В нем 3 страницы, и мне всё равно, куда оно попадет, в начало или в конец». Очевидно, речь идет здесь о комментируемом произведении, однако неясно, является ли оно новым стихотворением или переделанным старым.

В сборнике, иллюстрированном рисунками В. М. Васнецова, Г. Г. Мясоедова, В. И. Якоби, И. Е. Репина и других художников, участвовали, кроме Некрасова и издательницы, А. М. Бутлеров, М. К. Цебрикова, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, А. Н. Плещеев, Г. И. Успенский и др. В вошедшем в сборник стихотворении Полонского «Мишенька» использованы не только размер «Генерала Топтыгина», но и отдельные выражения и рифмы, например: «Дело было на ночь,— Заорали мужики „Михаил Иваныч!"»; «Всё село сбежалось...»; «И за это был при всех Выруган скотиной...». Однако фольклорный анекдот, положенный в основу стихотворения Некрасова, Полонским не использован. Об этом стихотворении А. Н. Якоби писала Некрасову 4 марта 1873 г.: «Полонский привез мне свое стихотворение и просил Вам очень кланяться». В том же письме она пишет и о стихотворении Некрасова «Накануне светлого праздника», предназначенном для ее сборника: «Могу ли я к Вам приехать за стихотворением. Мне бы очень хотелось кроме картинки приложить Ваш портрет. Если Вы не против этого, то нет ли у Вас хорошего портрета?» (ЛН, т. 51—52, с. 563). Однако ни «картинки», ни портрета Некрасова в сборнике помещено не было.

Накануне светлого праздника — светлым праздником называлась пасха, а вся пасхальная неделя — святой неделей. Первый день пасхи всегда бывает в воскресенье; суббота накануне называется страстной или великой.

...к Ростову...— Ростов Великий (ныне Ярославской обл.) расположен на берегу озера Неро. Имение Некрасова Карабиха находилось между Ростовом и Ярославлем.

1872—1873

УТРО

(С. 117)

Печатается по ПП, с. 34—36.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1874, № 2, с. 379—380, с подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: ПП, с датой: «1874»; контрафакция — Стихотворения Н. Некрасова. Изд. 2-е. Берлин, 1874).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

Сохранилась помета Некрасова: «„Утро“ <18>72—<187>3» (ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 491).

«Утро» — одно из самых характерных произведений некрасовской урбанистической лирики с ее преобладающим интересом к социальным драмам большого города; оно концентрированно вобрало мотивы его предшествующих произведений: «Еду ли ночью по улице темной» (1847), «На улице» (1850), «Убогая и нарядная» (1859), «О погоде» (1858—1865). Упоминание о самоубийстве, завершающее стихотворение, связано с резким ростом числа самоубийств в 1870-е гг.

В воссоздаваемой картине господствует мотив человеческой отчужденности и смерти (см.: *Левин М.* Текст и сюжет (анализ стихотворения Н. А. Некрасова «Утро»).— В кн.: Русская филология. 3 сборник научных студенческих работ Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1971, с. 36—47).

Реакционный критик В. Г. Авсеенко в статье «Реальный поэт» охарактеризовал «Утро» как «образчик <...> грубой непристойности выражений <...> и совершенной бессмыслицы и бессвязности содержания». Особенно же его возмутили строки, в которых упомянута злободневная примета времени — гражданская казнь. «Какой, подумаешь,— восклицал он,— криминальный город Петербург — чуть утро, сейчас работа палачам...» (РВ, 1874, № 7, с. 438—439).

Стихотворение предвосхищает тему «страшного мира» Блока и в то же время перекликается с произведениями таких «урбанистов», как Бодлер и Уитмен (см.: *Григорьев А. Л.* Некрасов и зарубежная поэзия.— Некр. сб., V, с. 125—129).

1873

ДЕТСТВО

(С. 119)

Печатается по Ст 1874, т. III, ч. 6, с. 203—211.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1873, № 8, с. 523—526, с подписью: «Н. Н.».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1874, с датой: «1873».

Автографы: 1) две черновые рукописи — А, соответствующая ст. 1—105, и Б, где заново с правкой и пока еще значительными отличиями от окончательного текста повторены ст. 55—100, сделаны отдельные наброски ст. 104—118, а затем набело записан конец — ст. 109—137; 2) наборная рукопись с первоначальным заглавием «Где я играла в детстве (отрывок)», исправленным карандашом на «*** (отрывок)», датой: «19 марта 1873» (зачеркнута карандашом) и подписью: «Н. Некрасов» — ИРЛИ, ф. 203, № 6, л. 1—6.

Как видно из автографов, воссоздавая «неоконченные записки» дочери священника «убогой», «бедной» приходской церкви, Некрасов особое внимание уделяет изображению развалин храма, органически вписавшихся в родной поэту деревенский пейзаж, и воспроизведению на этом фоне картин живой жизни — роста березок, пения птиц, полета ласточек в гнезда к своим птенцам, стрекотанья кузнечиков, игр героини с крестьянскими ребятишками. Набрасывает он также стихи о вторжении «в заунывно-суровое пение гимна церковного» звонкой нотой, полной горя житейского, «песни усталого пахаря». Охарактеризовав в окончательном тексте пение гимна как «заунывно-печальное», а пахаря назвав не «усталым», а «суровым» и придав этим строкам бо́льшую четкость и лаконичность, Некрасов в их поэтическом ключе выдерживает все повествование о ветхой сельской церквушке, в которую, по обычаю, стойкий в житейских испытаниях простой народ приносил свои горе и радости. В этой же эмоциональной тональности поэт прежде описывал промелькнувший на возвышении среди нив «храм воздыханья, храм печали» и «убогий, в пустыне затерянный храм» с молящимися в нем «страдальцами» в поэмах «Тишина» и «Княгиня М. Н. Волконская», а позднее «претерпевших борьбу многолетнюю и устоявших в борьбе» прихожан из стихотворения «Молебен» (о своеобразном значении подобных мотивов в поэзии Некрасова см.: *Скатов Н. Н.* 1) Поэты некрасовской школы. Л., 1968, с. 74—76; 2) Некрасов и Тютчев.— В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. М., 1971, с. 260—261).

Это единственное у Некрасова стихотворение, написанное нерифмованным трехстопным дактилем с постоянной дактилической клаузулой, что придает его ритму характер напевного речитатива, восходящего к фольклорной традиции.

Е. О. ЛИХАЧЕВОЙ
(«УЕЗЖАЯ В СТРАНУ РАВНОПРАВНУЮ...»)

(С. 123)

Печатается по Ст 1920, с. 532—533, где опубликовано К. И. Чуковским по автографу, ныне утраченному, с исправлением (в настоящем издании) ст. 17 («Так как на здешних водах» вместо «Так как при здешних водах») по письму Некрасова (см. ниже).

Впервые опубликовано В. Е. Евгеньевым-Максимовым в статье «Цензурные мытарства Н. А. Некрасова»: РБ, 1913, авг., № 8, с. 209—210, с пропуском ст. 5—6.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

25 июня (7 июля) 1873 г. Некрасов писал А. Н. Еракову из немецкого курортного города Киссингена: «На днях, провожая одну даму, окончившую курс водопития, я сказал ей за обедом глупейший экспромт и в извинение сего заключил так...» (далее следовала последняя строфа). Экспромт обращен к Елене Осиповне (или Иосифовне) Лихачевой, урожденной баронессе Косинской (1836—1904), жене Е. И. Лихачева, близкого знакомого поэта, постоянной сотруднице «Отечественных записок», автору многих статей по женскому вопросу, а впоследствии трехтомного труда «Материалы для истории женского образования в России» (СПб., 1890). Позднее Некрасов ей же посвятил поэму «Мать».

Уезжая в страну равноправную...— Речь идет о Швейцарии, где Некрасов побывал в мае 1869 г.

Там подругу вы пó сердцу встретите...— Вероятно, имеется в виду возможная встреча в Швейцарии Лихачевой и Н. П. Сусловой, первой женщины — доктора медицины в России, участницы революционного движения, сотрудничавшей в 1860-е гг. в «Современнике».

1872—1874

СТРАШНЫЙ ГОД

(С. 124)

Печатается по ПП, с. 30—31.

Впервые опубликовано: Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876, с. 73—74, с подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. II. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автографы: 1) первоначальные наброски, соответствующие второй половине стихотворения, на одной странице с не отделенной еще от них наметкой одной из строф стихотворения «Смолкли честные, доблестно павшие...» — ИРЛИ, ф. 203, № 29; 2) автограф первой редакции, без заглавия и даты, на том же листе, что и беловой автограф стихотворения «У Трофима»,— ИРЛИ, ф. 203, № 31.

Датируется периодом между 1872 г., к которому относится возникновение замысла (см. ниже), и 1874 г., временем создания окончательного текста стихотворения, внесенного Некрасовым в перечень написанных в этом году стихов (ИРЛИ, ф. 203, № 42).

Стихотворение является откликом на события франко-прусской войны и поражение Парижской Коммуны. Заглавие его повторяет название сборника стихов В. Гюго «L'Année terrible». Некрасов познакомился с этим сборником, вышедшим в апреле 1872 г., с помощью своей сестры А. А. Буткевич. Собираясь в Карабиху, поэт 6 июня 1872 г. писал ей: «В четверг (или) в пятницу — и то подождем для тебя — мы едем в Москву и потом в Карабиху. Я очень бы желал, чтоб ты ехала с нами <...> Купим „L'Année terrible“ Виктора Гюго и будем перелагать в русские стихи дорогой. Да еще у меня есть книжица на французском,

с которой ты должна меня ознакомить». Как показано в работе И. Власова и С. А. Макашина «Некрасов и Парижская Коммуна», А. А. Буткевич выполнила просьбу брата и первые наброски стихотворений «Смолкли честные, доблестно павшие...» и «Страшный год» синтезируют впечатления от чтения сборника Гюго (ЛН, т. 49—50, с. 397—428). Окончательно обработал эти наброски Некрасов летом 1874 г., отразив, особенно в первой редакции стихотворения «Страшный год», своеобразие патетического стиля лирики Гюго (об интересе Некрасова к поэзии Гюго см. также: Русско-европейские литературные связи. М.—Л., 1966, с. 128—136). К. И. Чуковский полемизировал с И. Власовым и С. А. Макашиным, считая, что если непосредственным толчком к написанию «Страшного года» действительно явились события во Франции, то все же, так как Некрасов всегда придерживался русской тематики, стихи эти были восприняты читателями как стихи о России, тем более что и в других произведениях Некрасова русская действительность всегда была связана «с впечатлениями крови и убийства» (ПСС, т. II, с. 722). Такому восприятию способствовало и то, что, не имея другой возможности опубликовать стихотворение, Некрасов печатает его в 1876 г. в сборнике, посвященном надвигающейся русско-турецкой войне, хотя стихотворение и противоречило панславистскому направлению сборника в целом. «Страшный год» выражает отношение к расправе над парижскими коммунарами передового крыла русской общественности; Некрасов перекликается в понимании исторической сущности Коммуны с П. Л. Лавровым, М. Е. Щедриным и В. С. Курочкиным (см. упомянутую выше статью И. Власова и С. А. Макашина). Но стихотворение, безусловно, выходит за пределы французской темы. В нем мотивы ожесточенной резни, всеобщих раздоров соответствуют внутренней картине мира как русского, так и европейского, в век, когда, по словам Достоевского в «Дневнике писателя» (1876, март, гл. I, § III), наступила какая-то эпоха всеобщего «обособления», когда «всё разбилось и разбивается, и даже не на кучки, а уж на единицы» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. худож. произв., т. XI. М.—Л., 1929, с. 149—152).

«СМОЛКЛИ ЧЕСТНЫЕ, ДОБЛЕСТНО ПАВШИЕ...»

(С. 126)

Печатается по автографу ИРЛИ (заглавие снято).

Впервые опубликовано: в нелегальной печати — Земля и воля, 1879, 8 апр., № 5, с. 5, без заглавия, с подзаголовком: «Посвящается подсудимым процесса 50-ти»; за границей — ОД, 1882, март, № 47, с. 1; в легальной печати — Сибирская жизнь (Томск), 1898, № 53 (перепечатано: Волжский вестник (Казань), 1905, 11 ноября, № 4, с. 2, с указанием, что текст получен от лично знавшего Некрасова артиста М. И. Писарева).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автографы: 1) первоначальный набросок одной строфы, предваряющий наброски двух строф «Страшного года»,— ИРЛИ, ф. 203, № 29; 2) черновой автограф с правкой, дающий окончательный текст стихотворения, на обороте наборной рукописи «Уныния» и

«На покосе» (первое заглавие «Современная Франция» зачеркнуто, второе заглавие — «(С французского)»), без даты — ИРЛИ, ф. 203, № 37 (копия с этого автографа, снятая А. А. Буткевич,— ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 2).

Датируется 1872—1874 гг. Набросок «Гений злобы и бешенства носится...» сделан в 1872 г., одновременно со следующими за ним набросками «Страшного года», под впечатлением чтения сборника Гюго «L'Année terrible» (ЛН, т. 49—50, с. 407—408). «Смолкли честные, доблестно павшие...» (под названием «С французского») внесено Некрасовым в список стихотворений, созданных в 1874 г. (ИРЛИ, ф. 203, № 42).

Стихотворение это, как и «Страшный год», является откликом на франко-прусскую войну и подавление Парижской Коммуны. Не рискуя опубликовать свой реквием французским коммунарам, Некрасов 27 мая 1875 г. переписал стихотворение и подарил библиографу П. А. Ефремову, который вклеил его в принадлежавший ему экземпляр «Стихотворений» Н. Некрасова, СПб., 1874, т. III, ч. 6 (хранится: ИРЛИ б, шифр: $18\frac{1}{2}$; заглавие: «С французского»). В начале 1877 г. поэт сделал попытку напечатать «Смолкли честные, доблестно павшие...» в составе итогового цикла из двенадцати стихотворений (см. ниже, с. 471—472, комментарий к стихотворению «О. А. Петрову»). Сохранились гранки десяти текстов с авторской правкой, на которых после стихотворения «— — ну» («Человек лишь в одиночку...») и перед стихотворением «К портрету ***» («Развенчан нами сей кумир...») Некрасов сделал помету: «Вставьте сюда же 1) „2-е декабря“, 2) „Отрывок“ и прилагаемое наберите». Вероятно, набранный по этому указанию корректурный оттиск «Отечественных записок» и видел В. Е. Евгеньев-Максимов, который отметил (см.: Евгеньев, с. 210) разночтения ст. 1—3 («Растворилися тюрьмы глубокие... Смолкли честное знамя державшие, За страну неуклонно стоявшие...»). Название «2 декабря 1852 г.» (по воспоминаниям В. Е. Евгеньева-Максимова) как бы несколько вуалировало политическую направленность стихотворения (ЛН, т. 49—50, с. 414). После смерти Некрасова М. И. Семевский хотел опубликовать стихотворение в № 3 «Русской старины» за 1878 г., но это не было разрешено цензурой; корректурный оттиск «Русской старины» хранился в архиве П. А. Ефремова (см. статью В. Е. Чешихина-Ветринского «Крохи Н. А. Некрасова (Из данных П. А. Ефремова)» в изд.: День, 31 дек., а также: *ЛН*, т. 53—54, с. 156—157).

21 февраля — 14 марта 1877 г. в Петербурге состоялось судебное разбирательство по делу революционеров-народников, известное как «процесс пятидесяти». Выражая сочувствие подсудимым, Некрасов, судя по свидетельству, с одной стороны, В. Н. Фигнер, с другой, В. Богучарского, дважды передал «Смолкли честные, доблестно павшие...» заключенным — один раз через Е. П. Елисееву и В. Н. Фигнер Лидии Фигнер, другой раз, возможно, через адвокатов А. А. Ольхина или А. Л. Боровиковского рабочему Петру Алексееву, произнесшему вместо данного ему последнего слова призывную пламенную речь (см.: *Фигнер В. Н.* Процесс пятидесяти. М., 1927, с. 26; *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912, с. 301, а также: *Евгеньев-Максимов В. Е.*

Некрасов в кругу современников. Л., 1938, с. 228). Некоторое время спустя, в дни своей предсмертной болезни, Некрасов подарил это стихотворение вместе с посвящением к сборнику «Последние песни» посетившей его делегации студентов (в архиве Н. К. Михайловского сохранилось письмо В. Звягинцева к нему с копиями обоих подаренных стихотворений — ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 257). Таким образом, стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие...» было как бы переадресовано и вошло в сознание нескольких поколений читателей как созвучное русской действительности второй половины 1870-х гг. Подобная переадресовка законченных стихотворений уже практиковалась Некрасовым (см. комментарий к стихотворению «Страшный год» — наст. том, с. 445—446).

Газета «Общее дело», публикуя его в 1882 г., сопроводила стихотворение таким примечанием: «Это — одно из последних стихотворений Некрасова. Мучимый жестокой болезнью поэт, как известно, тяжело страдал от мысли, что не всегда был верен своему призванию и не заслужил благодарной памяти лучших людей России. Едва узнала об этом публика, как множество горячих заявлений в уважении, любви и признательности посыпались на него отовсюду и преимущественно со стороны русской молодежи. Тогда-то он и написал эти прекрасные стихи. Они — последняя вспышка благородного гения поэта, осветившая ту беспросветную ночь, о которой говорится в них и среди которой мы живем теперь». Несмотря на ошибочную датировку, послесловие ярко характеризует ту вторую жизнь, которую стихотворение обрело в русском обществе конца XIX в.

1874

НАД ЧЕМ МЫ СМЕЕМСЯ...

(С. 127)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1874, № 5—6, с. 292, с подписью: «Н.».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило. В ПП не вошло, вероятно ввиду жанрово-тематической специфики сборника, но, как свидетельствует С. И. Пономарев, «поэт указывает на него как на предположенное в состав издания» (Ст 1879, т. IV, с. XC).

Беловой автограф стихотворения не найден, но сохранились ранние черновые наброски, на двух листах, которые содержат основное зерно замысла будущего стихотворения и могут рассматриваться как его первая редакция,— ИРЛИ, ф. 203, № 18 (копия А. А. Буткевич — ИРЛИ, ф. 203, № 45). Первой, вероятно, была заполнена четвертая страница автографа с отрывками «И тихой женщины какой-то...» и «Безумное неверящее племя ∾ Едва, едва проложенной дороге Добра...» (так восприняла, переписывая наброски, и А. А. Буткевич), затем первая с отрывком «И будем жить мы просто, пошло даже...» и вторая с отрывком «Поверх-

ностная глупая насмешка ∾ Ты встречен будешь... Глупо наше племя» (третья страница чистая), после чего Некрасов присоединил специальным знаком отрывок «Безумное неверящее племя...» к фразе «Глупо наше племя...». Черновые наброски опубликованы (с небольшим пропуском) В. Е. Евгеньевым-Максимовым в изд.: День, 28 окт.

Датируется 1874 г. на основании первой публикации и Ст 1879. Однако замысел стихотворения возник скорее всего в первой половине 1860 г., поскольку на л. 1 набросков содержатся также карандашные заметки (перечеркнутые) к статье «Кювье в виде Чацкина и Горвица», напечатанной в № 5 «Свистка» за 1860 г.

Стихотворение намечалось как монолог, обращенный к какой-то женщине, идеальный образ которой представал перед поэтом, и заключающий в себе отповедь «неверящему племени», насмехающемуся над понятием «благо ближних». Публикуя его, В. Е. Евгеньев-Максимов поставил эти незавершенные отрывки в связь с размышлениями Некрасова над проблемой «истинного счастья». В 1874 г. Некрасов, использовав основной мотив центральной части раннего стихотворения (отрывок «Поверхностная глупая насмешка...»), вместо растянутого, написанного белым стихом монолога создал два кратких водевильных куплета, выдержанных в энергичном ритме четырехстопного и трехстопного хорея с чередующейся женской и мужской рифмой. О сочетании в этих куплетах комического начала с трагизмом см.: *Роговер Е. С.* Драматический элемент в лирике Н. А. Некрасова — Некр. и его вр., с. 31.

ТРИ ЭЛЕГИИ

(С. 128)

Печатается по ПП, с. 25—29.

Впервые опубликовано: Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. СПб., 1874, с. 522—524, с подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: ПП; контрафакция — Стихотворения Н. Некрасова. Изд. 2-е. Берлин, 1874).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автографы: 1) первоначальный набросок «О сердце бедное мое!..» — ГБЛ, ф. 195, п. 5763, л. 101 (см.: Другие редакции и варианты, с. 338, вариант «а»; опубликован: ПП 1974, с. 154); 2) новый вариант того же наброска в составе цикла под общим заглавием «Заметки» — ГБЛ, ф. 195, п. 5762, л. 42 об. (см.: Другие редакции и варианты, с. 339, вариант «б»; опубликован безотносительно к циклу: ПСС, т. I, с. 406, как набросок к циклу: ПССт 1967, т. II, с. 571); 3) первоначальные наброски второй элегии — ГБЛ, ф. 195, п. 5761, л. 85 об. (опубликованы с неточностями: ПСС, т. II, с. 591, с исправлениями: ПССт 1967, т. II, с. 571); 4) ранняя редакция третьей элегии — ИРЛИ, ф. 203, № 33, л. 1 (последняя строфа опубликована с пропусками: ПССт 1927, с. 557, в полном виде: ПП 1974, с. 160); 5) беловой автограф, с заглавием: «Три

элегии (А. Н. Плещееву)», указанием: «Для „Складчины"» и другим строфическим членением,— ИРЛИ, Р. III, оп. 1, № 1531, л. 1—2. Известна также корректура «Складчины», неправленная, с заглавием: «Три идиллии»,— ИРЛИ, ф. 203, № 178, л. 4—5.

Завершение цикла датируется временем подготовки и печати сборника «Складчина» — январем—мартом 1874 г.

«Три элегии» восходят к лирике Некрасова 1850—начала 1860-х гг., в частности к стихотворениям, посвященным А. Я. Панаевой. Первоначальный набросок «О сердце бедное мое!..», который впоследствии был использован в последней строфе первой элегии, возник в 1855—1856 гг. и должен был войти в цикл, состоящий из четырех стихотворений, из которых два имели заглавия — «Самому себе» (вариант: «Современному поэту») и «Влюбленному» (ПП 1974, с. 154—155). Цикл не был завершен. Образ «современного поэта» вошел в стихотворение «Поэт и гражданин» (см.: наст. изд., т. II, с. 5—13). Стихотворение «Влюбленному» было напечатано в сборнике «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856). В 1861 г. возникло стихотворение «Отрывок» («О слезы женские, с придачей...»), впоследствии названное «Слезы и нервы», а затем использованное в первой элегии (ст. 1—8). К 1861 г. относятся также наброски второй элегии. Третью элегию К. И. Чуковский датировал 1867 г. (ПСС, т. II, с. 719), основываясь на том, что ее ранняя редакция написана на одном листе с черновым автографом стихотворения «Зачем меня на части рвете...».

Алексей Николаевич Плещеев (1825—1893), которому посвящены «Три элегии»,— поэт-петрашевец, сотрудник и секретарь редакции «Отечественных записок», сотрудничал ранее в «Современнике», помогал Некрасову в издательских делах. Плещеев посвятил Некрасову стихотворения «Маннвельтова неделя» (свой перевод из М. Гартмана, 1860) и «Новый год» (1861). О дружеских, взаимно уважительных отношениях с поэтом А. Н. Плещеев писал в некрологе Некрасова (БВ, 1877, 29 дек., № 334).

Еще до выхода в свет «Складчины» Некрасов 16 марта 1874 г. читал элегии в Купеческом клубе на вечере в пользу Литературного фонда (Некр. в восп., с. 379—380). В объявлениях о чтении цикл был озаглавлен «Любовь и злость» (см.: СПбВ, 1874, 15 марта, № 72; Г, 1874, 15 марта, № 72).

«Три элегии» были одобрительно встречены читателями и критикой. О стихотворении Некрасова сочувственно писали критик «С.-Петербургских ведомостей» (1874, 3 апр., № 90), И. А. Кущевский (Новости, 1874, 15 апр., № 43) и даже В. Г. Авсеенко, который выделил «Три элегии» из всех произведений Некрасова (РМ, 1874, 5 апр., № 90).

А. В. Никитенко находил «Три элегии» «прелестными». Он писал 13 апреля 1874 г. Некрасову: «Они («Три элегии»,— *Ред.*) доставили мне то высокое наслаждение, которое ощущаешь всегда, когда истинное, глубокое чувство в отзыве стройного и изящного слова коснется нашему сердцу. Это не новость, что Вы пишете прекрасные стихи и что в них протекает Ваша поэтическая струя. Но в тех стихах, которые теперь передо мною, истинное и глубокое чувство, прошедшее сквозь бури и тревоги жизни, возвысилось до идеальной прелести и чистоты. Это настоящая художественность» (ЛН, т. 51—52, с. 419).

Народническая критика встретила сборник «Складчина» сдержанно и стихи Некрасова не отметила (см.: *Михайловский Н. К.* Литературные и журнальные заметки.— ОЗ, 1874, № 4; *Радюкин Н.* <*Шелгунов Н. В.*>. Литературная благотворительность.— Дело, 1874, № 4).

Вторая элегия («Бьется сердце беспокойное...») положена на музыку С. И. Танеевым, 1905; третья элегия («Разбиты все привязанности...») — К. Ю. Давыдовым, 1879, О. К. Клемом, 1879, Ц. А. Кюи, 1902.

Повторяю стансы страстные, Что сложил когда-то ей.— Некрасов посвятил А. Я. Панаевой многие стихотворения: «Так это шутка? Милая моя...» (1850), «Да, наша жизнь текла мятежно...» (1850), «Я не люблю иронии твоей...» (1850), «Мы с тобой бестолковые люди...» (1851) и др.

<П. А. ЕФРЕМОВУ>
(«Взглянув чрез много, много лет...»)
(С. 131)

Печатается по автографу ИРЛИ б, шифр: $18\frac{1}{2}$ (вклеен в экземпляр Ст 1873, т. I, ч. 1), датированному: «19 марта 1874».

Впервые опубликовано Д. П. Сильчевским: БВ, 1899, 1 авг., № 208.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Стихотворение является надписью на оборотной стороне портрета Некрасова, подаренного поэтом 19 марта 1874 г. Петру Александровичу Ефремову (1830—1907), известному библиографу и редактору ряда изданий произведений русских писателей. П. А. Ефремов, начиная с 1857 г., публиковался в «Современнике», а затем в «Отечественных записках», но сближение его с Некрасовым произошло в 1873—1874 гг., в пору совместной работы в редакционно-издательском комитете сборника «Складчина». В сборнике приняли участие И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, Я. П. Полонский, А. Н. Майков и др.; Некрасов напечатал в нем свои «Три элегии», посвященные А. Н. Плещееву (см. выше, с. 449—451). Будучи одним из наиболее активных редакторов издания, Некрасов часто общался с П. А. Ефремовым как с секретарем комитета «Складчины», собиравшим сборник, наблюдавшим за общим ходом его печатания и ведавшим корректурами. Деловые отношения вскоре переросли в дружеские. 27 марта 1874 г., цитируя обращенную к нему стихотворную надпись на портрете, Ефремов писал Некрасову: «Не хочется уехать в Москву, не видав Вас. Скоро очень я к Вам „привык“, чтобы не сказать более, так что трудно будет дожидаться вторых „времен «Складчины»“. Об них и об Вас я действительно сохраню самое доброе воспоминание» (ЛН, т. 51—52, с. 267). Некрасов ответил ему в тот же день: «Хотел бы Вас видеть перед отъездом в Москву. Да и вообще не допускаю мысли, чтоб с окончанием „Складчины“ так всё и оборвалось». О роли Некрасова и Ефремова в издании «Складчины» см.: *Теплинский М. В.* Н. А. Некрасов и литературный сборник

«Складчина».— О Некр., вып. 3, с. 249—265. В дальнейшем Некрасов и Ефремов сотрудничали также в комитете Литературного фонда. Их личные связи продолжались до последних дней поэта (Ефремов присутствовал 4 апреля 1877 г. на обряде венчания Некрасова с Зинаидой Николаевной, а незадолго до смерти поэта посылал ему на просмотр один из своих экземпляров напечатанных некрасовских стихотворений с рукописными дополнениями запрещенных цензурой мест — см. письмо Некрасова к Ефремову от 14—15 марта 1877 г., а также: *Ловягин А. М.* Из бесед с П. А. Ефремовым.— В кн.: Доклады и отчеты Русского библиографического общества, вып. 1. СПб., 1908, с. 5). Посвященный ему экспромт Ефремов собирался опубликовать в 1878 г. в № 3 «Русской старины» (в ЦГАЛИ сохранились гранки — ф. 191, оп. 1, № 498), но вместе с «Пророком» и двумя эпиграммами он был изъят по требованию цензуры (ЛН, т. 51—52, с. 269).

УНЫНИЕ

(С. 132)

Печатается по ПП, с. 19—24, с восстановлением пропущенных строф и исправлением в ст. 113 («попутных» вместо «спопутных») по беловому автографу.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1875, № 1, с. 5—10, с сокращением и изменением строфы V, пропуском строф VI и VII и подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: ПП, без тех же строф, а также с пропуском строф X—XIV и с датой: «1875»; Р. б-ка, с восстановлением строф X—XIV по ОЗ).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III; в полном виде — Ст 1920. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автографы: 1) варианты чернового автографа строф I—V, набросок продолжения строфы IV, наброски строф IV, VI, VII, VIII, наброски строф VI, IX, XI и XIII, первоначальная редакция строф VI—XIII, с датой: «5 июля»,— ИРЛИ, ф. 206, № 36; 2) наброски строфы VI и окончания — ИРЛИ, ф. 203, № 29; 3) беловой автограф с пометой в начале рукописи: «Лука, 1874, июль 6—12» и датой: «13 июля», проставленной в конце,— ИРЛИ, ф. 203, № 37. Набросок продолжения строфы IV, половина строфы V и строфы VI—VII впервые опубликованы К. И. Чуковским в статье «Новонайденные творения Некрасова» (РСл, 1913, 11 дек., № 285).

Датируется 5—13 июля 1874 г. по автографам и составленному Некрасовым списку стихотворений, созданных им в 1874 г. (ИРЛИ, ф. 203, № 42).

Стихи написаны в Чудовской Луке, но воспроизведен в них пейзаж Грешнева, ярославского имения Некрасовых на Волге. Набросав в черновике текст, соответствующий первым четырем строкам (с тремя вариантами начала), Некрасов, вероятно, собирался после стиха «От юности готовьте ваш итог!» дать воспоминания о своем детстве, «суровой» отцовской школе, но затем отказался от этого экскурса в прошлое и взял из написанного отрывка «Но первые шаги не в нашей власти ∾ Я выстрелю — и птица упадет»

лишь строки, воспроизводящие состояние покинувшего столицу и соприкоснувшегося с родной природой поэта. Творческая история «Уныния» сложна. Как справедливо отмечалось в комментарии А. Б. Муратова (ПССт 1967, т. II, с. 676—677), при его создании Некрасов стремился выдержать равновесие «живописно-изобразительной и медитативной частей» в соответствии с поэтическим законом, сформулированным им на полях белового автографа «Уныния»: «Сравнение — поэзия, картина — поэзия, событие может быть поэтично, природа — поэзия, чувство — поэзия, а мысль — всегда проза, как плод анализа, изучения, холодного размышления, но не следует ли из этого, что поэзия должна обходиться без мысли? Дело в том, что эта мысль-проза в то же время сила, жизнь, без которых собственно и нет истинной поэзии. И вот из гармонического сочетания этой мысли-прозы с поэзией и выходит настоящая поэзия, способная удовлетворить взрослого человека,— и в этом задача поэта» (ПСС, т. XII, с. 105). Некрасов долго работает над строками о внутреннем разговоре с жестоким богом совести, но в конце концов приходит к выводу о нецензурности строк о «преступленье», которое таится в несчастной случайности, о «предательстве», которое он видит в «ошибке роковой» (возможно, что здесь заключен понятный читателю того времени намек на прочитанное ради спасения «Современника» стихотворение Муравьеву Вешателю); не более цензурны и строки о пути поэта между двух огней — то под судом «блюстителя порядка», то под судом неумолимого юношества. Видоизменив в «Отечественных записках» строфу V и выпустив строфы VI и VII, поэт снимает в «Последних песнях» заслоняющие лирические размышления картины народных бедствий, т. е. строфы X—XIV (ср. аналогичное мнение А. Б. Муратова). Сыграло, вероятно, роль и то, что «картинки», по определению А. А. Буткевич, были из «прелестных», живописных, но мрачных, и, следовательно, могли вызвать недовольство цензуры. «Относительно сокращения „Уныния“,— писала она С. И. Пономареву,— едва ли брат не имел в виду опять-таки цензуру. Вы не поверите, как страшно цензура теснила его в последний год его жизни. Боялась ли она влияния Некрасова на молодежь, которое действительно заметно возрастало?» (ЛН, т. 53—54, с. 175). В результате в «Последних песнях» остается энергичное лапидарное стихотворение, отражающее кризисное состояние души автора. Это стихотворение и в таком виде имеет право на самостоятельное существование. Но, как указывалось выше, уже в издании «Русской библиотеки» был восстановлен в возможных пределах его более широкий контекст. В «Последних песнях» сам Некрасов отметил цифрами пропущенные строфы. В настоящем издании публикуется поэтому весь текст «Уныния».

Сгорело ты, гнездо моих отцов! — Имеется в виду пожар в Грешневе, о котором Некрасов упоминал в 1877 г. в своих автобиографических записках: «Самый дом <...> недавно сгорел, говорят, в ясную погоду при тихом ветре, так что липы, посаженные моей матерью в 6-ти шагах от балкона, только закоптились среди белого дня. „Ведра воды не было вылито“,— сказала мне одна баба! „Воля божия“,— сказал на мой вопрос кр<естьянин> не без добродушной усмешки» (ПСС, т. XII, с. 16; наст. изд., т. XIV).

...кружится рыболов...— Рыболов — чайка.

Атава (отава) — свежая трава, выросшая в тот же год на месте скошенной.

И царственно уселся на стожар.— Стожар — шест, который втыкают в середину стога для его устойчивости.

ПУТЕШЕСТВЕННИК

(С. 138)

Печатается по копии ИРЛИ, с исправлением в ст. 18 («В прошлом году у прохожих людей» вместо «В третьем году у проезжих людей») по черновому автографу ИРЛИ.

Впервые опубликовано В. Е. Евгеньевым-Максимовым в статье «Предсмертные думы Н. А. Некрасова»: З, 1913, № 6, с. 30—31.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Черновой автограф, без заглавия, с датой: «13 июля», мало отличающийся от окончательного текста,— ИРЛИ, ф. 203, № 27. Сохранилась копия А. А. Буткевич — ИРЛИ, ф. 203, № 45.

Внесено Некрасовым в список стихотворений, созданных или завершенных им в 1874 г. (ИРЛИ, ф. 203, № 42). Датируется (на основании чернового автографа и указанного списка) 13 июля 1874 г.

Стихотворение является откликом на процесс участников кружка революционера-народника А. В. Долгушина (1848—1885), обвинявшихся «в составлении преступных воззваний, в напечатании и распространении их с целью возбуждения населения к бунту». Дело «долгушинцев» слушалось в Сенате с 9 по 15 июля 1874 г. Находясь в это время в Чудовской Луке, Некрасов, вероятно, не имел возможности познакомиться с судебными хрониками, публиковавшимися в «Голосе» и «Московских ведомостях» начиная с 10 июля. Но он мог ранее получить сведения о ходе следствия от одного из защитников, своего давнего (еще со времен «Современника») знакомого В. П. Гаевского, с которым он встречался по делам Литературного фонда в конце мая перед отъездом в Чудовскую Луку и в конце июня в одну из своих поездок оттуда в Петербург. Зачеркнутый, например, в автографе вариант «Власа возили на Троице <?> в Питер» как раз отражал момент предварительного разбирательства, проводимого незадолго до судебных заседаний (троица в 1874 г. приходилась на 19 мая).

Используя известия о свирепствовавших тогда во многих захолустьях России волках и следуя литературной традиции их аллегорического изображения, Некрасов воспроизводит атмосферу правительственного террора, охватившего страну в середине 1870-х гг. (см. об этом: *Чуковский К.* Мастерство Некрасова. Изд. 4-е. М., 1962, с. 677—678; *Ломан О. В.* Усадьба Н. А. Некрасова Чудовская Лука.— Некр. сб., I, с. 257—258). В пятой, наиболее острой строфе стихотворения слова крестьянина о «книгах» близки к свидетельским показаниям людей из народа, сообщавших о том, как осенью 1873 г., т. е. в «прошлом году», на дорогах и в деревнях Московской, Калужской и Смоленской губерний «прохожие» раздавали бесплатно или за небольшую цену непонятные

«книжки», которые были у них отобраны местными или городскими властями и оказались, как выяснилось, отпечатанными «долгушинцами» в собственной типографии брошюрами-прокламациями «Русскому народу» и «Как должно жить по закону природы и правды» (см. упомянутые газетные хроники, а также: Гаркави, с. 14—16).

Прусский барон, путешествующий по России, в творчестве Некрасова имеет своих предшественников — офранцузившегося графа Гаранского, составляющего «путевые записки», и барона фон дер Гребена из «Медвежьей охоты», утверждавшего, что русскому народу «пути к развитью заградил сам бог». Лишая «путешественника» какого-либо сочувствия к крестьянам, поэт заменяет вложенную в его уста в черновике фразу «Как они бедные платят оброк?» на более свойственный ему недоуменный вопрос «Как эти люди заплатят оброк?». Возникающая из стихотворения в целом картина бедственного положения крестьянства, его темноты и забитости пронизана тем же скорбным чувством, что и родственное ей гневное высказывание Н. Г. Чернышевского о рабском состоянии всех сословий в России «сверху донизу», охарактеризованное В. И. Лениным как «слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения» (*Ленин В. И.* Соч., т. 26. Изд. 5-е. М., 1961, с. 107).

Посылая это стихотворение вместе с другими материалами, имеющими отношение к подготовке июльского номера «Отечественных записок», Некрасов писал А. М. Скабичевскому в июле (после 13) 1874 г.: «При сем стихи, вдохновленные новейшими событиями. Хорошо бы их напечатать, а еще лучше не печатать. Прочтите их и передайте Плещееву. Не надо их списывать и распространять. Я их со временем вклею в свою книгу, а если они походят по рукам, как опасный товар, тогда пропадут». В 1876 г. Некрасов направил «Путешественника» вместе с другими стихотворениями в редакцию «Нового времени»; сохранилась копия А. А. Буткевич, снятая с семи из них, в том числе и с названного стихотворения, приложенная к переписанному ею же сопроводительному письму Некрасова к А. С. Суворину от 1 мая 1876 г. (изменение в ст. 18 «Путешественника» относится, по-видимому, к этому времени и было связано с попыткой приспособить стихотворение к публикации). Но стихотворение в газете Суворина напечатано не было.

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

(С. 140)

Печатается по корректуре ИРЛИ, с восстановлением ст. 11.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1878, № 1, с. 309, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова», с урезанным ст. 11 («А на втором...») и без разбивки на строфы.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Беловой автограф, вместо заглавия ***, с датой: «23 июля» (на обороте последнего листа наборной рукописи «На погорелом месте») — ИРЛИ, ф. 203, № 31. Копия А. А. Буткевич — ИРЛИ, ф. 134,

оп. 11, № 2. Правленный Некрасовым корректурный оттиск (лист гранок «Отечественных записок»), в котором данное стихотворение, также с ***, заменяющими заглавие, и датой: «24 июля», открывает составленную поэтом, но не вышедшую в свет подборку стихотворений (см. ниже),— ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 3. Вариант ст. 11 сообщен В. Е. Чешихиным-Ветринским в статье «Крохи Н. А. Некрасова (из данных П. А. Ефремова)», напечатанной в изд.: День, 31 дек.

Стихотворение датируется 23 июля 1874 г. на основании авторского списка стихотворений этого года (ИРЛИ, ф. 203, № 42). Оно обращено к И. С. Тургеневу, с которым Некрасов в 1840—1850-е гг. был в дружеских отношениях, а в 1860 г. разошелся из-за общественно-политических разногласий. С 1860-х гг. Тургенев большей частью жил за границей. В 1874 г. он приехал в Россию в конце апреля и уехал 20 июля. Откликом на этот его отъезд и является стихотворение, которое, однако, Некрасов не решился тогда напечатать, вероятно, как по цензурным, так и по этическим соображениям. В январе 1877 г. Некрасов готовил к печати цикл лирических посланий друзьям и современникам (из двенадцати стихотворений); в ряде стихотворений затрагивалась тема призвания художника в «стране многострадальной», а в двух из них (в первом — «Даже вполголоса мы не певали...» — и третьем — «Т<ургене>ву») размышления поэта были связаны с Тургеневым (см. подробно об истории этого цикла ниже, с. 471—472, комментарий к стихотворению «О. А. Петрову»). После смерти Некрасова А. А. Буткевич датировала стихотворение 1877 г. и опубликовала его в цикле «Последние песни Н. А. Некрасова». Эту ошибку повторил и С. И. Пономарев, который, зная о последнем свидании Тургенева и Некрасова и состоявшемся между ними примирении и принимая во внимание противоречие этого события словам «ныне мой враг», характеризующим в стихотворении Тургенева, пытался ограничить время написания «Отъезжающему» весной 1877 г., а именно периодом между приездом Тургенева в этом году в Петербург и встречей его с Некрасовым (Ст 1879, т. IV, с. CIV).

Сохранились два листа с отдельными рукописными набросками к стихотворениям «Смолкли честные, доблестно павшие...», «Страшный год» и «Уныние» (ИРЛИ, ф. 203, № 29), среди которых встречается запись не связанных ни с одним из этих набросков строк:

Столько я вынес в тебе <?>, безответная,
Что не могу тебя кинуть

Выдержаны они в том же размере, что и «Отъезжающему»; возможно, что и намеченный в них мотив отказа от вынужденной разлуки с отчизной видоизменен потом в стихотворении, посвященном Тургеневу (ст. 13—14).

ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

(С. 141)

Печатается по тексту первой публикации, с восстановлением ст. 73—96 и 141—148 по беловому автографу.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1876, № 3, с. 51—60, с датой: «1874» и подписью: «Н. Некрасов», с изъятием по цензурным соображениям ст. 73—96 и 141—148 (перепечатано: Р. б-ка, с. 228—241).

Глава III, т. е. ст. 73—96, впервые опубликована К. И. Чуковским в «Заметке читателя»: Речь, 1914, 3 янв., № 2, с. 2; ст. 141—148: ПССт 1967, т. III, с. 413.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Первоначальные наброски, чернилами и карандашом, без даты, среди набросков других стихотворений,— ИРЛИ, ф. 203, № 36, л. 5 об.— 6 об. и № 31, л. 8 об. (о последнем наброске см. ниже, с. 465, комментарий к циклу «Ночлеги»).

Черновой автограф, чернилами, с авторской правкой карандашом и чернилами, содержащий многочисленные варианты, с датой в конце текста: «7 августа 1874 г., Лука»,— ИРЛИ, ф. 203, № 5, л. 7—12. Особенно показательны поиски Некрасовым наиболее точного образа в связи с принципиальной характеристикой сущности кулака (паук на яблоке, рябине, клене, дубе). Несколько раз поэт возвращается и к афористической строфе (ст. 145—148), отыскивая ей соответствующее место в окончательной редакции.

Наборная рукопись, чернилами, с цензорскими вычеркиваниями, правкой и пометами карандашом и чернилами самого Некрасова,— ИРЛИ, ф. 203, № 5, л. 1—5. Ст. 73—96 и 109—148 перечеркнуты красным карандашом, затем черными чернилами. Надпись цензора сбоку на полях: «Не дозволено читать» — зачеркнута карандашом, в верхней части листа карандашная помета рукою Некрасова: «Набрать цифру III и первый стих, а потом 3 строки точек и затем цифра IV». Справа на полях весь текст, изъятый цензором, отчеркнут простым карандашом и сделана помета: «Не нужно». Рядом со ст. 109—148, на полях слева, снова цензорское указание: «Не дозволено читать». Эти строки на полях до ст. 140 отчеркнуты простым карандашом с пометой автора: «Чисто» (л. 3 и об.). Помета, видимо, означала указание наборщику набирать отчеркнутый текст, невзирая на цензорское запрещение. Именно эти строфы Некрасову и удалось отстоять: они были опубликованы в «Отечественных записках». Ст. 141—148 после красного карандаша перечеркнуты чернилами; рядом на полях карандашная надпись: «Не нужно». После ст. 89 в рукописи оставлено место и проставлено семь строк точек. Вероятно, Некрасов намеревался вернуться к разработке этих строф: незавершенные варианты их находятся в черновом автографе (см.: Другие редакции и варианты, с. 354). В конце текста слева перечеркнутая авторская помета чернилами: «Переписано 10 августа», слева подпись карандашом: «Н. Некрасов».

Помимо дат, указанных при публикации в «Отечественных записках» и автографах, время написания произведения подтверж-

дается и письмом Некрасова к А. Н. Еракову от 10 августа 1874 г., отправленным из Чудовской Луки (ЛН, т. 51—52, с. 30), в котором Некрасов сообщает, что, прибыв в Луку 6 июня, он «30 дней читал только корректуры», а затем «принялся писать», и в числе произведений, созданных в эти дни, т. е. с 6 июля по 10 августа 1874 г., упоминает «Горе старого Наума».

В этом же письме Некрасов называет «Горе старого Наума» поэмой. О жанре этого произведения см.: *Степанов Н.* Н. А. Некрасов. Жизнь и творчество. М., 1971, с. 125; Гин, с. 124—125; *Гаркави А. М.* Поэма об исторических судьбах России («Горе старого Наума»).— В кн.: О Некр., вып. 3, с. 121. К. И. Чуковский считал «Горе старого Наума» «стихотворной новеллой» (*Чуковский К. И.* Мастерство Некрасова. М., 1962, с. 234). В свое время на жанр этого произведения обратил внимание и П. Ф. Якубович-Мельшин, отнеся его к «маленьким поэмам» (*Мельшин Л. (Гриневич П. Ф.)* Очерки русской поэзии. СПб., 1904, с. 166).

По свидетельству земляков Некрасова, прототипом Наума послужил местный богач Понизовкин (см.: *Первухин Н.* По живым следам. Родовое гнездо Некрасова.— Красная нива, 1928, № 1, с. 11).

Современная поэту критика, говоря о поэме, обвиняла Некрасова в пренебрежении к поэтической форме, считая «Горе старого Наума» в художественном отношении несовершенным произведением (см., например, «Литературную летопись» В. М. <Маркова>: СПбВ, 1876, № 86), т. е. повторяла традиционные обвинения литературных и идейных противников поэта. У В. С<оловьева> особое негодование вызвали весьма прозрачные политические намеки: «Г-н Некрасов давно уже злоупотребляет этими пустынными <sic!> воспоминаниями и намеками <...> Теперь все это производит впечатление надоевшего и беспричинного нытья по поводу старых бедствий, рассматриваемых в сильно увеличивающее стекло» (РМ, 1876, № 95). М. Е. Салтыков-Щедрин, получив экземпляр «Отечественных записок», где была напечатана поэма, спешит написать Некрасову из Ниццы: «„От<ечественные> зап<иски>“ № 3 я получил. „Горе старого Наума“— одна из прелестнейших Ваших вещей» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч. и писем, т. XVIII, кн. 2. М., 1976, с. 281).

Высокая оценка Салтыкова-Щедрина не случайна: ему было ясно, что Некрасов создал произведение большого социального смысла. В поэме нашел воплощение новый тип пореформенной действительности — кулак-эксплуататор, генетически связанный с образами других произведений («Влас», «Современники»). Образ Наума имеет сложную семантику. Некрасов не просто обличает эксплуататорскую паучью сущность кулака, но показывает и его духовный крах: стяжательство лишило Наума элементарных человеческих чувств и радостей. Образ Наума — еще один приговор, вынесенный Некрасовым хищничеству, еще одно разоблачение власти капитала. Значение поэмы этим не ограничивается. Некрасов ведет речь о родине, о ее судьбах. В поэме звучит страстная вера во всепобеждающую силу народа, его будущее. Процитировав стихи «Мечты! Я верую в народ...», П. Ф. Якубович справедливо заметил: «В устах Некрасова это не только красивая фраза, а действительная „мечта“ настрадавшегося сердца, его последнее убежище и святыня» (*Мельшин Л. (Гриневич П. Ф.)* Очерки русской поэзии, с. 167). Некрасов напоминает о недавнем прошлом

страны, дает понять, что борьба не окончена, что она еще потребует жертв, что готовится «новый бой». Эту идею поэт проводит с помощью метафорических уподоблений (образы ненастья, бури, туч, грома и т. п.), характерных для вольнолюбивой русской поэзии. Основным лейтмотивом поэмы являются знаменитые строки, обращенные к будущему России, к будущему ее народа («Иных времен, иных картин провижу я начало...»). Именно этот мотив определял и определяет отношение современников Некрасова и наше отношение к поэме в целом.

Бабайский монастырь — Николо-Бабайский мужской монастырь в Ярославской губернии, основанный в XVI в.

Большие Соли — село, расположенное неподалеку от Грешнева на берегу Волги.

Перекат — порог на реке.

Паузиться — перегружаться при мелководье на небольшие суда-дощаники (па́узки).

В личны́х, высоких сапогах... — Личные сапоги — кожаные сапоги, сшитые мездрою внутрь.

Чуйка — длинный суконный кафтан халатного покроя.

Душистой поленикой. — Поленика (княженика, княженица) — небольшое растение из семейства разноцветных с красными ароматными ягодами, напоминающими по виду ежевику.

ЭЛЕГИЯ

(С. 151)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1875, № 2, с. 495—496, с подписью: «Н. Некрасов», урезанным ст. 7 («Влачатся в нищете..........») и заменой ст. 8 строкой точек (перепечатано: Р. б-ка, с. 225—227, с датой: «1874», без цензурного пропуска).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автографы: 1) черновой автограф без заглавия и даты (ст. 1—14, 25—36) — ИРЛИ, ф. 203, № 41; 2) наброски (на л. 2 черновой рукописи стихотворения «На постоялом дворе») — ИРЛИ, ф. 203, № 31; 3) наборная рукопись с заглавием и посвящением, без даты, с подписью: «Н. Некрасов» — ИРЛИ, ф. 203, № 40. Известна также копия А. А. Буткевич, сохранившаяся среди писем ее к С. И. Пономареву, с *** вместо заглавия и датой: «15—17 августа 1875 <sic!>», с небольшими разночтениями, одно из которых в ст. 8 («по выжженным лугам» вместо «по скошенным лугам») принято во втором и третьем посмертных изданиях (Стихотворения Н. А. Некрасова. Полн. собр. в одном томе. 1842—1872. СПб., 1881; переиздание: СПб., 1882),— ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 40.

Датируется 15—17 августа 1874 г. по копии, с исправлением ошибочно проставленного в ней года.

Решив повременить с печатанием столь острого в политическом отношении стихотворения и опасаясь заранее привлечь к нему внимание цензуры, поэт писал 29 августа 1874 г. из Чудовской Луки мужу своей сестры А. Н. Еракову по поводу «Элегии»: «По-

сылаю тебе стихи; так как это самые мои задушевные и любимые из написанных мною в последние годы, то и посвящаю их тебе, самому дорогому моему другу. Одна просьба — не давай их никому *списывать*, а читать можешь, коли они тебе понравятся, кому угодно» (об А. Н. Еракове см. выше, с. 430).

В черновой рукописи стихотворение начиналось строками:

Старо, не правда ли, печь хлебы из муки?
Однако ж из песку попробуй испеки! —

которые являлись стихотворным переложением афоризма, сформулированного Некрасовым в «Заметках о журналах» за октябрь 1855 г.: «Очень однообразная вещь печь хлеб всё из муки да из муки; он даже не всегда и удается,— однако ж никому не приходит в голову начать печь его из песку» (ПСС, т. IX, с. 339). Отказавшись от этого наглядного бытового сравнения, противоречащего общей высокой тональности стихотворения, Некрасов прямо начинает с утверждения актуальности темы «страданий народа», полемически направленного против претензий, предъявлявшихся к его поэзии современным либеральным историком литературы О. Ф. Миллером, который считал, что «непосредственное описание страданий народа и вообще бедняков» уже Некрасовым «исчерпано» и что «поэт наш стал как-то повторяться, когда принимается за эту тему» (*Миллер О.* Публичные лекции. Некрасов. Произведения второго периода... СПб., 1874, с. 144—145; см. об этом: Гин 1971, с. 166—169). Написанная в период, когда «хождение в народ» приобрело особенный размах, «Элегия» заключала в себе обращенный к молодежи замаскированный призыв бороться за подлинное освобождение крестьянства (черновой вариант: «О русский юноша! Есть темы выше моды: Не старят их века!..»). Вместе с тем в стихотворении говорится и о бедствии «народов» (во множественном числе), т. е., как и в созданных в том же 1874 г. стихотворениях «Страшный год» и «Смолкли честные, доблестно павшие...», о торжестве реакции в Европе, наступившей после франко-прусской войны и разгрома Парижской Коммуны (см.: *Гаркави А. М.* К изучению «Элегии» Н. А. Некрасова в 9-м классе.— В кн.: Проблемное изучение литературы в школе. Сб. Калинингр. гос. ун-та. Калининград, 1969, с. 63). Вопрос о положении народа сливается в «Элегии» с вопросом о роли поэта в обществе. Развивая собственную программу гражданственности искусства, Некрасов опирался в этом стихотворении на тенденции вольнолюбивой лирики Пушкина. Исследователями отмечалась перекличка со стихотворениями Пушкина «Деревня», «Эхо», «Памятник» (см. об этом: *Гиппиус В.* Некрасов в истории русской поэзии XIX века.— ЛН, т. 49—50, с. 10, а также названные работы А. М. Гаркави и М. М. Гина). В свой итоговый сборник «Последние песни» Некрасов не ввел «Элегию» безусловно лишь по цензурным соображениям. Это образец нового типа элегии, возникшего в творчестве Некрасова, элегии социальной, в которой в связи с изменением объекта изображения традиционные поэтические средства насыщались новыми жанровыми признаками (см. об этом: *Фризман Л. Г.* Жизнь лирического жанра. М., 1973, с. 146—147). Отмечалось, в частности, своеобразное использование в ней типичного для старых медитативных элегий Жуковского ритмико-синтаксического построения.

«ХОТИТЕ ЗНАТЬ, ЧТО Я ЧИТАЛ? ЕСТЬ ОДА...»

(С. 153)

Печатается по автографу ИРЛИ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1927, с. 433.

Автограф (среди черновиков «Уныния» и «Горя старого Наума», текст перечеркнут) — ИРЛИ, ф. 203, № 36.

Датируется, как и соседние с ним рукописные наброски, июлем—августом 1874 г.

Пушкинская ода «Вольность» как произведение, найденное в домашней библиотеке и прочитанное еще в гимназические годы, дважды упомянута Некрасовым под тем же названием «Свобода» в его автобиографических записках (ПСС, т. XII, с. 21, 24; наст. изд., т. XV). Парафразом ее открывается юношеское стихотворение Некрасова «Человек» (1838). Познакомиться с этим «крамольным» стихотворением Пушкина, опубликованным лишь в 1856 г. в «Полярной звезде», Некрасов тогда мог только в списке, о чем свидетельствует и приведенное им заглавие оды (см. об этом: *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 1. М.—Л., 1947, с. 142—143). Воздействие на формирование убеждений поэта вольнолюбивой оды Пушкина должно было, по-видимому, стать либо темой отдельного стихотворения, либо одним из эпизодов автобиографического повествования о детстве, набросок которого был сделан на смежном листе и предназначен для «Уныния» (см.: Другие редакции и варианты, с. 341—342), написанного, так же как и данный отрывок, пятистопным ямбом (высказанное в ПСС и ПССт 1967 предположение о связи комментируемого отрывка с «Элегией» основано на ошибочном утверждении о том, что данный фрагмент находится среди черновиков «Элегии»).

ПРОРОК

(С. 154)

Печатается по ПП, с. 13, с воспроизведением ст. 13—16 по беловому автографу, а ст. 15 по автографу ГТГ.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 1, с. 280, под заглавием: «Пророк (Из Барбье)», с подписью: «Н. Н.», без последней строфы (перепечатано: в России — ПП, также без последней строфы, за границей — ОД, 1882, авг., № 50, с. 9, полностью, с заголовком: «Н. Г. Чернышевскому»; Правда, 1883, 3 янв., № 16, с. 3, в составе воспоминаний П. В. Григорьева, без заглавия, с рядом разночтений, из которых главным является вариант ст. 16 («Царям земли напомнить о Христе»)).

Попытка П. А. Ефремова опубликовать стихотворение в полном виде в РС (1878, № 3) не удалась по цензурным причинам (сохранились корректурные оттиски — ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 498; ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 17).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III (последняя строфа как «куплет, отброшенный поэтом»,— там же, т. IV, с. CI). В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автографы: 1) беловой автограф с подзаголовком: «*** (из [Байрона] Ларры)» и пометой: «В избе лесника на 125 версте М<осковской> ж<елезной> д<ороги>, ночь, 8 авг<уста> 1874» — ИРЛИ, ф. 203, № 38; 2) автограф с заглавием: «(Из Ларры)» и датой: «<18>75.V.27. Лиговск<ая> сторона», подаренный, по-видимому, в этот день П. А. Ефремову и вклеенный в принадлежавший ему экземпляр Ст 1874,— ИРЛИ б, шифр: $18\frac{1}{2}$; 3) автограф без заглавия и даты — ЦГАЛИ, ф. I, оп. 1, № 614. В экземпляре «Последних песен», подаренном Некрасовым И. Н. Крамскому 3 апреля 1877 г. (ГТГ), последняя строфа стихотворения вписана поэтом от руки (заключительная, шестнадцатая строка случайно, при переплете книги, отрезана).

О заглавии стихотворения и его датировке существуют различные мнения. Сохранились воспоминания революционера-народника П. В. Григорьева (Безобразова), который рассказывал: «Вот вы говорите в ваших статьях о моих характеристиках Белинского, Добролюбова, Писарева...— говорил мне поэт.— У меня есть еще портрет Н. Г. Чернышевского... Хотите, я вам прочту его? Я просил. Он как-то вовсе по-детски встал, покачался на одном месте и прочел мне стихи: „Не говори: забыл он осторожность...“». Перепечатавший воспоминания П. В. Григорьева из женевской «Правды» В. Е. Евгеньев-Максимов отмечал, что в них есть элементы «мистификации», но что «видеть в них только вымысел никоим образом нельзя» (Звенья, № 3—4. М.—Л., 1934, с. 660). Сам факт отражения в стихотворении мыслей Некрасова о Чернышевском бесспорен, хотя, например, В. Е. Чешихин-Ветринский высказывал предположение, что выведенный в нем образ скорее напоминает Д. А. Лизогуба, называемого некоторыми народниками «святым революции», или Г. И. Успенского (см. в кн.: *Чешихин-Ветринский В. Е.* Н. Г. Чернышевский. Пгр., 1923, с. 202—205). Но он же писал несколько позднее об обобщенности, типичности образа некрасовского пророка, приложимого «к любому человеку 70-х гг., соединившему в себе демократический революционный идеал с очарованием нравственной чистоты и красоты» (*Чешихин-Ветринский В. Е.* Г. И. Успенский. М., 1929, с. 104—105). Сам Некрасов точно определил подобную структуру художественного образа, излагая историю создания стихотворения «Памяти Добролюбова»: «...я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов» (Ст 1879, т. IV, с. LXVII).

Беловой автограф заключает в себе скорее всего дату возникновения замысла (в ночь, 8 августа 1874 г.) и указание места (в избе лесника, между станциями Волхов и Гряды Николаевской железной дороги), возможно перенесенные из не дошедшего до нас чернового автографа. Е. А. Ляцкий в 1912 г. (см.: Чернышевский в Сибири, т. 1. СПб., 1912, с. VII), а позднее, в 1961 г., А. А. Лучак (*Лучак А. А.* Когда же написано стихотворение Н. А. Некрасова

«Н. Г. Чернышевский (Пророк)»? — В кн.: *Петрушков В., Лучак А.* Идейность и мастерство. Сталинабад, 1961, с. 190) считали, что стихотворение написано в 1862—1864 гг., в период ареста Чернышевского и ожидания вынесения приговора, а позднее лишь обработано; А. А. Шилов и С. А. Рейсер полагали, что Некрасов первоначально имел в виду какого-нибудь другого общественного деятеля, потом же переадресовал стихотворение Чернышевскому (см. комментарий С. А. Рейсера и А. А. Шилова: ВРП, с. 794—795). Как справедливо показано в статье А. М. Гаркави «К спорам о стихотворении Некрасова „Н. Г. Чернышевский"» (см. в кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. 4. Саратов, 1965, с. 104—117), все эти гипотезы не получили достаточного обоснования. Недоказанным остается и последнее выдвинутое М. В. Нечкиной предположение о том, что автограф 1874 г., сохранившийся в фонде творческих рукописей Некрасова, является дарственным списком, и особенно утверждение исследовательницы, что стихотворение написано в 1860—1861 гг., еще до ареста Чернышевского (см.: *Нечкина М. В.* Стихотворение Н. А. Некрасова о Чернышевском.— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. Чернышевский и его эпоха. М., 1979, с. 5—12). С. А. Рейсер полемизировал с М. В. Нечкиной, выступая в 1980 г. в Государственном музее-квартире Н. А. Некрасова в Ленинграде, и отметил факт включения Некрасовым стихотворения в составленный им рукописный перечень стихов 1874 г.; на этом основании он пришел к выводу об обобщенном характере изображения поэтом трагического пути Чернышевского, этический пафос деятельности которого близок и самоотверженным революционерам-семидесятникам.

Нельзя согласиться с А. М. Гаркави, являвшимся сторонником публикации стихотворения или вообще без названия, с ***, или под редакторским названием «<Н. Г. Чернышевский>». В пользу последнего решения, казалось бы, говорят сохранившаяся копия П. А. Ефремова, которая была сделана в тот же день 27 мая 1875 г., когда ему был подарен оригинал, и в углу которой стояли инициалы «Н. Г. Ч.» (ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 496), а также преподнесенный И. Н. Крамскому Некрасовым 3 апреля 1877 г. сборник «Последних песен», где над перечеркнутым заглавием «Пророк (из Барбье)» было сначала написано «Памяти Чер<нышев>ского», а затем (исправление и замена) — «В воспоминание о Чер<нышев>ском» (ГТГ). Но сам А. М. Гаркави указал, что приведенные выше надписи, очевидно, служили не заглавием, а пояснением, в ефремовской же копии зафиксировано скорее всего устное высказывание поэта. Заглавием стихотворения должно оставаться наиболее художественно емкое и не получившее окончательной замены «Пророк» как отражающее существенный поэтический аспект авторского замысла (к такому же выводу пришли А. Б. Муратов в ПССт 1967, т. II и Г. В. Краснов, сохранивший, между прочим, в своем переиздании «Последних песен» и подзаголовок «Из Барбье»). Заглавие это продолжает традицию Пушкина и Лермонтова, перекликается с характерными для лирики Некрасова тех лет масштабными названиями типа «Отъезжающему», «Друзьям», «Сеятелям» и гармонирует с распространенным в демократической поэзии 1870-х гг. использованием библейских образов как синонимов революционности (ср., например,

«Иисуса» Н. П. Огарева, «Рождение мессии» и «Апостола» П. Л. Лаврова, «Пророка» Г. А. Мачтета, «Мы были там... Его распяли» С. И. Бардиной, стихотворение в прозе «Христос» И. С. Тургенева и «Марию» Т. Г. Шевченко). Подбирая к стихотворению подзаголовок «Из Байрона», «Из Ларры», «Из Барбье», Некрасов, конечно, думал прежде всего о цензурной маскировке. Понимая это, С. И. Пономарев в 1879 г. писал в своих комментариях: «Под заглавием этого стихотворения стояло „Из Барбье", уничтоженное в экземпляре поэта; по недосмотру это дополнение осталось в нашем издании» (Ст 1879, т. IV, с. CI). Но, как показали современные исследователи, имя французского поэта Огюста Барбье всетаки связано с «Пророком» не случайно. Барбье был гражданским поэтом, мастером сатирической инвективы. В «Современнике» часто печатались переводы из его сборника «Ямбы». Цикл его стихов «Героические созвучия» был посвящен великим людям. Некрасовское стихотворение, хотя и отличавшееся по своей реалистической поэтике от патетически-романтического стиля Барбье, вполне правдоподобно укладывалось в рамки этого цикла (см. вступительную статью и комментарии М. П. Алексеева в кн.: Огюст Барбье. Ямбы и поэмы. Одесса, 1922; а также: *Григорьев А. Л.* Некрасов и зарубежная поэзия.— Некр. сб., V, с. 120—121).

В соответствии со всеми автографами и печатными изданиями последняя строка в настоящем издании печатается: «Рабам земли напомнить о Христе» — в отличие от публикации П. В. Григорьева и многих советских изданий, последовавших за нею. Этот вариант больше отвечает общему смыслу стихотворения: важнее, с точки зрения революционно-демократической, «рабам» напомнить о чувстве собственного достоинства, необходимости бороться за торжество справедливости, чем взывать к милосердию «царей», осознанию ими «закона Христа» («рабам» было восстановлено в изданиях «Библиотеки поэта» 1949 и 1967 гг. и в сб. ВРП).

НОЧЛЕГИ

(С. 155)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1874, № 11, с. 181—190, с подписью: «Н. Некрасов».

В ПП не вошло, но, по свидетельству С. И. Пономарева, поэт «указал на эти стихи как на такие, которые должны войти в будущее издание» (Ст 1879, т. IV, с. XCI).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автографы сохранились ко всем трем стихотворениям цикла.

I. Отдельные наброски до ст. 108 включительно — ИРЛИ, ф. 203, № 36; черновой автограф ст. 1—84, без заглавия и даты; наборная рукопись ст. 1—104, в которой первоначальное заглавие «Новый барин» зачеркнуто и заменено окончательным, без даты,— ИРЛИ, ф. 203, № 31.

II. Черновой автограф ст. 1—17, 37—68, без заглавия и даты, а также наборная рукопись с зачеркнутыми первоначальными

заглавиями: «Погорелое место» и «Гари» и датой: «20—21 июля» (перечеркнута; после нее помета: «III. „У Трофима“, которое есть у вас в наборе») — ИРЛИ, ф. 203, № 31.

III. Наброски к ст. 25—64 и беловой автограф ст. 17—72 с заглавием: «Ночью» и датой: «18 июля 1874» — ИРЛИ, ф. 203, № 31.

По предположению А. М. Гаркави, к стихотворению «На погорелом месте» имеют отношение и наброски двустишия: «а. [Прежде были] помещичьи крепи, Нынче, барин,— [кулацкая крепь], б. Порешились помещичьи крепи, Входит в силу кулацкая крепь»,— которое, в своем первом варианте, поэт, по мнению исследователя, хотел ввести как «одну из реплик бедных погорельцев» (см.: О Некр., вып. 3, с. 122—123). Однако этому противоречит местоположение набросков в рукописи: сделаны они на оборотной стороне последнего листа наборной рукописи «На погорелом месте» (л. 8 об.), на полях, карандашом, по-видимому, тогда, когда основная часть этой страницы, с автографом стихотворения «Отъезжающему», датированным 23 июля <1874 г.>, была уже заполнена, т. е. после того, как весь цикл «Ночлеги» был отослан в набор. Позднее, как отметил А. М. Гаркави, эта стихотворная заготовка в преображенном виде была включена в «Горе старого Наума» (см.: Другие редакции и варианты, с. 353).

По мнению А. Б. Муратова, в набросках к стихотворению «У Трофима» запечатлены поиски композиционной структуры произведения. Написав несколько строк отрывка о «нынешней жизни» (ст. 49—50, 57—64), Некрасов далее пометил: «А бывало» — и вслед за тем записал ст. 37—38, 29—35, 53—56 о страшных прошлых временах, заключив всю запись своеобразным выводом (ст. 41—44). Однако, не удовлетворившись этим, Некрасов записывает начало диалога поэта и Трофима (ст. 25—28) и следующие два стиха:

Что ж ты вспомнил? Молвить жутко!
Вспомнил, сударь, старину,—

наметив тем самым окончательный текст стихотворения (ПССт 1967, т. II, с. 681).

Стихотворения датируются по наборным рукописям и письму Некрасова к А. Н. Еракову от 10 августа 1874 г.: I — июлем 1874 г., II — 20—21 июля 1874 г. и III — 18 июля 1874 г.

Цикл «Ночлеги» примыкает к таким стихотворениям Некрасова, как «В деревне» (1854), «Деревенские новости» (1860), «Крестьянские дети» (1861), «Пожарище» (1863), «Орина, мать солдатская» (1863), «Уныние» (1874) и др., объединенным образом охотника, от лица которого ведется повествование (см. об этом: *Альбина З. Н.* Некрасовские «записки охотника».— Некр. и его вр., с. 37). В «Ночлегах» выводится также крестьянин — спутник охотника, его собеседник. Первое стихотворение, посвященное обличению пореформенного либерализма с характерным для него чередованием покаянных настроений и укоренившихся в сознании пережитков крепостничества, перекликается с размышлениями на аналогичную тему М. Е. Салтыкова-Щедрина в его «Дневнике провинциала» и «Письмах из провинции». Во всех автографах отсутствуют два заключительных четверостишия, возникших, вероятно, в последний момент как завершение стихотворения и раскрывающих непримиримость противоречий между Ермолаем и его «бари-

ном». Вместе с тем, как видно из рукописей стихотворения «На погорелом месте», автор стремится оттенить духовное величие народа, выявить его нравственные силы — работа над образом старого деда, «патриарха библейских времен», отказ от изображения слабых, голодных, злых «баб» и замена его описанием спокойно исполняющих свои материнские обязанности крестьянок, а также утешающей ребят «старушонки», которая скопила денег им на калачи, прядя зимой «на месячном свете» (см.: Другие редакции и варианты, с. 367). В третьем стихотворении сливаются просветительские и революционные тенденции. По своей концепции оно связано с более поздним стихотворением «Сеятелям». Написано оно было и отправлено в редакцию «Отечественных записок» раньше второго стихотворения, и Некрасов дал специальное указание, что «У Трофима» надо печатать под номером «III» (см. выше), т. е. заключил весь цикл предсказанием, что образованный народ обретет чувство собственного достоинства, перестанет «трусу праздновать» (подробнее об этом см.: *Ройзман В. П.* Стихотворный цикл Некрасова «Ночлеги».— Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1958, т. 164, ч. III, с. 3—16). Незачеркнутый вариант белового автографа «Время рабства векового...» (см.: Другие редакции и варианты, с. 369) снят, по мнению опубликовавшего его В. Е. Евгеньева-Максимова, как освещающий реформу в чересчур оптимистическом свете.

Реакционная печать встретила «Ночлеги» как произведение, в котором «однообразие скорбных напевов г. Некрасова», его плачей «над разными Трофимами и Степанами, подставляющими щеки для пощечин, шеи для затрещин и нижние части тела для розог», «томит, томит и жестоко томит...» (Гражданин, 1874, 31 дек., № 52). Критик «Сына отечества» главным в цикле считал изображение «разницы в положении рабочего до освобождения и после освобождения от крепостной зависимости», особенно выделяя при этом стихотворение «У Трофима» (Сын отечества, 1874, 31 дек., № 301).

НА ПОКОСЕ

(С. 165)

Печатается по тексту первой публикации, с восстановлением ст. 10—11 по беловому автографу.

Впервые опубликовано: НВ, 1876, 6 июня, № 96, без подписи и указания автора, в составе цикла «Из записной книжки» (вместе со стихотворениями «Человек сороковых годов» и «К портрету **» («Твои права на славу очень хрупки...»)), с изменением по цензурным соображениям ст. 10—11.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV, в исправленном виде — Ст 1920. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Беловой автограф (между беловыми автографами «Уныния» и «Смолкли честные, доблестно павшие...») с датой: «5 авг.» — ИРЛИ, ф. 203, № 37; копия А. А. Буткевич — ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 2.

Внесено Некрасовым в составленный им список стихотворений, написанных в 1874 г. (ИРЛИ, ф. 203, № 42). Датируется в соответствии с этим списком и по беловому автографу 5 августа 1874 г.

1 мая 1876 г. Некрасов писал А. С. Суворину: «В моих стихах „На покосе“ два стиха измените так:

Я работал бы прилежно
И поменьше пил».

Это указание, как и ряд других, сделанных поэтом в письме, явно связано с его размышлениями о том, что «не опасно напечатать»: предложенный им вариант заменил строки оригинала, в которых отражена неоправдавшаяся вера крестьян в царя, «освободившего» их с незначительными земельными наделами. Теме безземелья народа в пореформенную пору ранее была посвящена социально более острая «Притча о Ермолае трудящемся» (1864). В оценке раскрепощения личности крестьянина «На покосе» перекликается со стихотворением «У Трофима» (из цикла «Ночлеги»).

ПОЭТУ

(С. 166)

Печатается по ПП, с. 32—33.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1874, № 9, с. 231—232, без подзаголовка, с восемью строфами, цензурным пропуском ст. 4 и подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автографы: 1) первоначальные наброски, ранняя редакция и наброски второй редакции — ИРЛИ, ф. 203, № 24, л. 3 (опубликованы частично: *Чуковский К.* Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926, с. 325, более полно: ПССт 1967, т. II, с. 582—583); 2) наборная рукопись, без подзаголовка, с датой: «6 сент<ября>»,— ИРЛИ, ф. 203, № 24, л. 1 и об. (опубликована частично: ПСС, т. II, с. 605—606, более полно: ПП 1974, с. 163—164).

Датируется по наборной рукописи и по времени первой публикации началом сентября 1874 г. В принадлежащем Некрасову перечне произведений, написанных им в июле—первой декаде августа 1874 г. (см.: ПСС, т. XI, с. 328), стихотворение «Поэту» отсутствует. Окончательная редакция возникла, вероятно, в период подготовки «Последних песен» (февраль—март 1877 г.). Тогда же мог появиться и подзаголовок «Памяти Шиллера». В том же году Некрасов написал «Подражание Шиллеру».

Посвящение Шиллеру выражает давние симпатии Некрасова к немецкому поэту. В «Летописи русского театра» за январь 1841 г. Некрасов отмечал высокие достоинства драматургии Шиллера и относил его к «великим гениям» (ПСС, т. IX, с. 458; наст. изд., т. XI). Достоевский говорил от имени поколения, к которому принадлежал и Некрасов: «Да, Шиллер действительно вошел в плоть и кровь русского общества, особенно в прошедшем и в за-

прошедшем поколении мы воспитывались на нем, он нам родной и во многом отразился на нашем развитии» (Время, 1861, № 7, с. 48). Подзаголовок мог возникнуть также и по цензурным соображениям. Он облегчал публикацию стихотворения без цензурных искажений.

Поводом для создания комментируемого произведения могли быть журнальные споры о роли поэзии, поэта в обществе. Например, Н. В. Шелгунов, полемически оценивая поэтический отдел сборника «Складчина» (1874), в котором участвовал и Некрасов, писал: «Хотя плохие стихи давно уже потеряли кредит, тем не менее наши журналы упорны в своей традиции и по-прежнему гостеприимны к так называемой „рубленой прозе". Это предпочтение стихам следует объяснить, конечно, тем, что „поэт" до сих пор сохранил за собою привилегию „пророка". Но увы! его грозное слово уже не гремит, потому что не слышится в нем ни искренней боли, ни страсти» (Дело, 1874, № 4, отд. II, с. 65—66).

Стихотворение перекликается с другими произведениями Некрасова 1874—1875 гг.: «Пророк», «Элегия», «Страшный год», «Современники». В нем могут быть отмечены отзвуки произведений Шиллера — «Die Künstler» («Художники»), «Die Sänger der Vorwelt» («Певцы минувшего») и др. (см. об этом: *Гаркави А. М.* 1) Разыскания о Н. А. Некрасове.— Учен. зап. Калинингр. гос. пед. ин-та, 1961, вып. IX, с. 41; 2) Стихотворение «Поэту (Памяти Шиллера)» — эстетическая декларация Н. А. Некрасова.— Научн. тр. Кубанск. гос. ун-та, вып. 273. Краснодар, 1979, с. 64—67).

Враждебная Некрасову критика не приняла демократической тенденции стихотворения. В. П. Буренин свой отклик на него в публицистическом обзоре предварил ироническим заголовком: «Воззвание г. Некрасова к художнику о принятии на себя последним должности прокурора» (СПбВ, 1874, 12 окт., № 281). Более объективную оценку стихотворение получило в критике после выхода «Последних песен». О. Ф. Миллер писал о Некрасове: «Между тем он неоднократно обращается к „поэту", возлагая на него как бы единственную надежду <...>. Подобно Пушкину, он называет *толпою* тех, кто не признает поэзии, но он не видит в поэте аскета <...>. Он зовет назад удалившееся божество, он страстно вызывает его борьбу...» (*Миллер Ор.* Последние песни Некрасова.— Свет, 1877, № 5, с. 107).

Стихотворение вызвало поэтический отклик: Л. Пальмин, «Памяти Некрасова» (1878).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ, ИЛИ «НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ»

(С. 167)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1874, т. III, ч. 6, Приложение 3: Юмористические стихотворения разных годов, с. 270—272.

Автограф не найден.

Датируется 1874 г. (см.: *Гаркави А. М.* К датировке некоторых произведений Некрасова.— Учен. зап. Новгородск. пед. ин-та, 1966, т. 8, с. 31).

Стихотворение представляет собой значительно сокращенную редакцию памфлета «Литературная травля, или Раздраженный библиограф» (см.: наст. изд., т. II, с. 103—106) и направлено против М. Н. Лонгинова, занимавшего с 1871 г. пост начальника Главного управления по делам печати. «Не в свои сани не садись», «славы не добился» — этими словами Некрасов характеризовал деятельность бывшего либерала, снискавшего печальную известность притеснениями прогрессивной журналистики.

1875

М. Е. С<АЛТЫКО>ВУ

(С. 169)

Печатается по автографу ИРЛИ, ф. 203, № 19 и 28.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1878, № 4, с. 417, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова», с заглавием: «С-ву (при отъезде за границу)».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автографы: 1) беловой автограф, с заглавием: «С (при отъезде за границу)», с незначительными расхождениями в пунктуации (ст. 8 — «Трудом — у мыслящих людей»; ст. 10 — «Да, будем лучше рисковать»),— ИРЛИ, 5697, л. 37 (письмо Некрасова к П. В. Анненкову от 27 апреля 1875 г.), 2) более поздний беловой автограф, с заглавием: «М. Е. С-ву (при отъезде его за границу)» и датой: «1875, 12 апр.»,— ИРЛИ, ф. 203, № 19, л. 1 об. (ст. 1—4); № 28, л. 1 (ст. 5—12). Автограф ст. 5—12 — в наборной рукописи «Суда», датируемой 1867 г.,— ИРЛИ, ф. 203, № 32, л. 9 об. Сохранился корректурный оттиск (гранки) — ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 3.

Графическое отделение последней строфы — в позднем беловом автографе, в корректурном оттиске и в журнальной публикации.

С М. Е. Салтыковым-Щедриным Некрасова связывали многолетние дружеские отношения и журнальная работа в «Современнике», а затем в редакции «Отечественных записок». В декабре 1874 г. Салтыков серьезно заболел, простудившись на похоронах своей матери; 12 апреля 1875 г. он выехал на лечение за границу (Г, 1875, 13 апр., № 103). Сохранилась визитная карточка Некрасова с его надписью: «<Н. А. Некрасов> просит к себе обедать в субботу, 5 ч., проводы Салтыкова за границу» (ПСС, т. XI, с. 357). Состояние здоровья Салтыкова продолжало оставаться тяжелым, и это внушало опасения Некрасову. 27 апреля 1875 г. он писал П. В. Анненкову, находившемуся тогда в Баден-Бадене с семьей Салтыковых: «Нечего Вам говорить, как уничтожает меня мысль о возможности его смерти теперь, именно: у-ни-чтожает. С доброй лошадью и надорванная прибавляет бегу. Так было со мной в последние годы. Журнальное дело у нас всегда было трудно,

а теперь оно жестоко, Салтыков нес его не только мужественно, но и доблестно, и мы тянулись за ним, как могли. Не говорю уже о том, что я хорошо его узнал и привязался к нему <...>. Вот стихи, которые я сложил в день отъезда Салт<ыкова>. Прочтите их ему, когда ему будет полегче» (там же, с. 360). Анненков ответил Некрасову 2 (14) мая 1875 г.: «Милые Ваши стихи я ему прочту. Мазь эта подействует на него не хуже, т. е. гораздо лучше мазей, которыми он теперь уснащает больные свои члены,—так полагаю» (ЛН, т. 51—52, с. 101).

Ст. 5—12 написаны Некрасовым раньше, в 1867 г., первоначально ими оканчивалась сатира «Суд» (см. выше, с. 404).

<ЭКСПРОМТ НА ЛЕКЦИИ И. И. КАУФМАНА> («В СТРАНЕ, ГДЕ НЕТ НИ ЗЛАТА НИ СРЕБРА...»)

(С. 170)

Печатается по автографу ИРЛИ.

Впервые опубликовано Чешихиным-Ветринским в статье «Крохи Н. А. Некрасова (Из данных П. А. Ефремова)»: День, 31 дек.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф из архива А. Н. Пыпина, на четвертушке бумаги, карандашом, без заглавия, с пометой А. Н. Пыпина чернилами в верхнем левом углу: «5 янв. 1875 г. В собрании Литер<атурного> фонда по поводу финансового чтения Кауфмана»,— ИРЛИ, ф. 250, оп. 5, ед. хр. 46.

Копии: 1) с разночтением в ст. 1 из архива П. А. Ефремова — ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 496; 2) в экземпляре Ст 1874 из библиотеки П. А. Ефремова, на одном из двух листов, вклеенных перед оглавлением,— ИРЛИ б, шифр: $18\frac{1}{2}$.

В собрании В. Е. Евгеньева-Максимова, среди бумаг Некрасова, находилась запись неизвестной рукой следующей эпиграммы:

Твой слог томителен и тяжек...
А узнаем мы лишь одно,
Что много на Руси бумажек,
Но это знают все давно.

Над текстом надпись другим почерком: «Экспромт Некрасова по поводу доклада И. И. Кауфмана, читанного в Лит<ературном> фонде» (указано М. М. Гином). В настоящее время рукопись хранится в ИРЛИ (Р. I, оп. 20, № 107). По-видимому, эта эпиграмма написана Некрасовым одновременно или почти одновременно с комментируемой.

Лекция чиновника Центрального статистического комитета при Министерстве внутренних дел экономиста И. И. Кауфмана (1848—1916), прочитанная им по случаю его избрания членом Литературного фонда, по свидетельству современников, была скучной и легкомысленно оптимистической, вызвала насмешки в печати (см., например: БВ, 1875, 8 янв., № 6, где рецепт, предлагаемый Кауфманом для оздоровления финансов (выпуск новых

кредитных билетов взамен старых), сравнивался с «Тришкиным кафтаном»).

Тема безденежья, актуальная в 1860—1870-х гг., не раз привлекала Некрасова. «Современная Россия,— писал он в 1866 г.,— говорит в собраниях о том, что нет ни у кого денег, и предлагает средства самые верные от безденежья, какие прежде предлагались только от зубной боли...» (ПСС, т. IX, с. 432). Ср. также сатиру Некрасова «Балет», отрывок из которой под заглавием «Безденежье» печатался в издании «Заря. Сборник для легкого чтения» (Казань, 1868, с. 3—7).

О. А. ПЕТРОВУ

(С. 171)

Печатается по корректуре ИРЛИ.

Впервые опубликовано: с искажениями — Музыкальный свет, 1876, 2 мая, № 17, с. 133, без указания автора; в окончательной редакции В. Е. Евгеньевым-Максимовым по тексту беловой рукописи — Современник, 1914, № 10, с. 47—48.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Копия с автографа первоначальной редакции из фонда Русского музыкального общества, чернилами, без даты, с заглавием: «Петрову (в день 50-летнего юбилея)», подписью: «Н.» и припиской: «P. S. Если нужно будет по музыке, то отчеркнутый куплет может быть повторен в конце, причем вместо „*не слабел*“ надо будет поставить „*не слабей*“» — ЛГИА, ф. 408, оп. 1, № 195, л. 85. В приписке имеется в виду второй куплет, не вошедший в окончательную редакцию стихотворения и отчеркнутый слева на полях вертикальной чертой. Опубликовано с разночтением в ст. 3: PC, 1886, № 11, с. 484, с подписью: «П. В.». «Стихотворение это,— писал П. В.,— написано поэтом Н. А. Некрасовым и хранится в библиотеке Санкт-Петербургской консерватории. Оно было положено на музыку композитором Чайковским...».

Автограф П. И. Чайковского — партитура гимна с подстрочным текстом некрасовского стихотворения — Научная библиотека Ленинградской гос. консерватории, № 1857. На автографе помета: «14 декабря 1875 г. Москва. П. И. Чайковский».

Наборная рукопись, карандашом, без правки, с датой: «1875 г.» — ИРЛИ, ф. 203, № 19. В январе 1877 г. Некрасов предполагал напечатать это стихотворение в составе задуманного, видимо, в декабре 1876 г. цикла из восьми не публиковавшихся ранее лирических обращений к друзьям и современникам: «Неужель еще уроки нужны...», «Приговор», «Т-ву», «О. А. Петрову», «М. Е. С-ву», «— ну» («Человек лишь в одиночку...»), «Друзьям», «Музе» (наборные рукописи всех, кроме комментируемого, стихотворений — ИРЛИ, ф. 203, № 28). Публикация эта не состоялась, в № 1 «Отечественных записок» за 1877 г. были опубликованы первое и седьмое, а в № 2 — второе стихотворения цикла.

Корректурный оттиск (лист гранок «Отечественных записок») новой редакции указанного цикла лирических посланий друзьям и современникам, относящейся, вероятно, к февралю 1877 г.,— ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 3. Состав цикла на этот раз следующий:

«Даже вполголоса мы не певали...», «Мы в своей земле многострадальной...», «Т<ургене>ву», «О. А. Петрову», «С<алтыко>ву», «— ну» («Человек лишь в одиночку...»), «К портрету ***», «Праздному юноше», «З<и>не», «Старость». После стихотворения «— ну» («Человек лишь в одиночку...») и перед стихотворением «К портрету ***» помета Некрасова: «Вставьте сюда же 1) „2-е декабря“, 2) „Отрывок“ и прилагаемое наберите». Стихотворение «О. А. Петрову», с датой: «1875», без правки, текст идентичен наборной рукописи. О причинах, по которым Некрасов прекратил печатание цикла (было набрано десять стихотворений), см. соображения Г. В. Краснова: Некр. и его вр., с. 39—40.

Написано между ноябрем (начало подготовки к торжествам в честь 50-летнего юбилея известного оперного певца Осипа Афанасьевича Петрова (1807—1878)) и 14 декабря (дата переложения стихотворения на музыку П. И. Чайковским) 1875 г.

Впервые исполнено как гимн для соло (тенор), хора и оркестра хором учащихся Петербургской консерватории под управлением К. Ю. Давыдова 24 апреля 1876 г. во время торжественного заседания Русского музыкального общества в честь юбилея О. А. Петрова. Некрасов был в числе приглашенных на торжества и текст гимна написал, по-видимому, по заказу устроителей юбилея.

1876

АВТОРУ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

(С. 172)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: НВ, 1876, 21 марта, № 22, без подписи и указания автора.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден. Копия с вариантом ст. 2 — ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 381 (письмо А. С. Суворина к П. А. Ефремову от 11 декабря 1877 г., в котором указано авторство Некрасова).

Стихотворение является откликом на публикацию в «Русском вестнике» (1875, № 1—4, 1876, № 1—2) первых частей романа Л. Н. Толстого, в которых Некрасов, как и вся демократическая критика того времени, не увидел прогрессивного социального содержания. Эпиграмма не означает отрицательной оценки творчества Толстого. По свидетельству А. С. Суворина, Некрасов перед смертью говорил: «Из нас, стариков, только один Толстой еще писать умеет» (НВ, 1877, № 432).

КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

(С. 173)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: Жизнь, 1898, № 1, с. 3—4, без заглавия, с датой: «Апрель 1876 г.» и указанием от редакции, что стихотворение печатается по автографу из бумаг В. И. Лихачева.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Черновая рукопись, среди набросков стихотворения «Дед Мазай и зайцы», относящихся к 1870 г.,— ГБЛ, ф. 195, М5747б, л. 1—2 (опубликована частично: ПССт 1927, с. 480, полнее: ПСС, т. III, с. 606—607).

В 1876 г. Некрасов хотел опубликовать стихотворение в «Новом времени». Он писал А. С. Суворину 1 мая 1876 г.: «В пьесе „Как празднуют трусу“ первый стих поправьте так: „Время-то есть, да писать нет возможности“» (ИРЛИ, ф. 203, № 45, л. 6). Стихотворение не было тогда опубликовано, вероятно, по цензурным соображениям. Первоначальный текст ст. 1 неизвестен.

Как празднуют трусу.— Праздновать трусу — бояться, трусить, робеть.

Утром мы наше село посещали, Где я родился и взрос.— Речь идет о селе Грешневе Ярославской губернии, где прошло детство поэта. Родился Некрасов в местечке Немиров Винницкого уезда Подольской губернии.

К ПОРТРЕТУ **
(«ТВОИ ПРАВА НА СЛАВУ ОЧЕНЬ ХРУПКИ...»)

(С. 174)

Печатается по копии ИРЛИ.

Впервые опубликовано: НВ, 1876, 6 июня, № 96, без подписи и указания автора, в составе цикла «Из записной книжки» (вместе со стихотворениями «Человек сороковых годов» и «На покосе»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден. Сохранилась копия А. А. Буткевич — ИРЛИ, ф. 203, № 45, л. 6 (письмо Некрасова к А. С. Суворину от 1 мая 1876 г. и семь стихотворений, включая комментируемое).

Некрасов писал А. С. Суворину 1 мая 1876 г.: «Болен так, что не пишется, да и трудно измыслить что-нибудь цензурное. Вот всего четыре стиха <...>. Многим годятся, и мне в том числе».

Интерпретировалось как эпиграмма на Александра II. Ошибочность этой интерпретации доказана С. А. Рейсером в «Заметках о Некрасове» (Звенья, № 5. М.—Л., 1935, с. 524—531).

З<И>НЕ
(«ТЫ ЕЩЕ НА ЖИЗНЬ ИМЕЕШЬ ПРАВО...»)
(С. 175)

Печатается по тексту первой публикации, с уточнением ст. 11 («На борьбу за брата-человека» вместо «На борьбу за брата человека») по корректуре.

Впервые опубликовано: ПП, с. 17, с заглавием «З-не».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден. Корректура, правленная Некрасовым, с датой: «18-го мая» — ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 3.

Написано в период первого обострения болезни (раковая опухоль), весной 1876 г. Некрасов писал А. С. Суворину 1 мая 1876 г.: «Всё собираюсь к Вам зайти, да мочи нет, болен».

Зина — жена Некрасова (Фекла Анисимовна Викторова, 1851—1915), с которой он сблизился в начале 1870-х гг. и обвенчался за несколько месяцев до смерти. Некрасов и его знакомые называли ее Зинаидой Николаевной. Ей он посвятил поэму «Дедушка» (1870). На подаренной ей книге «Стихотворений» (1874) Некрасов написал: «Милому и единственному другу моему Зине» (ЛН, т. 49—50, с. 187).

«СКОРО СТАНУ ДОБЫЧЕЮ ТЛЕНЬЯ...»
(С. 176)

Печатается по ПП, с. 14, с восстановлением ст. 14 («Пали жертвой насилья, измен» вместо «Пали жертвою злобы, измен») по наборной рукописи.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 1, с. 281, с подписью: «Н. Н.» и изменением по цензурным причинам ст. 14 (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автографы: 1) первоначальная редакция, с датой: «1874» и пометой Некрасова: «Стих<отворения> Некр<асова>. Часть VI. На последнюю страницу в 1-м отделе», свидетельствующей о том, что стихотворение предназначалось для Ст 1874, где не появилось по неизвестным причинам,— ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 25, л. 1 (опубликована: ПССт 1927, с. 545); 2) наборная рукопись — ГБЛ, ф. 195, п. 1, № 26, л. 1 (опубликована: ПСС, т. II, с. 608).

Стихотворение послужило поводом для адреса, преподнесенного Некрасову в начале февраля 1877 г. студенческой молодежью. В нем, в частности, говорилось:

«Прочли мы твои „Последние песни“, дорогой наш, любимый Николай Алексеевич, и защемило у нас сердце: тяжело читать про твои страдания, невмоготу услышать твое сомнение: „Да и некому будет жалеть...“

Мы пожалеем тебя, любимый наш, дорогой певец народа, певец его горя и страданий; мы пожалеем того, кто зажигал в нас

эту могучую любовь к народу и воспламенял ненавистью к его притеснителям.

Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья.

Знай же, что ты не одинок, что взлелеет и возрастит семена всей душой тебя любящая учащаяся молодежь русская» (Книга и революция, 1921, № 2, с. 55).

Стихотворение вызвало ряд студенческих поэтических откликов: «Не говори, что ты сойдешь в могилу Никем не оценен и не любим...» (Н, 1877, 30 янв., № 5); «Напрасно мнил, что ты и жил И умираешь нелюбим...» (СПбВ, 1877, 10 марта, № 69). По поводу этих откликов в статье «Поэт народной скорби» еженедельника «Наш век» говорилось: «Сколько мы помним, в нашей общественной жизни не была еще проявлена так ярко связь между писателем и публикой. Тут почувствовалась нота давнишнего сердечного понимания» (Наш век, 1877, № 13).

Достоевский писал по поводу ст. 13—16 в январском номере «Дневника писателя» за 1877 г.: «На страдальческой своей постели он (Некрасов,— *Ред.*) вспоминает теперь своих отживших друзей. Тяжелое здесь слово это: *укоризненно*. Пребыли ли мы „верны", пребыли ли? Всяк пусть решает на свой суд и совесть» (*Достоевский Ф. М*: Полн. собр. художеств. произв., т. XII. М.—Л., 1930, с. 33).

Тяжело умирать, хорошо умереть...— мысль, близкая признанию Г. Гейне: «...ужасно умирание, если смерть вообще существует» (из письма Гейне к Ю. Кампе от 1 сентября 1846 г.: *Гейне Г.* Собр. соч. в 10-ти т., т. XI. М., 1959, с. 202). По воспоминаниям П. И. Вейнберга, больной Некрасов настойчиво просил его рассказать о предсмертной болезни Гейне. Когда, по словам Вейнберга, он упомянул, что Гейне «в дни его страданий находил ужасным „не смерть <...>, а умирание",— Некрасов „вдруг" воскликнул: „Как! Гейне сказал это?.. Удивительно! Да ведь это почти слово в слово мой стих, недавно написанный..."» (Некр. в восп., с. 466).

...на меня их портреты...— Над постелью Некрасова висели портреты Н. А. Добролюбова и Адама Мицкевича; однако смысл этих слов, очевидно, шире: имеются в виду духовные наставники и соратники поэта.

Другие редакции и варианты

Старый дом, позабытый с рожденья! — Реминисценция из стихотворения Н. П. Огарева «Старый дом».

«УГОМОНИСЬ, МОЯ МУЗА ЗАДОРНАЯ...»

(С. 177)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано Н. Нильским по автографу, полученному им от друга Некрасова, артиста П. А. Никитина: Петербургский листок, 1907, 27 дек., № 355, с примечанием: «Стихотворение это написано в Крыму и помечено 1876 годом».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.
Автограф не найден.

Стихотворение не имеет окончательной редакции. Впервые оно было публично прочитано Н. Нильским на открытии памятника Некрасову на Новодевичьем кладбище в Петербурге 13 сентября 1881 г.

З<И>НЕ
(«ДВЕСТИ УЖ ДНЕЙ...»)
(С. 179)

Печатается по ПП, с. 12.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 1, с. 279, с заглавием: «З-не», датой: «4 дек<абря> 1876, ночь» и подписью: «Н. Н.» (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

О З. Н. Некрасовой см. выше, с. 474, комментарий к стихотворению «З<и>не» («Ты еще на жизнь имеешь право...»). Она самоотверженно ухаживала за больным поэтом. По словам Н. П. Некрасовой, «она никуда не отходила от больного ни днем, ни ночью» (Некрасов. К 50-летию со дня смерти. Л., 1928, с. 22). «Зато по истечении этих двухсот дней и ночей она,— по свидетельству П. М. Ковалевского,— из молодой, беленькой и краснощекой женщины превратилась в старуху с желтым лицом и такою осталась» (*Ковалевский П. М.* Стихи и воспоминания. СПб., 1912, с. 297).

В течение лета и осени 1876 г. болезнь прогрессировала. 1 ноября 1876 г. М. Е. Салтыков-Щедрин писал П. В. Анненкову: «Сегодня <...> воротился из Крыма Некрасов — совсем мертвый человек. Ни сна, ни аппетита — всё пропало, всё одним годом сказалось. Не проходит десяти минут без мучительнейшей боли...» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч., т. XIX, кн. 1. М., 1976, с. 29). А. Н. Плещеев сообщал А. П. Лукину 6 декабря 1876 г.: «Некрасов очень, очень плох. Мне кажется, едва ли он встанет» (ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 628). Осмотр больного в начале декабря 1876 г. Н. В. Склифосовским подтвердил безнадежное состояние Некрасова. «В передаче своего мнения больному профессор Склифосовский старался его как можно более успокоить, но или в его словах, или в тоне проскользнуло что-то такое, что, видимо, сделало на Николая Алексеевича тяжелое впечатление...» (*Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1897, с. 450).

Стихотворение положено на музыку Ц. А. Кюи, 1902.

Двести уж дней, Двести ночей...— Счет Некрасов вел от 18 мая 1876 г.— даты первого стихотворения, посвященного Зине («Ты еще на жизнь имеешь право...»).

СЕЯТЕЛЯМ

(С. 180)

Печатается по ПП, с. 3.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 1, с. 278, с подписью: «Н. Н.» (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

Аллегория, лежащая в основе стихотворения, восходит к евангельскому источнику (см.: Евангелие от Марка, гл. 4, ст. 3—29). Этот образ, неоднократно возникающий в западноевропейской и русской поэзии, символизирует проповедь свободы, истины, знания («Der Sämann» («Сеятель») Ф. Шиллера, «Свободы сеятель пустынный...» А. С. Пушкина (1823), «До свиданья» Н. П. Огарева (1867), «Блаженны вы, кому дано...» А. Н. Плещеева (1871) и др.). В подобном же значении встречается в народнической публицистике (см.: *Гин М.* Литература и время. Исследования и статьи. Петрозаводск, 1969, с. 130—133) и в народнической поэзии (ВРП, с. 278—287). Ср. также у Некрасова: «Сеет он всё-таки доброе семя!» («Саша»); «В нас под кровлею отеческой Не запало ни одно Жизни чистой, человеческой Плодотворное зерно» («Песня Еремушке»); «...чистых впечатлений И добрых знаний много сеял ты...» («Медвежья охота»).

Стихотворение Некрасова вызвало подражания в демократической поэзии (см.: ПССт 1931, с. 606; *Осьмаков Н. В.* Некрасов и революционное народничество.— В кн.: Некрасов в школе. М., 1960, с. 70). Консервативная критика отнеслась к нему враждебно (см.: *Де-Пуле М.* Николай Алексеевич Некрасов. Историко-литературный очерк.— РВ, 1878, № 5, с. 341—342).

В 1878 г. вольный перевод стихотворения на польский язык был сделан Г. Квятковским («Siewaczom»). Реминисценции из стихотворения есть в революционной песне польского поэта Б. Червенского «Красное знамя» («Czerwony sztandar», 1881).

Стихотворение положено на музыку Ц. А. Кюи, 1902, Н. И. Компанейским, 1909, и др.

Кошница — корзина.

МОЛЕБЕН

(С. 181)

Печатается по ПП, с. 10—11, с восстановлением ст. 19—20 по автографу в книге, подаренной Некрасовым И. Н. Крамскому,— ГТГ, № 16/426 (эти же стихи были вписаны Некрасовым в экземпляр «Последних песен», принадлежавший П. А. Ефремову (см.: День, 31 дек.), и в экземпляр, подаренный им Ф. М. Достоевскому (РЛ, 1969, № 1, с. 187)).

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 1, с. 278—279, с подписью: «Н. Н.» и заменой ст. 19—20 двумя строками точек по цензурным соображениям (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден. Вариант ст. 21—23 («О претерпевших страду многолетнюю, Слышавших рабскую песню последнюю») записан среди названий задуманных стихотворений («Кормилица-великанша», «Неожиданный гость», «Гумбольт (букинист)», «Вестминстерское аббатство») и затем зачеркнут (ИРЛИ, ф. 203, № 42, л. 5).

Положено на музыку Ц. А. Кюи, 1902, В. А. Березовским, 1917, и др.

ДРУЗЬЯМ

(С. 182)

Печатается по ПП, с. 16.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 1, с. 282, с подписью: «Н. Н.» (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автографы: 1) набросок — ИРЛИ, 21.200, п. 21 (опубликован частично: ПССт 1927, с. 471; более полно: ПП 1974, с. 142); 2) наборная рукопись с зачеркнутой датой: «Декабрь 1876» — ИРЛИ, ф. 203, № 28.

МУЗЕ

(С. 183)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ПП, с. 18.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф, без заглавия,— ИРЛИ, ф. 203, № 28.

ВСТУПЛЕНИЕ К ПЕСНЯМ 1876—77 ГОДОВ

(С. 184)

Печатается по ПП, с. 7—8.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 1, с. 277—278, под заглавием: «Вступление», с подписью: «Н. Н.» (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, с. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф первоначальной редакции, с более поздними вставками для наборной рукописи, под заглавием: «Музе» и с указанием наборщику: «1. Потом из тетрадки набирай страницы 5, 6, 9, потом лист 2, 3 с лоскутком вначале»,— ГБЛ, ф. 195, п. 1, № 13 (опубликован частично: ПСС, т. II, с. 607, более полно: ПП 1974, с. 139). Сохранилась также копия А. А. Буткевич, контаминация разных редакций,— ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 40 (опубликована: Ст 1879, т. IV, с. С).

Комментируемое произведение открывало лирический цикл «Последние песни» (ОЗ, 1877, № 1), в который вошли также стихо-

творения «Сеятелям», «Отрывок», «Молебен», «З<и>не» («Двести уж дней...»), «Пророк», «Дни идут... всё так же воздух душен», «Скоро стану добычею тленья...», «Друзьям». Цикл был продолжен в следующем номере «Отечественных записок»: «З<и>не» («Пододвинь перо, бумагу, книги!..»), «Поэту» («Любовь и Труд — под грудами развалин!..»), «Горящие письма», «Приговор». В нем выражены тяжелые переживания Некрасова во время предсмертной болезни (см. выше, с. 474, 475, 476) и его раздумья об общественном призвании поэта. Каждое стихотворение неповторимо: перевоплощение библейских мотивов в революционные в «Пророке», демократическая по содержанию аллегория стихотворения «Сеятелям», лирический дневник в посланиях «Зине», исповедальный характер элегий «Скоро стану добычею тленья...», «Дни идут... всё так же воздух душен», обличительные мотивы стихотворения «Приговор», лирико-символический смысл «Молебна». Скрепляет цикл идея служения «великим целям века». В цикле вырисовывается собирательный тип лирического героя, революционера-подвижника, изображены широкомасштабные конфликты, отражающие историю русского освободительного движения. Цикл «Последние песни» с примыкающими к нему произведениями справедливо расценивается как «поэтическое завещание» Некрасова (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Поэтическое завещание Н. А. Некрасова. (Сборник «Последние песни»).— Некр. сб., I, с. 37—50, а также: *Саксонова М. М.* Книга Н. А. Некрасова «Последние песни».— Тр. Ташкентск. гос. ун-та. Нов. сер., 1960, вып. 159; *Сивцова Н. С.* Образ автора «Последних песен».— Полярная звезда, Якутск, 1971, № 3; *Краснов Г. В.* Последняя книга поэта.— ПП 1974).

«Вступление к песням 1876—77 годов» Некрасов рассматривал как «предисловие» к циклу, как «прощание с жизнью» (ЛН, т. 49—50, с. 192). В «Последних песнях» стихотворение открывало первый отдел книги. В нем два мотива, два состояния героя — ощущение конца, самоотпевание, и самовоскрешение, возрождение. «Вступление...» родилось из первоначальной редакции стихотворения «Музе», описывающего физические и нравственные муки героя. Для окончательной редакции заново написаны последние три строфы, в которых с редким лирическим проникновением выражена сила духа поэта.

Стихотворение, как и другие произведения цикла «Последние песни», встретило многие сочувственные отклики. Ф. М. Достоевский писал: «Прочел я „Последние песни“ Некрасова в январской книге „Отечественных записок“. Страстные песни и недосказанные слова, как всегда у Некрасова, но какие мучительные стоны больного. Наш поэт очень болен и — он сам говорил мне — видит ясно свое положение. Но мне не верится» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. художеств. произв., т. XII. М.—Л., 1930, с. 31). Н. Г. Чернышевский сообщал А. Н. Пыпину из сибирской ссылки в августе 1877 г.: «Глубоко скорблю <...>, если, когда ты получишь мое письмо, Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его как человека, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов» (*Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. XV. М., 1953, с. 88).

— НУ
(«ЧЕЛОВЕК ЛИШЬ В ОДИНОЧКУ...»)
(С. 186)

Печатается по корректуре ИРЛИ.

Впервые опубликовано: РСл, 1913, 11 дек., № 285.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф — наборная рукопись с заглавием: «— <н>у» и датой: «1876, дек<абрь>» — ИРЛИ, ф. 203, № 28. Известна также правленная Некрасовым корректура с заглавием: «— ну» и датой: «1876, декабрь» — ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 3.

Некрасов предполагал опубликовать стихотворение в неосуществленном цикле 1877 г. (см. выше, с 471—472, комментарий к стихотворению «О. А. Петрову»).

...«не всяко лыко в строчку»... — народная поговорка (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, с. 276).

«НЕ ЗА ЯКОВА РОСТОВЦЕВА...»
(С. 187)

Печатается по копии ЦГАЛИ.

Впервые опубликовано в статье В. Е. Евгеньева-Максимова «Н. А. Некрасов и реакция 60—70-х гг.»: З, 1913, № 2, с. 136.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден. Сохранилась копия П. А. Ефремова — ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 491 (на оборотной стороне конверта письма к нему М. Л. Златковского от 24 декабря 1876 г.).

Яков Иванович Ростовцев (1803—1860) — в период подготовки реформы 1861 г.— председатель Редакционных комиссий по выработке Положения об отмене крепостного права, сторонник либеральных проектов реформы. После реформы 1861 г. на гробницу Ростовцева по высочайшему повелению была возложена золотая медаль, а либеральная историография нарекла его «защитником народного дела».

О Н. А. Милютине см. выше, с. 433—434, комментарий к стихотворению «Кузнец».

«НИ СТЫДА, НИ СОСТРАДАНЬЯ...»
(С. 188)

Печатается по копии ИРЛИ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1879, т. IV, с. 126, с примечанием: «Из бумаг поэта, 1876 г.» (там же, с. CXXXV).

Автограф не найден. Сохранилась копия А. А. Буткевич в ее письме к С. И. Пономареву от 14 июля 1878 г.— ИРЛИ, Р. II, оп. I, № 40, л. 18.

1861—1877

Т<УРГЕНЕ>ВУ

(С. 189)

Печатается по корректуре ИРЛИ, с восстановлением первоначальной редакции третьей и восьмой строф, явно изъятых по цензурным соображениям, по автографу ИРЛИ (ф. 203, № 19).

Впервые опубликовано в статье В. Е. Евгеньева-Максимова «Н. А. Некрасов и А. И. Герцен»: З, 1913, № 12, с. 45.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автографы: 1) беловой автограф первоначальной редакции, с *** вместо заглавия, эпиграфом (карандашом): «О, зачем с этою головою не стал ты другом бедных и опорой покинутых всеми? Диккенс» и датами — над текстом: «1861. 14 июля. Грешнево», под текстом: «7 июля»,— ГБЛ, ф. 195, п. 5761; 2) другой автограф той же редакции, относящийся к последним годам жизни Некрасова, в двух единицах хранения: <1> рукопись, представляющая собой начало стихотворения, т. е. ст. 1—20, без ст. 9—12, с заглавием: «Т[ургене]ву» и пояснением Некрасова: «(Писано собственно в [1860] 1861 году, к которому и относится, когда разнесся слух, что Тургенев написал „Отцов и детей" и вывел там Добролюбова, теперь я только поправил начало)»,— ИРЛИ, ф. 203, № 34; <2> Рукопись, начинающаяся ст. 9—16 («Ты как поденщик выходил ∾ С глупца и негодяя»), зачеркнутыми автором, с заглавием: «Т-ву», датой: «1861 год» и надписью над текстом: «Начало на лоскутке. [Вспомнил и записал 11 января]» — ИРЛИ, ф. 203, № 19. Известна также правленная Некрасовым корректура, где стихотворение в окончательной редакции входит в цикл лирических посланий друзьям и современникам 1877 г. (см. о нем выше, с. 471—472, комментарий к стихотворению «О. А. Петрову»), без даты, с заглавием: «Т-ву» и пометой: «Писано собственно в 1860 году, к которому и относится по содержанию. Теперь я только поправил некоторые неловкие стихи»,— ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 3.

Датируется 1861—1877 гг. на основе датировок в автографах с учетом позднейшей доработки.

Стихотворение не было напечатано при жизни Некрасова, очевидно, по личным причинам: сложные отношения с недавним другом. В литературе (К. И. Чуковским, В. Е. Евгеньевым-Максимовым, М. К. Лемке и др.) обсуждался вопрос о том, кто является адресатом стихотворения — Тургенев или Герцен, имя которого поэт по цензурным причинам не мог назвать (см. об этом: *Гаркави А. М.* Тургеневу или Герцену? — О Некр., вып. 4, с. 132—145). Делалась попытка разделить стихотворение на два, из которых одно якобы обращено к Герцену, а другое — к Тургеневу (Собр. соч. 1965—1967, т. II, с. 21, 357, 408—409). Обоснованию мысли о том, что как первая, так и последние две редакции стихотворения обращены к Тургеневу, посвящена статья: *Скатов Н. Н.* Н. А. Некрасов и И. С. Тургенев. (К истории создания стихотворения Некрасова «Т<ургене>ву»).— В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971, с. 376—383. Высказывалось предположение, что последние три строфы стихотворения адресованы

Н. А. Добролюбову (см.: *Архипов В.* Поэзия труда и борьбы. Очерк творчества Н. А. Некрасова. М., 1973, с. 186—188, а также: *Прийма Ф. Я.* Н. А. Добролюбов и русское освободительное движение.— РЛ, 1963, № 4, с. 73). Сходного мнения придерживался также А. М. Гаркави в указанной выше статье.

1877

СКАЗКА О ДОБРОМ ЦАРЕ, ЗЛОМ ВОЕВОДЕ И БЕДНОМ КРЕСТЬЯНИНЕ

(С. 191)

Печатается по копии ЦГАЛИ.

Впервые опубликовано: Учен. зап. Калинингр. гос. пед. ин-та, 1958, вып. 4, с. 113—115.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1967, т. III.

Автограф не найден. Копия с указанием фамилии автора: «Н. Некрасов» — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 42.

«Сказка...», вероятно, написана в декабре 1876 — начале января 1877 г. Некрасов читал ее А. Н. Пыпину 15 января 1877 г. Пыпин записал рассказ поэта о его творческих замыслах: «Сказка — „вроде пушкинских“ — „я думаю, пропустят, в ней есть царь, да ведь в сказках без царей нельзя: царь, воевода и крестьянин“» (Некр. в восп., с. 446). Публикация «Сказки...» не была разрешена ни при жизни Некрасова, ни после его смерти (ЛН, т. 53—54, с. 156).

«Сказка...» примыкает к пропагандистским произведениям 1870-х гг.: «Сказка о копейке», «Сказка о Мудрице Наумовне» С. Степняка-Кравчинского, «Сказка о четырех братьях» Л. Тихомирова и др.— а также перекликается с народными сказками и анекдотами: «Орал мужик в поле, выорал самоцветный камень...» (см.: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки, вып. III. М., 1857, с. 135), «В некоем царстве поехал король по столичному городу покататься и в то время обронил со своей руки именной перстень...» (там же, вып. VIII. М., 1863, с. 269—270).

ОТРЫВОК («...Я СБРОСИЛА МЕРТВЯЩИЕ ОКОВЫ...»)

(С. 193)

Печатается по ОЗ, 1878, № 4, с. 418.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 1, с. 278, с подписью: «Н. Н.» (перепечатано: ОЗ, 1878, № 4).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден. Другая редакция ст. 6 возникла летом

1877 г. для сборника стихотворений поэта в серии «Русские поэты», вып. VII, под редакцией М. М. Стасюлевича.

Стихотворение отражает кризис революционного народнического движения, проявившийся уже в середине 1870-х гг. При первой же публикации оно было вырезано по требованию цензуры из большей части тиража «Отечественных записок» (см.: *Саксонова М. М.* О стихотворении Н. А. Некрасова «Отрывок».— Некр. сб., III, с. 351—352; Гаркави 1966, с. 120, 283).

СТАРОСТЬ

(С. 194)

Печатается по корректуре ИРЛИ.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1878, № 4, с. 418, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова».

В собрание сочинений впервые включено; Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден. Правленная Некрасовым корректура — ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 3.

Некрасов предполагал опубликовать стихотворение в неосуществленном цикле 1877 г. (см. выше, с. 471—472, комментарий к стихотворению «О. А. Петрову»).

ПРИГОВОР

(С. 195)

Печатается по ПП, с. 39.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 2, с. 532, с датой: «1877. Ночь с 7-го на 8-е янв<аря>» и подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф первоначальной редакции, с датой: «Ночь с 7 на 8 янв.» и зачеркнутой нерасшифрованной записью на полях: «Посл. Ш/П/С/д-ну/Др»,— ИРЛИ, ф. 203, № 19, л. 1. Известна также правленная Некрасовым корректура — ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 3.

Так о нас весь Запад говорит.— «Запад говорит» — условная форма; в первоначальной редакции повествование шло от первого лица («мы»), прямая речь отсутствовала.

«ДНИ ИДУТ... ВСЁ ТАК ЖЕ ВОЗДУХ ДУШЕН...»

(С. 196)

Печатается по ПП, с. 15.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 1, с. 280 (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Черновой автограф, представляющий собой ранний вариант начала стихотворения, с датой: «Ночь с 8 на 9 янв<аря>» — ИРЛИ, ф. 203, № 19 (опубликован: ПССт 1927, с. 469).

«ЕСТЬ И РУСИ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ...»

(С. 197)

Печатается по автографу ИРЛИ.

Впервые опубликовано по другому автографу, находившемуся у С. Н. Кривенко: З, 1912, № 9, с. 87.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автографы: 1) беловая рукопись, с датой: «23 янв<аря> 1877» и надписью: «Катерине Павловне (жене Г. З. Елисеева,— *Ред.*) подарок на память»,— ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 7; 2) набросок «Вестминстерское аббатство Есть у нас свое» — ИРЛИ, ф. 203, № 42. Автограф, принадлежавший С. Н. Кривенко, по которому сделана первая публикация, не найден.

Высказано требующее, однако, дополнительной аргументации предположение, что первоначально комментируемое стихотворение завершалось четверостишием «Зазевайся, впрочем, шляпу...» (см.: *Заборова Р. Б.* Стихотворение Некрасова «Есть и Руси чем гордиться...» — Некр. сб., VI, с. 159—161).

Стихотворение является откликом на слушавшееся в Сенате в январе 1877 г. дело «О преступной демонстрации на Казанской площади в С.-Петербурге 6 декабря 1876 г.». Многие из подсудимых были приговорены к ссылке и каторге. Демонстрация была организована обществом «Земля и воля». На демонстрации выступал Г. В. Плеханов.

Вестминстерское аббатство — церковь в Лондоне, место погребения государственных деятелей, полководцев, ученых, писателей.

«ЗАЗЕВАЙСЯ, ВПРОЧЕМ, ШЛЯПУ...»

(С. 198)

Печатается по автографу ЦГАЛИ.

Впервые опубликовано: ЛН, т. 53—54, с. 155.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1967, т. III.

Автограф с датой рукою П. А. Ефремова: «Четв<ерг>», 27 янв<аря> 1877, $8^1/_2$ ч. вечера» — ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 491.

Ср. комментарий к предыдущему стихотворению.

ПОСВЯЩЕНИЕ
(«ВАМ, МОЙ ТРУД ЦЕНИВШИМ И ЛЮБИВШИМ...»)

(С. 199)

Печатается по автографу ИРЛИ.

Впервые опубликовано по автографу, хранящемуся в библиотеке ЛГУ: СПбВ, 1877, 20 дек., № 351 (перепечатано: РБ, 1893, № 4).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автографы: 1) автограф, с поправками, заглавием: «[Посвящаю моим друзьям-читателям] Моим друзьям-читателям. Посвящение», датой: «С.-П<етер>б<ург>, 1 февраля 1877 года» и подписью: «Н. Некрасов» — библиотека ЛГУ (на титульном листе предполагавшегося сборника 1877 г. «В черные дни. Новые стихотворения Н. А. Некрасова (1874—1877)»; факсимиле и описание автографа см.: *Беседина Т. А.* По поводу автографа Н. А. Некрасова в библиотеке Ленинградского государственного университета.— Научный бюллетень ЛГУ, 1947, № 16—17, с. 63—66); 2) беловая рукопись с заглавием: «Посвящение», датой: «1 февраля 1877. С.-П<етер>б<ург>» и зачеркнутой подписью: «Н. Н.» — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 2 (опубликована: Некр. по мат. ПД, с. 130—131). Известна также корректура, правленная Некрасовым, с заглавием: «Посвящение к моим последним работам. Моим друзьям-читателям», зачеркнутым подзаголовком: «Из новой книги, приготовленной к печати» и датой: «1-го февраля 1877 г.» — ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 493 (подарена поэтом П. А. Ефремову 17 марта 1877 г.).

Автограф, связанный с первой публикацией стихотворения, был подарен Некрасовым в начале февраля 1877 г. студенческой депутации, преподнесшей больному поэту адрес от имени революционно настроенной молодежи Петербургского и Харьковского университетов, Медико-хирургической академии, Технологического института и Харьковского ветеринарного института (см.: Книга и революция, 1921, № 2, с. 55).

По поводу этого эпизода Г. З. Елисеев писал во «Внутреннем обозрении», вырезанном цензурой из «Отечественных записок» (1878, № 1): «Когда по просьбе одного из этих депутатов я пришел предуведомить покойного, что к нему через час явятся три депутата от студентов с заявлением сочувствия к нему и общей скорби студентов о его болезни, он, видимо, очень обрадовался. „Мне очень это приятно,— сказал он мне,— но я боюсь, чтобы это не было как-нибудь дурно истолковано для них, чтобы не вышло чего... Да и, ах, боже мой! Чем я их отблагодарю. Я бы хотел что-нибудь написать им. Но теперь решительно не в состоянии, а готового ничего нет. Вот разве это дать им? — сказал он, вынимая из находившихся перед ним бумаг написанное вчерне предисловие к «Последним песням».— Предисловие обращено к читателю, но всё равно, оно и к ним относится. Как вы думаете: будут они довольны?“ — обратился он ко мне» (Некрасов. К 50-летию со дня смерти. Л., 1928, с. 70—71).

Автограф стихотворения был вывешен в студенческой библиотеке Петербургского университета. По воспоминаниям очевидцев, он висел под стеклом в студенческой читальне до ее закрытия

в 1882 г. (см.: *Гриневич П. Ф. <Якубович П. Ф.>* Певец больного поколения.— РБ, 1897, № 5, отд. II, с. 23; *Ульянов В.* К двадцатой годовщине похорон Н. А. Некрасова. Из воспоминаний бывшего студента.— Курские губернские ведомости, 1898, № 1).

ГОРЯЩИЕ ПИСЬМА

(С. 200)

Печатается по ПП, с. 38.

Впервые опубликовано (в данной редакции): ОЗ, 1877, № 2, с. 531, с подписью: «Н. Некрасов» и авторским примечанием: «Исправленное прежнее стих<отворение>» (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. I (вариант стихотворения воспроизведен там же — т. IV, с. XLIII). В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

Является новой редакцией стихотворения «Письма», впервые опубликованного в изд. Ст 1856, с. 146, с заменой ст. 15—16 двумя рядами точек, и перепечатывавшегося в таком виде в первой части всех последующих прижизненных изданий (беловой автограф первоначальной редакции: ГБЛ, ф. 195, п. 57—62, л. 43 об.— см.: Другие редакции и варианты, с. 379—380). Новая редакция, включенная в цикл «Последние песни», датируется на основании свидетельства С. И. Пономарева: «Первоначально пьеса написана в 1855, исправлена в 1877, 9 февраля, по указанию поэта» (Ст 1879, т. IV, с. XLII).

В ПССт 1967, т. III, с. 481, дата написания первоначальной редакции (1855) подвергнута сомнению, поскольку автограф ГБЛ находится рядом с записями стихотворений 1856 г. («Прощанье», «Влюбленному» и др.), и высказано предположение, что стихотворение относится к первым месяцам 1856 г.

Обращено к А. Я. Панаевой и, очевидно, вызвано происходившими в 1855—1856 гг. размолвками с ней Некрасова. Возможно, что в это время ею была уничтожена их переписка.

Уж не горит ли с ними и любовь...— реминисценция из стихотворения А. С. Пушкина «Сожженное письмо» (1825): «Прощай, письмо любви, прощай! <...> Гори, письмо любви...».

З<И>НЕ
(«ПОДОДВИНЬ ПЕРО, БУМАГУ, КНИГИ!..»)

(С. 201)

Печатается по ПП, с. 40.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 2, с. 454, с датой: «13 февр<аля> 1877. С.-П<етер>б<ург>» и подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Черновой автограф — ИРЛИ, ф. 68, оп. I, № 41. Сохранилась копия А. А. Буткевич, с искажениями,— ИРЛИ, 21.134.CXLVб.17.

О З. Н. Некрасовой см. выше, с. 474 и 476, комментарии к стихотворениям «З<и>не» («Ты еще на жизнь имеешь право...») и «З<и>не» («Двести уж дней...»).

...Легенду я слыхал: Пали с плеч подвижника вериги, И подвижник мертвый пал! — Возможно, отзвуки легенды «О двух великих грешниках» («Кому на Руси жить хорошо»), рассказывающей об искуплении грехов разбойником Кудеяром. «В некоторых народных вариантах легенды момент исполнения эпитимьи, наложенной на грешника-подвижника, совпадает с его смертью» (Гин 1971, с. 241).

ПОЭТУ
(«ЛЮБОВЬ И ТРУД — ПОД ГРУДАМИ РАЗВАЛИН!..»)

(С. 202)

Печатается по ПП, с. 37.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 2, с. 531, с датой: «Февр<аля> 1877» и подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Черновые наброски — ИРЛИ, ф. 203, № 25.

Первоначальный вариант ст. 1—4 опубликован в анонимной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова. (Библиографические заметки)» по автографу: ОЗ, 1879, № 1, с. 65.

Положено на музыку Ц. А. Кюи, 1902.

БАЮШКИ-БАЮ

(С. 203)

Печатается по ПП, с. 167—169.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 3, с. 267—268, с датой: «1877 г. Марта 3-го» и подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: ПП).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден. Ранняя редакция известна в трех отрывках: первый и второй — по дневниковой записи Некрасова от марта 1877 г. (ОЗ, 1879, № 1, отд. II, с. 65; наст. изд., т. XV) и — более полно — по копии А. А. Буткевич из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова (ЛН, т. 49—50, с. 166—168); третий — по дневниковой записи Некрасова от 14 июня 1877 г. в публикации А. М. Скабичевского (ОЗ, 1878, № 6, с. 402). Кроме того, известны авторские дополнения и пометы к тексту стихотворения в книге «Последние песни», подаренной Некрасовым И. Н. Крамскому,— ГТГ, № 16/426 (см. об этом: Некр. сб., VI, с. 166—167).

По свидетельству А. Н. Пыпина, стихотворение записано А. А. Буткевич 3 марта 1877 г. (ЛН, т. 49—50, с. 192). Оно создавалось в дни резкого обострения предсмертной болезни Некрасова.

В дневнике наброскам стихотворения предшествует текст, который может служить комментарием к нему: «Худо, читатель! Мой дом — постель. Мой мир — две комнаты: пока освежают одну, лежу в другой. Полрюмки кипрского меня опьяняет; гран опия делает меня идиотом, не всегда давая сон. Стихов уже писать не могу, но днями нападает на меня какое-то самомнение. На днях муза моя на прощанье пропела мне такую песнь:

Пускай чуть слышен голос твой <...>»

И далее: «Я испугался и перестал звать свою музу — не выдержал только раз. Недуг меня одолел, но муза явилась ко мне беззубой, дряхлой старухой, не было и следа прежней красоты и молодости, того образа породистой русской крестьянки, в каком она всегда чаще являлась мне и в каком обрисована в поэме моей „Мороз, Красный нос“. Я пожалел, что не выдержал:

Непобедимое страданье <...>

И с той поры нет моей музы, нет новых песен. День ото дня чувствую себя хуже, слабей. Что же, однако, делать, надо приниматься за прозу» (ЛН, т. 49—50, с. 166—168).

14 июня 1877 г. Некрасов писал в дневнике: «Сибиряки обнаружили особенную симпатию ко мне со времени моей болезни. Много получаю стихов, писем и телеграмм. Было две, с двумя десятками подписей. Я хотел сделать на это намек в стихотворении „Баюшки-баю“ — и было там четыре стиха:

И уж несет от дебрей снежных <....>,

да побоялся, не глупо ли будет» (ЛН, т. 49—50, с. 168). В одной из телеграмм, отправленной из Ирбита с какого-то представительного собрания 17 февраля 1877 г. на имя А. С. Суворина, говорилось: «Просим вас сказать Некрасову, что его обутая широким лаптем муза мести и печали давно протоптала глубокую тропу в наши простые сердца; пусть он выздоравливает, пусть он встанет и доскажет нам, кому живется весело и вольготно на Руси и почему умирают и собираются умирать наши надежды. Это говорят сибиряки со всех концов Сибири» (Евгеньев, с. 254).

Стихотворение отталкивается от общей и собственной литературной традиции: «Казачья колыбельная песня» М. Ю. Лермонтова и ряд ее перепевов в русской поэзии («Песня русской няньки у постели барского ребенка (Подражание Лермонтову)» Н. П. Огарева, например), в том числе в творчестве самого Некрасова («Колыбельная песня» («Спи, пострел, пока безвредный...»), 1845). Стихотворение созвучно также некрасовской «Песне Еремушке» (1859).

В сборнике «Последние песни» «Баюшки-баю» было включено в третий отдел «Из поэмы „Мать“» и являлось своеобразным эпилогом незавершенной поэмы и всей книги.

4 марта 1877 г. стихотворение было прочитано поэтом А. Н. Пыпину, Н. А. Белоголовому, Е. И. Богдановскому. По словам Пыпина, Некрасов «стоял на постели на коленях в одной рубашке, и его манера чтения делала впечатление пьесы еще сильнее и тяжелее» (ЛН, т. 49—50, с. 192). Н. А. Белоголовый писал, что из

стихотворения «Баюшки-баю» «публика, как из бюллетеня <...> могла усмотреть, что здоровье поэта всё плохо и что опасность близкой смерти его не устранена...» (*Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1897, с. 456).

Стихотворение имело большой общественный резонанс. И. Н. Крамской писал П. М. Третьякову 11 апреля 1877 г.: «А какие стихи его последние, самая последняя песня 3-го марта, „Баюшки-баю“. Просто решительно одно из величайших произведений русской поэзии!» (*Крамской И. Н.* Письма. Статьи, т. 1. М., 1965, с. 398). Свою картину «Некрасов в период „Последних песен“» Крамской датировал тем же числом, каким датировано стихотворение «Баюшки-баю» — 3 марта 1877 г., хотя картина была создана художником позже.

Даже враждебная Некрасову критика вынуждена была отметить «значительные поэтические достоинства» стихотворения (см.: *<Авсеенко В. Г.>* Еще «Последние песни» г. Некрасова.— РМ, 1877, 24 апр., № 108; *М<арков> В.* Литературная летопись.— СПбВ, 28 мая, № 145 и др.).

Демократическая критика увидела в стихотворении призыв к социальному преобразованию России. П. В. Засодимский, рассказывая о похоронах Некрасова, писал А. И. Эртелю 31 декабря 1877 г.: «Я думаю, что „Баюшки-баю“ можно отнести и ко многим, и ко мне в том числе. И нас народ тоже узнает еще не скоро, узнает тогда, когда станет читать сам наши книги...» (РЛ, 1967, № 3, с. 161).

В некрологе, посвященном Некрасову, в связи со ст. 46—49 говорилось о «гордой надежде поэта»: «Это почти последние строки, написанные Некрасовым, ими он себя убаюкивал, уже, можно сказать, умирая... И эти самобичевания и эти самоубаюкивания ясно показывают, как понимал поэт свою задачу, чего он от себя требовал <...>. Вообще же мрачный колорит его „музы мести и печали“, навеянный его прошлым и настоящим, не бросал ни одной тени на будущее» (ОЗ, 1878, № 1).

Стихотворение вызвало подражание в народнической поэзии: «Совет» (1882) П. В. Шумахера, «Колыбельная песнь» (1888) В. Н. Фигнер и др.

<ИЗ ПОЭМЫ «БЕЗ РОДУ, БЕЗ ПЛЕМЕНИ»> («ИМЕНИ И РОДУ...»)

(С. 205)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: НВ, 1878, 1 янв., № 662.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

Замысел поэмы складывался весной 1877 г. Некрасов рассказывал о ней А. Н. Пыпину и А. С. Суворину. Свидетельство Пыпина относится к его посещению Некрасова 4 марта 1877 г.: «Он стал рассказывать сюжет, который именно теперь бродил: снежная пустыня, Сибирь, на снегу отпечатались лапки птиц и зверьков;

бродит беглый, не помнящий родства; много раз он попадался, начальство бывало строгое: „Кто ты?“ — „Житель“,— начальство бесится; „Кто ты?“—„Сочинитель“,— начальству смешно, и бродяга обошелся без наказания. Он жил в селе, и была у него невеста; чиновник отбил, и он ушел в Сибирь и бродил „не помнящим родства“. Теперь — время ужасное: дни всё дольше, а снегу всё больше. Попадается ему маленький зверек, замерзший; он взял его на руки, тот дрыгает лапкой, еще жив. Он спрятал зверька, горностая, в шапку, и всё бродил; через несколько времени снял шапку посмотреть — зверек ожил и стремглав ринулся в лес. Другая встреча: набрел на кибитку, там тот самый чиновник с его бывшей невестой и ребенком: они сбились с пути, грозит метель, ямщик ушел искать дорогу. Они просят спасти их; бродяга отводит их в избу, какие строят в пустых местах для всякого случая. Он отводит их туда,— и хочет потешиться мщением; он любит смотреть на огонь и собирается сжечь их; он обложил избу дровами, выбрал место, откуда станет смотреть,— но захотелось ему взглянуть еще раз на эту женщину; он взглянул в волоковое окно и увидел, что она молится и ребенка крестит. Зрелище поразило его, он бросился бежать и без оглядки тридцать верст пробежал.

Он объяснил, что так ему представляется народный характер — при всей беде, порче, необузданности с мягкими, человеческими чувствами в основании...» (ЛН, т. 49—50, с. 192—194).

После своего посещения поэта 19 марта 1877 г. А. С. Суворин рассказ Некрасова о той же поэме записал в двух вариантах. В записи 19 марта 1877 г.: «Я тут задумал. Это страшное что-то. Лежу, и всё мне мерещатся степи, степи, степи. Сибирь и снега. Целая поэма — „Без роду, без племени“. Я вам отдам всё — делайте, что знаете, употребите как материал. Этот человек бежит, голодает и холодает. Нигде приюта. И степь, и снега. Только видит он что-то черное. Поднял — горностай, замерз, бедняга. Звон колокольчика. Как не будешь богомольным. Снять, что ли, шапку и перекреститься. Снял. Что-то шевелится в шапке. Смотрит, горностай в тепле ожил. Он взял его в руку, спустил — он прямо в лес бросился, на свободу. Вот вам начало» (НВ, Белград, 1922, 24 авг.; см. также: Прометей, т. 7. М., 1971, с. 290). В воспоминаниях, написанных после похорон Некрасова: «В последнее время всё мне представляются степи. Без конца лежит степь. Куда ни взглянешь, всё степь и степь, сибирская, беспредельная. Вот вижу, снег идет, так и валит, и степь белеет, и я смотрю на нее долго, долго. Этот образ степи просто не дает мне покою. И я задумал целую поэму, которую назову „Без роду, без племени“. Разные подробности у меня сложились, несколько стихов набросано на этих листах, а другие в голове. Понимаете, что будет. По этой степи ходит человек. Он вырвался из острога на волю. А воля эта — степь. И зимой и летом он там. Он бежит, бежит до истощения сил, голодает, холодает. Нигде нет приюта. Тут я опишу, как мучит человека холод, голод, жажда. Это ужасные муки. Я знаю теперь, что значит физическая мука. И вот он идет, и ничего нет, кроме снега и степи... Вдруг видит он что-то черное. Он туда, смотрит — горностайка: замерз, бедняга. Подумал, подумал — бросить горностайку или взять с собой? Всё-таки товарищ, божье созданье, всё будет не один в этой проклятой степи. Снял он шапку, положил горностай-

ку, надел ее опять и снова идет. Всё степь и снега, сил не хватает идти. И вот слышит звон. Остановился, прислушался. Жилье близко. Да что там его ждет? Этот звон только раздражает, только напоминает, что есть близко люди, да нельзя к ним идти — он бродяга, без рода, без племени. А звон продолжается. Перекреститься или нет? — думает он. Чему радоваться? И озлобление берет его, и вспоминает он, как жил он между людьми, как этот звон колокольный вызывал в нем чувство. Снял он шапку — глядь, а горностайка шевелится: он согрел его на голове своей. Глядит на него, по шерстке гладит. Ну, хочешь со мной, или на волю? Присел, спустил горностайку — прижался зверек и вдруг бросился на волю... Это начало. Вот вам несколько стихов — делайте с ними что хотите» (НВ, 1878, 1 янв., № 662).

«ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ! КАК НИЩИЙ ПРОСИТ ХЛЕБА...»

(С. 206)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1878, № 1, с. 309.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

Начало стихотворения перекликается с замыслом сборника под названием «В черные дни. Новые стихотворения Н. А. Некрасова (1874—1877)» (см. выше, с. 485), комментарий к стихотворению «Посвящение»). Ст. 4 возник под влиянием цензурных мытарств, связанных с книгой «Последние песни» (ЛН, т. 49—50, с. 172).

Датируется на основании дневниковой записи А. А. Буткевич 1877 г. (ЛН, т. 49—50, с. 172).

«ОН НЕ БЫЛ ЗЛОБЕН И КОВАРЕН...»

(С. 207)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано А. М. Скабичевским: ОЗ, 1878, № 6, с. 402.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

Датируется на основании дневниковой записи поэта от 14 июня 1877 г., в которой комментируемый текст следует за словами: «Буду писать, что приходит в голову; надо же убивать время» (ОЗ, 1878, № 6, с. 402).

ТЫ НЕ ЗАБЫТА...

(С. 208)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1878, № 2, с. 609, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова», с датой: «5-го ноября 1877 г.».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

По предположению А. М. Гаркави, стихотворение написано под впечатлением «процесса 193-х», начавшегося в конце 1877 г. (Гаркави, с. 23).

ОСЕНЬ

(С. 209)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1877, № 11, с. 283, без подписи, с датой: «7-го ноября».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

Стихотворение является откликом на русско-турецкую войну 1877—1878 гг. и, как установлено К. И. Чуковским, написано в противовес урапатриотической газетной шумихе, вызванной взятием Карса 6 ноября 1877 г., на следующий день после этого события (ПССт 1927, с. 514). Ср. стихотворение «Так запой, о поэт!.. Чтобы всем матерям...» (с. 212). Комментируемое произведение Некрасова было последним, напечатанным при его жизни.

МУЖ И ЖЕНА

(С. 210)

Печатается по Ст 1879, т. III, с. 401—402.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1878, № 3, с. 43—44, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова», без подписи, с датой: «9-го ноября 1877 г.» и опечаткой в ст. 3, исправленной в Ст 1879 по рукописи.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Набросок ст. 17—22 (вместе с наброском к стихотворению «Слезы и нервы» (1861) — «Скажи спасибо близорукой...» — см.: наст. изд., т. II, с. 292—293), с пометой: «Для песен» — ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 1.

К. И. Чуковский высказал предположение, что «это стихотворение, чуждое тематике „Последних песен“, было написано раньше и вошло в этот цикл случайно» (ПСС, т. II, с. 749).

СОН

(С. 211)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1878, № 2, с. 610, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова», с датой: «12 ноября 1877 г.».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

Стихотворение выражает мотивы, близкие к «Баюшки-баю», и связано с поэтической традицией русской литературы и творчества самого Некрасова (ср. признание поэта в поэме «Мороз, Красный нос» (1863): «Нет в мире той песни прелестней, Которую слышим во сне!»). Вместе с тем «Сон» отражает мучительное состояние поэта, тяжело переносившего вынужденное применение во время болезни наркотиков. «...гран опия,— писал он,— делает меня идиотом, не всегда давая сон» (ЛН, т. 49—50, с. 166).

«ТАК ЗАПОЙ, О ПОЭТ! ЧТОБЫ ВСЕМ МАТЕРЯМ...»

(С. 212)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано в статье В. Е. Евгеньева<-Максимова> «Предсмертные думы Н. А. Некрасова»: З, 1913, № 6, с. 37, с датой: «28 ноября».

В собрание сочинений впервые включено: в составе стихотворения «Великое чувство! у каждых дверей...» — Ст 1920; как самостоятельное стихотворение — ПСС, т. II.

Автограф не найден.

Является откликом на русско-турецкую войну 1877—1878 гг. 28 ноября 1877 г. русскими войсками была взята Плевна и захвачен в плен Осман-паша. Ср. стихотворение «Осень» (с. 209).

«ВЕЛИКОЕ ЧУВСТВО! У КАЖДЫХ ДВЕРЕЙ...»

(С. 213)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1878, № 4, с. 417, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

ПОДРАЖАНИЕ ШИЛЛЕРУ

(С. 214)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано в анонимной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова. (Библиографические заметки)»: ОЗ, 1879, № 1, отд. II, с. 63, с указанием, что стихотворение «взято из материалов, записанных Н. А. Некрасовым перед смертью». Второе стихотворение в этой публикации имеет нумерацию: «III», вероятно ошибочную.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

Оба стихотворения по жанру напоминают «Памятки» («Votivtafeln», 1796) Шиллера. Об отношении Некрасова к Шиллеру см. выше, с. 467—468, комментарий к стихотворению «Поэту (Памяти Шиллера)».

Афористические формулы этого стихотворения:

Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно;

...важен в поэме
Стиль, отвечающий теме —

стали крылатыми выражениями.

«СКОРО — ПРИМЕТЫ МОИ ХОРОШИ...»

(С. 215)

Печатается по копии ИРЛИ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1879, т. IV, с. 127.

Автограф не найден. Сохранилась копия — ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 40, л. 17 (в письме А. А. Буткевич к С. И. Пономареву от 5 июня 1878 г., где сказано: «Эти четыре строчки я недавно нашла в книге, на лоскутке, отрезанном от корректурного листа, сбоку карандашом написано рукою брата: *„для моей книги“*, следовательно, мы должны поместить их в тексте; отнесите к 1877 году» — ЛН, т. 53—54, с. 176).

БУКИНИСТ И БИБЛИОГРАФ

(С. 216)

Печатается по копии ИРЛИ.

Впервые опубликовано: НВ, 1878, 1 янв., № 662, без примечания к ст. 9 (примечание см.: Ст 1920), под рубрикой «Из записной книжки» (вместе со стихотворениями «К портрету ***» («Развенчан нами сей кумир...») и «Праздному юноше»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден. Сохранилась копия А. А. Буткевич с поправками Некрасова и его указанием: «Это под рубрику из „Записной книжки“. Подписи моей не надо. Некр<асов>» — ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 889.

Ай, Гумбольдт!..— Известны заметки Некрасова, по-видимому связанные с комментируемым отрывком:

«*Гумбольдт.* Так зовут бродячего книгопродавца, вроде букиниста, торгующего редкими, запрещенными и в последнее время *жжеными* книгами. Прозвище это выработалось и укрепилось за ним на толкучке.

Он знает всех библиографов и любителей редких книг. Что бы вам ни понадобилось, скажите ему — он достанет. <...>

Ему знакомы сторожа и писаря Цензурного комитета, лакеи издателей, собирателей редких книг, журналистов и литераторов, инспекторов типографий и т. п.» (ПСС, т. XII, с. 106; ср. также с. 107).

О Гумбольдте (его подлинное имя Семен Андреев) см.: *Свешников Н. И.* Книгопродавцы-апраксинцы.— ИВ, 1897, авг., с. 411—412; ср.: Памяти П. А. Ефремова. М., 1913, с. 13.

«УСТАЛ Я, УСТАЛ Я... МНЕ ВРЕМЯ УСНУТЬ...»

(С. 217)

Печатается по копии ИРЛИ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1879, т. IV, с. 127, в разделе «Из записной книжки», с опечаткой в ст. 1 (см. письмо С. И. Пономарева к М. М. Стасюлевичу от 28 февраля 1879 г. в кн.: Стасюлевич и его современники в их переписке, т. V. СПб., 1913, с. 83).

Автограф не найден. Сохранилась копия А. А. Буткевич в ее письме к С. И. Пономареву от 14 июля 1878 г.— ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 40, л. 18.

«О МУЗА! Я У ДВЕРИ ГРОБА!..»

(С. 218)

Печатается по тексту первой публикации, с восстановлением ст. 12.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1878, № 1, с. 310, с цензурной купюрой в ст. 12 («.....Музу...») и примечанием: «Это стихотворение, по свидетельству сестры покойного, А. А. Буткевич, было последним, которое он написал».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. III, с купюрой в ст. 12: «............иссеченную Музу». В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден. Ст. 12 восстановлен в публикации В. Е. Чешихина-Ветринского в изд.: День, 31 дек. Вариант ст. 12 по копии П. А. Ефремова — ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 407.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

ПЕСНЯ («ВСЮДУ С МУЗОЙ ПРОНИКАЮЩИЙ...»)

(С. 219)

Печатается по тексту первой публикации, с восстановлением фамилии Фуксов по копии.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1879, № 1, с. 64, без даты, с указанием от редакции, что стихотворение, «очевидно только набросанное вчерне, ждало окончательной обработки».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV, среди стихотворений 1876—1877 гг.

Автограф не найден. Сохранилась копия А. А. Буткевич с чернового автографа — ИРЛИ, ф. 203, № 45, л. 3. Другая копия, писанная рукой «близкого Некрасову лица», в 1913 г. была в распоряжении В. Е. Евгеньева<-Максимова> (З, 1913, № 6, с. 35); в настоящее время местонахождение ее неизвестно.

Стихотворение набросано, вероятно, после закрытия в 1866 г. «Современника». Публикация его в «Отечественных записках» вызвала недовольство Цензурного комитета, осудившего резкую характеристику («Я подлецам не потатчик»), данную поэтом «званиям сборщик, надсмотрщик, подрядчик, следственный пристав» (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 2, № 19, л. 52).

Фуксы — родитель и сын!.. — Виктор Яковлевич Фукс (1830—1891), с 1863 г. член Комиссии по пересмотру устава по книгопечатанию, а с 1865 г. член Совета Главного управления по делам печати. Уже в 1864 г. был заклеймен М. Е. Салтыковым-Щедриным в «Современнике» кличкой «поганый фуксенок» (С, 1864, № 3, с. 189). Об отношении Некрасова к нему см.: ПСС, т. XI, с. 262. Отец В. Я. Фукса — Я. И. Фукс (1800—1870) — мелкий чиновник, служил до 1861 г. в Москве, умер там же.

«ДАЙТЕ СРОК, ВСЮ ПРАВДУ ВАМ...»

(С. 220)

Печатается по автографу ИРЛИ.

Впервые опубликовано в статье А. М. Гаркави «Неизвестные строки Н. А. Некрасова»: Жанр и композиция литературного произведения. Межвузовский сборник. Вып. II. Калининград, 1976, с. 166.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф — ИРЛИ, ф. 134, оп. 1, № 37, л. 102.

Публикуя эти стихи, обнаруженные среди бумаг акад. А. Ф. Кони, А. М. Гаркави сопроводил их таким комментарием: «Это отдельное стихотворение. Несмотря на шутливый оттенок, оно обладает очень серьезным смыслом: Некрасов намекает на многочисленные упреки и наветы, которым он подвергался со стороны своих литературных врагов. Относится двустишие, очевидно, к 1860—1870-м гг., когда А. Ф. Кони был близок к Некра-

сову» (там же). Едва ли, однако, Некрасов намеревался рассказать врагам «всю правду» о себе. Не исключен более конкретный повод для написания двустишия. Например, принимая на себя редактирование «Отечественных записок» в 1868 г., Некрасов под давлением властей вынужден был отказаться от некоторых своих сотрудников и не мог им полностью раскрыть причины отказа (см. об этом: *Папковский Б., Макашин С.* Некрасов и литературная политика самодержавия.— ЛН, т. 49—50, с. 446—452).

ЧТО НОВОГО?

(С. 221)

Печатается по копии ИРЛИ.

Впервые опубликовано в статье В. Е. Евгеньева<-Максимова> «Предсмертные думы Н. А. Некрасова»: З, 1913, № 6, с. 32.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден. Сохранилась копия А. А. Буткевич — ИРЛИ, ф. 203, № 45.

К. И. Чуковский не без оснований относил это стихотворение ко времени «хождения в народ», т. е. к началу 1870-х гг., когда при содействии помещиков власти арестовывали «демагогов» — участников народнического движения (ПССт 1931, с. 589). О значении слова «демагог» в 1850—1870-х гг. см. выше, с. 431, комментарий к «Недавнему времени».

По поводу этого стихотворения Некрасов писал А. С. Суворину 1 мая 1876 г.: «...и вот еще стихи совсем неудобные».

Плутосократия (от имени греческого бога Плутоса), т. е. плутократия, власть богачей. Ироническое употребление этого слова см. у Н. К. Михайловского в статье «Из дневника и переписки Ивана Непомнящего» (ОЗ, 1874, № 9, отд. «Современное обозрение», с. 162).

ПРИМЕТЫ

(С. 222)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано в статье В. Е. Евгеньева<-Максимова> «Предсмертные думы Н. А. Некрасова»: З, 1913, № 6, с. 36—37.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден. Судя по первой публикации, ст. 1—4 имели две редакции (вторая приспособлена к цензурным условиям).

Является откликом на репрессии, аресты участников народнического, студенческого движения, возможно, на события, связанные с демонстрацией у Казанского собора 6 декабря 1876 г. (см. выше, с. 484, комментарий к стихотворению «Есть и Руси чем гордиться...»). Матери, родственники арестованных снимали квартиры «возле крепости».

К ПОРТРЕТУ ***

(«РАЗВЕНЧАН НАМИ СЕЙ КУМИР...»)

(С. 223)

Печатается по корректуре ИРЛИ.

Впервые опубликовано: НВ, 1878, 1 янв., № 622, под рубрикой «Из записной книжки» (вместе со стихотворениями «Букинист и библиограф (Отрывок)» и «Праздному юноше»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден. Корректура, правленная Некрасовым,— ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 3. В ИРЛИ (ф. 203, № 45) сохранилась копия А. А. Буткевич (письмо Некрасова Суворину от 1 мая 1876 г. и семь стихотворений, включая комментируемое).

Некрасов предполагал опубликовать «К портрету ***» в неосуществленном цикле 1877 г. (см. выше, с. 471—472, комментарий к стихотворению «О. А. Петрову»).

МОЛОДЫЕ ЛОШАДИ

(С. 224)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: НВ, 1876, 25 апр., № 55, без подписи и указания автора, в составе цикла «Из записной книжки».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

По поводу этого стихотворения А. С. Суворин писал С. И. Пономареву 28 июля 1878 г.: «...относится к последним годам, когда на Литейной конка прошла: он часто ездил, сидя наверху; вместо прогулки. Навеяно оно движениями революционеров наших» (ЦГАЛИ, ф. 402, оп. 1, № 309, л. 5). С. И. Пономарев воспроизвел бытовую часть этого комментария (Ст 1879, т. IV, с. CXXXIII). Политическое звучание стихотворения подчеркнул В. Е. Евгеньев-<Максимов>: «Образом молодых лошадей <...> поэт воспользовался, чтобы пристыдить старшее поколение, равнодушно созерцающее героическую борьбу молодежи...» (Евгеньев, с. 210).

ПРАЗДНОМУ ЮНОШЕ

(С. 225)

Печатается по корректуре ИРЛИ.

Впервые опубликовано: НВ, 1878, 1 янв., № 662, без ст. 10—12, изъятых по цензурным соображениям, с заглавием: «Праздному», под рубрикой «Из записной книжки» (вместе со стихотворениями «Букинист и библиограф (Отрывок)» и «К портрету ***» («Развен-

чан нами сей кумир...»)) (перепечатано (со ст. 10—12): З. 1913, № 6, с. 35, с тем же заглавием; ПСС, т. II, с полным заглавием).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV, без ст. 10—12, с заглавием: «Праздному» (перепечатано: Ст 1920, полностью, с тем же заглавием). В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден. Корректура, правленная Некрасовым,— ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 3.

Некрасов предполагал опубликовать стихотворение в неосуществленном цикле 1877 г. (см. выше, с. 471—472, комментарий к стихотворению «О. А. Петрову»).

«ТАК УМЕРЕТЬ? — ТЫ МНЕ СКАЗАЛА...»

(С. 226)

Печатается по ПСС, т. II, с. 538.

Впервые опубликовано: Былое, 1923, № 22, с. 36.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927 (перепечатано: ПСС, т. II).

Автограф, который находился в собрании К. И. Чуковского, не найден.

Относится, по-видимому, к последним годам жизни поэта.

«ЕСЛИ ТЫ КРАСОТЕ ПОКЛОНЯЕШЬСЯ...»

(С. 227)

Печатается по копии ИРЛИ.

Впервые опубликовано: ЛН, т. 49—50, с. 220—221.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. I.

Автограф не найден. Сохранилась копия А. А. Буткевич, сделанная, возможно, со слов Некрасова,— ИРЛИ, ф. 203, № 43, л. 4 об.

Отмечалась тематическая связь отрывка со стихотворением «Кому холодно, кому жарко!» (из цикла «О погоде») (ПССт 1967, т. III, с. 485). Однако написано, очевидно, в последние годы жизни поэта.

Погляди на коней на мосту...— Имеются в виду статуи работы П. К. Клодта на Аничковом мосту в Петербурге.

На колонне из белого мрамора...— покрытая инеем Александровская колонна, воздвигнутая на Дворцовой площади.

«ЗА ЖЕЛАНЬЕ СВОБОДЫ НАРОДУ...»

(С. 228)

Печатается по копии ИРЛИ.

Впервые опубликовано в статье В. Е. Евгеньева<-Максимова> «Н. А. Некрасов и реакция 60—70-х гг.» по копии А. А. Буткевич: З, 1913, № 2, с. 137.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден. Сохранилась копия А. А. Буткевич — ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 40, л. 18 об. (в письме к С. И. Пономареву от 14 июля 1878 г.).

Этот набросок был третьим в группе отрывков «Из записной книжки», присланных А. А. Буткевич С. И. Пономареву, и снабжен примечанием в скобках: «Конечно не для печати».

Относится, по-видимому, к последним годам жизни поэта.

ЕРШОВ-ЛЕКАРЬ

(С. 229)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1879, № 1, отд. II, с. 62—63, с указанием, что «заметка касается плана задуманной Н. А. Некрасовым поэмы о земском враче Ершове».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден.

Относится, по-видимому, к последним годам жизни поэта.

Задел, по неосторожности, надевая шубу в волостном правлении, за висевший в присутствии портрет, уронил его... — К. И. Чуковский по этому поводу писал: «...Ершов опрокинул портрет царя. Мне сообщил об этом Л. Ф. Пантелеев со слов М. Е. Салтыкова» (ПССт 1934—1937, т. II, кн. 2, с. 865).

DUBIA

1872

<ЭКСПРОМТ Н. П. АЛЕКСАНДРОВОЙ>

(С. 231)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано в воспоминаниях Н. П. Некрасовой: Некрасов. К 50-летию со дня смерти. Л., 1928, с. 18.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1931.

Автограф не найден.

Наталия Павловна Александрова — невеста, затем жена брата поэта Федора Алексеевича. Летом 1872 г. она гостила в Карабихе, где ее сестра служила гувернанткой детей овдовевшего Ф. А. Некрасова.

По свидетельству Н. П. Александровой, в день отъезда, 8 (?) августа 1872 г., Некрасов на вокзале произнес из окна вагона комментируемый экспромт. «Я не выдаю этих стихов,— пишет Н. П. Некрасова в своих воспоминаниях,— за точное произведение Н. А., но смысл их был таков. В моей личной жизни в то время происходили такие важные события, что я забыла записать его экспромт, а потом было уже поздно» (с. 18—19).

Несомненно черты благородные Русских женщин в душе твоей есть.— В июле 1872 г. Некрасов завершил работу над поэмой «Русские женщины», которую читал семье и гостям Некрасовых в Карабихе (там же, с. 17).

СТИХОТВОРЕНИЯ 1870-х ГГ., ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ НЕКРАСОВА ОШИБОЧНО ИЛИ БЕЗ ДОСТАТОЧНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

«ГОРЫ ДА ПОЛЯНЫ,— БЕДНАЯ ПРИРОДА...»

Впервые опубликовано: Правда, Одесса, 1878, № 2, с. 55, в качестве отрывка из ненапечатанного стихотворения Некрасова, в составе статьи «Некрасов как поэт», за подписью: «S. S.».

Включалось в Ст 1879, т. IV, с. 118, раздел стихотворений 1870-х гг. (в примечаниях говорилось, что точная дата написания стихотворения комментатору неизвестна — см. с. CXXXII—CXXXIII).

Вскоре в печати было указано, что это стихотворение М. П. Розенгейма, с неточностью в первой строке, надо: «Боры да поляны — бедная природа...» (Г, 1879, № 55). Тем не менее оно продолжало перепечатываться в качестве некрасовского (см., например: Николай Алексеевич Некрасов. СПб., 1885, с. 79—80; Некрасовский сборник. Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. Пгр., 1918, с. 232, библиография текстов Некрасова).

«СОЛНЫШКО СЕЛО. ТЮРЕМНОЙ РЕШЕТКИ...»

Впервые опубликовано: Красная газета, 1926, 24 июля, № 171 (перепечатано: Красная нива, 1926, 25 июля, № 30, с. 19, в составе «Воспоминаний о Н. А. Некрасове» Н. И. Попова). Публикация в «Красной ниве» была снабжена преамбулой: «Автор этих воспоминаний — Николай Иванович Попов, умерший осенью 1925 года в глубокой старости. После него осталось более тридцати тетрадей дневника. Настоящий очерк является наброском и приготовлен мною к печати по просьбе вдовы покойного. Борис Садовской».

Включалось, со ссылкой на газетную публикацию, в ПССт 1927, с. 439, где датировалось апрелем 1877 г. (перепечатывалось в стереотипных изданиях ПССт 1928 и ПССт 1930).

Авторство Некрасова было опровергнуто Н. С. Ашукиным, и из издания ПССт 1931 стихотворение было исключено.

Как установлено М. Д. Эльзоном, рукопись «Воспоминаний о Н. А. Некрасове», подписанная Н. И. Поповым, сохранилась в архиве П. Е. Щеголева (ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, № 172); здесь

стихотворение, истолкованное К. И. Чуковским как фрагмент из поэмы «Бродяга», имеет заглавие «Узник». В этом же фонде находится рукопись воспоминаний Н. И. Попова о С. М. Степняке-Кравчинском с приложением двенадцати стихотворений (см.: ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, № 173; Неделя, 1965, № 3, с. 6—7, где опубликован полный текст воспоминаний и пять стихотворений).

В действительности автором тех и других воспоминаний (и, соответственно, стихотворений) был поэт Б. Садовской: на обороте письма из издательства «Былое» (от 13 апреля 1925 г.), адресованного Н. И. Попову и содержавшего просьбу прислать для сверки автографы стихотворений Некрасова и С. М. Степняка-Кравчинского, приложенных к «воспоминаниям», Садовским была сделана запись: «моя мистификация» (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 2, № 16, л. 1 об.).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ [1]

БВ — «Биржевые ведомости».

ВЕ — «Вестник Европы».

ВЛ — «Вопросы литературы».

ВРП — «Вольная русская поэзия второй половины XIX века». Л., 1959.

Г — «Голос».

Гаркави — *Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов и революционное народничество. М., 1962.

Гаркави 1966 — *Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966.

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

Гин — *Гин М. М.* О своеобразии реализма Н. А. Некрасова. Петрозаводск, 1966.

Гин 1971 — *Гин М. М.* От факта к образу и сюжету. М., 1971.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

День — «День», 1913, 28 окт., № 292, 31 дек., № 354. Бесплатное приложение: «Литература, искусство, наука».

Евгеньев — *Евгеньев<-Максимов>В. Е.* Николай Алексеевич Некрасов. М., 1914.

З — «Заветы».

ИВ — «Исторический вестник».

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ИРЛИ б — Библиотека Института русской литературы. (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ЛГ — «Литературная газета».

ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив (областной).

---

[1] См. дополняющие этот перечень списки сокращений: наст. изд., т. I, с. 462—464, 709—711.

ЛГУ — Ленинградский государственный университет.

ЛН — «Литературное наследство».

Н — «Неделя».

НВ — «Новое время».

Некр. в восп.— Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971.

Некр. и его вр.— Некрасов и его время. Межвузовский сборник, вып. 1. Калининград, 1975.

Некр. по мат. ПД — Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома. Пг., 1922.

Некр. сб.— Некрасовский сборник. I—III. М.—Л., 1951, 1956, 1960; IV, V, VI, VII. Л., 1967, 1973, 1978, 1980.

ОД — «Общее дело».

ОЗ — «Отечественные записки».

О Некр.— О Некрасове, вып. 1—4. Ярославль, 1958, 1968, 1971, 1975.

ПП — Последние песни. Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1877.

ПП 1974 — Последние песни. М., 1974 («Литературные памятники»).

ПСС — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем, т. I—XII. М., 1948—1953.

ПССт 1927 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1927.

ПССт 1931 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1931.

ПССт 1934—1937 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений, т. I. М.—Л., 1934; т. II (кн. 1 и 2). М.—Л., 1937.

ПССт 1967 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений в 3-х т. Л., 1967 («Библиотека поэта». Большая сер. Изд. 2-е).

РБ — «Русское богатство».

Р. б-ка — Н. А. Некрасов. СПб., 1877 (сер. «Русская библиотека», VII).

РВ — «Русский вестник».

РЛ — «Русская литература».

РМ — «Русский мир».

РС — «Русская старина».

РСл — «Русское слово».

С — «Современник».

САС — «Столетие С.Петербургского Английского собрания». СПб., 1870.

Собр. соч. 1965—1967 — *Некрасов Н. А.* Собр. соч. в 8-ми т. М., 1965—1967.

СПбВ — «С.-Петербургские ведомости».

Ст 1856 — Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

Ст 1869 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 5-е; ч. 3 [Изд. 2-е]; ч. 4 [Изд. 1-е]. СПб., 1869.

Ст 1873, ч. 5 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 5. Изд. 5-е. СПб., 1873.

Ст 1873, т. I—III, ч. 1—5 — Стихотворения Н. Некрасова, т. I, ч. 1—2; т. II, ч. 3—4; т. III, ч. 5. Изд. 6-е. СПб., 1873.

Ст 1874 — Стихотворения Н. Некрасова, т. III, ч. 6. СПб., 1874.

Ст 1879 — Стихотворения Н. А. Некрасова, т. I—IV. Посмертное изд. СПб., 1879.

Ст 1920 — Стихотворения Н. А. Некрасова. Изд. испр. и доп. Пгр., 1920.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

СОДЕРЖАНИЕ

1866—1867	Текст	Другие редакции	Комментарии
Сцены из лирической комедии «Медвежья охота»	5	235	390
Песня о труде *(Из «Медвежьей охоты»)*	23		399
Песня *(Из «Медвежьей охоты»)*	25		399
Человек сороковых годов	27		400
Перед зеркалом	28	293	401
1867			
Суд (Современная повесть)	29	293	402
«Умру я скоро. Жалкое наследство...»	40		406
Еще тройка	42	297	409
«Зачем меня на части рвете...»	44	298	410
Притча о «Киселе»	46	298	411
Выбор	52	301	412
Эй, Иван! *(Тип недавнего прошлого)*	55	303	413
С работы	59	305	414
<Эпитафия> («Зимой играл в картишки...»)	60		415
1868			
«Не рыдай так безумно над ним...»	61	305	415
Мать («Она была исполнена печали...»)	62		416
Дома — лучше!	63		417
«Душно! без счастья и воли...»	64	305	417
«Наконец не горит уже лес...»	65		419
1870			
Притча	66	306	420

	Текст	Другие редакции	Комментарии
1870—1871			
«Сыны „народного бича“...»	72	309	422
1871			
Недавнее время *(А. Н. Ер<ако>ву)*	73	309	423
1872			
Кузнец *(Памяти Н. А. Милютина)*	93	323	433
Бунт *(Живая картина)*	94		434
1867—1873			
Стихотворения, посвященные русским детям			436
I. Дядюшка Яков	95	323	437
II. Пчелы	99	325	438
III. Генерал Топтыгин	101	326	438
<IV>. Дедушка Мазай и зайцы	105	327	439
<V>. Соловьи	110	330	440
<VI>. Накануне светлого праздника	113		441
1872—1873			
Утро	117		443
1873			
Детство *(Неоконченные записки)*	119	331	443
Е. О. Лихачевой. Экспромт («Уезжая в страну равноправную...»)	123		444
1872—1874			
Страшный год *(1870)*	124	335	445
«Смолкли честные, доблестно павшие...»	126	336	446
1874			
Над чем мы смеемся...	127	336	448
Три элегии *(А. Н. Плещееву)*	128	338	449
<П. А. Ефремову> («Взглянув чрез много, много лет...»)	131	340	451
Уныние	132	340	452
Путешественник	138	350	454
Отъезжающему	140	351	455

	Текст	Другие редакции	Комментарии
Горе старого Наума (Волжская быль)	141	351	457
Элегия *(А. Н. Е<рако>ву)*	151	359	459
«Хотите знать, что я читал? Есть ода...»	153		461
Пророк	154	361	461
Ночлеги			464
I. На постоялом дворе	155	361	
II. На погорелом месте	159	365	
III. У Трофима	162	368	
На покосе *(Из «Записной книжки»)*	165	369	466
Поэту *(Памяти Шиллера)*	166	369	467
Литературная травля, или «Не в свои сани не садись»	167		468
1875			
М. Е. С<алтыко>ву *(При отъезде его за границу)*	169		469
<Экспромт на лекции И. И. Кауфмана> («В стране, где нет ни злата ни серебра...»)	170	372	470
О. А. Петрову *(В день 50-летнего юбилея)*	171	372	471
1876			
Автору «Анны Карениной» *(Из «Записной книжки»)*	172	372	472
Как празднуют трусу	173	373	473
К портрету ** («Твои права на славу очень хрупки...»)	174		473
Зине («Ты еще на жизнь имеешь право...»)	175		474
«Скоро стану добычею тленья...»	176	373	474
«Угомонись, моя Муза задорная...»	177		475
З<и>не («Двести уж дней...»)	179		476
Сеятелям	180		477
Молебен	181		477
Друзьям	182	374	478
Музе	183		478
Вступление к песням 1876—77 годов	184	375	478
— ну («Человек лишь в одиночку...»)	186	376	480
«Не за Якова Ростовцева...»	187		480
«Ни стыда, ни состраданья...»	188		480
1861—1877			
Т<ургене>ву	189	376	481

	Текст	Другие редакции	Комментарии
1877			
Сказка о добром царе, злом воеводе и бедном крестьянине	191		482
Отрывок («...Я сбросила мертвящие оковы...»)	193	377	482
Старость	194	377	483
Приговор	195	378	483
«Дни идут... всё так же воздух душен...»	196	378	483
«Есть и Руси чем гордиться...»	197	378	484
«Зазевайся, впрочем, шляпу...»	198		484
Посвящение («Вам, мой труд ценившим и любившим...»)	199	379	485
Горящие письма	200	379	486
З<и>не («Пододвинь перо, бумагу, книги!..»)	201	380	486
Поэту («Любовь и Труд — под грудами развалин!..»)	202	381	487
Баюшки-баю	203	381	487
<Из поэмы «Без роду, без племени»> («Имени и роду...»)	205		489
«Черный день! Как нищий просит хлеба...»	206		491
«Он не был злобен и коварен...»	207		491
Ты не забыта...	208		492
Осень	209		492
Муж и жена	210	383	492
Сон	211		493
«Так запой, о поэт! Чтобы всем матерям...»	212		493
«Великое чувство! у каждых дверей...»	213		493
Подражание Шиллеру	214		494
I. Сущность	214		
II. Форма	214		
«Скоро — приметы мои хороши...»	215		494
Букинист и библиограф (Отрывок)	216		494
«Устал я, устал я... мне время уснуть...»	217		495
«О Муза! я у двери гроба!..»	218	383	495
Стихотворения неизвестных годов			
Песня («Всюду с Музой проникающий...»)	219	383	496
«Дайте срок, всю правду вам...»	220		496
Что нового?	221		497

	Текст	Другие редакции	Комментарии
Приметы	222	383	497
К портрету *** («Развенчан нами сей кумир...»)	223		498
Молодые лошади *(Вчерашняя сцена)*	224		498
Праздному юноше	225		498
«Так умереть? — ты мне сказала...»	226		499
«Если ты красоте поклоняешься...»	227		499
«За желанье свободы народу...»	228		500
Ершов-лекарь	229		500

Dubia

1872

<Экспромт Н. П. Александровой>	231		500

Другие редакции и варианты . . . 233

Комментарии . . . 385

Стихотворения 1870-х гг., включавшиеся в собрания сочинений Некрасова ошибочно или без достаточной аргументации . . . 502

Условные сокращения, принятые в настоящем томе . . . 504

Подготовка текстов и комментарии

О. Б. АЛЕКСЕЕВА, И. А. БИТЮГОВА, М. М. ГИН,
Г. В. КРАСНОВ, О. В. ЛОМАН, Б. В. МЕЛЬГУНОВ,
Н. Н. СКАТОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА, М. Д. ЭЛЬЗОН

Редактор тома

М. М. ГИН

Контрольный рецензент тома

В. А. СМИРНОВ

Николай Алексеевич Некрасов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Том 3

Стихотворения 1866—1877 гг.

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства *Т. А. Лапицкая*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *О. И. Буркова, Н. З. Петрова* и *Т. Г. Эдельман*

Сдано в набор 02.07.81. Подписано к печати 27.01.82. Формат 84×108 1/32. **Бумага** № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Печ. л. 16+ +1 вкл. (1/16 печ. л.) = 26.99 усл. печ. л. Уч.-изд л. 24.94. Тираж 300 000. (1-й завод 1—150 000). Изд. № 7943. Тип. зак. № 287. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Киевская книжная фабрика. 252054, Киев, ул. Воровского, 24